

УФИМСКАЯ СИРЕНЬ
(Уфа в художественной и мемуарной
литературе)

СУДЬБЫ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Сборник воспоминаний

Уфа 2024 г.

УДК 94(470=112.2)''19/...''
ББК 63(2Рос=432.42)6
С 89

Судьбы российских немцев [Текст] : сборник воспоминаний / Владимир Сергеевич Агте, Татьяна Васильевна Романко, Элли Густавовна Фуст, Герман Давыдович Арнгольд, Ида Арнольдовна Сухова, Гарри Альбертович Уберт, Валентин Рудольфович Гернер ; вступ. статья В.С. Агте; ред.-сост.: П.И. Фёдоров, Ф.Н. Хазипова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2024. – 396 с. : фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 12).

Настоящее издание включает в себя воспоминания российских немцев, проживающих в Уфе, о жизни их предков в дореволюционной России, о трагических судьбах их семей в суровом XX веке, об их вкладе в российскую экономику и культуру и их постепенном вращении в многонациональную общность народов России.

Редколлегия серии: Г.О. Иванова, В.Н. Макарова, С.В. Мотин, И.О. Прокофьева, С.Н. Сабирова, Я.С. Свице, О.С. Тарасенко, П.И. Фёдоров, Ф.Н. Хазипова, А.Л. Чечуха, С.Р. Чураева

На 1-й странице обложки – фото Евангелическо-Лютеранской церкви в Уфе, на улице Беякова.

Вместе по дороге истории

Россия и Германия. Две крупнейшие страны на европейском континенте. Наверное, нет ни одного жителя нашей страны, который бы не знал о Германии, и нет ни одного немца, который бы не слышал о России. Но вся беда в том, что наше знание друг о друге страдает крайней однобокостью, ибо в XX веке не было, наверное, двух более непримиримых врагов, чем эти две страны. Первая, а особенно Вторая мировая война на многие десятилетия возвели между русским и немецким народами такую глухую стену, за которой просто не стало видно того доброго, что веками соединяло оба народа. Но время разрушает любые самые прочные стены и одновременно врачует даже самые израненные души. Нельзя жить, помня только зло и горе, причинённые друг другу, и хотя совсем забыть это тоже не удастся, но надо помнить и то хорошее, что было накоплено за века в отношениях двух стран – Германии и России.

«Дела давно минувших дней...»

Сейчас даже учёные-историки не в состоянии сказать точно, когда славянские и германские племена впервые встретились на исторической арене. Возможно даже, что сам вопрос задан некорректно, ибо история и тех и других восходит к древней индоевропейской общности, то есть, выражаясь проще, некогда предки славян и германцев были одним народом. Но уж очень давно это было. Шло время, и хотя родство становилось всё более дальним, два народа по-прежнему жили бок о бок. Причём сейчас даже трудно сказать, кто именно тогда где жил: под русским городом Липецком недавно найдено захоронение воина из древнегерманского племени готов, а немецкий город Лейпциг был когда-то славянским Липецком (точнее Липском от слова «липа», что не меняет смысла названия)! В общем, перефразируя классика, всё смешалось в некогда общем славянско-германском доме.

Известно, что в любом даже самом благополучном семействе не обходится без проблем и конфликтов: старики уходят, моло-

дѣжь же, забывая общность происхождения и заветы отцов и дедов жить в дружбе и мире, часто втягивается в распри между собой за делѣжь наследства предков и за лидерство в роду. Так случилось и здесь: постепенно славяне и германцы превратились сначала в соперников в борьбе за лидерство в Восточной Европе, а затем и во врагов.

Не знаю, что об этом говорится в немецких школьных учебниках, а в России каждый школьник знает о Ледовом побоище, когда новгородский князь Александр Невский на льду Чудского озера наголову разгромил рыцарей Тевтонского (немецкого) ордена, наступавших с территории нынешней Эстонии на земли Новгорода. Были и другие подобные, хотя и менее известные сражения – что было, то было. Но было и другое: тот же Новгород, а позднее и Псков, будучи по сути купеческими республиками, являлись солидными торговыми партнёрами союза северогерманских городов, расположенных по побережью Балтийского и Северного морей, – знаменитой Ганзы. Политическим центром этого союза был Любек (до 1138 года бывший славянским поселением Любечем), а в Новгороде наряду с Лондоном, Венецией, Брюгге, Бергеном и некоторыми другими городами была контора Ганзы. Что ж, война войной, а коммерция коммерцией, и не ясно, то ли мирная торговля прерывалась стычками, то ли наоборот она прекращала войны.

Но не только торговля связывала русские и немецкие земли. Русские князья не считали зазорным приглашать из Европы архитекторов и строителей для возведения своих дворцов, фортификационных сооружений и православных храмов. О византийских и итальянских мастерах мы знаем, а вот о немецких? Так очень солидный российский исторический журнал «Родина» (№8, 2007. С. 40) пишет следующее: «... некоторые православные соборы домонгольского времени, считающиеся шедеврами древнерусской архитектуры, были созданы германскими мастерами, но в учебниках об этом писать не принято».

А территория Прибалтики (нынешних Латвии и Эстонии), вошедшая в историю под именем Ливонии и завоёванная в начале XIII века немецкими рыцарями, объединившимися сначала в орден меченосцев, а затем в Ливонский орден (точнее отделение ба-

зировавшегося в Восточной Пруссии Тевтонского ордена), и под защитой этих орденов колонизированная выходцами из различных немецких земель, станет со временем главными воротами для общения русских с немцами.

Первую попытку распахнуть эти ворота настежь осуществил во второй половине XVI века во время Ливонской войны русский царь Иван Грозный. Тогда закрепиться в Прибалтике России не удалось, но часть ливонских немцев, попавших в плен, осталась жить в России навсегда.

Немецкий век

Как известно, русский царь Пётр I ещё в юности познакомился с немцами, немецкими обычаями и культурой, овладел немецким языком, часто бывая в Немецкой слободе – колонии немецких купцов и ремесленников в Москве. Да и первой, хоть и неудачной любовью царя была девушка из Немецкой слободы – Анна Монс. И именно с царствования Петра I начинается период в отношениях русского и немецкого народов, который можно назвать немецким веком (хотя фактически он продолжался целых двести лет – до 1914 года) в истории России.

Царь Пётр I, ставший впоследствии императором созданной им Российской империи, кроме прочих мер, направленных на ускорение развития нашей страны, принял решительные меры по привлечению в Россию из европейских стран специалистов в разных отраслях: военных, учёных, инженеров. Это было, как сказали бы сейчас, привлечение «мозгов» (вместо нынешней утечки «мозгов» из России за рубеж). Привлечённые условиями, о которых не приходилось даже мечтать в раздробленной на мелкие королевства и княжества Германии, потянулись в Россию и немецкие специалисты. Кто-то, прослужив некоторое время, вернулся к себе домой, а кто-то остался и дал начало роду, который со временем обрусел, хоть и носил, а то и носит до сих пор немецкую фамилию.

А после победы Петра I над Швецией в Северной войне территория древней Ливонии закрепилась за Россией, которая приобрела, можно сказать, кусочек Германии, так как почти все города

здесь были основаны и построены немцами, городское население (деревенское состояло из латышей и эстонцев) состояло из потомков немецких переселенцев, а знать вела свои родословные от тевтонских рыцарей. В России же немецких обитателей Ливонии стали именовать остзейскими немцами, и с этим именем они проживут в составе империи двести лет, аж до 1917 года.

В 1761 году на русский трон под именем императора Петра III вошёл сын гольштейн-готторпского (ныне земля Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ) герцога Карла Фридриха и дочери российского императора Петра I Анны Петровны. Хотя, царствовал Петр III недолго и был свергнут в результате дворцового переворота своей женой Екатериной, но вполне обосновано мнение некоторых историков и генеалогов о том, что с Петра III династию Романовых скорее следует считать немецкой династией Гольштейн-Готторпов.

Сменившая Петра III на троне его жена – урождённая София Фредерика Августа принцесса Анхальт-Цербстская, коронованная на русском троне под именем Екатерины II и вошедшая в русскую историю под именем Екатерины Великой, – продолжила дело Петра I по привлечению в Россию не только «мозгов», но и рабочих «рук» из стран Европы, и своими указами от 4 декабря 1762 года и 22 июля 1763 года пригласила немецких колонистов селиться на свободных землях Поволжья, причём семья каждого переселенца получала 30 десятин земли, освобождалась от рекрутской повинности, получала на 10 лет право беспошлинной торговли, беспроцентную ссуду на 10 лет и освобождение от всех налогов. Тысячи людей из разных германских стран двинулись в Россию, в неизвестность, но через сто лет, к 1864 году в Поволжье было уже 190 немецких колоний, занимавших 1461214 десятин земли («Родина». № 2, 2002, С.138).

С начала XIX века в России уже повсюду можно было встретить этнических немцев, и немецкие фамилии: в императорской семье, многие мужчины которой да и сами русские императоры женились на немецких принцессах, а великие княжны сочетались браками с представителями германских владетельных домов; в государственных и учебных заведениях, в армии и на флоте, среди

врачей и купцов, художников и писателей... Вклад этих людей в развитие России был огромен.

Все имена невозможно перечислить, но достаточно назвать лишь некоторые, чтобы убедиться в этом: писатель Денис Иванович Фонвизин, считавший себя полностью русским и стеснявшийся, когда его фамилию писали фон-Визин; лицейский друг А.С. Пушкина декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер; художник Карл Павлович Брюллов; врач Фридрих Иосиф Гааз, которого за доброту, самопожертвование и благотворительность прозвали «святым доктором»; основательница «Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых и больных» – прообраза русского общества Красного креста, основательница Русского музыкального общества и первой в России консерватории великая княгиня Елена Павловна, а до замужества – Вюртембергская принцесса Фредерика Шарлотта Мария; основатель Пулковской обсерватории Василий Яковлевич Струве; основоположник эмбриологии как науки Карл Максимович Бэр; путешественник и географ Александр Фёдорович Миддендорф, следствием отчёта которого о своём путешествии по Сибири и Дальнему Востоку стало создание Русского географического общества; другие учредители этого общества – известные мореплаватели Иван Фёдорович Крузенштерн и Фёдор Петрович Литке; руководитель экспедиции, открывшей Антарктиду, Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен; мореплаватель Отто Евстафьевич Коцебу и участник его кругосветной экспедиции физик Эмилий Христианович Ленц, экспериментально обосновавший известный теперь любому школьнику закон (закон Джоуля – Ленца); создатель первого судна с электродвигателем и первого буквопечатающего телеграфного аппарата Борис Семёнович (Мориц Герман) Якоби; герой обороны Севастополя во время Крымской войны инженер-генерал Эдуард Иванович Тотлебен и многие многие другие. Если взять в руки список генералов русской армии, участвовавших в войне с Наполеоном в 1812 – 1814 годах, то мы найдём в нём десятки немецких фамилий. Портреты этих людей можно увидеть в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. А сколько было с такими фамилиями не генералов, а простых офицеров...

Уже приведенные имена свидетельствуют о том, какое место в русском обществе занимали люди с немецкими корнями. И хотя, порой, это вызывало раздражение этого самого общества и разговоры о немецком засилье, но в целом это время можно назвать «золотым веком» русско-немецких отношений.

Особо надо сказать о немцах, оставивших добрый след в истории Урала и конкретно Башкортостана. Множество немецких горных инженеров и учёных внесли огромный вклад в развитие нашего края, становления уральской промышленности.

В историю Уфы вписаны имена гражданских губернаторов Оренбургской губернии Карла Рейнгольда фон Глазенапа (1800-1802) и Иоганна Фридриха Фризеля (1806-1809), губернского архитектора (1882-1885) Эрнста Эрнстовича фон Шульмана, декабриста Александра Карла фон Фока, жившего в Уфе некоторое время, двух уфимских градоначальников (городских голов) Николая Эдуардовича Эверсмана (1874) и Генриха Егоровича Дица (1909). Нужно обязательно отметить Николая Николаевича Фосса – уфимского ветеринарного врача и чиновника, но, главное, пионера цветной фотографии в Уфе. Наряду с гораздо более известным Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским Фосс оставил после себя цветные снимки Уфы начала XX века!

К сожалению, здесь не перечислишь всех людей с немецкими фамилиями – их много, трудившимися на благо нашего города и оставивших заметный след в его истории.

Но ничто не бывает вечно, 1 августа 1914 года кончился «золотой век» русских немцев и беда обрушилась на них: Россия и Германия вступили в войну друг против друга – Первую мировую войну. Вскоре неудачи русских войск на фронте породили версию о предательстве русских немцев. В «предатели» мог попасть любой носивший немецкую фамилию, имевший немецкое происхождение, либо имевший контакты с немцами. Причём никого не смущало, что ярлык «предателя» клеился то на этническую немку императрицу Александру Фёдоровну, ныне причисленную православной церковью к лику святых, то на ничего не имевшего с ней общего лидера большевиков Владимира Ульянова-Ленина. Просто, когда нужно было кого-то представить как врага, клеился ярлык – немецкий шпион.

Быть немцем в России стало не просто неудобно, но опасно: в мае 1915 года по Москве прошёл немецкий погром, в результате которого был нанесён не только большой материальный ущерб предприятиям и магазинам, принадлежавшим лицам с немецкими или похожими на немецкие фамилии, но были и бессмысленные человеческие жертвы. И если на фронте имели случаи братания русских и немецких солдат, то в тылу сознательно разжигалась антинемецкая истерия.

В 1918-1919 годах под давлением местных националистов начали покидать вновь образовавшиеся после распада Российской империи Прибалтийские государства, Латвию и Эстонию (земли бывшей Ливонии), остзейские немцы, чьи предки прожили здесь более семисот лет.

Но окончательный удар по русским немцам был нанесён 22 июня 1941 года – в день нападения нацистской Германии на СССР, когда стали синонимами понятия немец, фашист и смертельный враг. Со всеми вытекающими для этого врага последствиями... В одночасье многовековые добрые отношения русских и немцев ушли в прошлое и, казалось, что навсегда.

Но, наверное, не зря на перстне великого мудреца царя Соломона было написано: «И это пройдёт». Прошло и это. Уходит всё дальше в прошлое.

Но сейчас в отношениях двух народов вновь наступили не лучшие времена. Надеюсь, что и они пройдут.

Накануне наступления XXI века и третьего тысячелетия в России появилась на свет биографическая энциклопедия «Немцы России». И хотя в ней имеются ошибки и неточности, тем не менее, огромный труд целого коллектива энтузиастов не пропал даром: первая ласточка, вещающая о восстановлении памяти о людях, носивших немецкие фамилии, но верой и правдой служивших России, взлетела.

Ещё одной такой ласточкой является эта книга воспоминаний жителей Уфы, имеющих немецкие корни, рассказывающая о судьбах наших земляков, об их вкладе в историю нашего города.

Впрочем, точку в истории отношений двух народов эта книга тоже не поставит, ибо в живой книге истории вообще нет точек, а лишь запятые. И знание не только ярких глянцевого картинок, но и

самых чёрных, хоть и уже перевёрнутых страниц, в этой бесконечной книге позволит людям избежать многих бед в будущем. Что принесёт будущее народам Германии, России, русским немцам да и всем остальным, зависит от нас и наших потомков, от того, как мы сумеем понять и осмыслить дела и не повторить ошибки наших предков. Бог даст, осмыслим и не повторим...

Владимир Азте

ВОСПОМИНАНИЯ

Владимир АГТЕ

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ПЯТЬСОТ ЛЕТ

Если посмотреть на карту Германии, то на юге недалеко от границы с Австрией мы найдём старинный город Веймар – романтический город Гёте и Шиллера. По соседству от него располагаются небольшие, но тоже старинные города Эрфурт и Йена; последний знаменит своим предприятием «Карл Цейс», производящим первоклассные оптические приборы. Если же взять более подробную карту, то неподалёку от Веймара можно найти небольшой населённый пункт, то ли городок, то ли деревню с труднопроизносимым на русском языке названием Гроссобринген. Этой деревеньке, а может быть теперь уже и городку более пяти веков, и пятьсот лет назад здесь началась история, о которой будет мой рассказ – история моей фамилии и моих предков.

НАЧАЛО ПУТИ

Итак, здесь, в самом сердце Германии на границе двух её исторических областей, Тюрингии и Саксонии, в начале 16-го века уже существовала деревушка Гроссобринген, в которой жил молодой крестьянин Мартин, имевший то ли фамилию, то ли, как принято в Европейских странах, второе имя Сигизмунд.

То время было в Европе, а особенно в Германии очень неспокойным. В 1517 году католический священник Мартин Лютер выступил против всемогущей католической церкви, требуя её реформы. Последователей Лютера стали называть лютеранами. Начинаясь реформация, положившая начало длившимся более ста лет и унесшим сотни тысяч жизней религиозным войнам в Европе. Уже в 1524-1525 году Тюрингия и Саксония стали центром возглавленного Томасом Мюнцером крупнейшего антифеодального крестьянского восстания, переросшего в настоящую крестьянскую войну, но жестоко подавленного феодалами.

Трудно сказать, по какой причине Мартин Сигизмунд умер в молодом возрасте в 1528 году, оставив после себя жену Агату и малолетнего сына Ганса. И сейчас для большинства женщин не-

просто вырастить и воспитать сына, оставшись вдовой, а уж в те суровые времена и подавно, но, видно, сильна была духом крестьянка Агата. Сына же её стали в деревне звать не по имени отца, как обычно, а по имени матери – Агатиным сыном, что на немецком выглядело как Агате. Деревенское прозвище закрепилось, превратившись со временем в фамилию и трансформировавшись за века в Агте, Акте, Ахте, Ахт... Так и сохранила наша фамилия имя простой, но мужественной и стойкой женщины, жившей пятьсот лет назад и передавшей большинству своих многочисленных потомков, разбросанных ныне по всему свету, твёрдость и упорство своего характера, позволив им пройти полную трудностей и испытаний дорогу длиною в пятьсот лет.

Такова история появления нашей фамилии.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Через сто лет потомки Агаты уже жили в разных немецких городах, став добропорядочными бюргерами: кто был служкой в церкви, а кто имел какое-нибудь солидное ремесло. И вот, однажды между ними произошла размолвка: некоторые захотели вернуть себе фамилию Мартина Сигизмунда. В Магдебурге состоялся суд, который выиграл бывший скорняком Захариас Агте, доказавший суду, что смена фамилии принесёт ему большие убытки: надо полагать, что он имел отличную репутацию как мастер своего дела. Таким образом, слава «торговой марки» мастера-скорняка Захариаса Агте сберегла нашу фамилию, чем наш род и обязан ему.

В 17-ом веке в нашем роду наметилось одно качество: многие из Агте имели музыкальные способности и стали музыкантами, играя на органах в различных лютеранских (Все Агте стали лютеранами) храмах. Органистом и церковным учителем в небольшом городе Хеттштедте, что неподалёку от известного старинного города Галле, был Андреас Агте, имевший двух сыновей, Карла Фридриха и Иоганна Андреаса (1733-1806), пошедших по стопам отца, который учил их музыке и искусству игры на органе. Сыновья, видимо, имели неплохие музыкальные данные, и есть даже упоминание, что Иоганн Андреас пел в церковном хоре

мальчиков в храме святого Фомы в Лейпциге, в хоре, которым тогда руководил знаменитый Иоган Себастьян Бах.

Неясно, что заставило двух молодых людей, Карла Фридриха и Иоганна Андреаса, искать счастья в далёкой и загадочной для большинства европейцев России, куда они приехали в середине 18-го века, обосновавшись в её прибалтийских губерниях – Лифляндии и Эстляндии, как тогда именовались нынешние независимые Латвия и Эстония. Карл Фридрих стал играть на органе в одном из соборов Ревеля, как тогда назывался Таллин, а Иоганн Андреас поселился в городке Аренсбурге – столице острова Эзель, самого крупного из Моонзундских островов на Балтийском море. Ныне этот остров называется по эстонски Саарема, и принадлежит Эстонии.

Здесь надо пояснить, почему из всех уголков огромной Российской империи приехавшие из Германии братья выбрали Прибалтику. Дело в том, что ещё с конца 12-го века эти территории стали завоёвываться немецкими рыцарями, объединившимися сначала в орден Меченосцев, а затем в Ливонский орден, и под защитой этих орденов колонизироваться выходцами из различных немецких земель. Потом здесь властвовали и поляки, и датчане, и шведы, а после разгрома Швеции Петром I в Северной войне эта часть Прибалтики вошла в состав России, сохранив многие свои особенности. По сути, это был уголок Германии, где всё напоминало о ней: обычаи, порядки, архитектура, немецкое население городов (латыши и эстонцы жили в деревнях и были крепостными немецких баронов – потомков средневековых рыцарей). Выходцам из Германии было легко жить в таких условиях.

Итак, Иоганн Андреас начал жизнь на новой Родине, став органистом в одной из церквей Аренсбурга. Вскоре, однако, он перешёл на государственную службу, прослужив чиновником около полувека. Он дослужился до чина коллежского асессора, что давало право на пожалование потомственного дворянства Российской империи, и получил его для себя и своих потомков вместе с дворянским гербом на закате своих дней в 1803 году указом императора Александра I. Так началась история российского дворянского рода Агте.

Но не только этим был примечателен Иоганн Андреас, ставший к этому времени именоваться уже на русский лад то Иваном Андреевичем, то, учитывая его двойное немецкое имя, Андреем Андреевичем. Андрей Андреевич Агте был трижды женат и имел 17 детей, некоторые из которых, правда, умерли в младенчестве. Он не был богат, да и не мог быть при такой семье. Дочери поскорее выдавались замуж, а сыновья с юности отправлялись из дома на казённое обеспечение: кто служить в армию, кто «грызть гранит науки». Не имея возможности оставить своим детям весомое материальное наследство, он, что гораздо важнее, оставил им наследство духовное: трудолюбие, упорство, стойкость и мужество, что позволило детям мелкого чиновника из провинции огромной империи сделать прекрасную по тем временам карьеру, а главное – стать личностями.

О некоторых детях из этой большой семьи и их потомках мой дальнейший рассказ, который я начну, однако, не со старшего сына, хоть он и мой прямой предок.

ПОРТРЕТ В ВОЕННОЙ ГАЛЕРЕЕ

*«Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!»
Денис Давыдов*

Егор Андреевич Агте (при рождении он получил имя Адам Георг) родился в 1777 году. Хотя можно встретить и другую дату, 1772 год, но первая представляется наиболее верной. Он был двенадцатым ребёнком в той большой семье. Согласно его послужному списку (Личному делу), опубликованному в изданной в 1912 году к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года книге «Военная галерея Зимнего дворца», начал он свою службу в 1792-ом году, поступив пятнадцатилетним юношей в лейб-гвардии Конный полк с чином ефрейт-капрала. В 1796 году его переводят прапорщиком в Малороссийский гренадерский полк, с которым он пройдёт нелёгкий боевой путь вплоть до Бородина. Надо отметить, что Малороссийский гренадерский полк имел богатую и славную историю. Он был создан в середине 18-го века незадолго

до начала Семилетней войны, в которой сразу же отличился, приняв участие во взятии Берлина, за что был награждён серебряными трубами. В русско-турецкой войне 1769-1774 годов он участвовал в сражениях при Хотине, Ларге и Кагуле. Затем, будучи переименованным на время в Фанагорийский, во время русско-турецкой войны 1787-1791 годов участвовал в штурме Очакова, осаде Измаила, взятии Бендер и Мачина. Можно предположить, что столь славная история полка и общение с его ветеранами сыграли не последнюю роль в воспитании молодого офицера Егора Агте. В 1803 году он уже майор и в этом звании получает боевое крещение.

1805 год. Наполеон Бонапарт стремится подчинить себе всю Европу. Россия направляет свои войска под командованием Кутузова в Баварию на помощь сражающейся против французов союзной австрийской армии. Но австрийцы уже разбиты, и небольшая русская армия оказывается вдали от Родины один на один с мощной армией Наполеона. Кутузов решает отступить для соединения с идущей ему на помощь из России армией генерала Буксгевдена. Это тяжёлое отступление описано Л.Н. Толстым в «Войне и мире», и рядом с героями великой книги прошёл трудный путь майор Малороссийского гренадерского полка Егор Агте. В его послужном списке арьергардное сражение при Амштетене и известное сражение у Дуная при Кремсе, где были разбиты крупные силы французов. Наконец, трагическое для русской армии генеральное сражение при Аустерлице. В итоге «...за все эти сражения, за храбрость пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст.».

В 1806 году началась очередная война России с Турцией. Егор Андреевич участвует в ней. В его послужном списке появляются памятные с суворовских времён названия мест: Измаил, Туртукай, Руцук... В 1808 году его производят в подполковники, он награждён двумя орденами Св. Анны 2-й степени, один из которых украшен алмазами. 26 августа 1810 года молодой главнокомандующий русской армией Каменский дал туркам сражение при местечке Батин. В этом сражении Егор Агте со своим подразделением «...разбил турецкие укрепления и взял их...», захватив при этом 5 турецких знамён и 56 пленных, «...за что пожалован орденом Св. Георгия 4 кл.». И опять в послужном списке мелька-

ют знакомые из истории названия: Ловча, Плевна, снова Рушук. При штурме последнего – ранение картечью в левый бок.

Наступил 1812 год. Малороссийский гренадерский полк входит в состав 2-й армии Багратиона. Опять отступление, тяжёлые бои под Смоленском. Наконец – Бородино. Об участии командира Малороссийского гренадерского полка подполковника Егора Агте в этом сражении послужной список повествует лаконично: «...26 августа в генеральном сражении при с. Бородине, где и ранен пулею в правую руку навывлет; за отличную храбрость, оказанную в этом сражении, пожалован в полковники». После Бородина его назначают командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, но прибыть в полк и вступить в командование им он сможет из-за своего ранения лишь 6-го ноября во время сражения под Красным. Вскоре его назначают шефом (шеф и командир – это не одно и то же) Санкт-Петербургского гренадерского полка, и «...в 1813 г., с 1 января, переправясь через р. Неман и через герцогство Варшавское, сражался в Пруссии, Силезии и Саксонии». Опять в послужном списке мелькают названия известных сражений: Бауцен, Кульм, Дрезден и, наконец, Лейпциг. За отличие в этом величайшем сражении 19-го века, вошедшем в историю как «Битва народов», Агте произведён в генерал-майоры. Но война ещё не закончена, и путь русских войск лежит в Западную Европу во Францию на Париж.

При взятии Парижа Егор Андреевич был вновь ранен. Вскоре его освободили от должности шефа Санкт-Петербургского гренадерского полка, бывшего, вероятно, одним из лучших в русской армии, поскольку Александр I в связи с реорганизацией русской армии пожаловал почётную должность шефа этого полка своему августейшему союзнику – королю Пруссии Фридриху Вильгельму III, которому полк обязан своим полковым маршем и названием на многие годы: «Короля прусского Фридриха Вильгельма III (затем просто «Короля прусского») гренадерский полк».

В 1816 году Егор Андреевич был уволен в отставку «с мундиром и полной пенсией». Кроме перечисленных выше наград он имел ещё ордена Св. Владимира 3-й степени и прусский орден «Красного орла» (по другим данным прусский орден «За заслуги»), а также золотую шпагу с надписью «За храбрость».

Умер он в 1826 году.

Женой Е.А. Агте была княжна Мария Даниловна Кудашева, сестра адъютанта и зятя М.И. Кутузова Николая Даниловича Кудашева, погибшего в 1813 году под Лейпцигом.

Егор Андреевич Агте неоднократно и с большим уважением упоминается в полковой истории Санкт-Петербургского гренадерского полка, ставшего впоследствии гвардейским. Ныне в городе на Неве существует военно-исторический клуб «Санкт-Петербургский гренадерский полк», в котором собрались люди разного возраста и профессий, объединённые любовью к своей Родине и её славному прошлому. Члены клуба чтят память героического командира своего полка.

В 1913 году в Лейпциге в честь победы союзников над Наполеоном был построен грандиозный мемориал по проекту архитектора Клеменса Тиме (Эта фамилия ещё встретится нам в дальнейшем). 13 октября 1913 года Лейпцигский мемориал был торжественно открыт в присутствии военных делегаций бывших союзников: русских, немцев, австрийцев.

Пройдёт меньше года, и бывшие союзники сойдутся лицом к лицу на полях кровавых сражений Первой мировой войны, которая приведёт вскоре к гибели трёх монархий: русской, германской и австрийской.

В память же о русских героях той далёкой войны с Наполеоном останется Военная галерея Зимнего дворца, которой посвящены бессмертные строки А.С. Пушкина из стихотворения «Полководец»:

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Её разрисовал художник быстроокий.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жён,
Ни плясок, ни охот – а всё плащи, да шпаги,
Да лица полные воинственной отваги.

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

Есть в знаменитой галерее и портрет генерала Егора Андреевича Агте.

ЗАБЫТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Под статью Егору Андреевичу были и два его брата. Карл Андреевич служил в Елизаветградском гусарском полку, тоже участвовал в войнах против Наполеона, был ранен саблей в руку при Прейсиш-Эйлау и вскоре вышел по ранению в отставку в чине полковника.

Старший из трёх братьев, Христиан Андреевич (1770-1845), начав служить ещё при Потёмкине в 1784 году, в 1789-ом попадает в уже известный нам Малороссийский гренадерский полк, в котором прослужит более двадцати лет. С 1805 по 1812 год его послужной список как две капли воды похож на послужной список брата Егора: Амштеттен, Кремс, Аустерлиц; Измаил, Тульча, Русшук, где он был ранен пулей в левую ногу, и Батин, за который он награждён орденом Св. Владимира 4-й степени; а далее Смоленск, Дорогобуж, заграничные походы русской армии в 1813-1814 году. Дополняет сходство с братом орден Св. Георгия 4-го класса и золотая шпага с надписью «За храбрость». Но генералом он не стал, а вышел в отставку полковником.

Женат он был на Вере Емельяновне Седнёвой, имевшей имение Седнёво где-то на берегу реки Ингул в Херсонской губернии. Там в 1815 году у семьи Агте и рождается сын Николай, которому суждено будет сыграть весьма важную роль в истории России, а потом оказаться надолго почти полностью забытым.

Сначала молодой Николай Христианович Агте выбрал гражданскую карьеру и поступил в Харьковский университет, но затем оставил его (В «Военной энциклопедии», изданной в 1911 Сытинским, говорится, что он окончил университет.) и поступил на военную службу в кирасирский (род тяжёлой кавалерии) полк. В

1835 году он уже принят в недавно созданную Академию Генерального штаба, которую оканчивает в 1837 году и причисляется к Генеральному штабу.

В 1840 году его командировали в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора, которым в то время был граф Василий Алексеевич Перовский. Найти документы о пребывании Н.Х. Агте в наших краях мне пока не удалось, но можно предположить, что занимался он здесь, кроме всего, топографическими съёмками губернии и прилегающих степных территорий, тогда ещё не входивших в состав России. Топографические съёмки Оренбургской губернии проводились военными топографами без перерыва с 1833 по 1855 год, а с 1838 года начались съёмки Оренбургской пограничной линии. В 1840 году проводились рекогносцировки в Киргизской степи (Казахстан), а также на территории Мензелинского, Бугульминского, Белебеевского, Бугурусланского, Бузулукского, Оренбургского, Уфимского и Стерлитамакского уездов. Возможно, что где-то существуют карты Оренбуржья, выполненные Николаем Агте. Попутно отмечу, что карта Оренбургского края была составлена на 13 листах к 1846 году, а съёмки Уфы с окрестностями проводились в 1847 году.

Со службы при В.А. Перовском начинается довольно успешная карьера Николая Христиановича как военного топографа. В 1842 году он в распоряжении сенатора Толстого, направленного в Сибирь с ревизией. Здесь Н.Х. Агте впервые познакомился с Забайкальем, с проблемой русско-китайской границы и Амура. Он составил свой план реорганизации Забайкальского казачьего войска, который, правда, не был претворён в жизнь. В 1846 году его, уже капитана Генерального штаба, командируют в комиссию по проверке и демаркации российско-норвежской границы. За работу в этой комиссии он получает сразу два ордена: с российской стороны орден Св. Анны 2-ой степени, а с норвежской – Св. Олафа 3-й степени. Вскоре Н.Х. Агте уже подполковник, а в 1849 году начинается главное дело его жизни.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение, без которого не понять, что же такое важное совершил Николай Христианович Агте.

Впервые русские люди появились на Амуре в первой половине 17-го века. Это были казаки под предводительством сначала Пояркова, а затем Хабарова. Был даже построен небольшой городок на берегу Амура – Албазин, ставший центром русских владений в этих краях. Но Китай, в котором тогда правила воинственная маньчжурская династия, не хотел допускать русских к своим границам. Десятилетия непрерывных стычек и конфликтов завершились в 1689 году осадой Нерчинска маньчжурскими войсками и подписанием у его стен так называемого Нерчинского трактата – договора между Россией и Китаем. Согласно этому трактату Россия теряла все приамурские земли, а граница между двумя странами была проведена с запада на восток по вершинам Станового хребта: северный его склон – российский, южный – китайский. При этом из-за скудных географических познаний того времени считалось, что Становой хребет идёт строго с запада на восток до самого океана, а весь Амур лежит к югу от него. Россия потеряла Амур на полтора с лишним века.

Лишь в 1845 году путешествовавший по Сибири и Дальнему Востоку учёный А.Ф. Миддендорф привёз сведения, нарушившие общепринятые представления о географии Дальнего Востока и Приамурья, а также о положении границы России с Китаем. Кстати, отчёт Александра Фёдоровича о своей экспедиции явился толчком к созданию Русского географического общества в том же 1845 году, одним из учредителей которого он стал.

Для проверки сведений А.Ф. Миддендорфа правительство России решило отправить две экспедиции: морскую к устью Амура под командованием Г.И. Невельского и сухопутную, которую возглавил подполковник российского Генерального штаба Николай Христианович Агте.

Если об экспедиции Невельского известно почти всё буквально по дням, о ней написана масса книг, то об экспедиции Агте известно крайне мало даже специалистам, а редкие публикации на эту тему иногда взаимно исключают друг друга, как в изложении фактов, так и в оценке деятельности участников экспедиции, в том числе и её начальника. Разобраться в этом и дать правильную оценку результатам экспедиции непросто, и пока никому не удалось. Многие подлинные документы этой экспедиции, как мне

кажется, за последние сто лет не видел никто. По тем же материалам, что опубликованы, получается следующая картина.

В 1849 году правительством России была отправлена экспедиция, названная для сокрытия её главной цели – определения истинного положения границы с Китаем – «Забайкальской». Кроме основной, перед ней были поставлены и другие, в том числе чисто научные задачи, для чего в её состав были включены два горных инженера, астроном, два топографа. Работая в тяжелейших условиях с 1849 по 1852 год, экспедиция исследовала территорию площадью около трёх миллионов квадратных километров. Район исследований простирался от Байкала на западе до Охотского моря на востоке, включая расположенные в этом море Шантарские острова, и от Амура на юге до Верхоянского хребта на севере. Длина маршрутов, пройденных участниками экспедиции, составила около двадцати тысяч километров – половину земного экватора. Были открыты месторождения полезных ископаемых, в том числе золота и серебра, составлены географические карты, впервые в Восточной Сибири привязанные к точно определённым астрономом координатам географических пунктов, собран огромный материал о климате, растительном и животном мире края. Но большая часть этих материалов так никогда и не стала известна широкой научной общественности: экспедиция была секретной.

Главным же итогом трёхлетних исследований была составленная Н.Х. Агте карта Приамурья, «...на которой было обозначено, какое именно пространство на левом берегу Амура местные жители, подданные Китайской империи, называют им принадлежащим, и с какого места считают земли на Амуре, принадлежащими России». Кроме того, из топографических съёмок выходило, что южный склон Станового хребта переходит в западный склон Буреинского хребта, выходящего к среднему течению Амура, а это, если вспомнить положение Нерчинского трактата, означало принадлежность России территории к востоку от этого хребта. Оказывалось российским и устье Амура.

Осенью 1852 года Николай Христианович Агте докладывал о результатах своей экспедиции генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьёву, а 22 апреля 1853 года Муравьёв и Агте были приняты в Зимнем дворце императором Николаем I. Вот как

рассказывается об этом событии в статье П. Шумахера «К истории приобретения Амура», напечатанной в «Русском архиве» в 1878 году: «Государь принял очень милостиво полковника Агте, рассматривал все карты, расспрашивал его подробно о его путешествии и сведениях, им собранных, и по рассмотрении той карты, о которой выше упомянуто, и соображении её с Нерчинским трактатом, изволил сказать о том пространстве Приамурья, которое лежит от реки Буреи к морю: «Итак, это наше!». Обратившись к военному министру, Николай Павлович сказал: «Так и снесись об этом с китайцами». ...Что государь был очень доволен докладом и всеми теми сведениями, которые он тут получил, ясно было: потому что на другой же день, 23 апреля, генерал Муравьёв, полковник Агте и все члены экспедиции были осыпаны наградами».

Николай Николаевич Муравьёв, основываясь на материалах Невельского и Агте заключил с Китаем в 1858 году Айгунский договор, по которому левый берег Амура полностью переходил к России, получив за это титул графа Амурского.

Николай Христианович Агте ещё некоторое время продолжал службу, вернувшись в кавалерию и дослужившись до начальника штаба кирасирской дивизии, а 1 января 1859 года вышел в отставку по болезни в чине генерал-майора. Умер он в 1867 году и по имеющимся сведениям был похоронен в родовом поместье матери – деревне Седнёвке в Херсонской губернии на Украине.

УРАЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ

Ещё одним из братьев Агте был Адольф Андреевич (1775-1832). Его имя, наряду с именем его племянника, Николая Христиановича Агте, есть в первом томе «Русского биографического словаря», изданного в 1896 году, а также в книге А.Г. Козлова «Творцы науки и техники на Урале. 17 – начало 20 века» (Свердловск, 1981).

Адольф Андреевич юношей был отдан в Горное училище в Санкт-Петербурге – первое высшее техническое учебное заведение в России (Впоследствии Санкт-Петербургский государственный горный институт имени Г.В. Плеханова, отметивший в 2003 году своё 230-летие.) Получив в нём прекрасное по тем временам

образование, о чём говорит приведённый в его формуляре перечень изучавшихся в училище предметов, он назначается на службу в Нерчинский горный округ. В 25 лет он уже руководит там двумя заводами, а в 1802 году его переводят на Урал в Екатеринбург. На Урале и пройдут все остальные тридцать лет его жизни.

В Екатеринбурге А.А. Агте служил в должности помощника горного начальника Екатеринбургского горного округа с одновременным заведованием лабораторией, амальгамирным (способ выделения золота из породы) производством, горными школами и библиотекой (А.Г. Козлов пишет и о руководстве типографией, но в формуляре Агте, я таких сведений не нашёл.). Изобретённый им способ позволил извлекать золото из так называемых «чёрных шлихов», ранее шедших в отход, и дал возможность лишь в 1806-1807 годах получить дополнительно 2 пуда 12 фунтов золота, что соизмеримо с добычей отдельного прииска.

Он дослужился до должности старшего председательствующего в Главной конторе Екатеринбургских заводов, но 18 апреля 1825 года по личному распоряжению министра финансов Канкринна (государственные горные заводы подчинялись тогда Департаменту горных и соляных работ министерства финансов) направляется в Златоуст для разбора претензий немецких оружейных мастеров, приехавших из Золингена и Клингенталя, а 28 мая 1826 года, он, как сказано в его формуляре (личном деле), «...по Высочайшему повелению определён Горным начальником Златоустовских заводов и директором оружейной фабрики», на которой его помощником был известный впоследствии учёный Павел Петрович Аносов.

Мне трудно оценить деятельность Адольфа Андреевича Агте на этом посту, поскольку в литературе разных лет встречаются диаметрально противоположные оценки его деятельности: от хулительных до восторженных. Серьёзных же объективных исследований по истории Златоуста – этого интереснейшего уральского города – мне не попалось. Удалось лишь собрать отрывочные данные, относящиеся к интересующему меня периоду, но и они позволяют получить определённую объективную картину о деятельности А.А. Агте на посту Горного начальника Златоустовского горного округа.

Так, по отношению к 1825 году производство оружия на оружейной фабрике выросло в 1829 году в 1,4 раза, а добыча золота на входивших в округ Миасских золотых приисках уже в 1828 году возросла в 1,7 раза. Подобное увеличение производства нельзя объяснить лишь усилением эксплуатации рабочих, как это пытались иногда изобразить отдельные авторы. Ведь как ни погоняй людей, золота не добудешь там, где его нет – нужны серьёзные знания геологии и горной техники, чтобы максимально извлечь металл из земли. Оружие тоже не сделаешь много больше одними репрессиями – каждый технологический процесс имеет свою неизменную продолжительность, сократив которую, наверняка получишь брак, а именно в эти годы начинается слава златоустовского холодного оружия, особенно украшенного. Другое дело, если грамотно совершенствовать сам технологический процесс, но для этого надо быть глубоко знающим делом специалистом. И Адольф Андреевич, безусловно, был им. Например, он изобрёл золотопромывальную машину нового типа, лёгшую в основу последующих конструкций. К сожалению, мне не удалось пока найти её описание или изображение; есть лишь упоминание в литературе, что это устройство ещё долгое время называлось «агтевские бочки».

В 1828 году, ни где-либо, а именно на Златоустовском заводе для будущего императора Александра II был изготовлен «Технический кабинет», показывающий в уменьшенном размере весь производственный цикл от добычи руды до изготовления готового оружия. К «кабинету» прилагался выполненный местными художниками «Атлас Златоустовской оружейной фабрики» с 49 иллюстрациями, показывающими как виды города, так и процесс изготовления оружия. Ныне и «кабинет» и «атлас» находятся в Горном институте в Санкт-Петербурге.

В 1829 году Агте вместе с Аносовым принимал на Златоустовском заводе путешествовавшего по России выдающегося немецкого учёного Александра Гумбольдта.

В 1831 году Адольфа Андреевича Агте перевели назад в Екатеринбург с назначением на должность берг-инспектора, в функции которого входил контроль над всеми частными горными заво-

дами, рудниками, приисками и соляными разработками в Пермской, Оренбургской, Казанской и Вятской губерниях.

Екатеринбургский историк Н.С. Корепанов поясняет причину отъезда А.А. Агте смертью одного и отставками других членов руководства Пермского горного правления, что потребовало укрепления высшего руководства правления опытными людьми: «На должность Пермского берг-инспектора, а вместе с тем исправлять обязанности Главного начальника был вызван горный начальник Златоустовских заводов обер-берг-гауптман 5 класса Адольф Агте». В руках Адольфа Андреевича на какое-то время сосредотачивается контроль над государственными и частными горными заводами, рудниками, приисками и соляными разработками всего Урала.

Имея обширные полномочия, Агте осуществляет в 1831 году давно запланированный, но так до него и неосуществлённый перевод Пермского горного правления в Екатеринбург, что на долгие годы делает этот город столицей горнозаводского Урала.

Вот как описывает это историческое событие Н.С. Корепанов в своей книге «В провинциальном Екатеринбурге (1781-1831 гг.)»:

«15 сентября присутствие Пермского горного правления официально закрылось, и транспорт с делами отправился в Екатеринбург. 17 сентября, тотчас по прибытии, Агте обратился к министру Канкрину с просьбой поменять все названия: “Я полагал бы приличным Пермскому горному правлению дать наименование “Горное правление заводов хребта Уральского”... Горное правление заведывает не одни те заводы, которые состоят в Пермской губернии, но имеет в ведении своём и состоящие в других губерниях... Пермскому берг-инспектору позволить именоваться Берг-инспектором заводов хребта Уральского”».

1 октября 1831 г. после торжественного молебна и принесения присяги Адольф Андреевич объявил об открытии Горного правления в Екатеринбурге...

Начинался “золотой век” Екатеринбурга».

Находясь на этом посту, он и умер в 1832 году.

Впрочем, эти дата и место его смерти, фигурирующие в большинстве его биографий, вероятно, ошибочны. Вот, что пишет

по этому поводу на основании обнаруженных ею архивных документов исследователь из Оренбурга О.Я. Бахарева:

«Видимо, в конце декабря 1832 или в начале января 1833 г., А.А. Агте подал просьбу об увольнении с мая 1833 г. и планировал совершить поездку на 4 месяца, “для лечения на минеральных водах с сохранением жалования и прочего содержания”, пояснил при этом, что он “за 38 лет безупречной службы не пользовался ни одним еще отпуском”. К сожалению, этот талантливый инженер умер вечером 22 января (ст. стиль) 1833 г. в Кушвинском заводе в присутствии дочери и доктора Вульфа “после продолжительной грудной водяной болезни, образовавшейся от застарелых внутренних завалов”. Незадолго до смерти, ему поручили “разобраться в делах Богословских заводов и установить размер убытков или сверхштатных расходов по Гороблагодатским заводам”».

В настоящее время деятельность Адольфа Андреевича Агте получила объективную оценку, и имя этого талантливого инженера и умелого организатора производства по праву занимает достойное место среди творцов российской науки и техники.

О его жене известно только то, что она рано умерла, и он жил вдовцом, воспитывая двух дочерей – Александру и Анну. О потомках Александры стоит рассказать особо.

В конце 1820 годов она вышла замуж за выходца «из саксонских подданных» Карла Августа Тиме (вспомним, что эта фамилия уже встречалась нам в этом рассказе раньше) – врача Златоустовской оружейной фабрики, окончившего Лейпцигский университет. Карл Август – в России его будут звать Августом Ивановичем, хотя иногда назовут и Карлом Ивановичем – был знаком со многими известными людьми того времени. В литературе можно найти упоминания, что его семья и семья Павла Петровича Аносова дружили домами, что в конце 1840-х годов он общался с дедом В.И. Ленина со стороны матери, Александром Бланком, так же жившим в Златоусте, что во время пребывания в Новгороде он вёл философские беседы с Герценом, о чём тот рассказывает в книге «Былое и думы». Доктор Тиме – прообраз герценовского доктора Крупова.

Дослужился Август Иванович Тиме до чина статского советника и должности инспектора госпиталей всех уральских казённых и частных заводов.

У Августа Ивановича было много детей, но дальше речь пойдёт лишь о двух из них. Рождение на Урале в Златоусте, общение с детства с уральскими горными инженерами и мастеровыми людьми, наконец, профессия деда, А.А. Агте, определили жизненный путь Георгия Августовича и Ивана Августовича Тиме, ставших выдающимися инженерами и учёными, профессорами Горного института в Санкт-Петербурге.

Георгий Августович посвятил преподавательской деятельности 55 лет своей жизни. Благодаря ему в институте была создана прекрасная математическая библиотека. В 1902 году для студентов Горного института была учреждена премия имени Г.А. Тиме за лучшие работы по маркшейдерскому искусству.

Иван Августович ещё более известен. Он автор свыше 600 научных трудов. Его сочинение «Горнозаводская механика. Справочная книга для горных инженеров и техников по горной части», изданное в 1879 году, стало настольной книгой русских горных инженеров, 98 процентов которых в 1907 году были его учениками.

В историю русского театрального искусства вписала яркие страницы дочь Ивана Августовича – выдающаяся русская и советская актриса, народная артистка СССР Елизавета Ивановна Тиме. Она сыграла за свою жизнь в театре 186 ролей, выступая в драматических спектаклях, в опере, оперетте и балете. Столь большая разносторонность – великая редкость у артистов. Итогом полувекового творчества Елизаветы Ивановны Тиме стала книга её воспоминаний «Дороги искусства», изданная в 1967 году. В этой книге есть страницы и об истории рода Тиме.

СТАРШАЯ ЛИНИЯ

Теперь настало время вернуться к старшему брату в той большой семье с острова Эзель – моему прямому предку.

Родился он в 1756 году и назван был при крещении Иоганном Фридрихом, впоследствии став именоваться Иваном Андрее-

вичем. Кроме этого мне известно о нём лишь то, что он был врачом в Петербурге в Смольном пансионе благородных девиц и дослужился до чина статского советника. Правда, одни из наших родственников сохранили предание, напоминающее рождественскую сказку, о визите домой к Ивану Андреевичу Императора Павла I. Вот оно:

«Однажды Павел неожиданно навестил доктора Агте в домашней обстановке, чем немало его смутил и привёл в замешательство. Иван Андреевич начал лихорадочно застёгивать пуговицы своего мундира и вытянулся во фрунт. Государь милостиво успокоил старика и похвалил его жену, вязавшую в это время мужу шерстяные носки, за аккуратную работу. Уходя, он попросил связать ему такие же носки».

Ну, чем, право, не сказка... Были ли связаны для императора носки и носил ли он их – неизвестно, а семейное предание осталось.

По имеющимся у меня сведениям у Ивана Андреевича было трое детей: дочери, Елизавета и Анна, и сын, Иван (родился в 1796 году). Никто из них не добился большого успеха в жизни.

Иван Иванович, начав с военной службы, вскоре оставил её по семейным обстоятельствам (как сказано в его формуляре) и стал служить гражданским чиновником, но и на этом поприще не достиг большого успеха. Однако, любопытно, что в 1844 году судьба занесла его в Уфимский уезд Оренбургской губернии, а если точнее, то в Уфу, где он в ноябре 1844 года был внесён во 2-ю часть Оренбургской Дворянской родословной книги с причислением к дворянству Уфимского уезда, а в 1846 году служил приставом Бирской полицейской части уфимской городской полиции.

Дочь Ивана Ивановича, Елизавета, умерла молодой, а сын, Аполлон, пошёл по уже традиционному для нашего рода пути – стал офицером, дослужившись, правда, лишь до чина майора.

Жил Аполлон Иванович в городе Вольске, что под Саратовом, служил завхозом в Вольском кадетском корпусе и имел девять детей: трёх дочерей и шестерых сыновей. О судьбе его дочерей мне практически ничего не известно, а вот все сыновья по традиции стали офицерами, а трое дослужились до генеральских чинов.

Правда, старший из братьев, Николай Аполлонович, окончив военно-юридическое училище, вскоре ушёл со службы, став присяжным поверенным в Курске. Он и два его сына были связаны с революционным движением; старший сын, Владимир Николаевич, возил через границу газету «Искра». После Октябрьской революции Николай Аполлонович стал секретарём ревтрибунала в Курске и был жестоко убит белогвардейцами в 1919 году. Его имя выбито на обелиске в парке Героев гражданской войны в Курске, а имя его сына Владимира – на мемориале в Липецке, где он был первым после революции председателем совета. Была в Липецке и улица Владимира Агте.

Другой брат, Александр Аполлонович, стал генерал-майором и начальником Иркутского кадетского корпуса. Высоких чинов достигли Пётр и Павел. Блестящую карьеру военного юриста сделал младший из братьев, Иван Аполлонович, окончивший Симбирский кадетский корпус, Константиновское военное училище и Александровскую военно-юридическую академию, став в 1913 году генерал-майором и судьёй Казанского военно-окружного суда.

Судьба этих братьев после революции мне неизвестна. Лишь в послужном списке Ивана Аполлонович говорится, что в 1917 году он собирался готовить военных чинов к выборам в Учредительное собрание, и умер в Харбине в 1922 году.

Один брат в ревтрибунале, другой в Белой гвардии... Что ж, не зря гражданскую войну называют братоубийственной.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ В СТРОЮ

Да простит меня генерал Игнатъев за использование названия его известной книги, но мой прадед, Антонин Аполлонович Агте (1857-1919), мог сказать о себе точно так же.

Свою воинскую службу он начал в детском возрасте в 1-ой военной гимназии (как в тот период назывались кадетские корпуса) в Санкт-Петербурге, а затем продолжил её в военном Николаевском инженерном училище, которое закончил в самый канун русско-турецкой войны.

Его отправляют в действующую армию, и в июне 1877 года он получает боевое крещение недалеко от города Никополь на

Дунае: за успешную установку осадных орудий его награждают орденом Св. Анны 4-ой степени – саблей с орденским знаком и надписью «За храбрость», мечтой младших офицеров.

Кончилась война. Он был зачислен в Академию Генерального штаба, но из-за семейных обстоятельств (рождения старшей дочери) вскоре был вынужден оставить учёбу.

Петербург и Румыния, Одесса и Остроленка под Варшавой, Маньчжурия и Мерв (ныне Мары) в Туркестане – вот география мест его службы. В 1911 году он получил чин генерал-майора и был назначен начальником Владивостокской крепостной сапёрной бригады, где и прослужил до своего увольнения в отставку в 1917 году.

Сапёрная бригада была не совсем тем, что следует из её названия, и в огромном гарнизоне (около 80 тысяч человек) города-крепости Владивосток играла видную роль. Она включала подразделения собственно сапёров, автомобильное, связи, аэростатное, а также морские минные заградители, то есть всё инженерно-техническое обеспечение крепости.

Интересно читать приказы по крепости, находя в них имя своего прадеда. Или вот ещё один любопытный документ того времени: «Отчёт состоящего под покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича Общества изучения Амурского края Владивостокского Отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1915 год» (Вот как раньше писали!). В списке действительных членов общества рядом с фамилией А.А. Агте значится и фамилия учёного, писателя, автора знаменитой книги «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева. Не знаю уж, беседовал ли мой прадед с Арсеньевым, а если да, то о чём, но вот такой факт.

За свою службу Антонин Аполлонович стал полным кавалером орденов Св. Анны и Св. Станислава, кавалером ордена Св. Владимира 3-й степени.

После Октябрьской революции он был вынужден переехать из Владивостока в Иркутск, где умер в январе 1919 года.

Женат Антонин Аполлонович Агте был на Наталье Александровне Соломон и имел восьмерых детей, трое из которых жили и

похоронены в Уфе. Но о них чуть позже, а пока несколько слов о брате моей прабабки, Георгии Александровиче Соломоне.

Он родился в 1868 году и смолоду связал свою жизнь с революционным движением, участвуя в студенческих волнениях в Петербурге. В конце 19 века он член Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, а затем РСДРП. Среди его близких друзей Л.Б. Красин и М.Т. Елизаров, муж сестры В.И. Ленина, Анны. В 1908 году Ленин живёт в Брюсселе на квартире у Г.А. Соломона, также находящегося в эмиграции.

После Октябрьской революции Георгий Александрович на дипломатической работе в Германии, а затем становится заместителем наркома внешней торговли Л.Б. Красина. С 1920 года он торгпред РСФСР в Ревеле (ныне Таллин), а с 1921 года работает в российской внешнеторговой организации в Лондоне.

Расхождение во взглядах на пути развития страны с видными деятелями советского правительства, нарастающая угроза расправы за это заставляют Георгия Александровича снова податься в эмиграцию. Там в начале 30-х годов 20 века он написал и опубликовал книги своих воспоминаний: «Среди красных вождей» и «Ленин и его семья (Ульяновы)», в которых дал резко отрицательные характеристики многим видным деятелям партии большевиков и советского государства, за что был начисто вычеркнут как из истории КПСС, так и из истории вообще. В России его книги увидели свет впервые в 1995 году в томе серии «Осмысление века: кремлёвские тайны», выпущенном издательством «Современник».

СУРОВЫЕ ГОДЫ

Как я уже говорил, у моего прадеда было восемь детей: шесть дочерей и два сына, старший из которых, Владимир Антонович Агте (1894-1949) – мой дед.

Дед мой родился в Одессе. Он не хотел быть военным и с детства мечтал стать инженером-электриком, но для получения образования в гражданском институте требовались немалые деньги, которых в многодетной офицерской семье не было, и он пошёл путём, которым прошли его отец, братья отца, другие родственники: Полтавский Петровский кадетский корпус, а затем Павловское

военное училище в Петербурге – одно из лучших военных училищ тогдашней России, которое он окончил в 1913 году. Всё складывалось неплохо, но на подходе были суровые времена...

1 августа 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну, которую подпоручик Владимир Агте встретил в должности ординарца при штабе 22-й пехотной дивизии в составе 1-го армейского корпуса, который входил во 2-ю армию под командованием генерала Самсонова, и вскоре оказался в самой гуще трагических событий.

Август 1914 года. Чтобы ослабить натиск немецких войск, рвущихся к Парижу, и спасти свою столицу от взятия немцами, французское правительство обратилось к русским властям с требованием начать наступление против немцев, и армия Самсонова, ещё плохо подготовленная к боям, двинулась вглубь Восточной Пруссии.

Сначала дела шли успешно, но затем армия попала в окружение. Началась дезорганизация управления частями и потеря связи между ними. Радио (беспроволочный телеграф) и телефонная связь были ненадёжны и не имели хорошей защиты от противника, который не преминул этим воспользоваться. От имени командира 1-го армейского корпуса Артамонова немцы передали приказ частям корпуса об отступлении, что в немалой степени определило трагедию всей армии.

В условиях неразберихи огромная нагрузка и ответственность легла на офицеров связи, одним из которых являлся мой дед. Верхом на коне он разыскивал штабы частей и соединений, доставляя приказы и донесения командира 22-й дивизии. Однажды ночью он заблудился и попал в расположение противника. Услышав немецкую речь, он, не ориентируясь на местности в почти полной темноте, принял единственно правильное решение: отпустил поводья, доверившись чутью животного, и конь вынес его к своим.

Русская армия в Восточной Пруссии понесла огромные потери, французы выиграли на подступах к Парижу знаменитую битву на реке Марне, русской кровью Париж был спасён, генерал Артамонов был отстранён от командования корпусом, а генерал Самсонов застрелился. Но моего деда Бог миловал и от смерти, и от

ран, и от плена. В 1915 году подпоручик Владимир Агте уже начальник команды связи 22-й пехотной дивизии. За участие в Восточно-Прусской операции деда награждают орденом святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Выше для офицеров его ранга был только знаменитый орден святого Георгия аналогичной степени, но его давали лишь за конкретные подвиги, совершённые непосредственно в бою.

Война в это время носит позиционный характер, и дед, с детства увлекавшийся фотографией и взявший фотоаппарат с собой на фронт, имеет возможность уделять время своему увлечению.

Сохранившиеся у нас в семье его фронтовые фотографии показывают войну без прикрас: убитые русские и немецкие солдаты на поле боя; сбитый русский аэроплан и пленные немцы; аэростат наблюдения и самодельная зенитная установка, сделанная фронтовыми умельцами из обычного полевого орудия; солдатская землянка и солдатское кладбище; католический крестный ход по случаю засухи и группа беженцев; индивидуальные и групповые портреты солдат, офицеров, сестёр милосердия. Ну, и, конечно, боевые будни и редкие на фронте праздники своей команды связи: землянка телефонистов, прокладка телефонной линии по веткам деревьев, доставка донесений на велосипеде и на мотоцикле, празднование Пасхи в 1916 году личным составом команды. А вот и групповая фотография, на которой Владимир Агте со своими подчинёнными; у некоторых солдат на груди Георгиевские кресты: значит, им пришлось «понюхать пороху» всерьёз.

В конце мая 1916 года 22-я дивизия находится недалеко от города Луцка в Западной Украине, и в это время начинается крупнейшее за всю войну наступление Юго-Западного фронта – знаменитый Брусиловский прорыв. На луцком направлении русские войска за десять дней с боями преодолели 65 километров, разгромив одну из австро-венгерских армий. О масштабе наступления говорят хотя бы потери воюющих сторон за три месяца боёв с мая по август: у русских – полмиллиона человек, у противника полтора миллиона, включая четыреста тысяч пленных. По масштабу боёв и потерь Брусиловский прорыв можно сравнить со Сталинградской и Курской битвами Великой Отечественной войны. Связи-

сты-фронтовики знают, чего стоит организовать надёжную связь в войсках в условиях наступления такого масштаба.

Команда связи была дружной и любила своего командира. Когда в конце 1917 года началась демобилизация русской армии, и дед собрался домой, солдаты команды написали ему охранное письмо с обращением ко всем солдатам не трогать его подателя. Это письмо позволило деду проехать от Прибалтики до Владивостока и остаться живым в то время, когда шли массовые расправы солдат над офицерами. Что ж, как ты к людям, так и они к тебе... Впрочем, затем это письмо не спасло деда от ареста ЧК и тюрьмы. В Иркутском ЧК оно и исчезло, я же знаю о нём лишь по рассказам бабушки и отца.

В 1918 году мой дед со своим отцом и четырьмя сёстрами оказываются в Иркутске, где жила семья брата отца, Александра Аполлоновича. Больше ехать было некуда. Здесь всех и застаёт гражданская война: красногвардейцев сменяют белочехи, приходят и уходят какие-то атаманы и правители, наконец, устанавливается власть Колчака.

Деду приходится кормить всю семью. Где-то в конце 1918-начале 1919 года приходит известие о гибели брата Сергея. Вскоре умирает отец. Тогда же дед знакомится со своей будущей женой – моей бабушкой: их семьи живут в одной квартире.

Красная армия берёт Иркутск, устанавливается советская власть. Естественно, бывшие офицеры среди самых подозрительных элементов для новой власти.

1922 год. Дед и бабушка только что поженились, ждут ребёнка. Внезапно деда арестовывают, как бывшего офицера. Бабушку вызывают в ЧК, где её допрашивает следователь – женщина, у которой от белогвардейцев погибли муж и ребёнок (об этом вспоминала бабушка). Её отношение к жене «белого» офицера понятно. Но судьба вновь милует моего деда, и он «отделяется» лишь тюремным сроком в 3 с половиной года и клеймом враждебного элемента на всю жизнь. А в 1937 году дед обмолвился моему отцу, что этим своим арестом он «обязан» известному полководцу Красной армии Уборевичу, с которым дед, кажется, был знаком ещё во время Первой мировой войны. Вроде бы Уборевич предлагал деду вступить в Красную армию в его подчинение, дед отка-

зался, и последовал арест. Но, видимо, всё же есть высший суд, и ничто не остаётся безнаказанным: всесильный в 1922 году командарм Уборевич в 1937 году сам превратился во «врага народа» и был расстрелян. Лишь тогда дед и смог рассказать эту историю своему сыну: прими он тогда предложение Уборевича, и кто знает, не разделил ли бы он судьбу командарма.

В 20-е годы после выхода из тюрьмы дед был музыкальным руководителем «Синей блузы» - кружка самодеятельности рабочей молодёжи. Пользовался у ребят любовью и авторитетом: сыграли роль его музыкальные способности и очень доброжелательное отношение к людям. У нас в семье и сейчас хранятся фотографии, где запечатлён весь коллектив «Синей блузы» клуба имени Октябрьской революции (КОР) в Иркутске.

В 1932 году из-за болезни сына – моего отца, Сергея Владимировича Агте, – семье пришлось покинуть Иркутск с его суровым климатом и по совету врача перебраться в Уфу – город, где был хороший климат, но не было ни родных, ни знакомых. Вот с весны того далёкого 1932 года и начинается история нашей семьи как уфимцев.

В УФЕ

1-го апреля 1932 года после пяти суток езды на поезде от Иркутска мой дед и моя бабушка со своим сыном Сергеем, моим будущим отцом, прибыли в Уфу, которая встретила их ослепительным весенним солнцем, почерневшим подтаявшим снегом и звенящими ручейками, что поражало своим контрастом со стоявшими в Иркутске тридцатиградусными морозами.

На привокзальной площади и на горе за ней лепились друг к другу будки и будочки из ящиков, картонных коробок, кусков жести и обрывков рубероида, из которых выглядывали одетые в лохмотья их обитатели с невымытыми и несатытыми лицами.

У моих родных начинался новый этап жизни...

Первым местом жительства стала снятая у семьи мастера ПРЗ (паровозоремонтного завода) одиннадцатиметровая комната на улице Златоустовской. До сих пор сохранилась и улица, и её название, и, кажется, дом, в котором началась жизнь моих близких

в Уфе. Вскоре, однако, квартиру пришлось сменить, затем ещё раз, и переехать в дом, стоявший на улице Амурской возле церкви, в которой тогда были то пересыльная тюрьма, то склад сельхозтехники, а много позже кинотеатр «Йондоз». Дом этот не сохранился, и сейчас на его месте многоквартирный дом, часто именуемый уфимцами «кораблём».

Дед сначала устроился руководителем кружка рабочей самодеятельности на лесозаводе в Нижегородке, а затем – счетоводом в утилькомбинат на «Собачьей горе». Бабушка же начала работать продавцом в книжном магазине БашГИЗа (ныне магазин «Знание» на улице Ленина).

Отец мой из-за постоянных переездов семьи сменил не одну школу, но первые чёткие воспоминания сохранились у него о 21-й школе на улице Кустарной, куда он пошёл в 1934 году. С этой школой связана одна удивительная история...

В маленьком двухэтажном кирпичном здании школы не было ни зала, ни, даже, пионерской комнаты. Зато, неподалёку от школы находилась пивная (Что уж в России не меняется ни в какие времена, так это питейные заведения на каждом шагу.). И, вот, моему отцу пришла в его двенадцатилетнюю голову идея: ходатайствовать перед властями о передаче помещения пивнушки школе под пионерскую комнату.

Сказано – сделано: делегация из трёх человек отправилась не куда-нибудь, а в дом на Советской улице в БашЦИК к его председателю Афзалу Тагирову. Постовой милиционер пропустил «боевую» группу в приёмную, секретарь зашла в кабинет доложить о необычных посетителях, которым было предложено немного подождать. Через некоторое время из кабинета вышла группа людей, и «ходоков» пригласили войти. Войдя, ребята отдали пионерский салют председателю БашЦИКа и поведали ему о цели своего визита. Товарищ Тагиров тепло ответил на приветствие, расспросил ребят об учёбе, об участии в общественной жизни, ещё раз выслушал просьбу и доводы в её поддержку. Пожелав ребятам успехов в учёбе и похвалив за заботу об общественных делах, он пообещал разобраться с их делом. Довольные и гордые возвращались юные борцы за общественные интересы в школу, где царила тихая паника. На другой день директор мягко выговаривала моему

отцу, инициатору похода, о недопустимости подобной инициативы сейчас и в дальнейшем.

Хотя пивную под пионерскую комнату так и не отдали, но у моего отца до конца жизни осталось доброе и тёплое воспоминание об Афзале Мухитдиновиче Тагирове – крупном государственном деятеле и известном башкирском писателе, сгинувшем, как и тысячи других людей, в страшном 1937 году.

Вскоре семья моего деда опять переехала, и мой отец вновь сменил школу, пойдя осенью 1936 года в 7-й класс известной в Уфе 11-ой школы, директором которой была легендарная Лидия Андреевна Галанова. Отец проучился в 11-ой четыре года, избирался председателем старостата, а затем секретарём комсомольской организации школы. Самые яркие воспоминания его юности связаны с этой школой, долгое время потом носившей имя Лидии Андреевны Галановой, а затем, на взгляд моего отца, совершенно незаслуженно переименованной в Аксаковскую гимназию. Вообще 11-я уфимская школа того времени заслуживает отдельного большого разговора, но это уже другая тема.

Дед в это время стал работать бухгалтером в объединённой дирекции Русского драматического театра и сада имени А.В. Луначарского (Может быть, эта организация называлась и не совсем так.), иногда подрабатывая тем, что вёл концерты в качестве конференсье. Затем он перешёл в горжилуправление тоже на должность бухгалтера.

Бабушка же устроилась в Научную библиотеку (Ныне Национальная библиотека имени Валиди.). Однако время было таким тревожным, что даже мирная и тихая профессия библиотекаря становилась опасной: Главлит и НКВД постоянно проводили проверки фондов с целью выявить, нет ли в книгах портретов «врагов народа», упоминания о них, или, не приведи господи, нет ли, вообще, их книг. Заодно проверяли и «классовое нутро» сотрудников. И тогда бабушка перешла в более спокойное место – библиотеку недавно созданного Башкирского государственного медицинского института (ныне университета БГМУ), директором которой была тогда Евгения Михайловна Лысенко. Здесь бабушка и проработала без малого четверть века. Многие ветераны башкирского здравоохранения и светила башкирской медицинской науки

знали её, ещё будучи студентами, и с теплотой вспоминали на протяжении многих лет. Умерла она в 1995 году в возрасте почти 93-х лет, прожив долгую, но трудную жизнь.

Жизнь понемногу налаживалась, но на горизонте уже маячили всполохи приближающейся военной грозы. Наступил 1941 год. 11-го мая мой отец ушёл в армию, 26 июня на фронт, и смог вновь попасть домой лишь четырнадцать лет спустя. Дед долго болел (сказывались последствия контузии, полученной в Первую мировую войну), умер в 1949 году, так больше и не увидев сына, и был похоронен на Ивановском кладбище. Перенести могилу мы вовремя не смогли, и она не сохранилась: на месте кладбища теперь сквер и дворец культуры «Юбилейный», отданный ныне Аграрному университету.

В наследство своим потомкам дед оставил альбом фронтовых фотографий, показывающих Первую мировую войну без прикрас, тоненькую тетрадку своих воспоминаний об августе 1914 года в Восточной Пруссии и значок с погона «самокатчиков» (подразделения связистов, использовавших велосипеды и мотоциклы). По-моему, это очень много!

Бабушка, кроме основной работы в мединституте, ещё разносила литературу раненым, лежавшим в уфимских эвакогоспиталях; за что ей была объявлена благодарность Наркомата здравоохранения РСФСР.

В 1959 году отец с моей матерью и полуторагодовалым автором этих строк окончательно вернулся в Уфу. И опять всё надо было начинать почти с нуля.

Мать устроилась бухгалтером в Башкирский государственный университет, а отец после непродолжительной работы в другом месте поступил во всесоюзный трест «Нефтепроводмонтаж», главным инженером которого был в то время Мидхат Закирович Шакиров – будущий первый секретарь Уфимского горкома и Башкирского обкома КПСС. Сейчас, в эпоху приватизации всего и вся модно рассуждать о нефтяных олигархах, их миллиардных состояниях, жизни и нравах, а вот вспоминать о тех, кто когда-то создавал все эти ныне приватизированные богатства, все как-то стесняются. Но не будь в 60-е и 70-е годы прошлого теперь уже века создана мощнейшая нефтегазодобывающая отрасль с огром-

ной сетью нефте- и газопроводов, то ещё неизвестно, были бы эти «олигархи», да и за счёт чего жили бы все мы последние тридцать лет. Так ещё 28 марта 1951 года за подписью И.В. Сталина было издано постановление Совета Министров СССР, в котором, в частности, говорилось: «...организовать во втором полугодии 1951 г. в системе Главнефтепроводстроя трест «Нефтепроводмонтаж» с местонахождением в г. Уфе...». В 60-е и 70-е годы, когда мой отец здесь работал, названия магистральных трубопроводов, которые строил этот трест, были уже на слуху у всей страны: Бухара – Урал с уникальным вантовым мостом через коварную Аму-Дарью, Усть-Балык – Курган – Уфа – Альметьевск, Александровское – Анджеро-Судженск, Уренгой – Помары – Ужгород, Уренгой – Центр, Туймазы – Ангарск, Средняя Азия – Центр и многие другие. За участие в разработке скоростных методов строительства магистральных трубопроводов мой отец, Сергей Владимирович Агте, был награждён медалью ВДНХ. В середине 1960-х годов перешла на работу в этот трест и моя мать, Анастасия Семёновна Смирёхина. И отец и мать проработали в тресте долгие годы, став его ветеранами. В вышедшей в 2002 году книге, посвящённой 50-летию треста «Нефтепроводмонтаж» есть и страница, посвящённая работе моего отца.

Моими же первыми воспоминаниями об Уфе стали четырнадцатиметровая однокомнатная квартирка на улице 9-го января на горе над вокзалом, где мы жили впятером, вид с горы на Белую, по которой широченные чёрно-жёлтые колёсные буксиры, пыхтя густым чёрным дымом, тянули баржи, на забельские заливные луга, хранившие тогда ещё свою первозданную чистоту, сады, раскинувшиеся на сколько хватало глаз и укутанные в мае бело-розовой пеной цветущих яблонь и вишен. Это было другое время, другая жизнь, другой город.

Сейчас Уфа стала чище, улицы полны красивых домов и яркой светящейся рекламы, и я понимаю, что так и должно быть. Но всё-таки, мне жаль, что с каждым днём теряется неповторимое обаяние той старой Уфы – города-сада, о котором у меня остались прекрасные детские впечатления.

В 30-е годы вслед за семьёй моего деда перебрались в Уфу две его сестры: Ольга (1896-1980) и Татьяна (1898-1983).

Ольга Антониновна Котеленец работала одно время контролёром ОТК на заводе «Пишмаш». Жила она без мужа с дочерью и двумя внуками на улице Амурской в маленьком домике, при котором был сад, содержащийся в образцовом порядке.

Татьяна Антониновна Булавина прожила очень нелёгкую жизнь. Детей у неё не было, и она всю жизнь помогала кому-нибудь: семье моего деда, сёстрам, сослуживцам, знакомым. В Уфе она проработала двадцать лет костюмером в Русском драматическом театре, и когда в 1957 году уходила на пенсию, ей вручили памятный адрес, подписанный всей труппой театра. Этот адрес с автографами актёров, составивших историю театра, и сейчас хранится в нашей семье, где Татьяна Антониновна прожила не один десяток лет.

Ольга и Татьяна обладали превосходной памятью, и я любил слушать их рассказы о своей жизни, о годах детства и молодости, о событиях 1917 года во Владивостоке, об Иркутске в период Гражданской войны и НЭПа. Их рассказы об Одессе начала 20 века, в которой прошло их детство, и о событиях в ней 1905 года очень напоминали повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий». Сейчас я жалею, что не записывал эти рассказы, но когда старушки были живы, я был юн, и мне казалось, что жизнь вечна. Теперь я стал понимать, что она слишком быстротечна, но ушедшего уже не вернёшь.

Когда-то мой далёкий предок выбрал судьбу себе и своим потомкам, приехав в Россию. За два с лишним века мои деды и прадеды разделили с Россией и хорошее и плохое, и радость и горе.

Девяносто лет назад мои дедушка и бабушка в какой-то мере определили мою судьбу, приехав в Уфу. И вот я уфимец со стажем в шестьдесят с лишним лет.

Татьяна РОМАНКО

МОЁ ДЕТСТВО

Странное чувство, что мы не такие как все, пришло из глубокого дошкольного детства.

Помню, как мама и бабушка тихо разговаривали о чём-то так, чтобы мы дети не могли расслышать их разговор. Иногда они при этом украдкой плакали. О чём были эти разговоры и почему они говорили так тихо, я тогда не понимала.

Не понимала, почему всю нашу семью некоторые люди называли «фашистским выводком».

Уже позднее помню, что моих одноклассников и девочек-соседей очень удивляла наша бабушка. Удивляло, что мы, её внуки обращаемся к ней на «Вы». Меня тоже удивляло, что о своих бабушках мои знакомые говорили «моя бабка».

Дети склонны что-то идеализировать. Возможно, по этой причине, мои детские воспоминания о бабушке, да и более поздние, могут быть субъективны, а повествования отрывочны и не всегда следуют в хронологическом порядке.

Бабушка, будучи уже пожилой женщиной, была очень красива. Светлое, возможно от седых волос, умное и одухотворенное лицо удивляло внутренним достоинством и спокойствием. Глядя на неё, у меня часто было такое чувство, что где-то в глубине её сознания хранится что-то такое, о чем знает только она. Думаю, что подобное чувство она вызывала не только у меня.

При всех жутких несправедливостях и унижениях, которые ей довелось испытать, бабушка сохранила какой-то свой внутренний стержень. Никогда не жаловалась, пыталась помочь всем своим многочисленным родственникам. Есть люди, которые пытаются казаться добрыми и отзывчивыми, именно казаться. В бабушке доброта и отзывчивость были искренними и естественными и составляли её суть. Она такой была, а не казалась.

Бабушка работала в Языковской средней школе Благоварского района Башкирской АССР, куда была сослана из Крыма. Преподавала, практически, все основные предметы: геометрию, тригонометрию, математику, физику, астрономию, немецкий язык.

Когда болели учителя-предметники, вела литературу, географию и т.д. Для сельской школы учитель такого уровня - большая редкость. Всё местное начальство и бывшие партийные лидеры хорошо ее помнят, так как знания, которые они получали в обычной сельской школе, давали возможность поступать в ВУЗы и способствовали дальнейшему карьерному росту отдельных ее учеников.

Мои дед, бабушка и мама - крымские немцы, предки которых заехали в Россию из Германии ориентировочно в 1805-1822 гг.

Деда я никогда не видела и знаю его только по фотографиям.

Дед - Фуст Густав Фридрихович (погиб в сталинских застенках, посмертно реабилитирован) и бабушка были учителями. Оба имели хорошее образование, закончив Симферопольский пединститут.

Бабушка - Фуст Августина Генриховна, в связи с особенностями национальной политики Советского государства, была депортирована в 1941 году из Крыма, как жена «врага народа» с двумя детьми моей мамой - Фуст Еленой Густавовной (1924 г.р.) и маминой младшей сестрой - Фуст Элли Густавовной (1928 г.р.). Так они попали в Башкирию.

Наши односельчане, да и не только они, не различали немцев и фашистов и во время войны, и после неё. Значительно позже (90-е годы), когда я была уже достаточно взрослой (закончила ВУЗ и не один год проработала), не раз была удивлена тем, что этого различия не делали очень многие наши соотечественники. Считалось, что если немец или немка, то обязательно из Германии.

Очень часто наши соотечественники не задумываются над тем, что очень многие из известных им людей, имена которых так хорошо всем знакомы, и которые внесли большой вклад в российскую культуру и процветание России, были немцами - Российскими немцами. Вот только небольшая их часть: - императрица Екатерина Великая, мореплаватели Беллинсгаузен и Крузенштерн, военачальники Врангель и Каппель, гордость русского флота адмирал Эссен, поэты Фет и Пестель, математик Эйлер и историкограф Миллер, пианист Святослав Рихтер, наши современницы - Алиса Фрейндлих и Анна Герман (ее отец Ойген Герман расстрелян в годы репрессий в Ташкенте). Так «хорошо» мы знали исто-

рию своего отечества.

В советской же исторической науке происхождение и судьбы российских немцев долгое время являлись запретной темой.

Между тем, в России - мы «немцы, родом из Германии», а в Германии - «русские, родом из России»

Так кто же мы? С чего начинается история российских немцев?

История появления немцев в России относится к 16 веку. Так Великий князь московский Василий III (1479-1533 гг.) приглашает на поселение западных землепашцев, ремесленников, художников, торговцев и врачей. В основном это были шведы, финны, немцы. А его сын, Великий князь «всея Руси» и первый русский царь Иван IV Грозный (1530-1584 гг.) продолжил политику привлечения западных специалистов, - переводчиков, печатников, лекарей, высокообразованных людей, каких на Руси в то время было не особо много. Приток специалистов не прекращался.

После Ливонской войны (1558-1583 гг.) пленённые немцы могли повсеместно селиться с правом свободного вероисповедания. Со временем они стали охотно селиться в самой Москве. Так на Кукуй-горе возникла Немецкая Слобода, в которой селились все иностранцы.

Во времена Бориса Годунова (1589-1606 гг.) воздвигается просторный лютеранский храм у Покровских ворот. Деньги на его строительство предоставили шведский принц и немецкие врачи, служившие у него. Царь велит воздвигнуть прямо в Кремле еще один храм для «немцев» (шведов, финнов).

Уже почти в самом начале правления династии Романовых при Алексее Михайловиче (1629-1676 гг.) знатные и богатые немцы селились в центре столицы. Они внесли большой вклад в отечественное образование, - именно в это время появляются первые в России школы, гимназии и больницы.

Не секрет, что Петр I (1672-1725 гг.) увлекался западноевропейской культурой. Не благоволивший католичеством из-за притеснения православных в Польше, он даже иногда посещал лютеранские богослужения в европейском пригороде Москвы, немецкой слободе. Его вторая жена, Екатерина Алексеевна (Марта Скавронская), до того как была привезена из Лифляндии, воспи-

тывалась в Мариенбурге в доме лютеранского пробста, переводчика Библии Э. Глюка.

Среди ближайших сподвижников Петра были немцы - полковник русской службы Франц Лефорт, обучивший царя обращению с астролябией Тиммерман, прививший Петру любовь к кораблям и парусам Карштен-Брат. При проведении реформ Петр использовал рекомендации и проект немецкого философа и математика Г.В. Лейбница.

Во времена Екатерины II (1762-1796 гг.) (немецкой принцессы-лютеранки, настоящее имя которой Софья Августа Фредерика, принцесса Анхальт-Цербская) численность российских немцев значительно увеличивается за счет освоения Поволжья. Просторы России продвинулись за время её правления на юг. Заканчивались времена кочевников. Для закрепления земель необходимы были людские ресурсы. Необходимо было осваивать богатое Черноземье. За счет русского крестьянства, закрепленного за дворянами, это сделать было невозможно. Поэтому Екатерина делает ставку на иностранцев и в 1762 г. специальным указом приглашает немцев в Россию. В июле 1763 г. выпускается новый указ, в котором оговаривались условия таких поселений - льготы: свободный выбор мест поселения, свобода вероисповедания, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода других повинностей. Это вызвало интенсивную колонизацию юга России - Крыма, Бессарабии и Закавказья.

Две трети новых поселений вдоль Нижней Волги были немецкими. Сюда преимущественно прибывали немцы из Пруссии, педантичный и послушный народ, - семилетняя война разорила Германию.

В это время по всей Германии бродили нищие солдаты, безработные ремесленники и безземельные крестьяне. При этом указ Екатерины долго скрывался местными властями.

При Александре I (1801-1825) были основаны новые поселения немцев вблизи Одессы на побережье Черного моря и в Крыму. Предположительно, наши родственники заехали в Россию именно в этот период.

Приток немцев не прекращался до конца XIX века. К 1908 г. насчитывалось 2 млн. 70 тысяч граждан немецкой национально-

сти. Широкое применение капиталистических методов хозяйствования привело к тому, что немцы-землевладельцы заняли ведущее место в экономике юга России. В Одессе в 1905 г. из 300 помещиков 176 были немцами.

Однако уже в 80-х годах XIX века политика царского правительства делает резкий крен, - принимается решение уровнять немцев-колонистов с русским населением. Ликвидируются немецкое самоуправление и конторы опекунов, как административные центры. Преподавание в школах переводится на русский язык, вводится воинская повинность.

В период I Мировой войны в стране разжигаются антинемецкие настроения. Пышным цветом расцветает великодержавное и шовинистическое отношение к российским немцам. Ограничивается немецкое землевладение. На юге проходит волна погромов. Подготавливается указ о депортации немцев в Сибирь.

А после Октябрьской революции в 1926-28 гг. по российским немцам прокатывается волна репрессий, связанная с политикой коллективизации сельского хозяйства и ликвидацией кулачества.

В августе 1941 г. НКВД СССР за 5 дней переселил сотни тысяч людей в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию.

1942 г. - обречение на мобилизацию в рабочие колонны на все время войны мужчин в возрасте 15-16 лет и 51-55 лет включительно, женщин от 6 до 45 лет включительно, за исключением беременных и с детьми до 3 лет. Дети (а их было тогда в каждой семье по 6-8 человек) должны были остаться с членами семьи, либо в немецких колхозах на воспитание. Полное разрывание семей: мужчины в полной изоляции в рудниках и шахтах Сибири и Казахстана, женщины - на предприятиях нефтехимической и горной промышленности Сибири. Дети-сироты - сироты при живых родителях. Опасный «спецконтингент» разбросали по всей стране.

Январь 1945 г. - помещение в тюрьмы без колючей проволоки: без права отлучения без ведома коменданта, иначе кара в уголовном порядке, 20 лет каторги. Ноябрь 1948 г. - депортированные народы должны навечно остаться в местах их выселки, пожизненно, без права возвращения к прежним местам жительства. Клеймо поднадзорных было снято только после смерти Сталина, в 1955 г., но возвращаться на свои прежние места не имели права -

до августа 1964 г.: «обвинения были неосновательны и явились проявлением произвола Сталина».

Папа - Партолин Василий Илларионович, 1922 г.р., уроженец Ростовской области, был лично знаком с писателем М.А. Шолоховым. В начале войны служил на границе и при наступлении фашистских войск попал в плен. Три года провел в концлагерях Германии и Норвегии.

О четверых узниках норвежских концлагерей (одним из которых был наш папа) Шолохов написал книгу «Норвежские были», которая в советское время вместе с другими книгами писателя этого периода была изъята из библиотек.

В 1943 году при наступлении наших войск папа был освобожден. Работал в г. Орске Оренбургской области, где и познакомился с мамой, которая находилась там же в трудармии.

В Орске в 1947 году родился мой старший брат Слава. Маме после долгой разлуки и всего пережитого, ей в то время было всего 23 года, очень хотелось встретиться и жить со своими родными, и, как только представилась возможность, она вернулась в Языково уже с мужем (моим папой) и сыном (моим братом Славой), откуда маму забрали в трудармию и где остались ее мама - наша бабушка и ее младшая сестра Элли.

На Родину в Крым всем немцам возвращаться было запрещено.

Зная, что пришлось пережить маме в трудармии из-за её национальности, папа запрещал говорить маме и бабушке на немецком языке и учить языку нас детей. Не раз я слышала, как папа, боясь за наше будущее, говорил маме: «Сама натерпелась, хочешь, чтобы и дети твои были немцами?» И обрывал разговоры мамы и бабушки на немецком языке. Но как можно было запретить то, что всегда было родным? До сих пор помню интонацию бабушкиных фраз, невольно вырывавшихся при обращении к нам: «Mein Gott! Wo ist mein Brill? Mach das Fenster zu и др».

Мама пережила трудармию. Как нужно было запугать и изуродовать человека - мать, чтобы она уже в наше время боялась разговаривать по телефону со своим самым любимым младшим сыном Витей, который с семьёй в 1992 году уехал в Германию? Мама боялась и за меня, когда я писала ему письма и отвечала на

его звонки.

В селе Языково, где мы, восемь человек - бабушка, мама, папа и пятеро детей, жили в крошечном домишке. Была ли череда несчастий постигших нашу семью в то время случайностью?

Помню, как горел наш дом. Маленького годовалого брата Володю я вытолкнула через окно на цветочную клумбу. Горел чердак, где лежали остатки бабушкиной библиотеки. Кстати, оттуда и начался пожар. Очень жаль, что сгорели удивительные бабушкины книги. Те, что она с таким трудом сумела вывезти из Крыма. Ведь брать с собой разрешали лишь маленький чемоданчик. Мой старший брат Слава помнит, как держал в руках редкую по тем временам книгу по математике в картинках - перевод с арабского языка.

Помню, как неожиданно пала корова, чем-то отравилась, не выходя из сарая. С тех пор я не пью молока.

Помню мамино заплаканное лицо, когда как-то утром спустившись на наш крошечный огород, она увидела его полностью затопленным водой. Соседние огороды не пострадали, так как небольшой водоем, откуда осуществлялся полив, был перегорожен только перед нашим участком.

Ни мама, ни папа, который три года был в фашистских концлагерях, никогда не рассказывали нам о том, что пережили в годы войны и послевоенные годы.

Спустя много лет, уже после смерти обоих моих родителей, я, слушая воспоминания маминой младшей сестры о том нелёгком времени, пришла к мысли, что наши дети, да и мы сами должны помнить и знать хотя бы часть того, что пришлось пережить нашим близким. Знать, кто мы, откуда пришли, почему у многих из нас долгое время нет ощущения, что мы дома. Ведь такое чувство приходит от восприятия пространства, где всегда были и жили наши родители, дедушки и бабушки, где каждая вещь, каждое дерево и постройки «помнят» их руки. Где тебя знают и любят просто за то, что ты есть.

Такой Дом и такую Родину имели и не могли забыть моя мама (Фуст Елена Густавовна), бабушка (Фуст Августина Генриховна), мамина сестра и брат - тетя Элли (Фуст Элли Густавовна) и дядя Вили (Кек Вили Фридрихович). До самой смерти дядя Вили

спрашивал: «Можем ли мы теперь вернуться домой? Почему мы не возвращаемся домой?»

А где Он теперь этот Дом?

Многие факты пережитого уже не восстановить.

Неоценимую помощь в восстановлении событий прошлых лет, связанных с нашими родственниками, оказала моя тетя мамина сестра - Фуст Элли Густавовна. Часть своих воспоминаний она попыталась описать в следующем повествовании. К сожалению, именно часть, так как возвращаться к этим воспоминаниям для нее очень тяжело.

Элли ФУСТ

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЯХ ФУСТ, РЕННЕР, КЕК

*Посвящается Фуст Августине Генриховне, нашей маме, бабушке, самой дорогой и любимой.
Подарок моей дочери Елене и внуку Вадиму, моим племянникам.*

Фридрих (1848-1936) и Екатерина (1853-1935) Фуст, Генрих (1866-1936) и Христина (1870-1943) Реннер - это мои дедушки и бабушки со стороны папы и со стороны мамы соответственно.

Жили они на Украине, в деревне Кайзерталь (позже Арбайт-сталь) Таврической губернии Мелитопольского уезда.

Семьи Кек и Гарвардт жили там же. Многие мужчины этих семей, женившиеся на сестрах отца, стали нашими родственниками. Предположительно наши предки переехали из Германии в период с 1817 по 1822 год из Вюртенберг (Wurtemberg), столица земли - Штутгарт (Stuttgardt), поскольку у нас с жителями этой земли общий диалект речи.

Семьи были большие. В семьях Фуст и Реннер было по 10 детей. Мои дедушка и бабушка были грамотны, хорошо читали и писали по-русски и по-немецки. Земство следило за образованием. Все должны были закончить 6 классов начальной школы.

Причины отъезда из Германии:

- политические — из Wurtemberg во время войны 1812 года с французами под Бородино вместе с русскими сражалось 158000 солдат, вернулось 150 человек;
- хозяйственные - высокие налоги, дорогая земля;
- религиозные - жестокие церковные законы.

В России согласно указам от 21 июля 1763 года Екатерины II были обещаны: дешевые земли в большом количестве; освобождение от воинской службы; временное освобождение от налогов; компактное проживание на свободных землях (в Крыму, на Украине, на Кавказе и в Поволжье); свободу вероисповедания. Мно-

гое из этого вскоре было отменено (введена армейская повинность).

Все это послужило причиной массового переезда немцев из Германии. В конце XVIII и начале XIX века в поисках новой Родины и лучшей доли многие немецкие семьи переселились в Россию. В начале немцы в России жили хорошо и зажиточно.

После 1892 года семьи Фуст и Кек переселились из Арбайт-сталь (деревня Мелитопольского уезда Таврической губернии Украины) в Крым, где купили землю. Они основали деревню Биеч-Найман в Джанкойском районе. Это родина моя и моей сестры Елены: здесь мы родились.

Деревня имела одну прямую улицу: с одной стороны располагались дома и хозяйственные постройки, а с другой, напротив каждого дома - сад. Одна семья Фуст Фридрих и одна семья Кек Даниель. Впоследствии сыновья отделились и заимели свои хозяйства. Так выросла деревня.

Семьи Фуст и Кек имели общую паровую мельницу, уборка урожая велась коллективно. Жили зажиточно: было много скота, птицы, амбары никогда не пустовали. Хозяйства были крепкие, семена выписывали из Германии, Бельгии, Франции и Канады. Урожаи были высокие и стабильные. Царское правительство скупало зерно и продавало его за границу.

Но грянула I Мировая война, а затем революция и гражданская война. В это время папа и мама жили в Украине. Папа работал писарем. Мама ухаживала за своей больной сестрой Леной (первая жена папы, впоследствии умерла). В 1923 году папа женился на маме.

Во время гражданской войны на Украине было особенно тяжело, село переходило из рук в руки то красных, то белых, то махновцев. Все грабили, требовали золота, денег. Дедушка Реннер неоднократно стоял под ружьем грабителей, спасало появление моей матери - красавицы Августины Реннер (дочери моего деда Реннер). Это отвлекало грабителей, в то время как остальные могли бежать к соседям через садовую калитку. Так мама спасала деда и себя.

В 1929 году на Украине и в Крыму у родных отобрали землю

и скот.

В 1930 году семьи Кек и Фридриха Фуста в Крыму были раскулачены и высланы в Коми АССР в лесные поселки. Начались тяжелые времена: трудная непривычная работа в тайге зимой при 30-40°С мороза зимой, а летом - тучи комаров и мошкары.

Мой отец не был выслан, так как мои родители были учителями, и собственности не имели, кроме дома и небольшого домашнего хозяйства.

О родственниках отца:

Старший брат отца Фридрих Фуст был возвращен из ссылки, так как его сыну (к сожалению, не помню имени), который служил в Красной Армии, удалось доказать, что в его семье не было наемной силы. Они поселились в городе Симферополь: на родину в деревню Биеч-Найман было запрещено возвращаться. Все дети дяди Фридриха, а их было восемь, получили высшее образование и стали учителями, врачами, инженерами. Спустя некоторое время их семья переехала на Кавказ.

Папина сестра, Луиза, (мать Вилли) была замужем за Фридрихом Кек и была выслана в Коми, где и умерла впоследствии уже после войны.

Сестра отца, Иоганна, жила вместе с нашими дедушкой и бабушкой Фуст, ее муж, Фридрих Фель, умер. Мой дядя Фридрих Фуст раздал землю детям, поэтому не был раскулачен, он был уже стар. Впоследствии эта семья переехала в город Евпатория, где работали дочери тети. Дедушка Фуст переехал с ними в Евпаторию. Умер в 1936 году, бабушка Фуст умерла еще раньше, похоронены вместе в Биеч-Найман. Тетя Иоганна с детьми была в 1941 году выслана в Казахстан, потом жили в Узбекистане, умерла в Казахстане. Ее внук Гарри Эдигер живет сегодня в Германии.

Другая сестра отца Амалия тоже жила в Евпатории. В 1941 году вместе с семьей (трое детей) были высланы в Казахстан. Дальнейшая их судьба мне не известна.

После войны связи с их потомками были потеряны. А было их 10 братьев и сестер, кроме тех, что умерли в младенчестве. Так что двоюродных братьев и сестер у меня было много.

Семья Кек (моей тети Луизы) — это 4 брата и одна сестра были высланы в Коми. Умерли уже в наше время в Коми. Их потомки и сейчас живут в Сыктывкаре, а многие в Германии. Первоначально семья Кек была выслана в Коми вместе с детьми. Однако в связи с очень тяжелыми условиями проживания и болезнью детей (несколько семей с детьми были размещены в холодной, дырявой конюшне), правительство разрешило вернуть детей из ссылки к родственникам в Крым. Так Вилли (Вильгельм) вместе с детьми родных был вывезен в Крым. А когда родители построили себе дома в Коми, все дети вернулись, за исключением Вилли. Вилли, по своему желанию, остался у своего дяди Густава Фуст, моего отца. Так он стал членом нашей семьи.

Еще с нами жила мамина младшая сестра тетя Эрна Реннер. После раскулачивания их родителей, моих дедушки и бабушки Реннер, которые жили в Украине, она приехала к нам. Реннер бабушка и дедушка переехали в Джанкой в Крыму к дяде Карлу (отец моего двоюродного брата Курта).

Папа и Вилли вели домашнее хозяйство (корова, свиньи, куры, гуси, огород, бахча), у нас была дружная семья, где все любили друг друга.

Мама и папа работали в школе в Биеч- Наймане, в Нем. Барине, Карамине, Цюрихталь. Они много работали с молодежью: при школе отец организовал хоровой кружок, мама - драматический.

Дома мы тоже часто пели на голоса (у меня был первый голос, Лена - сестра пела вторым, тетя Эрна и Вилли тенорами), папа играл на физгармонии. Часто по вечерам папа садился за физгармонию на веранде школы. Все слушали пение и говорили: «Фусты поют». Этот инструмент всегда переезжал с нами вплоть до 1938 года. В селе школа была центром культурной жизни, а учителя - многоуважаемыми людьми. Папа был заведующим школой (начальная и 7-милетняя). В разное время он работал в начальной, семилетней и средней школах и одновременно учился. Каждый вечер папа обходил село (Биеч-Найман, Нем. Барин): следил, чтобы дети вовремя шли домой. Все дети этому правилу

подчинялись, родители были благодарны. В это же время папа и мама оба учились заочно в Симферопольском пединституте.

Мама (Фуст Августина Генриховна) многим помогала в жизни. У нас жили Вили Кек (папин племянник), т. Эрна (мамина сестра). После раскулачивания жили дети (трое) тети Мины (мамина сестра), пока она искала работу и жильё в Джанкое. Во время голода 30-ых годов жила т. Тереза (мамина сестра) с двумя детьми с Украины. Во время Отечественной войны жила т. Эрна с двумя детьми. Она посылала деньги и посылки т. Эмили в ссылку и т.д.

Мама была грамотным, эрудированным, начитанным человеком, разбиралась во многих областях наук. С ней было интересно. Характер был ровный, общительный, а внешность привлекательной.

Летом отец помогал в колхозной бухгалтерии. Это давало нам хлеб на всю зиму, корм для скота. Летом школьники работали в колхозе, занимались посильным трудом, все были заняты, даже младшие мыли и вязали в пучки редиску, лук для продажи в Джанкое. Отец был хорошим организатором и учителем: во время голода в 30-е годы по договоренности с колхозом организовал питание детей в школе - это стакан молока и кусок пирога-мамалыги (из кукурузы), которые пекла тетя Эрна. В его школе дети в голодный обморок не падали, что было отмечено инспектором во время проверки, как самый положительный факт в то голодное время.

Рядом с отцом всегда была мама - Фуст Августина Генриховна. Она была флагманом нашей семьи. Ее очень любил отец и преклонялся перед ней.

Мама переехала в Крым из Украины в 1923 году после замужества. В 1924 году родилась моя старшая сестра Лена, я родилась в 1928 году. Наши родители окончили гимназию в Мелитополе и работали учителями. В советское время (1935 год) заочно окончили Симферопольский пединститут: мама закончила факультет математики, а отец факультет русского языка и литературы. По мере учебы их переводили из начальной в семилетнюю, затем в среднюю школу. Жили и работали в деревнях Биеч-Найман, Нем. Ба-

рине, Карамине, в 62-ом участке еврейской школы в Цюрихтале. Отец работал учителем русского и немецкого языков и литературы. Так было до 1938 года.

В мае 1938 года в Цюрихтале отца арестовали (посмертно реабилитирован). Обвинялся в контрреволюционной националистической деятельности. По всей России закрывались немецкие школы (1938 год). Папа умер в тюрьме Феодосии в 1940 году, - так на мой запрос мне сообщили в 1991 году. Маму сняли с работы. Немецкие школы все закрыли. Маму не раз вызывали на допросы, но не арестовали. Минпрос ее назначил учителем математики в Акчоринскую среднюю школу Лариндорского района в Крыму.

По окончании школы (1938 год) моего двоюродного брата Вили, который жил с нами, в институт не приняли, как воспитанника «врага народа» (моего отца) и сыне кулака. Он стал работать в русской школе учителем начальных классов, затем преподавал немецкий язык, как иностранный после окончания Цюрихтальской школы, которая считалась образцово-показательной и давала право преподавания. Школа имела прекрасный учительский коллектив, где было много мужчин, хороший интернат. В деревне была прекрасная лютеранская церковь, в которой стоял большой орган. Инструмент не использовали на полную мощность, так как сила его звука была такова, что могла повредить церковные постройки...

Мама, моя сестра Лена и я прожили три года в Акчоре, где учились в школе, мама работала, овладели русским языком.

Наступило лето 1941 года, началась война. В конце августа по приказу «отца всех народов» мама, я и сестра были высланы из Крыма в Башкирию. Ехали 3 недели в товарном вагоне. Остановки были долгими. Во время остановок готовили еду на двух кирпичах. У нас было ведро зажаренной свинины и другие продукты. Мужчины ходили на станцию покупать еду. Нас с сестрой мама не отпускала на станциях, чтобы не отстали от поезда, так как было неизвестно, когда отправится состав. В вагоне было очень тесно. По пути мужчины из досок соорудили перекрытие, и мы дети, за-

брались наверх, ехать стало немного легче.

Вилли, так как жил и работал отдельно, был выслан на Кавказ, а затем - в Казахстан. Мы его потеряли и до 1954 года не знали, где он. Встретились в 1955 году. Мои родные из разных мест Крыма, Украины, Кавказа и других мест были высланы в Казахстан (всего было выслано миллион немцев).

«Отец всех народов» умел обрушить свой верховный гнев на целые народы. Это испытали на себе и корейцы, и крымские татары, греки, ингуши, чеченцы, карачаевцы и другие народы.

Впоследствии все народы были возвращены в свои родные места, только Республику Поволжья немцам больше не вернули. После спецпоселения мы не имели права возвращаться в родные места.

Нас, немцев, разбросали по всей Руси Великой. Закончилось компактное проживание немцев в России, не стало школ и учебных заведений на родном языке. Без языка исчезает нация.

Итак, в сентябре 1941 года мама, сестра Лена и я прибыли в Башкирию. Первоначально мы попали в маленькое татарское село, где даже школы не было. Все удивляло меня: и одежда людей и деревянные дома, веретено, которым пряли (у нас дома была прялка), и язык и многое другое.

Мама писала в министерство, чтобы ее назначили в школу. Сестра Лена работала извозчиком, возила зерно на элеватор, я работала на горохе и картошке в колхозе. Первоначально маму тоже отправили на физическую работу: заставили копать картофель, который рос у нас во дворе и сдавать в колхоз. А на следующий день она заболела, - у нее была больная нога, сломанная в юности и сросшаяся неправильно, поэтому тяжелую физическую работу мама выполнять просто не могла. А было сказано: «Во время войны должны работать все».

Наконец, в ноябре пришел приказ о назначении мамы в Климовскую среднюю школу Буздякского района Башкирии. Директор школы Сабитсам (к сожалению, имя не помню) приехал за нами. Очень хороший был человек, во многом нам помогал. Моя сестра Лена стала учиться в 10 классе. Хотя школа была татарская,

но преподавание в старших классах велось на русском языке. Мама вела половину школьных предметов: алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, астрономию. Я не училась. Отправить меня в русскую школу не было возможности, не было одежды, еды и денег. Хозяйничала дома: ходила за хворостом, стеблями полыни - этим мы топили, работала у людей, осенью и весной в колхозе на картошке. Так прошло два года.

В 1943 году маму перевели в русскую школу в селе Языкове Благоварского района. Я пошла в 6 класс, а мою старшую сестру Лену мобилизовали в труд-армию (Гулаг).

С нами жила еще одна немецкая семья из Крыма по фамилии Клайн. У них в труд-армию забрали отца, мать, остались престарелая бабушка, ее дочь-инвалид и дети 4 и 6 лет. Их мать умерла в трудармии. А было это в городе Орске Оренбургской области. Моя сестра Лена никогда не рассказывала о жизни в труд-армии - не хотела вспоминать этот кошмар, хотела все забыть.

В 1946 году мне разрешили ее навестить. Девушки от 16 лет и женщины до 50 лет жили в большой комнате и спали на двухъярусных кроватях, было чисто, везде подзорники на кроватях, связанные их руками, и вышивки. В то время Лену уже перевели на легкий труд по болезни. Она работала кассиром в столовой. Это была уже нормальная жизнь. А в войну было очень трудно терпеть издевательское отношение, так как они для всех были не немцами, а фашистами.

В войну зарплата была ничтожной. Мама вязала людям кофточки, шали, носки. Шерсть пряла я. Вязаные вещи выменивали на продукты. Всем в войну было трудно, а нам еще и морально из-за того, что мы были немцами, ведь шла война с немцами, хоть нашей вины в том не было, однако немцев и фашистов не все люди различали. Я не могу жаловаться, многие люди к нам хорошо относились.

Мама была очень образованным человеком, тем более по сельским меркам. Ее очень уважали и почитали. Мама была сильным преподавателем математики и физики, и вообще разносторонне развитым человеком. Иногда ей приходилось вести немец-

кий язык. Еще в Крыму, одно время, она с интересом вела географию. Впоследствии, когда она уже была на пенсии, ее любимой телепередачей была «Клуб кинопутешественников», которую вели Шнайдер, а потом Сенкевич. Маму любили все коллеги, ученики, родители. Ее уважали и ценили за знания, эрудицию и характер. Она помогала многим и, в том числе, нашим многочисленным родственникам.

В 1943 году мы узнали адрес семьи (маминой сестры) нашей тети Эрны. Они тоже попали в Башкирию. Я поехала к ним и увидела их бедственное положение: дядя был в труд-армии, а тетя с двумя детьми голодала, побиралась, дети от голода разучились ходить. Я привезла их к нам. Нас стало 5 человек, а мама работала одна. Легче становилось весной, когда появлялись трава, ягоды, затем грибы. Мы с тетей весной и осенью работали у людей на картошке, своей никогда не хватало. В 1947 году приехал муж тети Эрны дядя Гуго и забрал свою семью. Он уехал в соседнюю деревню Коб. Покровка Благоварского района, где были жилье и работа.

Затем мама узнает, что ее племянник Курт Реннер, живший в Омской области и которому тогда было 17-18 лет, остался один. Мама пригласила его к нам. В дальнейшем он жил с семьей тети Эрны в деревне Коб. Покровка (Благоварского района), где была работа. Там впоследствии и женился.

В 1948 году приехала из труд-армии моя сестра Лена с мужем Партолиным Василием и сыном Славой. Она выжила, и мы с мамой были счастливы. У моей сестры родилось еще четверо детей. Всю свою жизнь она посвятила детям, все получили образование. Четверо живут в Башкирии, один младший сын Виктор с семьей в Германии. Лена умерла в январе 1998 года в Уфе.

В 1948 году я закончила Языковскую среднюю школу, уехала в Уфу и поступила в пединститут на факультет физики и математики, но мама заболела, я ушла из института, проучившись меньше полугода. Закончила бухгалтерские курсы и стала работать в Уфе. Работа не нравилась, мне хотелось быть только учителем. Поэтому я вернулась в Языково, явилась в РОНО с просьбой

трудоустройства, и меня направили учителем немецкого языка в среднюю школу в деревню Кучербаево Благоварского района. Там я проработала 4 года, затем два года в деревне Балышлы. Это были татарские школы. Быстро освоила татарский язык, в этом помогли и мои детские воспоминания. Я и сейчас еще помню татарский язык, что помогало мне в жизни.

В 1948 году нас поставили на учет в комендатуре как спецпоселенцев, где должны были ежемесячно отмечаться. В связи с этим я ежемесячно приезжала в Языково. Работая преподавателем немецкого языка, заочно училась в пединституте в Уфе, куда выезжала на сессию, и должна была брать в комендатуре разрешение. Так было до 1956 года, когда нас сняли с учета, мы подписались, что никогда не поедим туда, откуда нас выслали.

В 1955 году я вышла замуж за Пфетцер Павла Цахеевича (1923 г.р.), который был родом из деревни Алексеевка Благоварского района. Его отец и мать в 1938 году были арестованы. Отец был расстрелян, а мать отпустили через несколько лет. Павел и его две сестры выросли в детдоме. В труд-армии он оказался в Черниковске (Уфе). Он окончил нефтяной техникум, затем нефтяной институт (вечернее отделение). В 1957 году у нас родилась дочь Елена, в 1981 году родился внук Вадим. Муж Лены Олег стал мне сыном. Это моя семья, они мне дороги, они мои самые любимые. Но это уже послевоенное поколение, это другая история.

В 1958 году мы с мужем разошлись, я вторично вышла замуж за вдовца, моего кузена Кек Вилли, в 1991 году. Мы прожили с ним 12 лет в дружбе и взаимопонимании. Умер Вилли в 2003 году. Его дочь с семьей живет в Коми, а сын Эдвин с семьей живет в Германии.

Теперь о родственниках со стороны матери, мои тети и дяди.

Тетя Лена Реннер (1890 г.р.) старшая сестра мамы, была первой женой моего отца, умерла рано от туберкулеза, который в те времена был неизлечим. Умерли двое детей. Отец мой через несколько лет женился на моей матери Реннер (Фуст) Августине-Христине Генриховне (1893г.р.)

Тетя Тереза Реннер (Гарвардт) (1895 г.р.) жила с семьей на

Украине. В 1930 году, когда был голод, жили у нас с детьми и у родителей Курта Реннер в Джанкое. В 1941 году они попали в оккупацию, в 1944 году были насильно увезены в Германию, а в 1945 году, после освобождения Сов. Армией, были возвращены на Родину, но не на Украину, а в Казахстан, в Кустанайскую область. Там состарившись, умерла тетя Тереза и ее старшая дочь Клара. А ее младшая дочь Элли с детьми (четыре сына и дочь с семьями) переехали в Германию. Их отец и сын попали во время войны в Германию, дядя там умер от ранения, а их сын уехал после женитьбы в Канаду, где попал в автокатастрофу и погиб с двумя дочерьми. Жена и два сына сейчас живут в Канаде.

Тетя Вильгельмина вышла замуж за Якова Кох и уехала в Башкирию. В начале века в Башкирию переехал один из дядей мамы по фамилии Гарвардт. В Башкирии земля была дешевле, его потомки позднее жили в Благоварском районе, в Алексеевском сельсовете мы с мамой их видели. Тетя и дядя Кох в 1930 году бежали от раскулачивания (они жили на хуторе Кох), уехали на Кавказ. Там дядю Якова арестовали. Тетя Мина с тремя детьми (Алица, Арнольд и Вера) приехала к нам. Детей она оставила у нас, сама поехала в Джанкой, где жил дядя Карл Реннер, там она нашла работу и квартиру, была учительницей начальных классов. (В нашем роду было много учителей). Устроившись, приехала за детьми. Дядя Яков из заключения вернулся (редкий случай).

Началась война. Вместе с семьей Карла Реннер тетю Мину выслали в Казахстан, (в то время была жива еще наша бабушка). В 1941 году в декабре забрали в труд-армию дядю Якова (мужа тети Мины), тетю Мину, старшую дочь Алицу. Остались дети Арнольд и Вера. Арнольд ушел на заработки в город и никогда больше не вернулся. Тетя Мина его всю жизнь ждала и искала. В 1944 году тетю отпустили из труд-армии по болезни. Она взяла свою дочь Веру и Курта Реннер, который остался один, и уехала в Омскую область к родне дяди Яши. После войны тетя Мина с Верой поехали в труд-армию к дяде Яше.

Тетю Мину и дядю Яшу после войны выслали в Магадан, они были уже старыми. Через несколько лет они смогли вернуться

в Омскую область, затем жили в Узбекистане, где и умерли. Их дочери Алица и Вера с семьями переехали в Германию. Алица и ее муж Освальд умерли в Германии. Вера живет в городе Бремен.

Тетя Эмилия Руф (1902 г.р.) вышла замуж за бедного плотника. В 1930 году их сослали в Челябинскую область на Сим. В 1938 году мужа арестовали, она осталась с двумя детьми Виллигард и Эгон. Мама часто им посылала деньги и посылки. После войны тетя Эмилия переехала с детьми в Омскую область к сестре Вильгельмине. Их потомки и поныне живут в Омской области, но некоторые внуки уехали в Германию, а сын Эгон жил в поселке Прибельском Кармаскалинского района в Башкирии (умер в 2009 году).

Дядя Карл Реннер (1903 г.р.) уехал из Украины в Крым, когда нависла угроза раскулачивания к нему переехали и наши бабушка и дедушка. В 1941 году были высланы в Казахстан, по дороге дядю Карла мобилизовали в армию, где он пропал без вести. Жена его Ольга умерла в 1943 году, в том же году умерла и наша бабушка. Курт и Вера хоронили их вдвоем без гроба, не было досок. Курт с братьями Эрнстом и Владимиром остались одни. Курту было 13 лет, младших забрали в детдом, а Курт, как мог жил один. Ему пришлось в жизни труднее всех нас. Потом его забрала тетя Вильгельмина, (они уехали в Омскую область, где были родственники дяди Яши Кох) позднее приехал к нам в Башкирию. Жил у тети Эрны, затем женился. С женой ему повезло. С Валею он прожил почти 60 лет, у них трое детей, все живут в Уфе. Валя недавно умерла. После войны Курт нашел одного из младших братьев Эрнста, а про другого младшего брата в детдоме сказали, что брат Владимир умер. Эрнст с семьей живут в Германии. Курт, после трех классов образования, закончил в Уфе нефтяной техникум. Живет с семьей дочери в Уфе.

Дядя Вольдемар Реннер (1908 г.р.) был учителем начальных классов на Украине, жил на границе, попал в оккупацию. Его вывезли немцы, в конце войны оказался в Австрии, переехал в Германию и обосновался в Баденвютенберге, откуда, предположительно, наши предки. Сначала работал у крестьян (Ваиег), затем

учителем, но к нему постоянно придирались, ушел на завод рабочим. Женился, имел двух дочерей, умер в 1986 году в Германии. Его вдова и две дочери с семьями живут в Германии. Я дважды навещала его, а последний раз посетила его могилу в 2004 году.

Последняя сестра мамы тетя Эрна (о ней я писала выше). Ее дочь Нелли с семьей переехали в Германию, сын Эрвин умер в России, младший сын живет в Белгороде.

Вот все, что я помню о предшествующих поколениях, о своих родных и близких.

До 1917 года немцам в России жилось хорошо. Но затем начались раскулачивания (это коснулось всех народов в России), репрессии в военные и послевоенные годы. Несмотря на неоднократные просьбы российских немцев к правительству СССР и России республика немцев на Волге не была восстановлена. После спецпоселения мы не имели права возвращения в родные места. Перестроечные времена, распад СССР - все это послужило причиной, чтобы «новую» Родину поменять на старую (историческую). После 60-70-х годов началось «великое переселение» немцев назад в Германию. Многие наши родственники (почти все) за эти годы уехали. «Батюшка» Рейн в Германии принял их не очень ласково, а «матушка» Россия была мачехой. Так что нескольким поколениям российских немцев пришлось пережить сложную трудную жизнь.

В настоящее время мои родные в Германии живут от Бремна на Севере до Бонна на Западе, от Боденского озера на юге и до Лейпцига на востоке.

Живут благоустроенно, но были и всякие проблемы, особенно с языком и трудоустройством.

Многое пережито, но было и много хорошего. Я любила свою работу, с желанием шла в школу (на работу), с охотой и радостью шла домой, где ждала меня мама и дочь Леночка. Я любила путешествовать, многое повидала, трижды была в Германии. Было много хороших друзей, они есть и сейчас. Моя семья Лена, Олег, Вадик внимательно относятся ко мне, любят меня, заботятся обо мне.

Мне недавно исполнилось 80 лет. Слава Богу, я могу сама себя обслуживать, у меня хорошая квартира со всеми удобствами, остановка транспорта рядом. Магазины, поликлиника, аптека - все рядом. Пенсия приличная. Много читаю, люблю смотреть телевизор, особенно канал «Культура». На этой оптимистичной ноте заканчиваю свое повествование.

P.S. Многие из написанного — это рассказы моей матери Фуст Августины Генриховны и моего мужа Кек Вильгельма Фридриховича. Кое-где могут быть небольшие неточности, особенно там, где описывалась жизнь тетей и дядей. Из всех многочисленных родственников, о которых я написала, самой популярной личностью была наша мама Фуст (Реннер) Августина Генриховна. Она была самой образованной, культурной и обаятельной среди всех. Внешняя красота гармонично сочеталась в ней с внутренней душевной красотой. Ее обожали и любили все, кто ее окружал и знал: дети, внуки, сестры, братья, муж, многочисленные ученики, знакомые, соседи и др.

Умерла наша мама 29 мая 1977 года. Мы, ее потомки, будем помнить ее вечно с благодарностью и любовью.

Декабрь 2008 года.

Герман АРНГОЛЬД

ОСМЫСЛИВАЯ ПЕРЕЖИТОЕ

О СЕБЕ, О ЖИЗНИ В НЕМРЕСПУБЛИКЕ НА ВОЛГЕ И НЕ ТОЛЬКО...

Ныне, на излете жизни, я все чаще размышляю над истинным смыслом жизни и гражданском долге людей моего поколения, родившихся, прошагавших свой жизненный путь в «шкуре» российского немца. Человеческая жизнь только одноцветной (светлой либо черной) не бывает. Светлые годы моей жизни прошли в бывшей Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья (АССР НП), в которой я родился и прожил 18 лет, то есть почти столько, сколько лет просуществовала сама Республика. Моему жизненному пути в то время сопутствовало благодостное ощущение светлости и национального комфорта.

В Республике я достиг совершеннолетия, окончил десятилетку и один курс немгоспединститута, после чего в 1941г. был репрессирован как лицо немецкой национальности и выслан в Сибирь.

Моя дальнейшая жизнь, как и судьбы подавляющего большинства соплеменников, сложилась в значительной мере стереотипно по некоему стандартному геноцидному сценарию, уготованному властями родного государства всему российско-немецкому народу: депортация, трудовая армия (рабочие колонны), спецпоселение и последующее затем многолетнее системное уничтожение национального стержня народа — его немецкости.

В цепи названных драматических событий и несбывшихся надежд на возможную национальную реабилитацию в качестве очередного судьбоопределяющего этапа можно выделить период конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века. Это были годы взлета национального самосознания российско-немецкого народа, возникновения и становления широкого общественного движения за его этническое возрождение. Одним из активных участников и

организаторов движения являюсь по настоящее время. Ныне, к сожалению, приходится признать, что, несмотря на многолетнюю подвижническую деятельность основной массы участников Движения, бесспорно внесшего неоценимый вклад в отстаивание права народа на полноценную национальную жизнь, последнюю возродить так и не удалось. Размышляя над перманентными жертвоприношениями нашего народа, замечу, что подчас приходит разочарование в происходящем, неверие в возможность переломить ситуацию и в связи с этим соблазн отчалить на полосу позорного смирения с тихой гибелью некогда мощного российско-немецкого этноса. Однако душа подобное решение отвергает и требует выстоять до конца. К счастью, в России проживает еще немало соплеменников, придерживающихся аналогичного подхода к решению нашей национальной проблемы.

Понятие «Россия» я связываю не с некими конкретными «хорошими» или «плохими» системами общественно-экономического и политического устройства страны, определявшими судьбы народов в ее историческом прошлом, не с конкретным злом или добром, а с тем, что существовало и существует вне и вопреки этому. В этом смысле для меня Россия - прежде всего моя родина (независимо — малая или большая). Россия — это те женщины разных национальностей, которые в тяжкие годы войны по возможности спасали от голода и гибели детей репрессированных немцев, принудительно лишенных властями родительской защиты и помощи. Россия — это генная потребность, вечный зов народа к добру и поддержке. Это когда сосед в беде подчас ближе, чем родной брат. Россия — это необъятность просторов обитания, неисчерпаемость ресурсов и величие творческого потенциала народа, являющихся залогом грядущего выдвигания ее в передовые рубежи будущего мироустройства. Служить такой России считаю почетным долгом российского немца.

Восприятие России как родины-матери, укоренившееся ныне в сознании большинства российских немцев, возникло не спонтанно и обособленно от инонационального окружения. Напротив, чувственное отношение к России как к новой родине зародилось у

наших предков в период массового заселения ими земель России, в которую они прибыли по приглашению ее царей. Позднее, по мере становления российско-немецкого этноса, почитание российской родины стало неотъемлемой составляющей лучших национальных качеств и традиций, таких как трудолюбие, основательность, любовь к порядку, упорство, законопослушность, толерантность в отношении к другим народам, равно как и неистребимое стремление к самосохранению и самоорганизации в форме этнического сообщества. Названные данности, вкуче олицетворяющие добрую славу российских немцев, являются нашим национальным богатством. Пастырская миссия: сохранить, приумножить и завешать это богатство потомкам, на мой взгляд, является смыслом и национальной целью жизни российского немца, испытавшего на себе все перипетии геноцидной репрессии. Таково мое кредо в жизни. Достоинно оно подражанию или нет, судить не мне.

Я пришел к выводу, что корни, питавшие мою жизненную позицию, уходят в далекие годы моего детства и юношества. Своими воспоминаниями и впечатлениями об этом хочу поделиться.

* * *

Итак, я, Арнгольд Герман Давыдович, родился 8 марта 1923 г. в с. Цюрих (ныне Зоркино) Унтервальденского (Подлесновского) района бывшей АССР немцев Поволжья. Мои четкие воспоминания о детстве относятся к жизни в с. Боаро (Бородаевка) в возрасте 6-7 лет. Боаро в то время было крупным, красивым и богатым селом Марксовского (Марксштадтского) района, находящегося в левобережной части Волги, в 10 км северо-восточнее г. Маркса. Согласно Штумппу, Боаро был основан в 1765 г. и к 1772 г. имел 281 жителя, в 1912 и 1926 гг. соответственно 6063 и 3544 жителя. Село расположилось удобно вдоль высокого правого берега реки Караман. Оно состояло из двух непосредственно примыкающих друг к другу поселений: нижнего (Niederdorf) и верх-

него надгорного (Oberdorf ia Wiesenberg). Село, в основном, было застроено добротными деревянными домами с чистыми улицами и традиционными скамейками возле домов. Кирпичными зданиями были 2-этажный дом сельского совета, школа, лютеранская церковь, детдом и большая мельница на дизельной тяге. Ещё две громадные деревянные мельницы имелись на Wiesenberg. Каждая из них наружно представляла собой бочкообразное пузатое сооружение высотой с 2-этажный дом с большими деревянными крыльями-лопастями. Перечисленные дома и сооружения, за исключением церкви и школы, в дореволюционное время являлись собственностью немецких колонистов.

Мои родители происходили из крестьянских середняцких семей. Окончив церковно-приходскую школу, они получили неплохое по тому времени образование. Отец, Давид Андреевич (Генрихович), в Боаро был направлен в качестве секретаря сельского совета. В селе был известен как писарь (der Schreiber). Он отслужил в царской армии, владел русским языком и пользовался авторитетом у селян как знаток и приверженец крестьянской жизни. Был общественником, доступен в общении, справедлив в суждениях и разбирательствах. К нам, детям, был строг и требователен. Маму, Софию Филипповну, в обиходе называли тетей Софией (Ves Szofi).

Жили мы в большой комнате и кухне на первом этаже в доме сельсовета в составе 6 человек, в том числе младшие брат, сестра и родная сестра отца. На втором этаже разместился сам сельсовет. Здание имело большое кирпичное подвальное помещение. В одном из них находился склад керосина, который там и продавался жителям села. При доме имелся ряд хозяйственных построек: сарай, конюшня, амбар, два высотных рубленых зернохранилища, обширный бокс, в котором хранилось большое количество неиспользуемой сельскохозяйственной техники (плуги, сеялки, бороны и проч.). К дому примыкал фруктовый сад.

Наиболее притягательным природным объектом для меня, моих сверстников, а также и взрослых была река Караман с прозрачной кристально чистой водой. Весной река превращалась в

глубокий мощный поток шириной в несколько десятков метров. Летом река возвращалась в свое ложе, которое в отдельных местах можно было форсировать при воде несколько выше колен.

Текущая жизнь села вначале воспринималась как благополучная. Скорее всего это сказывались позитивные результаты оздоровления экономики, полученные в период НЭПа, который к тому времени уже сворачивался. Село жило оживленной хозяйственной крестьянской жизнью. Круглый год, за исключением коротких зимних перерывов, продолжалась напряженная деревенская работа. Улицы редко пустовали, особенно весной и осенью, когда постоянно что-то перевозили и куда-то ездили. По утрам на пастбище выгонялось многочисленное стадо коров и другой скотины. Действовало признанное правило, согласно которому ежедневно по очереди хозяева дворов обязаны были выделять кого-то из членов семей в помощь пастуху. Эту функцию приходилось не раз выполнять и мне. Многие крестьянские хозяйства занимались экономически выгодным кролиководством, разведением домашней птицы, особенно гусей и уток.

Относительно благополучное материальное положение большей части крестьянских хозяйств наглядно демонстрировалось во время красочных шествий, устраивавшихся в дни Октябрьской революции и 1 Мая. Традиционно эти праздники начинались короткими митингами, после чего мимо сельсовета следовали духовой оркестр, вереница конных экипажей и верховых. Все было в праздничном убранстве, оформлено цветными лентами, колокольчиками, разукрашенными сбруями и повозками. Чувствовался душевный подъем и соревновательный дух. Зажиточные крестьяне стремились покрасоваться и демонстрировали свою самодостаточность. К сожалению, этот период был недолгим. Вскоре большую часть ухоженных коней и коров мне приходилось видеть в колхозных конюшнях.

Непосредственно после начала «добровольной» коллективизации последовал период раскулачивания, отличавшийся тем, что власти в целях подкрепления слабой материальной базы в спешке созданных коллективных хозяйств ограничивались экспроприаци-

ей крупной собственности, в основном лошадей и сельхозтехники у зажиточных крестьян без их выселения. Мне это достоверно известно, поскольку нас, школьников-пионеров, посылали в качестве шефов на колхозные конюшни. Нам поручали помочь и следить за тем, чтобы лошади, крупный рогатый скот получали в полном объеме положенный корм и уход. Отмечу, что и без нашей опеки конюшенное хозяйство всегда содержалось в идеальном порядке. К примеру, телеги, повозки (зимой сани) в конце рабочего дня устанавливались строго в одну шеренгу с приподнятыми оглоблями, чтобы не касались грязи и сырости.

Кстати, уже после депортации немецких колхозов в Сибирь попытка приучить к такому же порядку местных колхозников вызвала у них скепсис и крайнее удивление. К тому времени отнятые у кулаков лошади и крупный рогатый скот находились еще в хорошем состоянии. С десятков жеребцов содержались в одной из колхозных конюшен. Говорили, что они будут отправлены в районный центр в распоряжение ГПУ (структура ВЧК). Под отдельным присмотром на территории сельсовета находился красивейший конь села — высокорослый племенной рыжий жеребец с белой гривой, отличавшийся норовистостью. Помнится, что однажды вечером во дворе сельсовета был слышен шум, крик и плач. К нам в комнату забежал конюх с окровавленной перекушенной выше локтя рукой. Он видимо не угодил жеребцу, который после этого никого к себе не подпускал. Чтобы его успокоить, пришлось приглашать его прежнего хозяина, которого, к счастью, еще не успели выселить из села.

Между тем жизнь в селе начала перестраиваться применительно к условиям всеобщей коллективизации, что затронуло и нас, школьников. По наставлению учителей мы усердно собирали зерновые колосья с колхозных полей, занимались сбором макулатуры, вылавливали сусликов, которых в голодные 1932-1933 гг. наряду с прочей дикой живностью и травами употребляли в качестве лакомой пищи. В те годы в Поволжье свирепствовала малярия, которой болел и я. Дети и школьники мобилизовывались для отлавливания комаров, которых собирали в пробирки в сараях

и подвальных помещениях. В качестве награждения мы получали цветные карандаши и прочее.

Из Боаро меня дважды направляли в пионерский лагерь. Помимо традиционных воспитательных мер, мне запомнились групповые процедуры принятия солнечного загара в полностью обнаженном виде. С большим интересом слушали рассказы пионервожатых о приключенческих историях про индейцев, морских разбойников и др. Неприятие вызывали частые ночные подъемы всего лагеря по тревоге, смысл которых мы так и не поняли.

Наступали голодные 1932-33 гг. Хаотичная коллективизация и раскулачивание усугубили и без того тяжелое положение голодного села. Голод продолжался до конца 1933 года. За этот период Боаро изменился до неузнаваемости. Голодали практически все, хотя и в разной мере. Большинство семей пустило под нож весь крупный и мелкий домашний скот. Съедалось все, что двигалось и росло на земле. Люди передвигались с трудом, имели опухшие лица и ноги. Многие умирали или ослабевали настолько, что не могли выходить из дома. В тот период наряду с колхозами разрешалось создавать различные артели. По инициативе представителей интеллигенции (учителей, служащих, клубных работников) в селе тоже была создана артель по выращиванию овощей. Председателем был избран отец. Купили 2-х лошадей и кое-какую технику. Благодаря хорошей организации и дисциплине труда удалось вырастить неплохой урожай, что позволило заметно уменьшить страдания от голода. Однако и в этом случае не обошлось без трудностей и неудач. Помню, что к весне наиболее голодного 1933 года одна лошадь из-за бескормицы настолько ослабла, что приходилось ее удерживать на ногах в подвешенном состоянии с помощью подбрюшника и толстых веревок. Позднее с трудом смогли ее отправить в поле на молодую травку под моим присмотром. Голод и разруха отступили только к осени 1933 г.

Отдельного рассмотрения заслуживает состояние духовной и бытовой жизни жителей Боаро. В селе проживало только немецкое население, за исключением нескольких русских детдомовских ребят, свободно владевших немецким языком. Боаро славилось

богатой духовной жизнью с развитыми культурными традициями и значительным количеством грамотных людей. Была школа-семилетка, лютеранская церковь с отдельной колокольной. Церковь к тому времени была уже закрыта. Однако жители, в том числе и наша семья, соблюдали традиционное верование и религиозные праздники. Закрытие церкви имело свое продолжение, был снят крест и разрушено внутреннее убранство с драгоценным органом. Органные дудки стали добычей вездесущих мальчишек, использующих их в качестве свистулек. В том же году сгорела дотла деревянная церковь соседнего села Беккердорф. О причинах пожара никаких разъяснений не было.

Центром культурной жизни Боаро был сельский клуб, имевший помимо большого зрительного зала ряд обособленных помещений для занятий кружковой самодеятельностью и библиотечной работой. Имелся великолепный духовой оркестр. Действовали хоровой и вязальный кружки, женская секция культпросвета и известный по всей Немреспублике драматический кружок. Драмкружок славился тем, что успешно, можно сказать профессионально, ставил спектакли по пьесам Ф. Шиллера «Коварство и любовь» («Kabale und Liebe»), «Разбойники» («Die Rauber») и др. Душой драмкружка, его бессменным режиссером и постановщиком был талантливый завклубом, к тому времени уже весьма пожилой человек с фамилией Шпарт (der alte Spart). Еще одним видным руководителем культпросвета был Гартман Теодор Карлович, направленный в Боаро от комсомола в порядке реализации директивы руководства Немреспублики о форсированном развитии культурно-просветительской деятельности и ликвидации безграмотности. Гартман отличался незаурядными организаторскими способностями, неиссякаемой энергией и веселым характером. Он был известен и тем, что после окончания немецкого сельскохозяйственного института и последующей репрессивной депортации возглавлял один из лучших колхозов в Казахстане.

Жители Боаро были общественниками и любителями национальных увеселительных традиций, обрядов и празднеств. В субботние вечера после дойки коров и завершения других неотлож-

ных работ молодёжь спешила в клуб на танцы, которые продолжались до ночи. Боаровцы знали толк в танцах, особенно любима была die Hopsapolka, которую танцевали до седьмого пота. Игрались также короткие скетчи, исполнялись частушки с дружеской критикой нерадивых общественников. Запомнилась частушка по адресу руководителя общественной женской секции клуба: «Seht einmal da sitzt Sie, seht einmal schon schlummert sie, seht einmal wie passiv das vertrodelte Frauenaktiv». Все эти подробности и частности мне известны потому, что папа и мама были бессменными участниками драмкружка, а тетя любительница танцев. На эти мероприятия они меня всегда брали с собой.

Образ жизни села в целом можно охарактеризовать как благопристойный. Вот некоторые штрихи. Не было пьянства. Самыми крепкими ругательствами были: «Гром и молния» (Donnerwetter), «К черту» (Geh zum Teufel). Здраваться со старшими на улице было незыблемым правилом. Любимым местом сбора молодежи был высокий берег Карамана, где в период весеннего разлива и ледохода звучали душевные мелодии песен «Schon ist die Jugend», «Da drunten in Tale» и др. Из азартных игр предпочтение отдавалось гандболу, дети школьного возраста играли в городки, занимались ловлей певчих птиц. В нашей семье в длинные зимние вечера, бывало, собирался узкий круг друзей папы для игры в преферанс. Рассказывали всякие истории из крестьянской жизни, а по праздникам позволяли себе по маленькой рюмочке шнапса, но не более.

Радио или иных средств связи в селе не было. В сельсовете был единственный телефон – настенная фигурная деревянная коробка высотой около полуметра с ручкой, которую надо было крутить до тех пор, пока не откликнулась станция г. Маркштадта. Связь с жителями села осуществлял глашатай, который обходил улицы со школьным колоколом и громким голосом объявлял новости, приглашения на сельский сход или иные мероприятия. По этому поводу старшие школьники, подражая ему, сочинили и громко распевали слегка хулиганистую песенку «Es wirt bekannt gemacht, der Bidel (глашатай) hat sei Frau geschlacht, die Ditze hat zu

Worst gemacht».

Несколько слов о выделявшихся и уважаемых в селе людях. Наряду с уже вышеназванными колоритными фигурами, были Александр Герберт (Saschka Herbert) и Конради по кличке «Кожаный» (der Lederne). Герберт, спортивного вида красивый мужчина лет 40, в то время был самый крепким хозяином-единоличником. Несмотря на сплошное раскулачивание зажиточных крестьян он сумел сохранить 2-х лошадей, считавшихся лучшими в селе. Зимой он частенько по главной улице села устраивал бега в саночной упряжке в сопровождении большой породистой собаки. Он иногда заглядывал к нам для беседы с отцом. Полагаю, что Герберт смог сохранить свою хозяйскую самостоятельность из-за всеобщего уважения, преклонения перед его мужеством и неоглядной смелостью и готовностью к помощи там, где требовалась сила и решительность. Помнится случай пожара на соломенных стогах на окраине села. Герберт с брандспойтом в руках с разбега вскочил в самый центр разбушевавшегося пламени и потушил пожар, обгорел, но победил огонь.

В те годы по сёлам Немреспублики часто разъезжали разного рода фокусники и силачи, демонстрировавшие своё искусство. На такие встречи обычно приглашались смельчаки из местных, желающих помериться силами. Среди них Герберт дважды выходил из поединков непобежденным. Вег Ёбегпе (Кожаный) получил эту кличку потому, что постоянно ходил в кожаных штанах-галифе. Он работал цирюльником, был коммунистом. Я дружил с его сыном, и он нам рассказывал всякие истории о том, как воевал в гражданской войне в составе Марксштадтского добровольческого кавалерийского полка в первой конной армии Буденного. Утверждал, что были случаи, когда днями не слезали с коней, из-за чего болезненно натирались промежности до обнаженного мяса. Говорил, что кожаные штаны подарил ему сам Будённый, врал наверное, хотя был человеком видным и уважаемым в селе.

Раздел о жизни в Боаро хочется завершить краткой иллюстрацией своеобразного местного диалекта, на котором говорили жители села. Подобного диалекта позднее по всей Немреспублике

не встречал. Даю просто набор не связанных между собой ни смыслом, ни содержанием фраз, но имеющих характерную диалектную окраску. Например: бывший житель с. Боаро И. Гаан рассказывал, как его встретили друзья по возвращении из трудармии: «Als sie mich losjelaſſen han von dr Trudarmi, da kam ich ufh Zuch (поезд) noch Tuimasi (жд. станция в Башкирии) un wie ich mit mai holzernes Tſchemodanje den Zuch raus kam, da hanse mitr Fifoline en Duschje gspielt in han mich Hurrajeschmisse bis an Himmel nuf». Или в Боаро сынишка просит маму: «Mam, ich will Schwarzberkuchen. Wolodja die Schwarzberkuchen solln doch zum Suntag bleiben da komt doch die Tante Lisbet, die will doch ouch Schwarzberkuchen, ess doch Gorken. Ich will aber kene Gorken, ich will Schwarzberkuchen. No Wolodjen, du hast doch Lewp und Lunge in Leib, ess doch Gorken usw».

* * *

Между тем наступил 1935 г., и наша семья переехала на новое место жительства в г. Марксштадт, где проживала до репрессивной депортации в 1941 г. Юношеские годы, проведенные в Марксштадте на берегу великой матушки-реки Волги, были самыми интересными и счастливыми в моей жизни.

Марксштадт, бывший Екатериненштадт (по-немецки Katharinenstadt) находится на левом берегу Волги в 55 км выше по течению от городов Энгельса и Саратова. Расположение города вдоль волжского берега в значительной мере определяло его планировку и архитектурный облик.

Улицы, которых в то время было более десяти, протянулись вдоль Волги параллельными прямыми линиями в направлении к лесостепным (степным) селам Боаро, Беккердорф и др. Соседними поселениями по линии приволжской низменности были поселки Борегард, Паульское, Фишер. Самая широкая улица (ныне ул. Ленина), начавшаяся у Kawakeberg (кабак у горы) была поперечной и разделяла город примерно пополам. Расстояние между улицами, как правило, было одинаковым и равным длине двух приусадеб-

ных участков, прирезанных к домам соответствующих соседних улиц. Город, в основном, был застроен добротными бревенчатыми жилыми домами с дощатыми и частично металлическими крышами. В окрестностях города никакого делового леса не произрастало. Распространенность дерева как основного стройматериала объяснялась тем, что ежегодно после ледохода из Прикамья вниз по Волге сплавлялись большие плоты кругляка до Марксштадта и далее в Саратов, Энгельс, Сталинград вплоть до Астрахани. Плоты составлялись из бревен, заготовленных в хвойных лесных массивах Пермской (бывшей Молотовской) области.

В этих местах я позднее, будучи в трудармии, был занят на лесоповале, который в то время выполнялся вручную простейшими инструментами. Плоты загонялись в затон к лесопилильне для разделки. Кроме того, несколько городских семей традиционно занимались вылавливанием на Волге отдельных, оторвавшихся от плотов, свободно дрейфовавших бревен и доставкой их весельными лодками на берег.

В городе имелось и немало выделявшихся размером и красотой каменных одно- и двухэтажных строений, представленных культовыми, административными, культурно-образовательными и другими объектами.

Конфигурация хозяйственной жизни города, отличавшейся креном на торгово-ремесленное и промышленное развитие, была обусловлена его удобным расположением на важнейшей в то время транспортной артерии страны глубоководной Волге. Поблизости находились торгово-промышленные центры: Саратов, Энгельс, Вольск, другие более мелкие торговые партнеры, нуждающиеся в продукции Марксштадта и прилегающего района. Такой продукцией были: зерновые, главным образом пшеница твердых сортов, табак (махорка), мясо, подсолнечное масло, коженное сырье, а также промышленные изделия – дизели для сельского хозяйства и речного транспорта.

Развитию торговли благоприятствовали также выгодные естественные образования: глубоководный при весеннем разливе Волги затон, несколько более мелких протоков и рек (Малый и

Большой Караманы). Имелась достаточно развитая торговая инфраструктура: мощные амбары-зернохранилища, флотилия мелководных баркасов, барж и пристань, к которой на протяжении всего лета и осени швартовались большие быстроходные почтовые и пассажирские пароходы и грузовики. Пристань обслуживалась артелью профессиональных грузчиков, которые за короткое время стоянок обеспечивали бесперебойное выполнение погрузочно-разгрузочных работ. Для переноски грузов применялись оригинальные устройства – грузодержатели в форме верблюжьего седла, сделанные из легкого дерева с прикрепленными широкими надплечными ремнями. Носились они на спине и были весьма удобны для переноски грузов как в мешках, так и в виде металлических (чугунных) болванок, использовавшихся в большом количестве в качестве сырья для завода «Коммунист».

За этой увлекательной процедурой я помногу раз наблюдал с восхищением. На лето, после схода льда и возвращения Волги в естественное русло, пристань отодвигалась на значительное расстояние, покрытое чистым песком. На этом песочном основании устраивался деревянный настил из шпальных пластин, по которому грузы гужевым транспортом доставлялись в город и обратно.

Одним из гужевых перевозчиков был отец моего школьного товарища Шуры Резнера – *der alte Rosner* (старик Резнер). Резнеры жили недалеко от нашего дома и владели большим хозяйством — пятистенным домом с надворными постройками, лошадью битюговой породы грязно-белого цвета и набором различных грузовых телег. Старика-единоличника ежедневно можно было видеть на гужевой трассе в сопровождении большого черного кобеля. Один раз в неделю он по традиции крепко выпивал и страшно ругал коммунистов за притеснения и тяжкий труд. Удивительно, что его не привлекали к ответственности по принятому в то время стандарту.

Внешнеторговые, внутриреспубликанские и районные потребности в товарах удовлетворялись имеющимися производственными мощностями, ведущее место в которых занимали уже упомянутые завод «Коммунист» и махорочная фабрика. Завод

«Коммунист» был крупным по тому времени промышленным предприятием, на котором было занято порядка 600 рабочих. Он был известен тем, что, наряду с пользующимися большим спросом дизельными моторами и сельскохозяйственными агрегатами, на нем выпускались первые в нижнем Поволжье тракторы-малютки.

Товары и услуги производили и поставляли как общественные, так и частные предприятия-кооперативы и артели, большая часть которых была создана в период НЭПа. В числе действовавших в то время были водяная *Altagsmuhle* (мельница Алтага), находящаяся у *Gartenteieh* (пруда) возле большого фруктового сада; лесопильня, кирпичный завод, столярная мастерская, рыболовецкая артель, кожевенный цех и др. Примечательно, что правительством Республики, с целью увеличения количества сырья для кожевенного производства, строго было предписано при забое свиней снимать с них шкуры для сдачи в заготовительные пункты.

До этого российские немцы традиционно снимали свиную щетину испытанным методом ошпаривания тушек крутым кипятком в специальных *Schweinetrog* (корытах).

Марксштадт по праву можно было считать самым немецким городом Республики. Так, к 1926 г. из 12457 проживавших в нем жителей немцы составляли более 90%. Мирно и в согласии с ними уживались русские, украинцы, казахи и др. Прокатившиеся по Немреспублике, Марксштадту и стране в целом две волны страшного голода (1921-1922 гг., 1932-1933 гг.), губительные коллективизация и раскулачивание были позади. Последствия экономической разрухи самоотверженным трудом крестьян и городских жителей частично были преодолены.

В 1935 г. в Республике был собран хороший урожай, материальные условия жизни постепенно улучшались. Вековой традиционный образ жизни претерпел определенные изменения. Сложившееся к тому времени жизнеустройство жителей Марксштадта сформировалось под немалым влиянием как естественных природных условий, так и социально-экономических факторов. Благоприятной, как уже упоминалось, была окружающая водная стихия – Волга, богатая ресурсами, многочисленные озера и речушки,

отличавшиеся многорыбьем. В то же время из-за залесенности прибрежных зон размеры пахотной земли оказались недостаточными для широкого развития сельскохозяйственного производства. Кроме того, при явно выраженной континентальности климата, случались частые засухи.

Названные факторы вынуждали растущее население города искать новые нетрадиционные виды деятельности. Зарождалась некая инфраструктура, способная удовлетворять ограниченные потребности горожан в различных услугах, главным образом, бытового характера. Действовали: баня, пекарня, рынок, молокозавод, кондитерский цех, постоянный двор, студенческое общежитие, парикмахерская, частная фотография, швейная мастерская, мельница, бойня, районная больница, тубдиспансер, поликлиника, магазины: Stracksbude (Штрак — фамилия бывшего хозяина), Schnapsbude (водочный), Bierbude (пивной) и др. Хуже обстояло дело с коммунальным обслуживанием, которое полностью отсутствовало. Не было водовода, канализации и дорог с твердым покрытием. Однако жители города эти неудобства как бы не замечали. У каждого второго- третьего двора имелся колодец, к тому же вода из Волги и мелких рек была идеально чистой и использовалась, в том числе для питья и приготовления пищи. Что касается канализации и туалетов, то их содержимое уходило полностью на удобрение садов и полей.

Несмотря на отсутствие благоустроенных дорог, в городе и округе, ввиду песчаной почвы, большой грязи не бывало. Имевшиеся промышленная, кустарно-ремесленная производственные базы и развитая социально-бытовая инфраструктура являлись основой сформировавшегося разнообразного спектра занятости жителей Маркштадта. Традиционно у российских немцев по найму трудились только главы семей — мужчины. Долей женщин было домашнее хозяйство. В немецких семьях, как правило, росли от 3 до 6 детей. Немало было и многодетных семей. Например, у моего деда по линии отца было 9 детей, а моя супруга Эрна Христьянова (в девичестве Майер) имела только двоюродных 65 братьев и сестер.

Личные хозяйства немецких семей отличались добротностью и основательностью, что можно проиллюстрировать на примере нашей семьи и соседских дворов. Мои родители купили по недорогой цене на улице «Рабочая» № 77 дом из 2-х комнат с большой кухней, с погребом, передней, с ларями для хранения продовольственных запасов. В доме имелись плита и большая круглая кирпичная печь, облицованная железом, обогревавшая одновременно обе комнаты. В каждой комнате в печи было вмуровано по большому обогревательному котлу. Мы, школьники, в этих котлах жарили кукурузу. К вечеру, когда котлы начинали остывать, я, бывало, садился в один из них погреться и учить уроки. Если было горячо, подкладывал под зад школьные учебники. Дом стоял не на красной линии улицы, а в небольшом удалении от неё, внутри двора. Перед домом на улице имелся небольшой палисадник с декоративными деревьями. Подобные палисадники красовались возле многих домов.

Усадьба была большая (15 соток). При доме первоначально была летняя комната. Её разобрали и построили новый летний дом с кухней, печью с большим котлом для приготовления корма скоту, сарай с сеновалом и коровник с отделениями для свиньи и кур. Все постройки находились под одной крышей. Туалет был на дворе. Собственно двор, как у всех хозяев, был просторный, чтобы можно было заезжать любым видом транспорта. Он содержался всегда в чистоте и порядке. Улица также подметалась, так было принято по всему городу.

Остальная часть усадьбы использовалась как сад-огород. На огороде выращивались картофель и овощи, а также тыква, свекла на корм скоту. Арбузы, дыни, помидоры сажали на небольшом участке за городом. В окрестностях росли удивительно вкусные дыни средних размеров с мучнистой сладкой мякотью.

Примечательно, что, несмотря на жаркий климат, растения после посадки летом никогда не поливались, помидоры не подвязывались. Все росло хорошо, особенно арбузы и дыни.

Соседние домовые участки, в основном, были заняты под фруктовые культуры: яблони, слива, крупный дорн, вишня. В 1939

г. мы также посадили 6 фруктовых деревьев. Кстати, когда я в девяностых годах посетил наш ещё сохранившийся дом, живыми, но в плохом состоянии, оказались и посаженные 55 лет назад яблони.

Мы постоянно держали корову, кур и кроликов, ежегодно откармливали одну свинью. Кроме того, у нас, как у многих других маркштадтцев, были родственники на дальнем хуторе Киппель, у которых для нас отгуливался мелкий скот — овцы, телята. По потребности в дни базара родственники заезжали к нам на верблюдах. Дорога была дальняя, поездка медленная, но гарантированная и спокойная. Сено на собственные нужды мы с отцом сами косили и заготавливали на буйных красноярских лугах. Дрова тоже, в основном, заготавливали сами.

Вспоминаю такой случай. Я с отцом и младшим братом Вальтером, получив разрешение на санитарную вырубку мелколеся на противоположном гористом берегу Волги, на большой весельной лодке прибыли на место заготовки. Нарубили необходимое количество длинных тонкоствольных прутьевидных деревьев, погрузили их поперек лодки вершинами в противоположные стороны и отплыли. Мы находились в нескольких километрах от города выше по течению, и было уже темно. Лодка, погруженная в воду до верхнего борта, медленно продвигалась по течению к противоположному берегу. Неожиданно с верховья со стороны г. Вольска появились огни быстро приближавшегося к нам парохода, а у нас скорость была практически нулевая. Мы пробовали сигналить спичками, но остались незамеченными. Пароходы, идущие сверху по течению реки, перед пристанью обычно делали разворот, чтобы приставать носом против течения. Находясь уже вблизи пристани, при развороте парохода нас накрыло высокой волной. Лодка полностью погрузилась в воду, но сохранила плавучесть. Мы, как все волгари, хорошо плавали. Приблизительно через час течением, к счастью, благополучно вынесло нас с лодкой и грузом на берег, а могло бы закончиться плохо.

Нашими соседями были братья Сабельсельд, проживавшие с семьями в 2-этажном доме. Младший был частным парикмахером, старший брат работал в заготзерно. Они были известными в горо-

де голубятниками, имели большой фруктовый сад, в котором в изобилии росли вишня, слива, крупный дорн. В пору созревания фруктов я и брат обычно помогали в сборе урожая, за что нас щедро одаривали фруктами. Мама взамен обеспечивала их молоком.

С другой стороны дома, в направлении к Heiwage (весы для взвешивания сена), соседом была менонитская семья Рау — пожилая бездетная супружеская пара. Они жили в хорошем пятистенном доме, с колодцем во дворе, из которого мы брали воду на хозяйственные нужды. Der alte Rau (старик Рау) служил в горсовете ревизором по районным налоговым сборам. Он был щупленьким, ухоженным старичком с румяным лицом, чрезвычайно говорливый и доверчивый до наивности. Известна была его слабость плотно поесть за чужой счет. Муж папиной сестры Я. Миллер, инициатор веселых шуток и смешных историй, рассказывал мне историю, как во время очередной командировки ревизора Рау в с. Боаро, он уговорил повара крепко посолить суп и спрятать воду для питья. Старик вначале радовался и благодарил за вкусный и обильный обед. Потом полдня не мог найти воду, чтобы утолить жажду. Любили немцы не только хорошо работать, но и весело шутить.

Рядом с домом Рау стоял маленький невзрачный домишко, хозяева которого — муж и жена — работали на махорочной фабрике. Отличались тем, что в день получки никогда не забывали «закладывать за воротник».

Следующий по этому ряду был дом Гартингеров — профессиональных пастухов. Многочисленное городское стадо крупного рогатого скота во все времена собиралось и прогонялось по улице «Рабочая». Гартингеры жили в крепком пятистеннике. Пастухами в то время работали два младших брата. Отца не было. Старший брат — скандалист, хулиган и рецидивист, большей частью находился в заключении. Несколько раз он выпускался на свободу, но через 2-3 дня опять его сажали за участие в жестоких драках. Ребята-пастухи тоже отличались хулиганистым нравом, что частенько я испытывал на себе. Они владели спецприемами кулачной

борьбы. У меня с ними дело обычно заканчивалось потасовками без тяжких последствий. Однако позднее, после депортации в Алтайский край, в Топчихе, старший из них ударом головы перебил мне носовую перегородку, негативные последствия которого ощущаю по сей день.

Напротив на летней стороне улицы жили Шмидты, Цитцеры, Дортманы, работавшие на заводе «Коммунист». Наша улица справедливо называлась «Рабочая».

Касаясь трудовой занятости жителей, их материальной обеспеченности, можно сказать, что положение было вполне удовлетворительным, чему способствовали имевшиеся уже упомянутые промышленная база и относительно развитая социально-бытовая инфраструктура. Значительным подспорьем в материальном благополучии, помимо выгоды отличных подсобных хозяйств, были дополнительные доходы от рыболовства.

Рыбная ловля – тема, заслуживающая особого упоминания. С давних времен происходил живой товарообмен между жителями Марксштадта и русским селом Березняки, находившимся на противоположном берегу Волги. Березняковцы были всегдашними клиентами на городском рынке, торговали рыбой, главным образом, вяленой, копченой, садовым луком в обмен на муку, арбузы, махорку. Ловлей рыбы для себя занимались практически все жители города. В озерах, реках и прудах обычно ловили сетками, что свидетельствовало о большой плотности рыбных стай в этих водах. Рыболовецкие артели на Волге промышляли многометровыми баркасными сетями. Волга в то время прямо-таки кишела рыбой, в том числе крупной и ценной: белугой, осетром, стерлядью.

Я был свидетелем, как однажды зимой березняковцы на санях привезли израненную белугу, попавшую в полынью, из которой её и выловили. Хвост этой рыбы больше чем на метр волочился за санями. Рыбой кормились не только люди, но и стаи чаек и ястребов. Школьники младших возрастов ловили удочками с поплавками. В летние каникулы мы днями не вылезали из воды.

Излюбленным местом была пристань, с которой пробирались на пришвартовывавшиеся пароходы, с которых после отплытия на

значительное расстояние выпрыгивали со второй палубы, а иногда с нижней площадки, прихватив с собой арбуз или дыню из груза парохода. Когда закидывали удочки с пристани, стаи волжской сельди буквально бросались в драку за приманкой. Ещё мы в озерах ловили раков, которых продавали на пристани за 2 копейки штука.

В более старшем возрасте на субботу и воскресенье отправлялись с ночевкой к Mordinsel (остров смерти) порыбачить с удочками-закидушками с колокольчиками. Название Mordinsel связано с преданием, которое гласит, что в первые годы (конец XVIII в.) поселившиеся в этих местах немецкие колонисты терпели великую нужду от непривычного климата, болезней, засух и постоянных набегов кочевников, а также из-за недостаточной защиты и помощи со стороны государства и решили вернуться назад в Германию. Преданные местными жителями, заманившими их на этот остров, колонисты были ограблены и убиты.

Возвращаясь к закидушкам, объясняю, что делали их длиной 20-25 метров с 4-5 крючками. Лески изготавливали сами. К любому устойчивому предмету одним концом прикреплялась белая швейная нитка №10 длиной 25 метров. К другому концу нитки привязывалась 100-200 граммовая гиря, которая, подталкиваемая рукой, вращательным движением закручивала нитку в левую, либо правую сторону. Объединив несколько таких ниток, раскручиванием в обратную сторону, получали леску заданной толщины и крепости. Хорошо ловились лещ, сом, стерлядь, жерех, которых тут же, чтобы не испортились, закапывали в мокрый песок у самой кромки берега.

У Mordinsel главное русло Волги, шириной порядка 500 метров, проходило по левобережью. Волга в то время была незаменимой транспортной артерией страны. Денно и ночью вверх, в центральную Россию, и вниз, до Астрахани и Баку, непрерывным потоком шли пассажирские пароходы, буксиры и баржи различной конструкции и назначения, груженные нефтью, зерном, мукой, арбузами, солью и разными промышленными изделиями. Ценнейшей составляющей грузов являлись стратегически важные

жидкие энергоресурсы, доставляемые с Бакинских нефтеносных полей, которые в то время были практически единственными в стране. Волжские берега, окаймлявшие эту транспортную магистраль, были чудной красоты. Представьте: теплая летняя ночь, легкий ветерок с Волги несет приятную прохладу на песчаный берег, на котором табором расположилась наша группа любителей рыбалки. Тихо трещит лагерный костер, вокруг которого до самого восхода солнца не утихает юношеский задор: занимательные рассказы, шутки, песни, баловство. А на реке фейерверк из огней проходивших вереницами судов, маяков и световых сигналов встречных транспортов. Вспоминая эту некогда оживленную волжскую стихию, испытываешь тягостное чувство уныния и сожаления по поводу безмолвия и пустоты на нынешних просторах великой реки, особенно на её среднем течении – признак все ещё не преодоленного страной экономического упадка.

Вернемся, однако, к прежней жизни в моем любимом Марксштадте. Как уже было упомянуто, экономическое положение немецкой республики улучшалось ускоренными темпами. За хорошим урожаем 1935 г. последовал рекордный сбор зерновых 1937 г. По данным А. Германа, в Республике значительно укрепилась материально-техническая база колхозов, механизация работ достигла 80-90%, что позволило повысить эффективность сельскохозяйственного производства. Доходы колхозников за период с 1935-1937 гг. увеличились в 1,5-2 раза. Быстро приросло количество мелкого и крупного рогатого скота в колхозах и особенно в личных подворьях.

Сложившаяся благоприятная ситуация сказалась на материальном положении марксштадтцев, находившихся в тесном окружении сел с благополучными колхозно-крестьянскими хозяйствами. Реально это проявлялось в заметном увеличении ассортимента и массы продовольственных товаров в магазинах города. Названные обстоятельства вкупе с имевшимися устойчивыми доходами от занятости на предприятиях и учреждениях города, плюс продукция из личных подсобных хозяйств и приусадебных участков, позволили городским жителям обеспечивать себе относительно

хорошее материальное положение.

Подъему экономики и росту производительности труда способствовало развернувшееся в то время по всей стране стахановское движение. Призыв властей самоотверженным трудом на каждом рабочем месте укреплять мощь социалистической родины был услышан и в Немреспублике. Многие колхозники и рабочие промышленности на деле стали показывать образцы высокой производительности труда. В периодической печати и по радио с восторгом сообщалось о многочисленных фактах достижения личных и коллективных трудовых рекордов. В числе наиболее выдающихся рекордсменов назывались комбайнер А. Денинг и доярка Е. Граубергер. Оба были награждены орденами Ленина и избраны депутатами в Верховный Совет СССР, в частности, в совет национальностей. Стахановцы завода «Коммунист» были помещены на городскую Доску почета. В рабочих коллективах проводились митинги поддержки, школам было рекомендовано проводить у себя соответствующую разъяснительную работу, что было воспринято с одобрением. Интересно заметить, что несколько лет тому назад в газете «Neues Leben» появилась статья о современной жизни Екатерины Граубергер. Как можно было предположить, пенсионерка Граубергер ныне живет, одинокая и забытая, на скромную пенсию без почестей и льгот.

Жизненное кредо горожан можно было определить как стремление к самодостаточности и соблюдению благопристойности. Порядок и чистота соблюдались не только на личных подворьях, но и на улицах, в общественных местах и учреждениях. Не замечалось откровенного сквернословия, хулиганства и воровства. Это не означало, что все поголовно были святыми. В среде молодежи случались набеги на общественные яблоневые сады у Gartenteich, кражи клеток с певчими птицами и прочее озорство. Организатором такого рода походов обычно выступал уже упомянутый школьный товарищ Шура Резнер. Пьянства, как такового, тоже не было. Пили, как правило, по малу и только по праздникам, в большей части пиво.

Пиво, по отзывам отца (я лично спиртное попробовал уже

после возвращения из трудармии), было добротное. Оно продавалось в Bierbude в темных бутылках с фарфоровыми пробками на проволочных замках.

Из домашних игр и развлечений были распространены преферанс, игра в дурака, лото, музицирование (балалайка, гитара, скрипка, фисгармония, редко пианино).

Одежда существенно от современной моды не отличалась, не считая, конечно, экстравагантности. Мальчики носили куртки и брюки разных расцветок (по большей части вельветовые), шапки-ушанки и модные в то время будёновки, возрастом постарше и мужчины - костюмы, пальто, меховые шубы, шапки-ушанки, кубанки-дыни, шляпы (фетровые, соломенные). Женщины и девушки, в том числе и школьницы, одевались скромно: кофты, юбки, платья разных цветов. Волосы стригли «под Ангеле Меркель» (чуть короче), делали завивки щипцами или носили косы. Головы украшались беретами, платками, косынками, шляпками «маленькая мама».

Питание маркштадцев отличалось разнообразием в зависимости от благосостояния и вкусовых запросов. Набор меню был весьма широким, его перечисление занимало бы много времени. Ограничусь описанием тогдашних примерных меню. Традиционный завтрак: жареный на открытом огне (в топке печи) картофель со свиным салом; яичница со свиным салом; омлет с вермишелью; хлеб с маслом, чай, заваренный на солодке, ненатуральный кофе (молотые цикорий, ячмень и др.)

Обед: супы овощные разные (молочные, рыбные, фасолевые, мучные, лапшевые, куриные); жаркое из свинины (телятины, кролика, птицы) с картошкой (капустой). Картошка подавалась в разном виде: отварная, пюре, гnedли и др.; фрикадельки, компоты, кисели, салаты сборные.

Ужин: хлеб с маслом, творог, жареная рыба, каша (пшено); пироги яблочные, со сладкой посыпкой, шарлотка, оладьи, кофе с молоком, чай солодковый. Кроме того, во все времена года, традиционно в состав меню входили: свиные окорока, колбасы (красные, ливерные, кровяные), моченые арбузы и яблоки, квашеная

капуста; кондитерские изделия: рождественские пряники, крендели, пончики, кребли.

Нельзя не упомянуть о белом хлебе, известном во всей округе как саратовский калач, выпекавшийся из пшеницы исключительно твердых сортов, выращивавшейся преимущественно в Немреспублике. Калачи выпекались пышными, круглой формы, со слегка рифленой верхней коркой. Они имели тонкую волокнистую структуру, при надавливании оседали и тут же принимали прежнюю форму. Вышеописанные факты и детали, конечно, нельзя воспринимать как некое неизменное беспроблемное повсеместное благополучие. В пору неурожая (1938, 1939 гг.) нередко случались давки и очереди за хлебом, в которых и мне приходилось стоять.

Маркштадт по праву можно было считать одним из крупных центров культуры и духовности в Немреспублике. В городе имелись три общеобразовательные школы, музыкальная школа, педагогический и механический техникумы, библиотека, музей республиканского значения, лютеранская, католическая и православная церкви, которые к тому времени уже не действовали. Лютеранская церковь, будучи самой крупной и красивой в Республике, была частично разрушена и преобразована во дворец культуры завода «Коммунист» (здание ныне возвращено евангелическо-лютеранской общине города). Католическую церковь приспособили под кинотеатр, а православную церковь полностью разрушили.

На центральной площади находились памятники К. Марксу и В. Ленину. Раньше имелся величественный памятник императрице Екатерине II, демонтированный как не вписывавшийся в коммунистическую идеологию. В том же духе были переименованы практически все улицы города, которым присвоили имена известных коммунистических вождей (в основном немецких): Бебеля, Лассалья, Энгельса и др. Сохранился заложенный при установке памятника Katharinengartchen (Екатерининский парковый садик), который был и оставался любимым местом отдыха и развлечений маркштадтцев, особенно молодежи. По вечерам там звучала духовая музыка, танцевали модные тогда вальсы, польки, танго, пе-

ли, веселились от души. Ещё одной памятной достопримечательностью была Brudergab (братская могила) граждан Маркштадта, погибших в начале 20-х годов от рук белобандитов.

Имевшаяся материальная база способствовала развитию культурнообразовательной деятельности. Педагогический и механический техникумы были популярны и притягательны для городской и сельской молодежи Республики, а также для немцев из других мест — Украины, Кавказа и др. Так, среди окончивших педтехникум были талантливые литераторы-писатели российские немцы: В. Гердт, В. Штеле, К. Вели, И. Капп, Р. Пфлуг, А. Вреттман. В Маркштадте родился А. Крамер, бывали В. Кляйн, Ф. Бах и другие известные писатели. В городе действовали драмкружок и хоровая капелла. По подписке распространялись республиканские газеты «Нахрихтен», «Роте Югенд», «Юнгер Штырмер», выпускалась районная газета. Город жил оживленной культурной жизнью. Тесные связи, обмены в этой области поддерживались со столицей Республики г. Энгельсом. Столичные Государственные немецкий и русский драматические театры, госфилармония. Государственный немецкий хор неоднократно гастролировали в Маркштадте. В театре ставились западная и русская классика, произведения советских авторов, в кинотеатре города всегда был аншлаг. Молодежи особенно полюбилась революционная патриотика: «Чапаев», «Мы из Кронштадта», трилогия о Максиме и др. Школьно-образовательная система города, исходя из имевшегося тогда общего уровня образования, заслуживала высокой оценки.

В первые дни после нашего переезда из с. Боаро в Маркштадт отец привел меня в семилетнюю школу № 3, располагавшуюся недалеко от нашего дома в районе стадиона. Надо было определить уровень моей подготовки для учебы в 6 классе. Опрашивали меня директор Борк (по математике) и учительница русского языка. По математике я показал хорошие знания, по русскому — плохие. Обязательное изучение русского языка в немецких школах официально было введено только в 1938 г. однако, по инициативе местных властей, русский начали преподавать уже в 1936, 1937 гг., естественно, на низком профессиональном уровне,

особенно в сельских школах.

В этой связи вспоминается курьезный случай. Позднее в г. Энгельсе, при пединституте на курсах иностранных языков, где обучались студенты с образованием минимум 8 классов, слушатель Петер Гаан из района на уроке по теме о развитии сельскохозяйственного производства в Германии вместо слов: «там хорошо развито свиноводство», произнес с заметным немецким акцентом: «хорошо развито свинство». В районах и во многих селах русский даже слабо мало кто знал. Понятно, что и я им не владел. Тем не менее, меня допустили к учебе, и вскоре я набрал необходимый уровень подготовки.

В памяти об этой школе, в которой я проучился всего один год, запомнился очередной курьез. Географию преподавал А. Юстус, плотный мужчина средних лет маленького роста, лысый с беглыми глазами, бурым с прожилками носом — чрезвычайно нервный педант. На уроках при малейших огрехах в ответах учеников выходил из себя, шумно сердился. Однажды он пригласил меня к географической карте и просил показать, где находится гора Эльбрус. Классное окно выходило на улицу на противоположной стороне которой находился дом известного специалиста по туберкулезу доктора Леймана. Я предполагал, что Эльбрус находится где-то на Кавказе. Поскольку точного места положения не знал, водил указкой по всему большому Кавказскому хребту. Тут он закричал: «Halt an Taugeniechts, du kommst jam it dein Elbrus bis niwer beim doctor Lehman» (Остановись, шалопай, так ты со своим Эльбрусом дойдешь до усадьбы доктора Леймана). Весь класс хохотал.

В нашем доме квартировал молодой учитель физики Отто Гейгер родом из с. Боаро, преподававший в фабрично-заводской семилетке (ФЗС № 2). Он охотно помогал мне и брату быстрее адаптироваться к городской жизни, преодолевать деревенский диалект, прививал нам полезные навыки, любовь к физкультуре и спорту. Он же договорился о переводе меня в ФЗС, находившуюся в непосредственной близости к Волге на Kawakeberg. Здесь я окончил 7-й класс, после чего продолжил учебу (8, 9, 10 классы) в

лучшей полной средней школе Марксштадта, считавшейся одной из образцово-показательных в Республике. Школа носила название ОПУ и находилась на главной улице, на возвышенном месте, недалеко от дворца культуры (бывшей лютеранской церкви) завода «Коммунист». ОПУ размещалась в красивейшем в то время кирпичном 2-этажном здании (сохранилось до настоящего времени), имевшем хорошо оснащенные учебные классы, парадную лестницу на второй этаж, где находился спортзал. Фойе перед спортзалом было оформлено галереей больших портретов В. Ленина, К. Цеткин и А. Луначарского, написанных маслом учителями-братьями Шауфлер. При школе находился ухоженный сад для практических занятий по биологии и спортивных мероприятий.

Особого упоминания заслуживают применявшиеся во всей школьной системе эффективные методики учебного процесса. По предметам велись внеурочные и внешкольные занятия. Технические предметы (физика, химия и др.) изучались с обязательными постановками практических опытов и применением наглядных пособий. Благодарно вспоминаю нашу любимую учительницу в ФЗС по русской и немецкой литературе Виншу, прививавшую нам вкус к чтению хороших книг. Для более быстрого усвоения пройденного материала по литературе она организовывала пение всем классом учебных текстов, таких как «Lorelei» («Лорелей») Г. Гейне, «Белеет парус одинокий» М. Лермонтова. Из драмы Ф. Шиллера «Die Rauber» («Разбойники») отдельные сцены целиком пропетировали и проигрывали на уроках, в которых действующими лицами были мы, ученики.

До нынешнего времени у меня в памяти сохранился пламенный призыв Карла Моора, предводителя разбойников, к свободе и прогрессу: «O, Wenn nur der Geist Hermanns noch in der Asehe glimmt! Stellt mich vor ein Heer Kerls wie ich und aus Deutschland soli eine Republk warden, gegen die Rom und Sparta Nonnenkloster sein sollen» («О, если бы дух Германии восстал из пепла! Поставьте меня во главе войска таких молодцов, как я, и Германия станет Республикой, перед которой и Рим, и Спарта покажутся женскими монастырями») Ещё пример. В 1937 г., к столетию со дня смерти

А.С. Пушкина, по инициативе Виншу с заинтересованным участием нашего 7 класса подготовили литературно-художественную сценическую постановку на темы пушкинских поэм и сказок. Моему однокласснику и близкому другу — красивому блондину Борису Дизендорфу доверили сыграть Онегина. Мне, имевшему менее представительную внешность, пришлось довольствоваться ролью старика из сказки «О рыбаке и рыбке». Немецкая и русская литература изучалась довольно основательно. Мы неплохо знали немецкую и русскую классику: Гёте, Гейне, Шиллера, Гофмана, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького, Некрасова, Островского. В то время в Немреспублике гостила делегация пролетарских литераторов и деятелей культуры Германии. В её составе были известные борцы с фашизмом Эрих Вайнерт, Эрнст Буш, Фридрих Вольф (отец знаменитого руководителя тайной разведки ГДР Маркуса Вольфа) и др. В Марксштадте они не были, но в Энгельсе они посещали культурные учреждения и школы, знакомили со своими произведениями, рассказывали о борьбе немецкого пролетариата против поднимавшего голову фашизма в Германии. Пребывание делегации широко освещалось в печати, по радио и в школах по всей Республике. В этой связи запомнился такой случай. Писатель-революционер российский немец Франц Бах некоторое время преподавал в нашей школе немецкую литературу. Однажды, в крайнем возбуждении, он пришел в класс и сообщил о начавшейся забастовке Гамбургских рабочих (Германия), которая приняла характер восстания. Радостно-взволнованный он произнес: «Дорогие учащиеся! Мы можем порадоваться! В Германии началась пролетарская революция!»

Это было заблуждение, но мы этому известию были искренне рады. В школах в обязательном порядке преподавалось военное дело. Большое внимание уделялось военно-патриотическому воспитанию на школьном и внешкольном уровнях: в Осоавиахиме, группах ГТО (Готов к труду и обороне) и в подготовке «ворошиловских стрелков». Мы упражнялись в стрельбе из мелкокалиберных винтовок как по круглым мишеням, так и по мужским силуэтам в касках фашистов. Здоровый образ жизни и физкультура по-

ощрялись на всех уровнях. Было принято, что учителя посещали семьи учеников, интересовались их условиями жизни, рекомендовали больше времени находиться на свежем воздухе, закаливаться, заниматься плаванием и так далее. Благо для этого имелись замечательные условия. На Волге все лето функционировал плавательный полигон с трехэтажной вышкой для высотных прыжков. Круглосуточно работала спасательная служба «Освод». Спортивная жизнь продолжалась в течение всего года. Зимой школьники делали лыжные вылазки через Волгу в с. Березняки покататься на правобережных горах. Предпочтение однако давалось футболу и хоккею. Гордостью города была футбольная команда «Спартак», а кумирами болельщиков – игроки Р. Вольф, В. Кооль, И. Сабельфельд, Э. Айрих. Эдуард Фердинандович Айрих, как известно, впоследствии был одним из авторитетнейших лидеров общественного движения за национальное возрождение российских немцев. В то время, будучи отчислен из Вольского военного авиационного училища (скорее всего по причине национальной принадлежности), он сотрудничал с Маркштадтской кантонной газетой. Эдуард Айрих – красивый молодой человек, отличный спортсмен, выдающийся форвард, перемещался по футбольному полю быстро и величаво, как лось. Я бывал у них в семье, встречался с его младшим братом.

Маркштадтский «Спартак», соперничая с футбольной командой столицы Республики города Энгельса, обычно имел положительный баланс. Футбол в городе был прямо-таки массовым увлечением, стадион во время соревнований всегда был переполнен. Свои команды также имели артель грузчиков и братья Роголевы (группа многочисленных родных, двою- троюродных братьев-фанатов футбола русской национальности).

Рассказ о школьном периоде юности будет неполным без упоминаний об одноклассниках и их жизни. Последних было немало, из которых называю наиболее близких мне по духу. Борис Дизендорф (уже вышеупомянутый) являлся всеобщим любимцем и неформальным лидером учащихся ФЗС; Андрей Приппель — сын лесничего, дитя природы, знаток тайн лесного царства; Георг

Дорцвейлер — мой неизменный сосед по парте в ОПУ, классный танцор, завсегда Katharinengartchen, отчаянный ухажер. Я дружил и общался с братьями Эдуардом и Раймондом Вейлертами, Артуром Эмихом, Виландом Дизендорфом, Валею Плотниковой (матерью нынешнего пастора Марскштадтской евангелическо-католической общины Родикова), Эльзой Сабельфельд, Тамарой Шмидт и др. Симптоматично, что больше половины из них жили и воспитывались без отцов, в разное время раскулаченных, либо репрессированных по другим причинам.

Школьные годы во все времена, как правило, являлись периодом, насыщенным примечательными событиями, неординарными приключениями, курьезами и нравоучительными уроками. Прав, наверное, был Майков, сказав: «Вся жизнь моя досель была мне нравоучительной школой, и смерть есть последний в ней урок». Происшествия и необычные приключения случались и со мной. Вот некоторые из этого ряда: два самострела; кулачная дуэль; самовольщина из пионерлагеря; неудачная стрельба стеклянной чернильницей по однокласснице. В те годы школьная молодежь практически повально азартно увлекалась стрельбой из самодельных пороховых пугачей. Дважды эта система взорвалась у меня в руках и серьезно повредила поочередно и левую и правую кисти. Подобным образом у моего одноклассника Артура Эмиха разорвало нос и губы.

Я и Борис Дизендорф по путевке от пионерской организации ФЗС отдыхали в чудесном пионерлагере, расположенном недалеко от города. Все было хорошо – живописное место, парк, озеро, игры, спортивные соревнования и т.д. За три дня до окончания смены Борис неожиданно предложил – давай улизнем домой, понаблюдаем, как они нас будут искать, потом вернемся. Через день нас нашли и с позором вернули в лагерь. Случай чрезвычайный. Для разбора собрались руководитель лагеря, директор школы, пионервожатые и родители. Стыдили нещадно и, самое неприятное, перед пионерским строем вынудили каяться и обещать не допускать впредь нарушений пионерского статуса.

Кулачная дуэль состоялась с моим одноклассником в ФЗС

Андреем Триппелем, с которым по какой-то причине не поладил. После уроков, в сопровождении старшего возрастом Вольдемара Штеле, удалились на безлюдный берег затона. В. Штеле был сыном большевика Г. Штеле, погибшего от рук белобандитов, покоившегося в городской братской могиле. Замечу, что В. Штеле позднее, после окончания механического техникума, стал лидером комсомольской молодежи Марксштадта и в 1941 году в начале войны совместно с Э. Айрихом, организовал митинг с просьбой о добровольной отправке немецкой молодежи на фронт. А дуэль закончилась тем, что мы надавали друг другу пинков, после чего Вольдемар нас разнял и заставил мириться.

Впоследствии Андрей Триппель стал одним из самых близких мне друзей, с которым связано немало светлых воспоминаний о прекрасном левобережье Приволжья. Его отец был лесником, на заимке имел дом с хозяйственными пристройками и приусадебным участком. При хозяйстве была лошадь – вороной Мерин (полагался по службе). Два старших брата работали бакенщиками на Волге. В летние каникулы неделями гостил у него. Тогдашние лесные уголья, луга, озера, в отличие от нынешних времен, находились, как говорят, в первозданном виде, нетронутые браконьерством. Андрей водил меня по ягодным полянам, рыбным старицам и лесным чащам. Я помогал по хозяйству, на сенокосе, заготовке дров. В неглубоких озерах на корм скоту вылавливали вручную с помощью плетеных корзин без дна рыбу – небольших сазанчиков. Домой всегда возвращался с подарками – полными ведрами ежевики. Много было малины, дикой вишни и мелкого дорна. Еще мы с ним лазали по высоким деревьям за ястребиными яйцами. Ястребы в приволжских лесах водились в изобилии, кормились на Волге рыбой, вылавливая ее на лету когтями. Школьники в то время повально увлекались коллекционированием птичьих яиц. У некоторых наиболее удачливых коллекционеров были собраны от 50 до 100 самых разных видов и сортов, что свидетельствовало о значительном богатстве поволжской пернатой фауны.

Наиболее непристойное происшествие из вышеперечислен-

ных произошло со мною в ОПУ в 9 классе. Многие школьники тогда имели прозвища (клички). Ко мне прилипла кличка «Миша». Почему Миша, не знаю и сегодня. В первый раз так назвал меня Артур Эмих во время футбольной игры с просьбой пасовать ему. До 10 класса я был маленького роста, к тому же еще не полностью освободился от деревенского диалекта. В результате, в основном девочки, меня и дразнили этой кличкой. Однажды на перемене я сидел за партой, углубившись в роман «Тихий Дон», когда одна грудастая девица (ее звали Ирмой, фамилию забыл) в очередной раз приставала ко мне: «Мишенька, Мишенька!»

Я с раздражением вскочил, но она кинулась прочь. Тогда вдогонку пустил в нее стеклянную чернильницу, промахнулся и... на всей стене образовалась чернильная клякса. Дело кончилось крупной неприятностью. Вмешались директор, классный руководитель: нравоучения, выговор и распоряжение — мне с этой Ирмой остаться после уроков и все вычистить. Подобные истории и баловство в юношеские годы случались, наверное, со многими, что вовсе не являлось признаком плохого воспитания или безнравственности. Что касается трудового воспитания, то оно было безупречным. Особенно это было заметно у ребят, воспитывавшихся без отцов. Последние изо всех сил старались путем прилежного труда в личном подсобном хозяйстве обеспечивать себе и обезглавленным репрессированным семьям относительно безбедную жизнь.

Вспоминая прошлое, я не раз обращался к образам уважаемых и авторитетных граждан Марксштадта, среди которых первенствовали учителя. Профессия учителя тогда высоко ценилась. Свидетельство о моем окончании ОПУ, в числе прочих, подписали высокообразованные интеллигенты: Р. Шумахер (директор школы), Н. Эмих, В. Шауфлер, В. Фишер, А. Кооль. Александру Ивановичу Коолю было присвоено звание «Отличник народного образования Немреспублики». Его сын, студент, проходил практику в ОПУ. Кооль-старший пригласил его в наш класс для ведения первого самостоятельного урока по истории. По алфавиту я был первый в классном журнале, меня он и опрашивал и поставил

высшую оценку 5. Это было с удовлетворением воспринято опытным Коолем-старшим, что означало признание хорошей подготовки сына – будущего педагога, а заодно и моей – прилежного ученика.

Широкой популярностью и доверием маркштадцев пользовались известные гуманностью и высоким профессионализмом врачи-хирурги Теодор Александрович Грасмик и специалист по туберкулезу Лейман. Моему отцу приходилось присутствовать на одном рыбацко-охотничьем пикнике с участием доктора Грасмика. Компаньоны были приятно удивлены его простотой, веселым нравом и непосредственностью в общении. Спиртное, как все, употреблял помалу и только Schnaps. Настоятельно рекламировал здоровый образ жизни, главное в котором считал движение, спорт и отдых на свежем воздухе. С увлечением рассказывал анекдоты на медицинские темы. Я лично был у него один раз на приеме, когда случился со мной самострел, о котором выше уже упомянул. Повелев сделать мне противовоспалительную инъекцию, он произнес: «Молодой человек, стрелять вам рановато, тем более, не умеючи». Позднее, уже после депортации в Сибирь, жизнь Т. Грасмика получила героическое продолжение. Находясь по мобилизации в разных лагерях трудовой армии, он, уже будучи крупным специалистом военной хирургии, в кустарных условиях налаживал приготовление гематогена, тем самым спас от смерти многих страдающих дистрофией трудармейцев. В последние годы руководил хирургическим отделением в больницах Нижнего Тагила. Опубликовал около 20 научных трудов. очевидцы рассказывают о невиданной в городе массовой скорбной процессии при его похоронах в 1972 г.

* * *

С 1935 по 1938 гг., особенно в 1937 г., в стране происходили важные политические события, которые не могли не затронуть и Немреспублику. Спешно осуществлялись интенсивные меры по укреплению политических основ социалистического обустройства

страны, расширению демократической базы участия трудящихся в государственном управлении. Параллельно раскручивались шпиономания и поиск классового врага. В 1936 году на Всесоюзном съезде Советов была принята новая, известная как сталинская, Конституция СССР. За принятие Конституции проголосовали и делегаты Немреспублики – представители от руководства: Вельш, Люфт, Денаткин, от рабочих и колхозников – стахановцы Денинг и Граубергер.

Конституция АССРНП (вторая) была принята в начале 1937 года. 12 декабря состоялись выборы в Верховный двухпалатный Совет (Совет союза и Совет национальностей) СССР. От Республики в Совет Союза были избраны два депутата (первый секретарь обкома партии и председатель совнаркома), в Совет национальностей – 11 депутатов, в том числе А. Деннинг и Е. Граубергер. В 1938-1939 гг. проводились выборы в республиканские и местные советы. В периодической печати, по радио, в партийных, комсомольских организациях, трудовых коллективах и на массовых митингах широко освещались и разъяснялись организационные формы и содержательная часть этих крупных политических акций, их роль в укреплении социализма. Как можно было предположить, результат превзошел все ожидания – практически 100-процентная поддержка населения. Конечно, можно было сомневаться в достоверности официальных данных и, если исходить из видения настоящего времени, оценить всю конституционную и выборную кампании как показушные акции. Однако как очевидец происшедшего, я с уверенностью свидетельствую, что царившие тогда всеобщее приподнятое праздничное настроение и неподдельный патриотизм народа были искренни и откровенны. Немцы Республики впервые реально получили возможность голосовать за свое родное правительство, участвовать в его работе, что, как тогда казалось, обеспечивало им свободное и достойное национальное будущее.

В то же самое время по всей России, в том числе и в Республике, свирепствовали жестокие репрессии, которые к 1937 году приняли массовый характер. Подозрения в повсеместном вреди-

тельстве и шпионаже подогревались победным шествием фашизма в Германии. Первоначально карающий удар наносился по так называемым чуждым социалистическому хозяйствованию элементам. В эту категорию без разбора включались оставшиеся еще родственники и близкие раскулаченных семей, а также специалисты, воспротивившиеся принудительному экспрессвнедрению неопробованных «прогрессивных» технологий и сомнительных форм организации труда и управления. Приверженцы испытанных традиционных методов крестьянского труда голословно объявлялись вредителями. В ряде мест начался хаос и организационная путаница в управлении колхозами, которые то укрупняли, то опять разукрупняли. Самых колхозников в массовом порядке исключали, а позднее, прозрев, опять вовлекали в колхозы.

Об этих коллизиях я был осведомлен, так как наша семья через родственников поддерживала постоянные хозяйственные контакты с селом Боаро и хутором Киппель. В городе распространился слух, якобы на заводе «Коммунист» тоже было выявлено вредительство, выразившееся в комплектовании дизельных машин бракованными деталями. Позднее выяснилось, что случившиеся поломки дизелей были вызваны не огрехами при сборке машин, а неправильной эксплуатацией в непривычных климатических условиях средней Азии и других регионов с жарким климатом, куда эта техника поставлялась. Бесцеремонно, не утруждаясь предъявлением достоверных обвинений и проверенных фактов, преследовали граждан, поддерживавших почтовую или иную связь с родственниками или профильными специалистами, проживавшими в Германии. Улики происков «врагов народа» искались и находились в изобилии. Так, в школе нам говорили, что, мол, на обложках ученических тетрадей, иллюстрированных рисунками из сказок А.С. Пушкина, а также в учебниках на портретах вождей была обнаружена искусно вкрапленная фашистская символика. Что-то похожее нам даже показывали. Видимо, рассчитывая на то, что при наличии гипертрофированной фантазии можно узреть что пожелаешь. Как бы то ни было, подозрительные тетради и учебники изымали, а Немиздат по подозрению в отсутствии пролетарской

бдительности закрыли. Не повезло и коммунистической символике, которую то и дело приходилось менять.

В нашем доме висел портрет маршала Тухачевского. После публичного обвинения последнего в шпионаже, отец снял его и на освободившееся место поместил портрет другого прославленного полководца Блюхера, не поступившись, таким образом, уважением воинской доблести. Отец служил в царской армии в какой-то элитной части, куда был зачислен по показателям импозантной внешности и исключительного физического здоровья. По рассказам односельчан он слыл самым сильным крестьянским парнем в его родном селе Шафгаузен. Служба, видимо, давалась ему легко. В домашней обстановке во время встреч с друзьями за чашкой чая, бывало, с восхищением вспоминал примечательные эпизоды армейской жизни и воинской славы известных российских полководцев.

Массовые аресты, захлестнувшие страну, затронули и Немреспублику и, в частности, Марксштадт. Истинные масштабы репрессий нам, молодежи, не были известны, публично сообщалось лишь о наиболее крупных «вредительских» и «шпионских» делах. Однако признаки массовости репрессий были очевидны. Выше я уже упомянул, что немало моих одноклассников воспитывались без отцов, репрессированных без предъявления доказательств их виновности. Так, отец и дед моей супруги Эрны Христьяновны (в девичестве Майер) были арестованы без права переписки и, как позднее выяснилось, расстреляны без суда. Мой дядя по материнской линии Лейтнер Левин отсидел 10 лет (статья 58), а дяди по отцовской линии Генрих и Александр Арнгольды вынуждены были скрываться от преследований в Зауралье.

Наиболее одиозным по цинизму было шумное сфабрикованное дело о разоблачении якобы действовавшей в Немреспублике подпольной националистическо-фашистской организации. К этому делу огульно причислили практически все руководство Республики как немецкой, так и русской национальности.

Позднее я не раз задавал себе вопрос: как при такой всеобщей шпиономании моему отцу удалось избежать преследования и

ареста? Он происходил из состоятельной крестьянской семьи, не попавшей, однако, под раскулачивание. В отличие от меня не состоял ни в какой партии или группировке, не позволял себе нелояльных к советской власти либо экстремистских высказываний. Был начитанным человеком, хорошо информированным об общественно-политических и социально-экономических событиях, происходящих в стране. На бытовом уровне и в общественных местах предпочитал общение с простыми людьми, дистанцировался от чинов. Сам никогда не комментировал и мне рекомендовал остерегаться каких-либо категорических суждений о деятельности отдельных крупных партийных советских руководителей Республики и Марксштадта. Его профессионализм на службе ценился высоко. В тот период он работал служащим в финотделе городского Совета Марксштадта. Возможно, что все вместе взятое и его ненавязчивое, чуждое вождизму поведение позволяло ему, как и многим другим, будучи искренним патриотом страны, оставаться вне большой политики. В то же время я не знал, что мама, втайне от нас, детей, всегда держала наготове узелок на случай ареста отца.

В 1939 г. я сознательно вступил в комсомол, что свидетельствовало о моей солидарности с линией на социалистическое преобразование жизни. Особенно импонировали набранные темпы развития народного образования, национально-культурной жизни и экономики, в которых виделись предвестники национального благополучия будущего.

* * *

Весной 1940 г. я получил свидетельство об окончании полной средней школы (ОПУ) Марксштадта. Позднее, в послевоенные годы, учась заочно в различных учебных заведениях, я преимущественно получал отличные оценки. Но в свидетельстве об окончании ОПУ были и тройки, в том числе по немецкой и русской грамматике. Полагаю, что это объяснялось тем, что в системе тогдашнего народного образования Немреспублики была установ-

лена более высокая планка требований к качеству знаний, чем в послевоенные годы. Состоялся традиционный выпускной вечер — заключительный торжественный аккорд радости и печали— пожизненная память о неповторимом школьном юношестве, перед стартом в манящее неизведанное будущее. Действительно, из всего происходившего, сказанного и испытанного на этом праздничном вечере и ныне слышу пророческие слова родителя Тамары Шмидт: «Веселитесь, дорогие мальчики и девушки, и знайте, что подобный праздник в нынешнем составе и гармонии для вас никогда и нигде в будущем не повторится». Так оно и получилось, осталась лишь добрая и печальная память.

Вечер закончился веселым гуляньем до утренней зари, и надо было принять решение, как быть дальше. Мои родители настоятельно твердили, что мне следует поступить в Саратовский медицинский институт. Но тут Борис Дизендорф не в первый раз перехватил инициативу и предложил странный, почти анекдотичный вариант — поступить в Саратовский институт иностранных языков на немецкое отделение. Бориса к этому варианту, видимо, подвело его затруднительное материальное положение, сложившееся ввиду отсутствия отца, и он рассчитывал на поддержку родной тети, проживавшей в Саратове. Решение было принято. Когда наступил срок сдачи вступительных экзаменов, мы с Борисом поехали в Саратов, где нас на удивление сразу узнали без предъявления документов и радостно встретили.

Интрига состояла в том, что в числе абитуриентов было всего 2 мальчика и 2 немца, которыми оказались мы. Нас тут же пригласили в аудиторию на консультацию, в которой находились порядка 40 девушек, оглядывавших нас с умилением. В ходе собеседования выяснилось, что у ряда претендентов на поступление в ВУЗ не было полного среднего образования, некоторые имели только 8-9 классов. Разочаровавшись, объяснил Борису, что это, мол, не наш уровень. Кроме того, было опасение, что этот девичий батальон нас съест живьем без остатка, поэтому следует сыграть отходную.

После длительных уговоров нам с сожалением вернули до-

кументы. Мы переехали через Волгу и сдали документы в приемную комиссию Немецкого государственного педагогического института в г. Энгельсе.

После успешной сдачи приемных экзаменов приказом по институту от 12 августа 1940 г. № 222 я был зачислен студентом на исторический факультет. На этот факультет был определен и Борис Дизендорф. Главный корпус института, студенческое общежитие и дом для преподавателей находились за старым городским кладбищем в соседстве с военным аэродромом. Поблизости были расположены стадион и парк. В состав педагогического института входили 2-годичный учительский институт и курсы иностранных языков. Учебные кабинеты и лаборатории были надлежащим образом оснащены необходимым оборудованием и спецаппаратурой, имелась богатая библиотека. Некоторые учебные кабинеты размещались в других помещениях в черте города. В 1940 г. в учебных заведениях института в совокупности обучались около 1000 студентов, в числе которых были не только немцы городов и районов Республики, но и посланцы из Украины, Кавказа, Урала и других мест компактного проживания российских немцев.

Обучались и русские, и евреи, и представители других национальностей. На истфаке со мной учились два грузина. Один из них, по имени Гогия (Гошей мы его звали), был красивый молодой человек спортивного вида и блистательной внешности. Он производил впечатление интеллигента и явно происходил из богатой семьи. Его статная фигура, тонкие черты лица со здоровым румянцем и слегка кудрявой головой вызывали у девушек восхищение. Другой, с фамилией Кикнадзе, был его антиподом, смотрелся неуклюжим, ширококостным, невысокого роста крепышом с невыразительным крестьянского вида лицом.

На истфаке учились и представители еще некоторых национальностей. Я жил в общежитии института в комнате на троих с Борисом Дизендорфом и второкурсником-евреем по имени Арон. Он был небольшого роста, очень полный и большой любитель чиприков — разновидности пончиков на подсолнечном масле, но без

сладкой начинки. Чиприки стоили недорого (несколько копеек) и являлись традиционной составляющей студенческого питания.

Из маркштадтцев двумя курсами выше учились близкие знакомые Лео Вайс, Ольга Шенкнехт и Давид Шауфлер (все они проживали на улице «Рабочая» недалеко от нашего дома). В паре с Лео я играл в хоккейной (с мячом) команде института.

Так случилось, что после нашей депортации в Алтайский край на ж/д станцию Топчиха я опять в паре с Лео вручную грузил сахарную свеклу в ж/д вагоны для сахарного завода г. Бийска. Позднее в Трудармии на Тимшере в Усольлаге опять длительное время работал с ним в одной бригаде на лесоповале, где в 1944 г. добрый Лео Вайс умер от физического истощения. Ольга Шенкнехт дружила с русским парнем из г. Ленинграда (фамилию забыл). Они были красивой парой. Продолжая учиться в институте, она родила ему ребенка. В начале войны его призвали в армию, а ее арестовали якобы за распространение пораженческих слухов. Ребенка взяла к себе мать мужа. В лагере Ольга познакомилась с заключенным врачом, который помог ей выжить. После освобождения они поженились и поселились в г. Ишимбай Башкирской АССР, где я с ними встретился в 1954 г.

Давид Яковлевич Шауфлер в Трудармии тоже попал на Тимшер Усольлага, где находились мы с Лео Вайсом. Будучи квалифицированным электромехаником он попал на относительно престижную работу по обслуживанию лагерной электростанции. Новая встреча с ним состоялась уже в 1958 г. в г. Октябрьске Башкирской АССР, где по моей рекомендации он был принят в промыслово-геофизическую контору аппаратчиком по конструированию геофизической аппаратуры. Давид Шауфлер был немцем до мозга костей. Имея образование физика, он профессионально рисовал маслом, классически играл на пианино, в вечернее время преподавал музыку и пение, был мастером на все руки, в том числе и в садоводстве. Давид отличался исключительным трудолюбием, аккуратностью, обязательностью и весьма заметной расчетливой бережливостью в ведении домашнего хозяйства. В 90-х годах Давид Шауфлер эмигрировал в Германию. Незаурядными

людьми были и его брат Вильгельм, и племянник Гуго Шауфлер. Последний был талантливым художником, работал архитектором в г. Симферополе, являлся председателем республиканского общества немцев Крыма, ныне проживает в Германии.

Из преподавательского состава института наиболее четко с положительной стороны запомнились Доминик Гольман, старший преподаватель немецкого языка, и историк – декан исторического факультета — крупный мужчина средних лет русской национальности, носивший ярко красную бороду и такого же цвета пышную шевелюру (фамилию забыл). Последний выделялся организаторскими способностями, профессиональностью, интересными лекциями по истории античности, а также доступностью в общении со студентами. В последний раз я его встретил уже после опубликования Указа о депортации немцев на пристани в Маркштадте, куда он прибыл по вопросу перевода института из Энгельса в этот город. Он, как и я, был в подавленном настроении. Мы простились навсегда.

Доминик Гольман – тогда еще молодой человек выше среднего роста, с живым выразительным лицом и веселым нравом. По аудитории передвигался быстро, энергично жестикулировал, а вне ее всегда казался занятым и куда-то спешил по неотложным делам. Профессионально к тому времени Доминик был уже известен как одаренный лингвист, составлял учебники по немецкому языку для школ, писал короткие рассказы и учебные методики. В послевоенные годы слыл золотым пером в среде плеяды талантливых писателей из российских немцев. Доминик Гольман был страстным, бескомпромиссным, неутомимым борцом за полное восстановление в национальных правах репрессированного российско-немецкого народа. Он писал удивительно лиричные, полные патриотизма и преданности стихи, посвященные родной матушке-Волге, которую он нежно любил, как и свою малую родину – Немреспублику. Привожу несколько строф из стихотворения «Прощание с Волгой» («Abschied von der Wolga» Dominik Holmann)

Erste Strophe:

*«Weil du mich eingeladen hast
komm heut ich wiedermal zu Gast
zu dir: due liebste, beste,
du meiner Jugend Aufenthalt
bliest jung wie einst ich bin schon alt
und hab dich nicht vergessen»*

Funfte Strophe:

*«Leb wohl nun, Wolga, ich muß gehn!
Vielleicht ist mir ein Wiedersehn
Mit dir nochmal beschieden.
Zum Abschiedsgmb taucht meine Hand
In deine Flut am Uferrand –
Dann zieh ich hin in Frieden»*

Здесь необходимо вспомнить еще об одной колоритной фигуре, имевшей отношение к становлению Немгоспединститута, который был открыт в 1929 г. В 1930 г. короткое время его директором была Анна Пауль-Горст. Она родилась в 1907 г. в с. Штреккерау Саратовской области, была организатором первой комсомольской ячейки в г. Камышине. В 16 лет принята в члены РКП(б), являлась активной участницей борьбы против белобандитов, зверствовавших в 20-е годы в Поволжье. Анна по направлению партии обучалась в Московском университете имени Я.М. Свердлова и в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской, руководила отделом культуры и пропаганды Энгельского городского комитета партии. Работая в должности директора пединститута, была направлена в научную командировку в Германию. После возвращения из Германии ее освободили от должности директора по подозрению в антисоветской деятельности. Возвращаясь в Москву, Анна продолжала активную деятельность в области коммунистического просвещения и стала профессиональным революционером. В 1937 г., после ареста и последующей в тюрьме смерти мужа Георга Горста, Анна была сослана в Казахстан. Освободившись из ссылки в 1953 г., она приехала в г. Ишимбай (Башкирия), встала на спецучет и поселилась у брата Ивана Пауля.

У Анны было три брата, каждый из которых, как и Анна, прожил долгую неординарную жизнь. Старший, Иван Георгиевич, получив в Москве и Саратове юридическое образование, продолжительное время работал помощником и заместителем прокурора Немреспублики, после депортации и трудармии учительствовал в г. Ишимбае. Второй брат, Яков Георгиевич, был незаурядной славы человек, окончив срочную службу, стал летчиком-инструктором в Московской высшей школе красноретов, а в военные годы – летчиком-испытателем. Он постоянно жил в Москве. Депортация и трудармия его миновали.

Третий брат – Александр Георгиевич, будучи умным и способным мальчиком, в 1921 г. поездом подался в Ташкент за хлебом. При очередной билетной проверке он, безбилетник, выпрыгнул из вагона и угодил под колеса, остался жив, но лишился обеих рук. Имея тяжелую инвалидность, получил высшее образование, создал нормальную семью и вел благополучный образ жизни. Несмотря на полученную в малолетстве сильнейшую физическую травму при в общем-то здоровом организме, он всюду преуспевал. Природный ум, смекалка и упорство выработали в нем незаурядные способности оставаться на плаву и, более того, добиваться немалых успехов в разнообразных сферах деятельности. Он был мастером по шахматам (я у него ни разу не выиграл). С протезом чувствовал себя неуютно и носил их только в исключительных случаях. В связи с отсутствием обеих рук (от правой руки осталась лишь культя выше локтя) у него все другие члены тела (ноги, пальцы ног, зубы, язык, голова и др.) были чрезвычайно сильно развиты. Это позволяло ему самостоятельно обслуживаться и выполнять успешно многие трудовые функции. Виртуозно он пил водку: зубами брал полный стакан, ставил на правую культю и опрокидывал в рот как ни бывало. Поскольку был отчаянно рискованным человеком, во время депортации немцев г. Энгельса в Сибирь взялся опекать знакомую нам семью учительницы, имевшей троих малых детей, и впоследствии женился на ней. На протяжении всего военного времени он в достатке обеспечивал эту семью материально. В единственном числе неоднократно совершал рей-

ды через полстраны на Дальний Восток, возил оттуда продукты, торговал семечками, без рук управлял пачками денег. Милиция его не трогала.

Эти подробности мне были известны, так как наша семья по линии супруги находилась в дальних родственных связях с Александром Георгиевичем (дядей Сашей, как мы его звали) и через него - со всей семьей Пауль. Таким образом, в 1953 г., находясь в командировке в Ишимбае, я посетил Ивана Георгиевича и встретился там с Анной Пауль. Из бесед я понял, что она оставалась верна идеалам коммунизма, которым посвятила всю свою жизнь. Получив разрешение на возвращение в Москву, была приглашена в интернат старых коммунистов в Переделкино. Анна Георгиевна умерла в 1984 г. в доме ветеранов. Прах, по ее желанию, перевезли на кладбище Героев войны и революции в г. Камышине.

Вот такой была героическая судьба российской немки с Поволжья Анны Георгиевны Пауль-Горст.

Возвращаясь к будням студенческой жизни, замечу, что происходил ощутимый рост престижности института как признанного центра развития и совершенствования языка российских немцев в качестве классического литературного языка. Он также стал кузницей подготовки педагогических кадров для удовлетворения потребности в таковых как в Немреспублике, так и по стране в целом. Развитие института вопреки многочисленным проблемам, возникавшим в связи с быстрым расширением его учебной базы и нехваткой высококвалифицированных преподавательских кадров, продолжалось высокими темпами.

Партийные и комсомольские организации, наряду с рядовыми злбодневными учебными работами, целенаправленно занимались усилением идеологической деятельности, ежемесячно проводились комсомольские собрания, на которых рассматривались вопросы патриотического воспитания молодежи и укрепления обороноспособности страны. Осуществлялся ряд мероприятий, в реализации которых ведущее место занимали школы и студенческая молодежь: военно-патриотические игры, походы, соревнования по тематике Осовиахима и др. Материально студенты жили небогато,

но на питание стипендии вполне хватало. Кроме того, мы еще подрабатывали на погрузке и разгрузке барж на Волге.

В институте я познал свою первую и последнюю любовь, познакомившись с Эрной Майер — моей будущей женой. Мы и сегодня в мире и согласии живем в окружении сына, дочери, 4-х внуков (внучек) и 2-х правнуков. Эрна была активисткой и большой любительницей культурно-сценической самодеятельности. По памятным датам комсомол организовывал самодеятельные художественные вечера с заключительными танцами, на которые в качестве гостей приглашались летчики с соседнего аэродрома. С последними в воскресные дни проводились встречи и соревнования по хоккею с командой института. Случались и коллективные посещения популярнейшего в Республике Немгостеатра, в котором были заняты любимые публикой артисты: Бауман, Глейзер, Герта Ерш, Нихельман и др. Эрна жила на улице Чапаева, 43. Дорога от института до ее дома и обратно проходила в обход заброшенного кладбища, которое кротчайшим путем можно было пересечь узкой пешеходной тропинкой. Провожая ее поздними вечерами, я этот путь бесстрашно проделывал много раз.

* * *

22 июня 1941 г. Началась Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии, вероломно напавшей на нашу страну. Война вносила свои коррективы в образ и течение жизни всего советского народа. Из выступления по радио председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова явствовало, что враг коварен и силен. Эти обстоятельства потребовали единения народа, мобилизацию всех сил и ресурсов для быстрого разгрома врага, что в то время представлялось вполне реальным. В Республике повсеместно началось патриотическое движение. В военкоматы поступали тысячи заявлений от молодежи с просьбой о добровольном направлении их на фронт. В Маркштадте такое заявление было опубликовано в кантонной газете от группы комсомольцев во главе с Э. Айрихом и В. Штеле. Молодые люди выра-

жали недовольство по поводу «временного» отказа в призыве на действующий фронт.

Я призывался весной 1941 г., был определен в артиллерию, но оставлен до особого распоряжения, которое поступило позднее, после депортации, но уже в совершенно в иной форме и в другом смысле. На предприятиях, в колхозах, школах и в высших учебных заведениях проходили стихийные патриотические митинги, на которых участники выражали единодушную поддержку руководству страны в организации отпора Германским оккупантам.

Новое дыхание получило стахановское движение. В печати и по радио поступали сообщения и рапорты об организации добровольных сверхурочных работ для бесперебойного удовлетворения потребностей фронта продуктами питания, обмундированием и народного хозяйства — в сырьевых ресурсах. В спешном порядке были развернуты мобилизационные работы, создавались резервы и проводились широкомасштабные мероприятия по обеспечению безопасности. Часть помещений образовательной и культурной сферы, в том числе Энегельский сельскохозяйственный институт и главный корпус педагогического института, была переоборудована для использования в военных целях. Маркштадтский завод «Коммунист» был перепрофилирован на выпуск боеприпасов. У населения изымались охотничьи ружья, порох и мобилизовывался гужевой транспорт.

Заново начались подготовка и обучение среднего медицинского персонала, создание групп самозащиты и народного ополчения. На крупных предприятиях была введена военизированная охрана. В Маркштадте квартировался небольшой отряд внутренних войск. На полях Немреспублики зрел богатый урожай, для сбора которого были предприняты чрезвычайные меры по привлечению дополнительной рабочей силы (школьников, служащих) и уборочной техники с соседних областей. Несмотря на высокие обмолоты зерновых, в Маркштадте и Энгельсе для приобретения некоторых видов продуктов были введены карточки.

В Республику уже стали поступать первые эвакуированные и беженцы. В наш дом по разнарядке была поселена еврейская се-

мья, муж и жена. Необычность ситуации, в которой оказалась Немреспублика, заключалась в том, что враг, помимо фашистского облика, имел еще и немецкую окраску. Это, однако, не помешало Республике провести всю мобилизационную кампанию по защите родины на высоком организационном и идейном уровнях и создать для этой цели соответствующую экономическую базу. Было очевидно, что патриотический порыв населения как немецкого, так и русского, был искренен. Послевоенные исследования архивных документов подтвердили, что в Немреспублике в то тревожное время царили организованность и надлежащий порядок. Не было ни одного доказанного значительного случая паники, вредительства и тем более – государственной измены. Более того, по радио, в центральной печати и с фронта сообщалось о героических подвигах немцев-красноармейцев и награждения их орденами. Высокие партийные и советские работники, представители трудовых коллективов и студенческой молодежи в коллективных посланиях обращались с призывами к пролетариям и солдатам Германской армии остановить губительную войну и обратить оружие против идеологов фашистского порабощения народов.

Однако коммунистические правители и военные стратеги составили для населения Немреспублики свой зловещий сценарий использования его человеческого и экономического потенциала для обороны страны. 28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Это был неслыханный по цинизму и коварству удар по народу, готовому без колебания отдать борьбу за родину свое национальное богатство, жизнь своих сыновей и дочерей. Это известие привело в шоковое состояние все взрослое население Республики. В это чудовищное обвинение не могли поверить.

Я только что выписался из больницы по поводу желудочного заболевания. Обменявшись мнением с отцом, почувствовал, как он глубоко был потрясен, немногословен, велел готовиться к отъезду. Между тем гнетущее ощущение неизвестности сменилось сознанием самосохранения и заботой по сборам в дорогу. Во

внешней обстановке мало что изменилось, повсеместно сохранялись порядок и послушание. Митинги, собрания и общественные обсуждения Указа были запрещены, да никто и не собирался не подчиняться распоряжениям властей. В отдельных случаях высказывалось открытое сожаление по поводу нелепости Указа. Согласившись с пониманием предпринимаемых предупредительных мер, подавляющее большинство людей высказывало надежду, что переселение будет носить лишь временный характер.

Тем не менее, меры предупредительного порядка последовали. Так, уже 29 августа был прекращен доступ немцев-рабочих на завод «Коммунист» и на табачную фабрику. Однако запрета на перемещение внутри Республики, о чем некоторые позднее вспоминали, в Маркштадте, например, не было. Так, 3 сентября под предлогом получения стипендии я с разрешения родителей поехал пароходом через Саратов в Энгельс.

Причина, конечно, была не в стипендии, на самом деле, мне надо было проститься с любимой Эрной. Побыв несколько часов у них дома, мы с ней вернулись на волжскую пристань, но на последний водный трамвайчик в Саратов уже опоздали. Эту теплую сентябрьскую ночь провели на берегу Волги, о многом переговорили и клялись обязательно вновь встретиться, как только появится первая возможность. Эта возможность, к сожалению, появилась лишь после окончания войны, в 1946 г. Обговорили также способ поддержания постоянной письменной связи через родственников Эрны, которые с довоенных времен проживали на станции Щербакты Казахской ССР.

В Маркштадте арестов или крупных инцидентов с властями или представителями НКВД не было замечено. Однако в целом по Немреспублике, как позднее стало известно, все-таки несколько десятков человек за распространение пораженческих настроений было изолировано. 4 сентября я вернулся домой в Маркштад.

Подготовка к отъезду в основном была закончена. Свинью закололи, мясо залили салом, корову сдали в приемный пункт под квитанцию. Одежду уложили в сундук. Семейные стандартные сундуки традиционно имелись у всех поволжских немцев. Они

были очень емкими и изготавливались из легкого дерева размером 1,25x0,5x0,6 с выгнутой крышкой на замке и металлическими ручками по коротким бокам для удобства при переноске. Из мебели ничего не взяли, за исключением швейной машины «Зингер». Согласно Указу можно было собрать имущество весом до одной тонны, но на деле это было нереально. Предупреждали, что транспорт ограничен.

6 сентября мы в составе 4-х семей погрузились на грузовик ЗИС-5 и тут возник первый инцидент, связанный с нехваткой транспорта. Когда очередь дошла до четвертой семьи, нашего соседа через два дома, сопровождавший нас офицер НКВД указал на уже погруженный соседский сундук и велел его снять с машины из-за перегруза. Начались уговоры, плачь хозяйки, недовольное ворчание мужа, но сопровождавший стоял на своем. Под конец сосед со злостью вытолкнул свой сундук за борт, в результате чего он развалился. Из разлетевшихся вещей собрали самое необходимое. Сосед вынужден был подчиниться с тем, чтобы не осложнить и так уже накаленную обстановку.

7 сентября в Энгельсе погрузились на товарные железнодорожные вагоны и, проследовав через весь Казахстан, 19 сентября прибыли на ж/д станцию Топчиха Алтайского края. Наша семья, как и тысячи других, в полном составе (пятеро мужчин и женщин) была отправлена в Трудармию. Отец от голода и непосильного физического труда умер в шахтах г. Копейска Челябинской области. Мама вернулась по болезни инвалидом. Относительно здоровыми вернулись я, младший брат Вальтер и сестра Вильма. Я находился в Усольлаге Пермской (бывшей Молотовской) области на лесоповале, дважды был на грани смерти, списан в команду физически истощенных, но выжил.

Я вступил на тернистый путь трудармии в одном из крупнейших лесозаготовительных лагерей Гулага - Усольлага НКВД СССР в Пермском крае (бывшая Молотовская область). В течение 5 лет за период 1942-1947 гг. в этих лагерях от голода, непосильного физического труда и болезней погибли 3508 немецко-трудармейцев, в том числе трое моих бывших школьных товари-

шей из Маркштадта. За этот период я прошел через ряд лагерных пунктов Усоля: Тимшер, Гайдарово, Челва, Москали, Мазунья, Бондюг. Я трудился на разных лесозаготовительных работах: коновозчиком, лесовальщиком, лесосплавщиком, строителем мостов и лежневых дорог, маркировщиком леса, десятником, бригадиром (комвзводом по-военному). Перемещение по перечисленным видам деятельности было обусловлено рядом факторов: потребностью в соответствующей рабочей силе, физическим состоянием армейца, уровнем образования, организаторскими способностями, деловитостью и т.д. Некоторыми из перечисленных качеств я обладал, что в дальнейшем в определенной мере помогло мне в самые трудные времена. Было и немало случаев, когда сотрудники постарше и поопытней проявляли сыновнюю заботу о неопытных и слабых юношах-трудоармейцах, ставили их на более легкие участки работы...

ТИМШЕР

В Тимшере – первом моем трудоармейском лагере, я появился 22 февраля 1942 года в составе колонны трудмобилизованных немцев. Эта колонна в 1000 человек 180 километровым пешим маршем с двумя ночевками прибыла из г. Соликамска в Тимшер, который был базовым лагерем. Все базовые трудоармейские лагеря Усоля были бывшими лагерями для заключенных, которых после освобождения в спешном порядке отправили в действующую армию. Устроены были эти лагеря практически одинаково. Лагерная зона представляла собой площадь, обнесенную трехметровым бревенчатым забором с колючей проволокой и караульными вышками на углах, на которых круглосуточно велось наблюдение вооруженной охраной. Внутри зоны находились жилые бараки для трудоармейцев – деревянные помещения с двумя рядами двухэтажных нар. В середине между рядами нар стояла большая железная печь, которая обычно топилась всю ночь. В каждом бараке размещалось примерно 180-200 человек и имелась сушилка для рабочей одежды и обуви. Никаких столов, шкафов, стульев или скамеек в

бараке не было. Электрическое освещение было только в базовых лагерях Тимшер и Мазунья, остальные бараки освещались лучиной. На территории зоны находились еще баня, столовая, хлеборезка, карцер (тоже окруженный забором), медпункт, стационар и хозблок. За зоной располагались конюшня, плотницкая мастерская, инструментальное помещение, пекарня, электростанция и жилые помещения лагерного начальства и охранной службы НКВД.

Штрихи к лагерному быту

Жизнь в лагерной зоне ежедневно начиналась в 6 часов утра громким криком: Подъем! До 7 часов нужно было получить в хлеборезке пайки хлеба и жидкий суп в столовой. В 7 часов независимо от погоды (иногда и при 35-40 градусном морозе) трудармейцев строем выводили из зоны через ворота. Охрана пересчитывала всех по головам в каждой бригаде утром и вечером при возвращении с работы. Если кто-то отсутствовал или бригада не выполнила установленную норму, то ее в зону не пускали до решения вопроса или по личному разрешению начальника лагеря.

Рабочий день трудармейцев продолжался 12 часов при скудном питании: 600 гр. хлеба, утром и вечером суп из рыбных косточек или капустных/свекольных листьев. В обед на лесосеке полагался черпачок каши (100-150 гр.). В непривычно трудных условиях, за месяц-полтора, наш свежий трудармейский контингент оказался на грани всеобщего физического истощения. Положение во многом объяснялось тем, что лесозаготовка оказалась весьма трудоемким, непривычным для трудармейцев рабочим процессом, выполнение которого было возможно исключительно вручную. Конная тяга использовалась только при вывозе леса. Ситуация все более усугублялась участившимися заболеваниями: поносами, куриной слепотой, чесоткой, цингой и дистрофией. Угрожающим стало число смертей среди трудармейцев. Умер мой товарищ из Марксштата А. Ример. Его брат Эмиль, оставленный при стационаре санитаром, рассказывал: умерших с привязанными к ногам

деревянными бирками выносили под навес. Ночью их группами вывозили и складывали в углубления в почве и засыпали снегом до весны. Летом эти места засыпали землей. При этом никаких крестов или других опознавательных знаков не ставили. Так сколько же таких безымянных могил во всех каторжных лагерях ГУЛАГА?

Плохо было с одеждой и обувью. Прохудившиеся домашние валенки ничем не заменяли, поэтому трудармейцы так и шлепали в них по воде и грязи. Позднее появились лапти, чуни на деревянных подошвах и ватные чулки. Полностью изношенную одежду начали заменять разноцветными изделиями, например, зеленый, белый, синий. Так появились трехцветные фуфайки и стеганые штаны. Это делалось по спецзаказу, чтобы беглых трудармейцев издали можно было опознать.

Жизнь трудармейцев в зоне после труда проходила по своим правилам: пожилые люди обычно занимались починкой одежды, обуви или отдыхали на нарах. Молодые люди слонялись по зоне в поисках чего-то съедобного. Они дежурили у кухонной раздачи в ожидании пищевых остатков при чистке котлов. Люди в этих условиях подчас теряли всякий человеческий облик. Так, я однажды был свидетелем драки, которая разгорелась на лесосеке после обеденной раздачи каши за право соскрести со стенок деревянной бочки остатки каши. Жутко было наблюдать, как мои сверстники из Маркштадта – Вольф, худенький светловолосый паренек и его более плотный ровесник (фамилию не помню) обессиленные, до полного изнеможения тщетно пытались оттащить друг друга от этой бочки.

В зоне появились случаи воровства, бывали случаи пропажи паек хлеба. Несмотря на то, что существовал не писанный закон как у трудармейцев, так и у заключенных: пайка хлеба неприкосновенна. Нарушение этого святого закона жестоко каралось самосудом. Пойманного вора хватили за руки и ноги и с размаху бросали на спину, на копчик, после чего человек на всю жизнь оставался инвалидом.

Был и другой случай еще более жестокой показательной рас-

правы. Однажды поздно вечером, ближе к отбою неожиданно всех нас выстроили перед входными воротами. Охранники волоком втащили в зону двух безобразно изуродованных, до смерти избитых почти без признаков жизни трудармейцев. Лишь изредка были слышны хриплые стоны. Начальник лагеря громко объявил, что якобы эти воры были пойманы в соседней деревне и избиты местными жителями. Возмутительный факт, и он пригрозил поступать так со всеми нарушителями лагерного режима.

*В оздоровительном отряде нетрудоспособных
трудармейцев*

В Тимшере мне с самого начала не везло со здоровьем. Я начал работу коновозчиком, но через короткое время меня перевели на лесоповал. Я наравне с другими трудармейцами упорно осваивал новую, непривычную и весьма трудоемкую лесозаготовительную работу и постепенно вжился в незнакомую среду. Неожиданно у меня начались сильные боли в области кишечника. Такое было у меня и дома в Марксштадте, и я лечился в стационаре. Примерно через полгода во время пешего этапа Соликамск – Тимшер приступ повторился. Теперь же боли усилились и стали практически постоянными. Стул стал с кровью. Работать стало невозможно, и меня перевели маркировщиком леса, где не требовалось физических усилий. Однако, я продолжал слабеть и уже с трудом передвигал ноги. К счастью, в нашем медпункте работал молодой врач Бауэр. Он учился в Саратовском медицинском институте, но из-за депортации должен был прервать учебу после 3-го или 4-го курса. Родом он был из села моего детства Боаро, хорошо знал моего отца. Он тщетно пытался вылечить меня какими-то травами и порошками, но потом принял единственно правильное решение и отправил меня на операцию в больницу соседнего лагеря для заключенных. Это было в то время и в тех условиях неслыханное и рискованное решение. В нашем стационаре безуспешно лечили только дистрофиков и доходяг. Меня в больницу для заключенных увез попутно наш технорук Пономарев (вольнонаемный

из бывших раскулаченных ссыльных), очень добрый человек.

Как оказалось, у меня лопнул аппендицит, меня оперировали и удалили еще какие-то части внутренних органов. После операции у меня образовались спайки кишок, которые остались по настоящее время. Сравнивая стационар нашего лагеря и этого, по внешнему виду и по состоянию пациентов из моей палаты я мог заключить, что заключенному контингенту этого лагеря жилось заметно лучше, чем нам трудармейцам. Несмотря на общую слабость меня через 10 дней выписали и без всякой охраны выпроводили из больницы, сказав, что до Тимшера ведет только одна дорога через густой лесной массив. Было начало лета, послеобеденное время. Я медленно тащился по лесной дороге, ел лесные ягоды, попадавшиеся по пути, и от усталости пытался иногда присесть или прилечь на траву. Но это было совершенно невозможно из-за тучи комаров, готовых сожрать меня живьем. Так страдая и проклиная наседавших комаров, я только к утру добрался до нашего лагеря.

После медосмотра меня определили в команду слабосильных трудармейцев, не способных к труду. Я в то время весил 43 кг. При росте 170 см. Этот оздоровительный отряд численностью около 70 человек на один месяц освободили от выполнения всяких работ. Давали нам по 600 гр. хлеба и три раза в день жидкий суп и кашу.

С нами занимался технорук Пономарев по курсу: техника безопасности при ведении всех видов лесозаготовительных работ. Под руководством старшего по отряду нам разрешали находить лесные ягодные поляны, усеянные брусникой, черникой, голубикой и др. ягодами. К концу месяца мы уже были в состоянии выполнять относительно легкую работу.

В это время Тимшер получил заказ на заготовку отборного леса для предприятий самолетостроения и строительства военных кораблей. Эту работу поручили бригаде, которую возглавлял Лео Вайс, наш бывший сосед по Маркштадту. Он, по возможности, опекал меня.

Карцер

В барак зашел новый трудармеец, доставленный из заключения. Немцев, освободившихся из заключения, как и немецво-красноармейцев, в то время отправляли не к семьям, а напрямиком в трудармию. На вид ему было около 30 лет, коренастый, с большим приплюснутым носом со шрамом, видимо, след жестокой драки. Я лежал на верхних нарах. Он огляделся, подошел ко мне и властным голосом скомандовал: «Спускайся вниз! Это место теперь будет моим!» Я выразил недоумение и отказался выполнить его указание. Тогда он схватил меня за плечи, но тут вовремя подоспели товарищи. Начался скандал, и он отступил. Но напоследок он мне бросил: «Подожди, ты об этом еще пожалеешь».

В зоне ему дали кличку: Носатый Яшка. В первые дни он хорошо работал, но потребовал от мастера, чтобы его назначили бригадиром. Когда ему в этом отказали, он заявил, что вообще больше работать не будет. В итоге его посадили в карцер, где он стал верховодить среди сидевших там, вел себя как криминальный авторитет.

Я всегда был послушным, дисциплинированным трудармейцем, не нарушал режима, никогда не прогуливал. В один из дней я получил продуктовую посылку от своей любимой Эрны, которая находилась в трудармии со своей мамой в Башкирии. Им там жилось немного лучше, чем нам здесь. Вечером я собственноручно сварил себе суп с водой и поджаренной муки и наелся до отвала. С непривычки у меня вздулся живот, от боли не смог уснуть всю ночь. Утром я попросил бригадира разрешить мне остаться хотя бы на один день в зоне.

На мое несчастье начальник лагеря именно в этот день сделал контрольный обход бараков и всех, не освобожденных от работы врачом, строем отправил в карцер на 10 суток. Таких набралось человек 5. Вот я и встретился снова с Носатым Яшкой. Он скомандовал всем сразу выложить все имеющиеся личные вещи: алюминиевые столовые ложки, привезенные еще из дома, кожа-

ные ремни, бумажники и пр. Меня он, конечно, сразу узнал, обрадовался и сказал: «Ага, голубчик, попался!» Так мне пришлось расстаться с хорошим складным ножичком, которым я очень дорожил.

Карцер представлял собой, как, наверно, во всех лагерях, холодную темную комнату площадью 10-12 кв. м. с маленьким круглым зарешеченным окошечком на потолке и сплошными деревянными палатами. Постели не было никакой, спали в рабочей одежде. Кормили два раза в день жидким супом и один раз давали 300 гр. хлеба. Рядом с входной дверью стояла параша. Носатый Яшка определил мне место рядом с парашей за неуступчивость и приказал мне выносить ее вне очереди 3 раза. На работу нас выводили ежедневно в сопровождении усиленной вооруженной охраны.

К счастью, на третий день по просьбе моего бригадира и политрука лагеря Миллера мне разрешили вернуться в бригаду.

Командировка в дальний филиал Тимшера

Была зима 1944 года. Я в это время работал десятником на лесоповале у бригадира – бывшего военнослужащего, снятого из действующей армии. Это был немец с Поволжья по фамилии Диппель. Бригаду временно сняли с лесоповала и перевели в район с болотистой местностью, на которой работать летом было очень трудно. Наша задача была — из заготовленных на небольшой речке бревен-кругляков вязать глухари для плотов. Эти плоты при весенней большой воде должны были сплавляться до Камы и далее вниз по Волге. Расстояние до места назначения (название, к сожалению, забыл) составляло около 30 км.

Утром бригада была уже готова к пешему маршу, но стоял 30 градусный мороз. Вначале решили немного подождать, пока не потеплеет. Но чтобы рабочий день не прошел впустую, все же было решено ближе к полудню отправиться в путь. Каждый трудармеец нес с собой свой нехитрый скарб: кто на спине, кто в руках. Я же предусмотрительно тащил свой маленький фанерный чемо-

данчик волоком как сани на веревке. Между тем мороз крепчал. Впереди колонны шел ведущий из вольнонаемных рабочих. Бригадир держался середины колонны, чтобы сохранить ее цельность. Однако через несколько часов ходьбы гуськом колонна все больше растягивалась. Армейцы покрепче спешили вперед, чтобы быстрее добраться до лагеря назначения, а слабые все больше отставали и от усталости все чаще пытались садиться в снег. Бригадир уже не мог управлять всей колонной. Первая группа добралась до лагеря только после полуночи, двое вообще не дошли, они замерзли в пути. Почти все члены бригады получили ту или иную степень обморожения. Позднее говорили, что по этому поводу бригадиру Диппелю пришлось предстать перед следственными органами, они в Усольлаге работали исправно. Диппеля, однако, не судили.

Наше новое пристанище имело временный статус, и было в плачевном состоянии. Нары в бараке были сплошными и голыми. Ходили мы в ватных фуфайках, в них и спали. В бараке была большая железная бочка-печка, но не было сушилок для одежды. Столовой тоже не было, был лишь небольшой хозблок, где и готовилась пища. Кормили также скудно, как и в других лагерях, но условия работы были еще более неблагоприятными. Для меня как десятника не нашлось подходящего занятия, поэтому я трудился, наравне со всеми. На злополучном марш-броске я, хотя и был в валенках, но в легких (не ватных) брюках, сильно простудился, отморозил не только лицо (нос и уши), но и сильно переохладил мочеполовую систему. У меня началось недержание мочи не только днем, но и ночью во время сна. Поскольку мы все спали в одежде, то я утром просыпался в мокрой одежде. В таком состоянии я шел со всеми на работу, на реку, открытой всем ветрам. Мокрые брюки вмиг превращались в ледяной панцирь. Иногда удавалось подсохнуть у костра, но это мало что меняло. Сегодня мне трудно представить, как я смог вынести эти мучения в течение почти двух недель. Простуда усиливалась, заболело горло, заложило нос. В конце концов, я не только не мог работать, но и передвигался с трудом. Мой бригадир Диппель все это видел, но ре-

ально ничем не мог помочь. Врача здесь не было, поэтому он принял единственно возможное в тех условиях решение: перевел меня дневальным по бараку. Но и с этой обязанностью я справлялся с трудом. Помнится, по вечерам, когда бригада возвращалась с работы во время скудного ужина, я должен был светить лучиной. Но у меня часто от слабости закрывались глаза, и лучина гасла. Тут же раздавались раздраженные крики: «Дневальный, мать твою..., свет давай!» Я опять зажигал лучину, она опять гасла, и все повторялось сначала.

Вернули нас из этого злосчастного лагеря в Тимшер к весне, к началу ледохода. В Тимшере бригадир лесоповала Бетц Владимир взял меня снова десятником. Его бригаду перевели в базовый лагерь Мазунья, где мастером работал мой двоюродный брат Герберт Арнгольд. Мазунья был сытым лагерем. Его возглавлял начальник Заякин из бывших заключенных. Он ценил «работяг» и по опыту знал: чем лучше кормишь лагерный контингент, тем выше производительность его труда. Здесь мы пробыли все лето. Я заметно поправился и приоделся в новую лагерную одежду.

В последующие оставшиеся три года трудармейской жизни, особенно в послевоенный период, нам – трудармейцам – работалось и жилось значительно лучше и свободней. Мы стали задумываться о будущем жизнеустройстве. Я успешно сумел продвигаться «по службе» до бригадира и помощника мастера. По окончании года, помимо ежемесячных выходных, полагался трехнедельный отпуск. Выплачивалась заработная плата.

Запомнились три случая отпуска. Летом 1945 года наша бригада во главе с бригадиром нанялись в соседней деревне у одной не бедной старушки выкопать и обустроить глубокий колодец. Колодец получился на славу.

В начале лета 1946 года мы вдвоем со старшим десятником Нельде съездили в Башкирию, где в это время бурно развивалась нефтяная промышленность (строилось второе Баку). Нельде был немцем из Азербайджана и переписывался с бывшим другом из Баку, который работал в Башкирии. Моя любимая Эрна мне тоже писала о жизни в городе нефтяников Октябрьском (Соцгород).

Нельде был старше меня и более опытным. Он меня и уговорил съездить туда в разведку.

В третий и последний отпуск я совершил поездку к маме в августе 1947 года с помощником мастера Менгом Александром, проживавшем ранее в г. Красноярске. Моя мама жила в то время в Алтайском крае на станции Топчиха. В обоих последних случаях мы имели на руках только справки о том, что мы находимся в отпуске с указанием срока. К концу срока мы должны были вернуться на место работы в трудармию. В противном случае нам грозил суд. Я навестил маму, она к тому времени вернулась из трудармии как списанная по инвалидности. Перспективы для трудоустройства в этом селе я не видел. Срок отпуска уже заканчивался. Я связался с сестрой Вильмой в Барнауле, которая работала там и находилась на спецучете. Я сообщил ей, что, к сожалению, заканчивается мой отпуск, и я должен вернуться в трудармию. Она упростила областного коменданта Барнаула досрочно освободить меня от трудармии и взять меня на спецучет в Барнауле. Комендант эту просьбу выполнил. Полагаю, комендантам было выгодно иметь под своим контролем как можно большее число спецпоселенцев. Однако подобная попытка моего двоюродного брата Германа Арнгольда досрочно освободиться из трудармии в Караганде и вернуться к семье в августе 1947 года не имела успеха. Его осудили и посадили в тюрьму, к счастью, только на три месяца. (Указ о 20-летней каторге за побег в то время еще не действовал, он вышел только 26 ноября 1948 года). Вместе с тем, необходимо признать, что рассказанное, конечно, была еще не вся правда о трудармейских буднях. Выше приведенные записки на деле являются лишь фрагментарными эпизодами, некими штрихами и отголосками, главным образом, имевшихся исключительно морально и физически трудных условий труда и быта в деятельности трудармейцев.

В КАТОРЖНЫХ ЛАГЕРЯХ УСОЛЬЛАГА

Таким образом, в относительном благополучии закончилась

моя почти шестилетняя трудармейская служба. Однако, вопреки ожидаемому получению долгожданной возможности дальнейшего свободного жизнеустройства, нежданно, мне добавили еще восемь лет спецпоселения. Превентивно и в спешке введенный НКВД строгий поднадзорный комендантский спецпоселенческий режим, принудительно был распространен не только на бывших трудармейцев, но и на все миллионное российско-немецкое население СССР. Условия для нового жизнеустройства людей в первый послевоенный период повсеместно в стране были весьма непростыми, но исключительно трудными они были для репрессированных немцев-спецпоселенцев. Они оказались не только без собственных хозяйских очагов, но и в большинстве случаев с разорванными семейными узами. Они, подчас, были вынуждены терпеть оскорбления, моральные унижения и даже дискриминационные ограничения в конституционных правах. Тем не менее, бывшие немцы-трудармейцы и спецпоселенцы в массе своей трудились самоотверженно. Вопрос о роли этого немецко-трудармейского феномена XX века в деле перемещения важнейшего промышленного потенциала из центра и западных районов вглубь страны, на Урал, восток и в сооружении там новых крайне необходимых народно-хозяйственных объектов ныне полностью еще не изучен.

КЛЯТВА ВЕРНОСТИ

*Святая наука – расслышать друг друга
Сквозь ветер, на все времена.
Две странницы вечных – любовь и разлука
- поделятся с нами сполна,
поделятся с нами сполна.*

(Булат Окуджава)

Верной спутницей жизни, надежной опорой для Германа Давыдовича все эти годы была его жена Арнгольд Эрна Христьяновна (в девичестве Майер). Она родилась 23 июня 1924 года в селе Розенфельд бывшей АССР НП. в середняцкой крестьянской се-

мье, глава которой был объявлен «врагом» народа и без суда и следствия расстрелян в 1937 году.

В 1931 году семья Эрны Христьяновны переехала в город Энгельс - столицу Немреспублики. Здесь она училась в образцово-показательной школе 10. Училась она прилежно и успешно, была отличницей. Кроме основной учебной деятельности она дополнительно активно участвовала во многих кружках и спортивных мероприятиях. Окончив школу, она на отлично выдержала вступительные экзамены в Энгельский государственный немецкий педагогический институт. Однако мирная жизнь и мечты о благополучном будущем вскоре закончились.

Они познакомились, будучи студентами Энгельского немецкого государственного педагогического института. Они были молоды, успешно учились, любили друг друга и хотели быть вместе, что, однако, в то время это было невозможно. В сентябре 1941 года, огульно и бездоказательно обвиненные в нелояльности к советской власти, они со своими семьями вместе со всеми немцами АССР НП были депортированы в отдаленные районы Сибири. Их посадили в товарные вагоны разных эшелонов и повезли в неизвестное. Герман попал в Алтайский край на станцию Топчиха, Эрна – в Красноярский край станция Ужур, деревня Лопатки. Они оба со своими семьями в полном составе от звонка до звонка прошли через губительные перипетии, так называемой трудармии, в условиях лагерного режима Гулага. Но при расставании они **по****к****л****я****л****и****с****ь** вопреки всем обстоятельствам не терять связи друг с другом и при первой возможности соединить свои судьбы навсегда. Мечта их сбылась, но уже только после войны, пройдя долгий путь разлуки и тяжелые испытания.

В деревне Лопатки Эрна Христиановна непродолжительное время работала учительницей, и вместе с семьей они начали постепенно привыкать к суровым условиям военной сибирской жизни. Местные жители благосклонно относились к ним и оказывали им возможную посильную помощь. Но и на новом месте жизнь их не сложилась. Советская власть подвергла их новым испытаниям. Эрна Христиановна вместе с матерью была мобилизована в так

называемую трудармию. Невзгоды и удивительные истории начались уже в дороге в Башкирию, где им и было суждено отбывать свой трудармейский срок.

По словам Эрны Христиановны, «в пути в трудармию в их женский товарный вагон одна женщина скрытно в мешке пронесла своего единственного маленького ребенка (4-5 лет), с которым она обязана была расстаться, оставив его у чужих людей. На станциях в вагон заглядывали солдаты-охранники и проверяли, все ли на местах. Чтобы не выдать ребенка, если он вдруг заплачет, все женщины начинали громко петь. Охрана удивлялась: во всех вагонах плачут, а тут поют. Что за радость? Таким образом, эта женщина благополучно довезла своего ребенка до Башкирии, где она его устроила у добрых людей».

В Башкирии в то время создавался «второй Баку» - мощный нефтяной комплекс. Стране требовалось топливо, много топлива для танковых дивизий и авиации. Для участия в создании этой мощной нефтедобывающей базы в 1942 году по разнарядке НКВД были этапированы до 10 000 немцев-трудармейцев мужчин и женщин, выходцев, главным образом, из бывшей Поволжской немецкой республики. Они своим доблестным трудом внесли весомый вклад в становление и развитие будущего топливно-энергетического комплекса Башкортостана. Ускоренными темпами были созданы и введены в действие два крупных треста (эксплуатационного и разведочного бурения), четыре конторы бурения и несколько нефтепромыслов. Трудармейский контингент был размещен в тогдашних основных нефтяных поселках: в Ишимбае, Стерлитамаке, Салавате, Серафимовке, Шкапове, Приютове и др. Главным среди перечисленных поселений был «Соцгород» (нынешний г. Октябрьский).

Эрна Христьяновна с матерью попали в город Октябрьский. Условия труда и жизни, как и везде, были «трудармейскими»: жили обособленно в бараках, трудились в основном бригадами. Мужчины обычно выполняли физически тяжелые и сложные буровые работы и по капремонту нефтепромысловых скважин. Женщины работали операторами по обслуживанию нефтепромы-

словых скважин, подсобными рабочими в строительстве, а также на различных хозяйственных работах. Трудармейцы трудились добросовестно, успешно, но жизнь их по-прежнему оставалась трудной. Подчас приходилось терпеть моральные унижения и оскорбления человеческого достоинства от ретивых службистов НКВД. Однако доходяг и обреченных не было. Женщины, как известно, народ изобретательный. Так, например, некоторые, в том числе и мать Эрны Х. освоили способ выпаривания соли из грунтовой воды, выкачиваемой из глубоко лежащих горизонтов нефтяных скважин. Эту соль они затем обменивали в близлежащих деревнях на продукты. Другие обменивали сохранившуюся одежду на картофель и другие овощи. Эрна Христиановна с матерью умудрились даже отправить продуктовую посылку Герману Давыдовичу, находившемуся в трудармии в Пермской (бывшей Молотовской) области. Несмотря на все лишения и трудности, Герман Д. и Эрна Х. в течение всей войны оставались верны своей клятве, не теряли связь и помогали друг другу.

Эрна Христиановна имела хорошую образовательную базу, но, как бывший городской житель, она была плохо подготовлена к непривычному и нелегкому физическому труду, что помогло ей устроиться учетчиком в бухгалтерии транспортной конторы.

После окончания войны трудармейская служба автоматически становилась гражданским производством, но лишь с одной оговоркой: все трудмобилизованные немцы – женщины и мужчины всех возрастов - навечно объявлялись поднадзорными спецпоселенцами. Смена места жительства была возможна только с разрешения спецкоменданта НКВД.

Добившись соответствующего разрешения, Эрна Х. и Герман Д. официально оформили брак, и некоторое время они жили в городе Барнауле. В 1948 году они вернулись в Башкирию в город Октябрьский, где прожили 18 лет до 1965 года.

Жизнь в условиях спецпоселения (оно было отменено лишь в 1956 году) несколько улучшилась. Были допущены некоторые послабления в трудоустройстве, в учебе и в объединении разбросанных по всей стране семей и родственников. Однако, необоснован-

ная жестокость в соблюдении режима спецпоселения, моральные невзгоды и унижительные ограничения продолжали иметь место. Так, по словам Эрны Х., в 1949 году в Соцгороде (ныне г. Октябрьский) на спецпоселении с Эрной Христьяновной работали две сестры – Финк Нина и Соня (младшей было 19 лет). Они были выселены из-под Ленинграда, из Колпино, где у них остались большой дом и хозяйство. От тоски по дому Соне в голову пришла совершенно бредовая идея: съездить домой и удостовериться, все ли на месте, и в каком состоянии. Вопреки имевшемуся «Указу о наказании каторжными работами на 20 лет за самовольное оставление места поселения», о чём были информированы все немцы, она все-таки отправилась в путь. Не имея паспорта или справки, при первой же проверке документов, она была арестована и осуждена на 20 лет лишения свободы.

«Спустя много лет, - продолжала свой рассказ Эрна Христьяновна, - я совершенно случайно встретила её на улице в городе Октябрьском, едва узнав её. Она поведала, что провела в тюрьме 8 лет, но из-за увечья правой руки стала инвалидом и была досрочно освобождена».

На тему несанкционированной отлучки с мест поселения рассказал почти анекдотичный случай и Герман Давыдович. Те же нефтяники-буровики и операторы нефтедобычи города Октябрьский обслуживали и близлежащие месторождения нефти, часть из которых была расположена буквально рядом за мостом через реку Ик (расстояние 1-1,5 км.). Но это уже была территория Татарстана. Рабочие бригады, естественно, каждое утро отправлялись туда на работу, а вечером возвращались домой в город Октябрьский. Однажды военный комендант, скорее всего, случайно наткнулся на упомянутый «Указ», строго запрещающий несогласованное пересечение границ территорий мест спецпоселений. Последовал соответствующий запрет в отношении лиц, находящихся на спецучете. А таких лиц было большинство в бригаде. Начался простой в работе и последовал скандал. Пришлось вмешаться высокому начальству, чтобы устранить искусственную несурязицу и выйти достойно из сложившейся ситуации.

В 1965 году Герман Давыдович, работавший в Октябрьской промыслово-геофизической конторе старшим инженером-экономистом, был переведен на работу в трест «Башнефтегеофизика» в г. Уфа, куда переехала и его семья. Эрна Х. и на новом месте продолжала работу в системе автогрузовых перевозок. Вплоть до ухода на заслуженный отдых она возглавляла одно из ведущих подразделений Уфимской конторы автомобильных грузоперевозок – отдел организации труда и зарплаты. В работе отличалась исключительной исполнительностью, аккуратностью и отличными знаниями в области своей деятельности. Она много сделала для рационального использования автопарка и повышения эффективности автогрузовых перевозок. Она пользовалась непрекаемым авторитетом, как у водительского состава, так и у руководства предприятия. И ныне по прошествии многих лет ее уже в преклонном возрасте не забывают, присылают поздравления и подарки.

Эрна Христьяновна по менталитету настоящая российская немка, патриотка своей страны с активной жизненной, общественной и гражданской позицией. Несмотря на все невзгоды, жизнь у Германа Давыдовича и Эрны Христьяновны сложилась. Они воспитали детей, дали им хорошее образование, подрастают внуки и правнуки. Но память нет-нет, да вернет их снова в 1941 год, когда они впервые встретились и обещали пронести свою любовь и верность через все невзгоды.

Ида АЙСНЕР-СУХОВА

Ида СУХОВА

МОЯ ЛИНИЯ ЖИЗНИ

О ПРЕДКАХ И БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКАХ

О предках мне известно мало. В 90-е годы сестра (она с 1992 года живет в Германии) прислала выписку из немецкого архива, где о наших предках сказано: Гельд Иоганн Альбрехт (Held Johann Albrecht) 24 года, столяр из Швабии, Ульм, жена Мария-Елизавета 25 лет прибыл в немецкую колонию на Волге 27.08.1766 года. Он получил подъемные 75 рублей от воеводской Канцелярии в г. Саратове. В 1768 году он перешел в колонию Шафгаузен (Schafhausen). Далее его следы теряются, и связь с Германией прекращается.

Мой дед Held Heinrich (по-русски его называли Андрей Андреевич) родился 11 июля 1882 года в селе Штрасбург (Strasburg), там же прошел конфирмацию в 1897 году (обряд посвящения во взрослую жизнь), в 1906 году вступил в священный брак с Бауэр Марией-Катериной (Bauer Maria-Katharina ist in die heilige Ehe getreten) и прожил в этом браке 51 год. В этом браке у них было 13 детей – 7 мальчиков и 6 девочек. В живых осталось 6 детей – два мальчика и 4 девочки, остальные дети умерли в младенчестве. Дедушка умер 14 ноября 1957 года и похоронен на станции Шокай Осакаровского района Казахской ССР.

Бабушка родилась 22 августа 1887 года в селе Штрасбург на Волге, прошла конфирмацию в 1902 году в селе Нойвеймар (Neiweimar), умерла 27 ноября 1962 года и похоронена в селе Долинка Карагандинской области Казахской ССР.

На фото 1917 года стоит позади мой прадед Генрих (Heinrich). О нем знаю только, что он был ямщиком, как и дед, они вместе доставляли почту в различные города и селения вдоль Волги, ездили иногда на очень дальние расстояния и в дождь, и в снег. Часто попадали в метель, пургу. На фото сидят дедушка и бабушка, около них их дети: самая старшая Амалия (1908), Андрей

(1910), Наталья (1913), Лидия (1915 – моя мама). Амалия после революции 1917 года с семьей уехала в Америку, и связь с ней была потеряна навсегда.

У деда был брат Давид, у которого тоже была большая семья, но с ними мы мало общались. Вспоминаю такой рассказ бабушки. В 1921 году на Волге был страшный голод. Об этом много написано, но впервые об этом я узнала от бабушки. Время было ужасное, умирали от голода целыми семьями. Однажды бабушка пошел навестить брата, жили они недалеко друг от друга. Подходя к дому, он увидел через окно на столе большую миску с дымящейся вареной картошкой. Когда он вошел в дом, стол был пуст, миска с картошкой исчезла, остался только запах. Обида за этот случай у деда осталась на всю жизнь. «Я же не есть к ним пришел, хотел только узнать, живы ли они.», - говорил он.

Отца я не помню. Это был, как я сегодня понимаю, брак-мезальянс, непризнанный родственниками отца. Отец окончил педучилище до войны 1941 года, был уважаемым учителем на селе, был музыкально одарен, играл на различных инструментах. Две его сестры Элла и Гертруда, брат Владимир тоже были с образованием. Мама с начальным образованием, телефонистка в местном сельсовете была ему не пара, считали родственники. Во время трудармии в Нижнем Тагиле мама вышла замуж за Карла Миллера, и о моем отце никогда не вспоминала.

В 90-е годы я пыталась разыскать отца, запросила данные в архив УВД и получила такой ответ: «В отношении Вашего отца – Айснер Арнольда Генриховича, 1917 г.р. имеем следующие сведения. Во время войны он дважды попал в плен. Сначала – к немцам, а потом от них к нам. После войны проходил спецпроверку в Саратовской области. По результатам проверки 1 сентября 1949 г. определен на спецпоселение в Северные районы сроком на 6 лет. Ссылку отбывал в Красноярском крае. От спецпоселения освобожден 12 января 1956 г.». Я хотела продолжить поиски, но мама слезно умоляла не делать этого. «Зачем тебе это, - говорила она. - Ты его не помнишь, он тебя все эти годы не разыскивал, у него,

наверное, другая семья, успокойся». Наверное, она была права, и я прекратила поиски.

Имя мамы внесено в список трудармейцев Тагиллага в книге памяти советских немцев-узников Тагиллага «Гордое терпение», изданной в 2004 году в Екатеринбурге, в издательстве ИП Черепанова Н.В., объемом в 715 страниц.

Вместе с мамой отбывали ссылку в Тагиллаге такие известные люди, как Б.В. Раушенбах – один из создателей советской ракетно-космической техники, Т.А. Грасмик – широкоизвестный потомственный хирург, А.К. Арендс – известный востоковед, П.Э. Рикерт – ученый-химик и др. С ними она была лично знакома, общалась со многими известными людьми, проволока. Формально они считались мобилизованными в трудармию, а фактически трудармия – это был лагерь, как и зона для заключенных.

И НИКАКОГО РОЗОВОГО ДЕТСТВА...

(О депортации глазами ребенка.

Из детских воспоминаний)

Предрождественское воскресенье, декабрь 1906 года. Бабушка (ей 19 лет) и дедушка (ему 24 года) идут венчаться в лютеранскую церковь: бабушка идет впереди, а дедушка с «друзжками» позади. На улице тепло, светит солнце, бабушка в подвенечном платье, на голове миртовый веночек. Но пока они венчались в церкви, повалил первый пушистый снег. Из церкви дед с «друзжками» идет впереди, а бабушка позади. Почему не рядом? Вероятно, таков был обычай у российских немцев Поволжья. У бабушки были длинные густые пушистые в мелкий кудряшек волосы. Пока они из церкви дошли до дома, ее голова покрылась толстым слоем снега, и бабушка превратилась в невесту-снегурочку.

Историю своего романтического венчания бабушка и дедушка часто вспоминали с мельчайшими подробностями длинными зимними вечерами в Сибири, куда мы были высланы в сентябре 1941 года. В моей детской памяти их рассказ запечатлелся как

волшебная сказка, в которой главной феей была моя любимая бабушка.

Дальнейший жизненный путь маленькой «феи» не был усеян розами, а все больше шипами. Моя бабушка Мария-Катарина Бауэр (ее девичья фамилия, дед ее называл Марика) родилась 22 августа 1887 года в селе Штрасбург, прошла конфирмацию в 1902 году в селе Нойвеймар, рано осиротела. У них с дедом было 13 детей – 7 мальчиков и 6 девочек. На момент депортации в живых осталось 4 дочери и 2 сына. Умерла моя бабушка 27 ноября 1962 года и похоронена в селе Долинка Карагандинской области. Присутствовать на похоронах я не смогла, т.к. работала учителем немецкого и английского языков в Алапаевской школе-интернате № 1 Свердловской области. Ее могилу я смогла навестить лишь летом 1963 года. Ее жизнь заслуживает отдельного рассказа.

Я же возвращаюсь к событиям 1941 года, к депортации. 28 августа 1941 года я представляю себе только по рассказам взрослых как Вавилонское столпотворение, в памяти всплывают лишь обрывочные картинки, и осталось одно «вещественное доказательство»:

Справка о реабилитации

От 13 мая 1997 г. гор Волгоград

Гр. Айснер (моя девичья фамилия) Ида Арнольдовна 1938 года рождения Палласовский р-н АССР НП **репрессирована в 1941 г. по Указу ПВС СССР от 28.08.41 г. и признана лицом социально опасным по национальному признаку.**

На основании п. «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий гр-ка Айснер И.А. реабилитирована.».

Зам. нач. УВД Волгоградской обл.

(Подпись) Шевелев В.А.

Эту справку я храню как документ величайшей человеческой глупости. Мне на момент составления и подписания этого «ше-

девра» было 3,5 года. Мне всю жизнь хотелось встретиться с авторами этого документа и спросить их: Дяденьки, какую социальную опасность я представляла для Вас? Вам не стыдно за Ваше малодушие, трусость и глупость? Вам не хотелось хотя бы в минуты жизни на краю во имя спасения Вашей души покаяться и извиниться за те страдания, за то горе, которое Вы принесли российским немцам и всем репрессированным народам России?

Мои воспоминания переносят меня снова в Сибирь в 1942 год. Сама я в трудармии не была, не доросла, слава богу! Зато моя мама и многочисленные родственники прошли ее в разных концах бывшего СССР. В памяти всплывает очередная детская картинка: Морозный октябрьский день 1942 года, идет крупный снег. Мама повязала мне голову своим шерстяным платком, я выбегаю на улицу и радостно кричу соседской детворе: «У меня мама вернулась!» Дети в недоумении, почему их мамы не вернулись. Я им объясняю ситуацию: Мою маму вместе с младшей сестрой тетей Фридой (ей тогда было всего лишь 15 лет, но на семейном совете было решено отправить ее в трудармию вместе с мамой, чтобы та за ней присматривала. Иначе ее все равно в 16 лет отправят в трудармию, и не известно, куда она тогда попадет.) и мамами других детей забрали в так называемую «трудармию» и отправили в районный центр. Но из-за отсутствия транспорта их долго не могли отправить дальше к месту назначения в Свердловскую область г. Н-Тагил, где она прожила ровно 50 лет до 1992 года. Маме каким-то образом удалось отпроситься буквально на пару дней домой в наш зерносовхоз Таежный Сухобуземского района Красноярского края. Пусть и два дня, но я ликовала на зависть моим репрессированным друзьям по двору.

Радость моя была однако недолгой, маму отправили в трудармию, затем на спецпоселение. Отец где-то на севере Красноярского края в ГУЛАГе. Об этом я узнала лишь в девяностые годы, а тогда у нас никаких вестей о нем не было. Мама на спецпоселении вышла замуж во второй раз, на свет появилась моя сестра Эрна (Сейчас она с детьми живет в Германии, Кобленц). А я так и прожила с дедом и бабушкой всю войну в Красноярском крае.

Выжила я в этом суровом краю, в эти трудные военные годы только благодаря дедушке и бабушке, благодаря их трудолюбию, человеколюбию и искренней вере в бога моей любимой бабушки. Дед был потомственный ямщик, возил почту, живя в Поволжье, и по «долгу службы» хорошо знал русский язык, что очень пригодилось ему в Сибири. В трудармию его по возрасту не взяли, ему тогда было уже 60 лет. Зато в зерносовхозе Таежный ему нашли применение, назначив бригадиром в овощебазе, т.к. других мужчин не было, все были на фронте. На базе с утра до глубокой ночи работали одни эвакуированные со всех концов СССР женщины, которых вечером перед выходом с базы обыскивала охрана, дабы чего не вынесли. С этой процедурой обыска у меня связано одно трагическое воспоминание, о котором расскажу ниже.

Осенью 1941 года мы жили в двухэтажном деревянном доме, типа бывшего купеческого, одной многонациональной семьей. В одном углу примостилась молодая еврейская семья: муж, жена Ольга и их маленький сынишка Бенья. Ольга была актрисой какого-то провинциального театра на Украине. По хозяйству она ничего не умела делать, все хозяйство вел муж. Зато она прекрасно играла на гитаре и божественно красиво пела (на мой детский слух), развлекая нас – детвору, за что взрослые были ей очень благодарны. В другом углу пристроилась очень немолодая пара крымских татар – муж и жена. В третьем мама-полька с двумя дочками в белоснежных пеньюарчиках. А мы, огромная немецкая семья, разместились в четвертом углу этого дома на 2-м этаже. На первом этаже жили, по-моему, местные сибиряки.

К зиме 1942 года мы съехали с этого дома и поселились у одной русской женщины – тети Нюры. У нее было два мальчика, Володя – старше меня, и Юра – младше меня, муж был на фронте. Тетя Нюра как и все другие женщины рано утром уходила на работу и поздно ночью возвращалась, а дети оставались одни. Она охотно пустила нас в дом, т.к. отныне дети были под присмотром бабушки. Володя уже ходил в школу, а мы с Юрой целыми днями грелись, лежа на русской печи или играли в доме. Причем, когда мы поселились у тети Нюры, ни бабушка, ни я ни слова не знали

по-русски. Но наши «лежанья на русской печи» даром не прошли. К весне, когда потеплело, и нам с Юрой можно было выходить на улицу, я уже хорошо говорила по-русски, а он по-немецки, т.к. бабушка так и не научилась говорить по-русски, и Юре пришлось освоить немецкий. Когда мы однажды пришли с улицы домой и пожаловались, что нас обзывают немцами и фашистами, то Володя за нас заступился. На правах старшего он «разобрался с дворовой шпаной», и нас уже никто никогда больше не дразнил.

К осени 1942 года дедушка вырыл землянку, в которой мы затем и прожили до конца войны, но тете Нюре мы остались благодарны и сохранили с ней добрые отношения.

Еще одно яркое, но печальное событие сохранила моя детская память. Глубокая ночь, мы с бабушкой не спим, сидим вдвоем в землянке и ждем с работы деда. Дед часто за полночь приходил с работы, а тут уже утро приближается, а его все нет. Настало утро, прошел день, еще одна ночь... На работе бабушке ничего вразумительного сказать не могут. Она догадывается, что произошло что-то страшное, но задавать лишних вопросов тогда не было принято. Да и не могла она спрашивать, т.к. русского языка не знала. Голова бабушки за эти дни ожидания стала совершенно белой. Где-то на 5-й день появился дед, разговаривали они тихо, полупшепотом. До меня долетали лишь отдельные слова: райцентр, НКВД, комендант, расстрел. Я в школу еще не ходила, но значение этих слов уже понимала, да кто же их тогда не понимал? Лишь годы спустя я узнала подробности о тех страшных для нас днях. В тот злополучный день, когда дед не вернулся с работы, к нему ближе к вечеру подошла женщина из эвакуированных откуда-то с Прибалтики и попросила: «Андрей Андреевич (так по-русски называли деда на работе, а по-немецки он был Heinrich), можно мне взять две горсточки зерна детям.» Дед знал, что нельзя, но отказать не смог. Женщина спрятала зерно в шаровары, а на выходе ее обыскали и нашли зерно. Женщина лишь несколько дней тому назад прибыла, была не искушенной, она призналась, что дед ей разрешил. Деда тут же и отправили в райцентр в военную комендатуру. Его продержали там несколько дней, затем вы-

звали на допрос. Дед честно рассказал, как все было. Военный комендант его спросил: «Ты знаешь, что тебе полагается по законам военного времени?» Дед ответил: «Да, расстрел!» «Хорошо, что знаешь, - сказал комендант, - иди, ко мне второй раз не попадай, продолжай работать, но никогда, никому не рассказывай о произошедшем.»

С тех пор прошло уже почти 70 лет, деда давно нет в живых, он умер 14.11.1957 года в Карагандинской области, Осакаровском районе, на станции Шокай. Я прошу у деда прощение за то, что огласила тайну, которую они с бабушкой хранили так много лет.

Следующая картинка моего детства: 9 Мая 1945 года! Ясный солнечный день, люди поют, обнимаются, играют на гармошке, пляшут на пыльных сельских улицах. Причем, народ многонациональный: тут эвакуированные с Кавказа, Украины, Прибалтики, Крыма, Ленинграда, Сталинграда – татары, поляки, евреи, латыши, эстонцы, украинцы, литовцы, немцы и, конечно, эвакуированные и местные сибирские русские. Все ликуют и радуются Победе. Мой дед, абсолютный трезвенник, решил тоже отметить Победу: купил бутылочку портвейна и за обедом налил себе и бабушке по рюмочке, хотел и мне налить немножко, но бабушка запротестовала, и он плеснул немного вина мне в горячий чай. Тут снова начались их воспоминания о «доме на Волге»: они вспомнили снова день венчания, затем бабушка вспомнила наш роскошный фруктовый сад, а дед - своих почтовых лошадей. Он был потомственный ямщик, как я уже говорила выше, и его самой большой страстью были лошади. О них он мог говорить часами, и когда я его иногда просила нарисовать домик или цветочек, он брал карандаш и вроде бы даже намеревался нарисовать домик, но в конце все равно получалась лошадь в упряжке или просто головки лошадей разных мастей. Все это я слышала уже много раз, поэтому я быстро съела обед, выпила чай, тихонечко выбралась из-за стола и побежала через овражек к подружке в доме напротив. Подружки не оказалось дома, я тут же развернулась, но чувствую, что не нахожу ручки двери. С трудом я добралась до дома. Бабушка поняла, что со мной: она раздела меня и уложила в постель.

Я сквозь дремоту еще долго слышала, как она ругала деда за то, что он напоил ребенка.

Прошел еще один год. Наступил май 1946 года. К нам приехала тетя Наташа, старшая сестра моей мамы. Она так же как и мама отбывала свой лагерный срок с другой моей тетей – тетей Милей в Восточной Сибири, за Байкалом в Читинской области у самой монгольской границы, в поселке Нижний Халтасон. Буквально перед войной у тети Наташи умер грудной ее сынишка Виллор, в ГУЛАГе погиб ее муж. Хотя они оба с мужем были членами ВКП(б), активно строили светлое будущее коммунизма в АССР Немцев Поволжья, но время их не пощадило. В лагере у тети Наташи отобрали партбилет (Немка и партбилет были вещами несовместимыми для НКВД). «Расставание» с партбилетом она переживала не меньше, чем смерть мужа и сына. Но к ее чести я должна сказать: когда ее реабилитировали, ее снова пригласили в НКВД и хотели вернуть партбилет. Она сказала: «Я не совершала никаких преступлений, я верой и правдой служила партии, я ее не предавала, а она меня предала, поэтому партбилет я больше не возьму.

Лишившись самых близких ей людей, тетя Наташа решила взять бабушку, деда и меня (куда же было меня девать?) с собой в ее тьму-таракань – Нижний Халтасон, в Бурят-Монголию. Сборы были не долгими. И вот мы в Красноярске! После нашего зерносовхоза Таежный Красноярск произвел на меня впечатление Рио-де-Жанейро: перед нами Енисей – это бескрайнее море воды, настоящие пароходы, их протяжные гудки, яркие огни и люди, люди кругом, на вокзале с котомками, вещмешками, чемоданами, корзинами, пакетами. Мы тоже уже несколько дней сидим с котомками на вокзале в ожидании подходящего поезда. На любой поезд мы садиться не можем. У тети Наташи на руках бумага от военного коменданта, где строго предписано, каким поездом мы можем следовать дальше. Кроме того, нас должен сопровождать молодой солдат от Красноярска до Читы и там сдать нас местной военной комендатуре. И тут я не могу сдержаться от очередного риторического вопроса: конец войны, в стране разруха, неужели

молодому солдату не нашлось бы более полезной работы, чем охранять тетку с двумя стариками и ребенком? Мы бомжи, без документов, без жилья, да и куда нам бежать? Вся Сибирь сплошная зона.

Наконец настает долгожданный день, в Красноярск прибывает наш поезд, мы можем купить билет и ехать. Но не тут-то было! Прежде чем купить билет, нужно пойти в баню, сдать всю одежду в паровую обработку, получить очередную бумажку. Все верно, кто бы возражал? А вот бабушка заупрямилась: «Я в жизни голая ни перед кем не появлялась, это же грех большой! Как я разденусь в бане, где так много людей, пусть даже и женщин?» Тетя Наташа умоляла ее слезно, дед ругал, я канючила – все бесполезно, пока добрые люди на вокзале не подсказали выход. Тетя Наташа сходила в баню второй раз и получила бумажку на имя бабушки.

Мы отправились в долгий и трудный путь в сопровождении нашего ангела-хранителя в лице молодого симпатичного солдатика. До Читы мы ехали поездом, а потом на перекладных в открытых грузовиках по узеньким горным дорогам, проложенным заключенными. Это Вам даже не горные дороги Кавказа или Альп (там я тоже бывала позже)! В Восточной Сибири такие каньоны, кручи, ущелья, что у меня до сих пор дыхание перехватывает при воспоминании о том путешествии.

Наконец мы в Нижнем Халтасоне! Вот тут-то я оказалась в настоящей зоне: лагерь, обнесенный высоким забором с колючей проволокой, бесконечные ряды бараков с двухэтажными нарами, сторожевые вышки – живые декорации, правда, уже без охранников на вышках и сторожевых собак у ворот. Да и колючая проволока местами обвисла. Все остальное осталось, как и прежде: люди живут в тех же бараках, спят на тех же нарах. А где же им еще спать? Новых домов пока не построили. Тетя Миля в ватных брюках и фуфайке вместе с другими женщинами каждое утро отправляется на лесоповал. Когда она вечером зимой возвращалась с лесоповала, она снимала обледенелую одежду и ставила ее у печки (не вешала), и она еще долго стояла, не падала, настолько она промерзала за день на морозе. А морозы в тех краях доходили до -

53 градусов. Занятия в школе никто не отменял, тем более работу. В школу мы ходили обычно целой ватагой. Одеты мы были по-сибирски: валенки, поверх валенок шаровары, чтобы снег не попадал, натуральная шуба из овчины или пальто на вате, на голове шапка-ушанка, повязанная в самые лютые морозы платком. По дороге в школу мы еще умудрялись нырять в снег, определяя его глубину. Иногда нырнешь головой вниз, наверху только пятки от валенок торчат, другие ребята тебя откапывают. Так мы были все время в движении, не успевали замерзнуть до школы. А вот птицы на лету замерзали и камнем падали с неба. Мы школьники собирали их, приносили домой, а когда они оттаивали, они оживали, и мы их снова выпускали на волю.

Тетя Наташа работала инструментальщицей (так называлась ее новая должность). Она выдавала инструменты заключенным у входа в шахту. Их каждое утро приводили из лагеря, который находился в Верхнем Халтасоне, и где еще не была снята колючая проволока. Они спускались в шахту, а вечером поднимались из нее и сдавали тете Наташе свои инструменты до следующего утра. Тетя Наташа иногда брала меня с собой на работу, я помогала ей выдавать инструменты заключенным. Дяденьки улыбались мне и обещали вечером принести подарки. Они не обманывали меня, приносили мне кучу красивых камешков с вкраплениями вольфрама и молибдена. Я раздавала потом эти камешки своим друзьям, и мы играли «в камешки» (их для игры нужно было иметь по пять штук).

Тете Наташе дали комнату в финском домике вне зоны, там мы жили вместе с бабушкой, дедом. Тетя Миля продолжала жить внутри зоны, но охрана уже снята, и мы свободно ходили к ней в гости, так что внутренняя структура лагеря мне хорошо знакома с детства. Через некоторое время тетя Миля переселилась к нам в финский домик, мы стали жить впятером. Все заняты: тетя Миля валит лес, тетя Наташа выдает инструменты заключенным, я хожу в школу. Даже дед нашел себе работу, устроился конюхом, ухаживает за больными полуслепыми лошадьми после увечий в шах-

тах. Бабушка дома, хлопочет по хозяйству. Все ждут, когда нам разрешат поехать домой, на Волгу. Но, увы!..

1949 год! Новое постановление – спецпоселение без права выезда, регулярные отметки в комендатуре. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Но это уже другие воспоминания, скорее воспоминания юности, более осознанные, отчетливые, но не менее яркие.

ОТКРОЙ-КА МНЕ, ПАМЯТЬ, СВОЙ ТЕРЕМ!

Открыть новую страничку своих детских воспоминаний меня подвигла моя двоюродная сестра Ирма – дочь моего дяди Давыда (родного брата моей мамы).

Ирма еще в дошкольном возрасте с тремя младшими братишками осталась без мамы. Её мама умерла от скоротечного воспаления легких. Естественно, Ирма плохо помнит свою маму и ей хочется узнать о ней больше. Став взрослой – мамой, а теперь уже и бабушкой, она много раз обращалась ко мне с просьбой, рассказать ей о её маме и других родственниках. Она живет в настоящее время в Германии, и сделать это по телефону не просто. Её маму я хорошо знала, поэтому обещала записать свои воспоминания и переслать их с сестрой в её очередной приезд в Россию.

1950 год – я закончила 4-й класс Холтасонской средней школы. С бабушкой, дедушкой и тётёй Наташей мы все ещё живем в Бурят-Монголии. Деду здесь ужасно не нравится. Он, выросший на широких Поволжских просторах, терпеть не может горы и камни, а ведь в этих местах и шагу нельзя сделать, чтобы не наступить на камень. Деду удалось каким-то чудом вывезти с Волги во время эвакуации в 1941 году хромовые сапоги на кожаной подошве. Он берег их как зеницу ока, надевал только по большим праздникам и воскресеньям. Боясь испортить их, ступая по этим камням, он искал любые пути, чтобы выбраться из Нижнего Холтасона. И такой случай подвернулся! Мы получаем письмо от дяди Давида (он живет в Свердловской области). Он пишет, что женился на красавице Мете, у них двое детей – Ирма и только что родившийся Витя и приглашает нас всех переехать жить к ним в

Свердловскую область, Асбестовский р-н, поселок Изумруд. Дед смекнул: Свердловская область, значит и Нижний Тагил должен быть где-то недалеко, а там, на спецпоселении, живут его дочери Лида (моя мама) и Фрида. Там тоже горы, но уже точно не такие высокие, а значит и камней поменьше. Тут он не ошибся, т.к. дороги в Свердловской области были несколько лучше, чем в Восточной Сибири.

Сборы были не долгими, и вот мы уже в поселке Изумруд. Нас очень радушно встретили дядя Давид, тетя Мета с родителями, с сестрой и братьями, которые до войны жили в Украине. Во время войны они оказались в оккупации, были угнаны в Германию, где тетя Мета работала в качестве прислуги в немецкой семье и, конечно, усвоила кое-какие их привычки и нравы.

Во всяком случае, прием нам по приезду в поселок был оказан с некоторым европейским шармом. На меня самое большое впечатление произвела Ирма. Ей тогда было всего два годика. В моих глазах это был совершеннейший ангелочек: головка вся в кудряшках, а на макушке волосы как-то замысловато заколоты гребешком, на ножках белые носочки, бело-голубое платьишко с какими-то воздушными рюшечками. Но окончательно меня сразило её умение делать «книксен». А помнит ли она сейчас, что когда-то умела делать реверанс?

Дядя Давид с семьёй жили в бараке (общий коридор и комнаты по обе стороны) в одной комнате, нас поселили в другой комнате. Я в сентябре пошла в 5 класс, дедушка, бабушка, тетя Мета хлопочут дома по хозяйству, дядя Давид работает шофером на лесовозе. Он устроил и тетю Наташу в лесхозе учётчицей на лесоповале.

Живем поначалу дружно, ладно. У дяди Давида и тети Меты родились ещё двое детей – погодки Саша и Павлик. Росла семья, а с ней прибавлялись и хлопоты. Одним словом, счастье длилось недолго, и виной тому оказалась женщина. У дяди Давида был друг, с которым судьба свела его еще в трудармии – дядя Саша Гассельбах. Он жил также в поселке Изумруд с женой тетей Эмой и незамужней сестрой Мартой и работал на лесовозе.

Трагедия разыгрывалась на моих глазах. Дяде Давиду опостылела своя семья, вечно плачущие дети, упреки жены, что он не помогает по дому, мало бывает с детьми. Он частенько стал бывать в гостях у дяди Саши, иногда приходил домой выпившим. Ему приглянулась молодая, краснощекая Марта. Он стал тайком с ней встречаться. На селе это трудно утаить. Как бы я не любила своего дядю Давида, но своим детским разумом я поняла ситуацию и приняла сторону тети Меты. Каюсь, я даже иногда «шпионила» за ним по её поручению. А вот бабушка, дедушка и тетя Наташа, казалось бы, взрослые разумные люди, были в восторге от Марты и всячески подталкивали его на развод с тетей Метой. Пусть они меня простят, но я не снимаю с них вину за произошедшую трагедию. Больше всего меня удивила бабушка. Как могла она, истинно верующий человек, которая всю жизнь прожила по заповедям Бога и меня учила выполнять их, отступить от заповеди: как зеницу ока храни супружескую верность, ибо это непреложный закон Творца – быть чистым, непорочным перед лицом Его и в девстве, и в честно хранимом супружестве. Женился – и нищи разрешения (расторжения брака) или другой жены. Почему она не вразумила своего любимого сына, а ведь дядя Давид был её любимцем.

Дяде Саше Гассельбах и тете Эмме было в тягость ютиться с сестрой в одной барачной комнатухе. Они были рады избавиться от хромоножки (Марта хромала с детства), они всячески сводили её с дядей Давидом и, в конце концов, добились своего. Тетя Мета с четырьмя детьми ушла от дяди Давида, переселилась в другую половину барака, где я частенько навещала её.

Я проучилась в поселке Изумруд с 5 по 7 класс (школа была семилетней). Чтобы я имела возможность учиться дальше, меня отправили к маме в город Нижний Тагил Свердловской области (Мама отбывала там с тетей Фридой «трудармию» с 1942 года). Там я узнала печальную весть. Чтобы прокормить четверых детей, тетя Мета купила корову. Пастбище ей приходилось самой. Однажды на пастбище тетя Мета прилегла на сырую землю, что-

бы немного отдохнуть, и в результате она сильно простудилась, заболела воспалением легких и скоропостижно умерла.

Дети выросли при мачехе – тете Марте. Это печальные воспоминания моей жизни в поселке Изумруд, но были, конечно, и забавные, веселые, озорные. У меня там было много друзей, подруг, любимые учителя – Софья Семеновна (учительница русского языка и литературы) и Панна Васильевна (учительница по математике).

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

1946-1950

В 1-й класс я пошла в 1946 году. Мне тогда было уже 8 лет, но дед решил, что в 7 я еще слишком маленькая, худенькая, глупенькая, пусть подрастет. Дед вершил мою судьбу, и в 1 класс он записал меня под своей фамилией. Только когда я получала паспорт, мне вернули мою настоящую фамилию Айснер согласно свидетельству о рождении. С 1946 по 1950 год я училась в Бурят-Монголии в поселке Нижний Холтосон. У меня сохранилась ведомость оценки знаний и поведения ученицы 3-го класса Холтосонской школы № 3 за 1948-1949 учебный год с такой записью: «Переведена в следующий класс с отметкой 4». Моя первая учительница была Нина Николаевна Пирогова, выпускница Московского педвуза. За неимением букварей и тетрадей она всю 1-ю четверть читала нам «Приключения Тома Сойера» Марка Твена. Учились писать на газетной бумаге. Постепенно появились буквари, тетрадки, чернальницы-непроливашки, ручки с перьями. Моя первая книжка, которую я прочитала самостоятельно, была «Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина. Она была напечатана крупными буквами с ударением на каждом слове.

Моим самым близким другом с 1 по 4 класс был Вова Титов, сын военного в составе руководства лагеря для заключенных в Верхнем Холтосоне. Моя тетя Наташа работала под его руководством в лагере инструментальщицей. Утром она выдавала за-

ключенным инструментами перед тем как спуститься в шахту. Вечером она забирала у каждого инструмент и вешала на крючок. В начальной школе на вопрос: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», я отвечала: «Горноспасателем.» Там это была очень почетная профессия. Дружбу с Володей я сохранила на многие годы. Вскоре после нашего отъезда из Нижнего Холтосона его отец демобилизовался, и семья уехала на Украину. Володя учился там в г. Николаеве, Знасенке, затем служил 4 года в ГДР. Все эти годы он присылал открытки городов с видами достопримечательностей. Последнее письмо я получила 5 сентября 1961 года. У него заканчивалась служба в ГДР, а у меня началась работа в школе. Переписка прекратилась по моей вине, о чем до сих пор жалею. Как сложилась его дальнейшая судьба, об этом я уже никогда не узнаю.

1950-1953

В августе 1950 года мы, бабушка, дедушка, тетя Наташа, переезжаем к дяде Давиду (брат мамы) на Урал. С 5 по 7 класс я училась в средней семилетней школе поселка Изумруд Асбестовского района Свердловской области. Моими любимыми предметами были русский язык и литература, география и математика. Особых способностей в математике у меня никогда не было, я чистый гуманитарий, и я больше чем предмет любила учительницу Панну Васильевну. Она была уже очень пожилая женщина (моими детскими глазами), приветливая, спокойная, интеллигентная. Говорили, что она училась в Смольном институте в Петербурге. Муж был аптекарь. Сын учился в Свердловске в горном институте, но погиб во время практики во время аварии на шахте. Жили они с мужем в своем доме недалеко от нашего барака. Я не знаю, но предполагаю, что они находились там на спецпоселении. Хотя на ее уроках я не блистала, она меня за что-то любила и после очередной контрольной работы просила зайти и забрать стопочку аккуратно перевязанных проверенных тетрадей и принести в школу. Панна Васильевна ценила во мне не мои «успехи в мате-

матике», а мою ответственность и всегда доверяла мне носить из школы и в школу стопки тетрадей по математике. Мальчишки часто приставали ко мне, чтобы я им показала оценки, когда я неслла проверенные тетради в школу. Я стойко отбивалась и никогда не нарушала наказ Панны Васильевны не показывать до урока ребятам проверенные тетради с оценками.

На всю жизнь я сохранила любовь к учительнице русского языка и литературы Софье Семеновне Старковой. Она появилась в нашей школе с мужем Георгием (отчество, к сожалению, забыла), когда я училась уже в 6 классе. Они недавно вернулись из ГДР, где он служил, а она работала там в отделе цензуры. Его назначили директором школы. Преподавал он, кажется, историю, но у нас ничего не вел. Детей у них не было, и ко мне относились очень по-доброму. Однажды летом 1952 года Софья Семеновна с мужем решили навестить родственников в Нижнем Тагиле. Они знали, что моя мама там живет, и решили взять меня с собой. Тетя Наташа одела меня понарядней, в платочек завязала какие-то деньги, в котомочку положила подарок маме и моей маленькой сестре Эрне, которую я еще ни разу не видела. Из Изумруда мы ехали на машине до Асбеста, оттуда на поезде до Свердловска. У нас было несколько часов до электрички до Нижнего Тагила. Георгий Н. предложил пойти в ресторан пообедать. Я заинтригована, впервые слышу слово «ресторан». Идем через площадь перед вокзалом. Они оба молодые, красивые: он бывший офицер, военная выправка, она в красивом модном тогда пыльнике, и я семеню с ними рядом со своей котомочкой. Тут вдруг из толпы цыган выбегает маленький босоногий цыганенок (их тогда много было на всех вокзалах), хватает Софью Семеновну за подол пыльника и кричит: «Купчиха, дай три копейки!» Георгий Н. улыбается, достает из кармана монетку и дает ее цыганенку. Я не понимала слова «купчиха», но я очень оскорбилась за мою любимую учительницу. Они довезли меня до Нижнего Тагила, сдали маме, и я с ними рассталась до осени. Обратю в Изумруд меня привезла мама, и взрослые решили, что там я должна закончить семилетку.

Об одной своей подруге я вспоминаю с особой теплотой – это Аля Жигалова. Оглядываясь назад с высоты своего возраста, я понимаю, что мы были совершенно разные по характеру, по увлечениям, и все-таки нас что-то очень сильно сближало. Во-первых, мы обе росли без отцов, а я ещё и без матери до 14 лет. Мы обе с детства были приучены к любому труду и были ужасными чистюльями. Они жили с мамой вдвоем в большом деревянном доме по другую сторону улицы от нашего барака. Мама её работала охранником в каком-то ведомстве по сменам. Когда у неё бывала ночная смена, я обычно приходила к Алевтине ночевать. Я восторгалась чистотой и уютом их дома: выскобленные добела некрашенные деревянные полы, домотканые дорожки на полу, прозрачные светлые стекла окон, высокое крыльцо. Не дом, а сказочные хоромы в моем детском представлении по сравнению с моим бараком!

Мы с Алей делали вместе уроки, я помогала ей по хозяйству, мы приносили воду с колодца, заносили в дом дрова, топили печку, готовили ужин. Спать мы укладывались вместе в одной кровати (так было теплей спать) и очень поздно не засыпали, т.к. слушали по радио трансляцию спектакля «Седая девушка» по мотивам китайского автора. Сюжет спектакля очень напоминал «Бедную Лизу» Карамзина, но тогда я этого не знала, «Бедную Лизу» Карамзина я прочла гораздо позже, когда я училась уже в 8 классе в женской школе № 56 в Нижнем Тагиле, куда я переехала в 1953 году. А тогда мы слушали «Седую девушку» и дружно плакали с Алей над ее поруганной судьбой.

Пережили мы с Алей в п. Изумруд одно печальное событие, которое нам чуть было не стоило жизни. Это было 23 апреля 1952 года. Мы пришли из школы, сделали уроки и договорились пойти на заброшенный карьер, заполненный водой, покататься на плотике, который соорудили наши дворовые мальчишки. Я пошла пораньше, ребята уже были там, катались на плотике. Когда я подошла, ребята отдали мне плотик, а сами пошли играть в футбол недалеко на берегу карьера. Двое помладше остались на берегу ловить лягушек.

Я встала на плотик и сделала уже несколько кругов, когда подошла Аля. Я подогнала плотик к берегу, чтобы она могла на него взобраться. Не успела она на него вскарабкаться, как он потерял равновесие, и мы с него свалились. Карьер очень глубокий уже у самого берега и весной до краев заполнен водой. Причем, обе не умеем плавать. На наше счастье один из мальчиков – Витя, который ловил лягушек на берегу, заметил, что мы тонем. Побежал к мальчикам, которые играли в футбол неподалеку с криком: «Идка и Алька тонут!» Нам с Алей повезло, что мы были в зимних пальто, и они долго намокали. А у Али пальто было широкое, вода снизу набралась, но она не успела уйти под воду. Я же ушла под воду, потеряла сознание. Наши одноклассники – Юра и Гена прибежали на крики Вити. Юра легко вытащил Алю на берег. Он очень хорошо плавал и поступил позднее в Рижское мореходное училище. Гене пришлось несколько раз нырять за мной в ледяную воду (по краям карьера лежал еще снег). Он ухватил меня за край пальто и вытащил на берег. Я этого не помню, в сознание я пришла на берегу, где меня откачали. Первое что я увидела и очень удивилась – это высокие сосны, которые как бы в танце кружились вокруг меня, тетя Наташа, много народу из поселка, люди в белых халатах, которые хлопотали около нас. Нас с Алей повезли в больницу, сделали какие-то уколы. На следующий день мы пошли в школу. Но что тут было! Еще по дороге в школу за нами бежала ватага малышей и кричала: «Утопленники! Утопленники идут!» А в местной газете «Асбестовский рабочий» к первому Мая появилась статья под названием «Так поступают советские школьники!». Вырезку из этой газеты я долго хранила как память о том событии. У меня сохранилась фотография наших спасителей. Еще раз им спасибо за их подвиг и вечная память, если их уже нет в живых.

Закончив 7 класс, мы с Алей вместе поехали в Нижний Тагил поступать в педучилище. Мы сдали все экзамены, но по иронии судьбы ее зачислили, а меня нет. Она сумела очаровать комиссию своими музыкальными данными и певческим даром. Мне талантов не хватило, и поэтому мне пришлось идти в 8 класс и заканчивать

десятилетку. Затем в 1956 году я поступила в Свердловский институт иностранных языков. В 1958 году его присоединили к пединституту и сделали факультетом иностранных языков, который я и закончила в 1961 году. Аля закончила педучилище в Нижнем Тагиле, вышла замуж, родила двух девочек и работала там учителем начальных классов. Мы с ней переписывались до 1966 года, затем судьба нас развела навсегда, а жаль! Хотя теперь совсем не жалею, что не поступила с ней в педучилище. Мне была уготована другая линия жизни!

1953-1956

Сентябрь 1956 год. Я приехала из Изумруда в Нижний Тагил и пошла в 8 класс средней образовательной школы № 56 на Тагилстрое. Школа женская, программа такая же, как в мужской школе, но все-таки со своими особенностями. Нас в школе учат вышивать крестиком, гладью, делать мерешку, учат танцам, работает драмкружок, хор. Устраиваются вечера, на которые приглашают мальчиков из мужской школы. Девочки знакомятся с мальчиками, обмениваются записками, ходят по вечерам на каток вместе. Сплошное веселье! Но все когда-то кончается. Министерство образования России принимает решение ликвидировать отдельные школы. В 9 класс я пошла по месту жительства в бывшую мужскую школу № 5. Мрачное неуютное здание! Лишь много лет спустя, в 90-е годы, сестра приехала из Германии, я из Уфы в Нижний Тагил, и мы решили поехать на трамвае на Тагилстрой, где мы когда-то жили и учились. Никакой школы уже нет, на ее месте возвышается храм. Мы читаем на вывеске: «На этом месте находился православный храм». В 30-х годах на его фундаменте построили казармы, позже разместили школу. У храма еще не было колокольни, и мы пожертвовали какую-то сумму на его постройку. Слава Богу, что храм восстановили! 8 класс я закончила на 4 и 5, с 1 по 8 класс я была ударницей, а с 9 класса у меня появились проблемы с математикой и физикой, тем более, что в бывшей мужской школе эти предметы всегда были приоритетными.

Там мне поначалу приходилось туго, но мой Ангел-Хранитель и тут пришел мне на помощь! У меня проблемы с математикой, у мальчиков – с немецким. Я им перевожу тексты, помогаю писать сочинения, они помогают решать задачи по геометрии, начертить ромб, объясняют, что такое ампер и пр. Вписать прямоугольник в треугольник и еще вычислить их окружность для меня просто фантастика! Вот так в тандеме с Виталиком Лисицким и Юрой Хаметовым и прошли два года учебы. Но на экзамене на аттестат зрелости они не смогли мне помочь, и там у меня две тройки – по геометрии и физике. Аттестат получен и надо решать, куда поступать.

Мама хочет видеть меня врачом. У меня же к медицине никакого интереса. Мне нравится история, но тут Н.С. Хрущев путает все мои карты, развенчав культ И.В. Сталина на 22-м партсъезде. Как теперь оценивать годы правления Отца народов? Взрослые советуют пойти на инфак. А что, неплохо узнать что-то о стране предков!

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА

1956-1961

В 1956 году я поступаю в Свердловский гос. институт иностранных языков, на отделение немецкого и английского языка. В 1960 году его присоединят к пединституту, и я в 1961 году оканчиваю Свердловский государственный педагогический институт. Вступительные экзамены я сдала на 5 кроме сочинения (4), и первый семестр получаю обычную стипендию. Но уже следующую сессию и все последующие я сдаю на отлично, получаю повышенную стипендию, оканчиваю пединститут с отличием и получаю красный диплом! Студенческая пора незабываема! Я успевала все: училась, каждый год осенью ездила в колхоз, всей группой помогали убирать урожай, дружно ходили на демонстрации, на субботники, каждое лето работала вожатой в пионерском лагере, умудрялась давать еще частные уроки и вести кружок немецкого языка

в школе. Все студенты курса были очень добросовестные, учились с удовольствием, но двоих хотела бы отметить отдельно – Гена Соснин и Лена Любавина. Помню: мы девочки в колхозе вяжем снопы. Гена стоит рядом и ждет, он должен их отнести в кучу. Пока он ждет, он стоит с книжкой и учит слова и тексты на иностранном языке. Мы все изучали немецкий и английский языки, Гена один самостоятельно изучал французский язык, ему в виде исключения было разрешено сдать французский язык на госэкзамене. У нас у всех в дипломе два иностранных языка, у Гены – три. Его сразу оставили работать в Свердловске в университете преподавать иностранные языки. Позже я услышала от сокурсников, что Гена работает переводчиком в ООН. Второй уникал – Лена Любавина. Ее страсть – музыка, она музицировала везде и всюду, параллельно училась музыке профессионально, участвовала во всевозможных конкурсах, конечно, была ответственна за все музыкальные вечера, которые проводились в институте. Ей бы сразу надо было поступать в консерваторию! Зачем она поступала на инфак?

12 апреля 1961 я студентка 5 курса лежу в общежитии (оно находится на 4 этаже учебного корпуса), болею – страшная ангина, высокая температура. Нас 9 человек в комнате, все на занятии, я в комнате одна. Вдруг слышу на улице шум. С трудом поднимаюсь, открываю окно, на улице чудный солнечный день, и вижу ликующую толпу студентов у входа в институт. Что за праздник? Через некоторое время узнаю: Юрий Гагарин полетел в космос!

Всеобщая радость, ликование!

Вечером этого же дня меня ожидал еще один сюрприз. В комнату заходит моя одногруппница Римма Захарова и говорит: «К тебе пришел молодой человек, ждет внизу на вахте.» «Но я же не могу спуститься, попроси вахтера пропустить его наверх.» - прошу я ее. Все уже сбегали вниз, посмотрели, кто ко мне пришел, и шушукаются. Тут открывается дверь комнаты, и на пороге стоит молодой высокий военный летчик с пакетом и огромным букетом цветов. Я обомлела, это был Павел Суворов, муж моей однокурсницы Любы Ознобихиной, мы три года просидели с ней за одной

партой. Они прилетели с Любой и маленьким сыном Юрой с Дальнего Востока, где Павел в это время служил, к родителям в гости в Свердловск. К их женитьбе я имела прямое отношение. История весьма романтическая. После 10 класса Люба поступила в пединститут в Нижнем Тагиле. На 3-м курсе, сдав зимнюю сессию, она захотела приехать на каникулы в Свердловск, походить по музеям, сходить в театр и хочет остановиться у меня. Я живу на частной квартире, договариваюсь с хозяйкой Екатериной Александровной. Люба приезжает в Свердловск, где я только что сдала последний экзамен и еду на каникулы домой в Нижний Тагил. Она провожает меня на вокзал. Проводив меня, она решила пешком прогуляться по городу. Идет она и заглядывается на каждый дом и, конечно же, привлекает внимание трех молодых людей. Один из них Павел Суворов. Он приехал к родителям, но уже через три дня улетает на Дальний Восток. Он делает предложение, их срочно как будущую семью военного регистрируют в ЗАГСе, и он увозит Любу. Обо всем этом я узнаю через неделю от хозяйки, когда я вернулась из дома. Люба перевелась потом на заочное отделение и благополучно окончила Нижнетагильский пединститут. Павел после службы переучился на гражданского летчика, они вернулись в Свердловск. Я часто навещала их, когда работала в Алапаевске.

АЛАПАЕВСК 1961-1963

По окончании СГПИ меня направили на работу в г. Алапаевск, в школу-интернат. Там я вела немецкий язык в 5 и 6 классах и английский в соседней общеобразовательной школе. Некоторое время замещала воспитателей в школе-интернате. Контингент учащихся своеобразный: в основном дети из многодетных семей и семей неблагополучных, много переростков, повидавших много на своем коротком жизненном пути. Но мне работа в интернате нравилась, дети искренние, открытые, и у меня установились с ними прекрасные отношения. На уроке я для них строгий учитель,

после уроков – старший товарищ. Они учили меня кататься на коньках, группу лучших учеников я возила в Свердловск, в Ленинград на экскурсию. Они доверяли мне самые сокровенные тайны. Я бы, наверное, еще долго работала в этой школе, но мне совсем не нравился город Алапаевск. Это был небольшой промышленный городок демидовских времен, скучный, с унылыми частными домиками. Единственный видный дом в городе – это здание бывшего управляющего горнозаводским заводом, которое принадлежало отцу П.И. Чайковского. В этом здании находился городской дворец пионеров. Однообразная жизнь в Алапаевске меня тяготила, и я в любой удобный момент уезжала к родственникам в Нижний Тагил или к друзьям в Свердловск.

ЛЕНИНГРАД 1963-1965

Однажды в мае 1963 года, просматривая «Литературную газету», я натолкнулась на объявление: «ЛГПИ им. Герцена объявляет конкурс на Высшие педкурсы». Я решила рискнуть, не надеясь на успех. Конкурс огромный: 30 человек на место, принимают всего 8 слушателей. У меня диплом с отличием, я всего два года проработала в школе, знания еще свежи, и я прохожу по конкурсу. Начинаются занятия на Мойке 48, общежитие на углу Невского и Желябова, самый центр, рядом Эрмитаж, театры, музеи, Впечатлений масса! Но есть одна очень серьезная проблема: Зав. горно Алапаевска тов. Тараскин отказывается выдать мне трудовую книжку, требует отработать три года, я же отработала лишь два года. По условиям конкурса я имела право поступить после двух лет отработки. Время идет, стипендии нет, мои скудные отпускные кончаются, я живу впроголодь, одноклассники начинают меня подкармливать. Мир не без добрых людей в России! Кто-то из сокурсников подкинул мне идею: напиши Н.С. Хрущеву. Выбора у меня нет, я написала. Не думаю, что мое письмо дошло до Н.С. Хрущева, но до нужной инстанции оно дошло. Через очень короткое время я получаю из Министерства просвещения копию письма

тов. Тараскину, где министерство просит выслать мне трудовую и объясняет ему причину. Я ликую, первую трудность в Ленинграде я преодолела, но не последнюю. Я единственная из поступивших после работы в школе. Все остальные по направлению из институтов, училищ получают стипендию намного больше меня. У меня самая маленькая стипендия – 64 рубля. Ее не хватает. Спасибо опять же Никите Сергеевичу. В его время в студенческих столовых Ленинграда (не знаю, как было в других городах) на столах стоял хлеб, за который не нужно было платить. В этой ситуации мне опять помогли. За всё время моей учебы я всегда была старостой группы.

Как-то подходит ко мне одногруппник Гена Коган и говорит: «Я устроился на работу, я и тебя устрою, но ты мне не ставь пропуск в определенный день». Он успешно окончил этот же вуз, преподаватели его хорошо знали и не возражали, когда он иногда пропускал занятия.

Устроил он меня в академию им. Можайского. Прихожу в отдел кадров, мне говорят: «Будете вести немецкий язык в группе преподавателей и аспирантов академии, готовить их к сдаче кандидатского экзамена». Для меня это первый шок! Я отказываюсь, но меня уговорили. Прихожу на занятия, вхожу в аудиторию и чуть не теряю сознание: передо мной группа в военной форме, все старше меня, один отделяется и рапортует, кто отсутствует, по какой причине. У меня хорошее качество: я теряюсь лишь в первый момент, у меня быстрая реакция, быстро собираюсь с мыслями и могу продолжать. Так было и на сей раз. Работа была не легкая, но интересная и полезная, нужно было тщательно готовиться к занятиям, подбирать специальные тексты, работать индивидуально. Я сама многому научилась. Так я подготовила их к экзамену, но сама не смогла присутствовать, так как началась моя сессия. Но они все успешно сдали кандидатский экзамен по немецкому языку и в благодарность принесли мне в общежитие в подарок огромный букет роз и вазу с конфетами. Вазу я до сих пор храню как память о том периоде моей жизни. С большой благодарностью вспоминаю наших преподавателей, это были гениальные ученые, педаго-

ги с мировым именем, интеллигентнейшие люди: В.Г. Адмони, Т.И. Сильман, Н.М. Александров, И.А. Парамонова, Л.В. Шишкова, И.П. Шишкина и др.

За время учебы мы очень сдружились со Светланой Михайловной Любовцевой. Она училась по направлению от БГУ, по окончании она вернулась в Уфу, а меня отправили старшим преподавателем кафедры немецкого языка в Шадринский гос. пединститут.

ШАДРИНСК 1965-1968

Август 1965. Город Шадринск Курганской области. Я приступила к работе в ШГПИ в качестве старшего преподавателя на кафедру немецкого языка. Здание пединститута импозантное, до-революционной постройки в центре города. На здании не было таблички, поэтому не знаю, что находилось в этом здании раньше. Шадринск небольшой купеческий городок типа Бирска в Башкирии. В нем нет никаких крупных промышленных предприятий. Я помню лишь швейную фабрику по пошиву женской одежды (возможно, не только женской). Первое, что мне бросилось в глаза, когда я в первый день появилась в Шадринске, это женщины, одетые в одинаковые платья. Позже мне объяснили, что накануне на швейную фабрику поступил новый товар недорогой в красивую разноцветную клетку. Фабрика сшила партию женских платьев, пустила их в продажу, и они тут же были реализованы. Платья были красивые, модного для того времени фасона, но когда все женщины города в одинаковых платьях – зрелище довольно забавное.

После Ленинграда Шадринск казался мне скучным провинциальным городом, чем он и был на самом деле. Преподаватели на кафедре – компетентные специалисты, милые коллеги. Они почти все местные, окончили этот же вуз, вышли замуж, обзавелись хозяйством, у них свои домашние дела, заботы. Общаюсь я в основном с прибывшими в Шадринск вместе со мной преподавателем

английского языка Ириной Г. Ключковой. (Она как и я окончила ВПК при ЛГПИ им. Герцена) и молодой преподавательницей французского языка выпускницей гос. пед института в Виннице Галиной А. Деген (позже в замужестве Любарская). Мы встречаемся почти каждый день после занятий, общаемся. Они молодые, интеллигентные, эрудированные, с юмором. Мне с ними интересно, но я понимаю, что, работая в вузе, нужно подумать о профессиональном росте.

Я вспомнила, что после госэкзамена по специальности по окончании ВПК Т.И. Сильман посоветовала не останавливаться на достигнутом. Я написала ей письмо, и получаю добро на работу над диссертацией. Она соглашается стать моим научным руководителем. Мы встречаемся с ней, обсуждаем тему будущей диссертации: «Стилистические особенности художественной прозы Лиона Фейхтвангера» (предварительное рабочее название). Я начинаю собирать научный материал для диссертации, основательно изучаю творчество писателя и параллельно готовлюсь к сдаче кандидатского экзамена по специальности, успешно сдаю его 20 июля 1967 г.

За неимением научной библиотеки в Шадринске, мне приходится часто ездить в Ленинград и работать там в государственной научной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в библиотеке Академии наук, в библиотеке на Фонтанке. Богатая библиотека и в ЛГПИ им. Герцена. Я благодарна руководству ШГПИ за помощь, в частности, ректору Дмитрию Антоновичу Панову, который много раз подписывал мне командировочное удостоверение для работы в научных библиотеках Ленинграда.

Все три года работы в ШГПИ мы переписывались со Светланой Михайловной Любовцевой, вспоминали нашу совместную учебу на ВПК при ЛГПИ им. Герцена. В очередном письме она сообщила мне, что в январе 1967 года в Уфе открывается педагогический институт, где будет факультет иностранных языков, и предлагает мне принять участие в конкурсе. Я готова принять в нем участие, но не могу, так как должна отработать три года в ШГПИ. Д.А. Панов не намерен отпускать меня раньше срока, по-

этому я прошла по конкурсу в БГПИ только через год, приступила к работе в августе 1968 года и проработала там ровно 45 лет.

УФА
1968-2013

Воспоминания о работе в БГПИ/БГПУ им. М. Акмуллы начну с печального события: 29 декабря 2023 года мы хоронили Эдуарда Шайхулловича Хамитова (1937-2023), ректора пединститута/педуниверситета с 1983 по 2005 год. Мы начинали с ним вместе работу в 1968 году, и 45 лет моей педагогической деятельности в педвузе прошли рядом с ним. Я 15 лет (1990-2005) заведовала кафедрой методики преподавания ИЯ и 2-го ИЯ. Как зав. кафедрой по самым разным вопросам приходилось обращаться к ректору, но ни разу я не покидала его кабинет с нерешенным вопросом. Это был прекрасный педагог, ученый, руководитель. Эдуард Шайхуллович возглавил вуз в самое трудное для страны время – время перестройки, когда многие педвузы были ликвидированы, объединены с другими структурами, преподаватели по несколько месяцев не получали зарплату. Эдуард Шайхуллович не только сохранил вуз, но еще умудрялся открывать новые структуры, новые лаборатории, мы два раза в месяц получали зарплату – аванс и зарплату. Коллеги из других вузов не верили, когда я им об этом говорила. Вклад его в становлении и развитии вуза огромен, опыт его бесценен для следующих руководителей вуза.

Кафедра методики преподавания иностранных языков (ИЯ) (ее первоначальное название) была создана в 1978 году. Ее первым заведующим очень короткое время был Ю.В. Еремин (позже доцент кафедры методики преподавания ИЯ в Санкт-Петербурге). Коллектив кафедры состоял тогда из следующих коллег: М.А. Хасанов (после Ю.В. Еремина он некоторое время был и. о. зав. кафедрой), Л.В. Демус, Г.Ш. Юсупова, В.Г. Давлетова, А.К. Коган, Л.Х. Галяутдинова.

С добавлением 2-го ИЯ на кафедру пришли Ф.Ш. Мустафина, Ф.Г. Амирова, Г.В. Мударисова, Р.С. Мансурова, Н.Д. Утяше-

ва. Позже на кафедру пришли наши выпускники: Т.В. Иванова, С.В. Арсланова, Ю.В. Калугина.

В 1974 году из БГУ был приглашен в пединститут Генрих Николаевич Классен (1917-2002). До 1991 года он работал на факультете ИЯ в качестве доцента, профессора и зав. кафедрой методики преподавания ИЯ. Ему принадлежит большая роль в становлении кафедры, формировании ее преподавательского состава, в развитии ее научного и учебно-методического потенциала. Я не была его студенткой, но интересный факт: мы учились с ним в Ленинграде у одного преподавателя – Владимира Григорьевича Адмони (1909-1993). Но Генрих Николаевич учился у В.Г. Адмони, когда тот был начинающим педагогом, а я, когда он был уже маститым ученым с мировым именем.

Хочу особо отметить вклад Г.Н. Классена в сохранение и развитие немецкого языка как родного в СССР, затем в России и, в частности, в Башкортостане:

- инициатор создания немецких школ по обучению немецкому языку как родному;
- автор первого букваря для российских немцев;
- автор учебников и учебных материалов для углубленного обучения немецкому языку в немецких школах России (в соавторстве с Г.Р. Гегелен, Е.И. Гутровой, И.А. Суховой);
- руководитель проектов, связанных с исследованием немецких диалектов в РБ и Оренбургской обл.

Результатом этих исследований стал фундаментальный труд, изданный в Германии. Он выступал с лекциями по проблемам диалектов российских немцев в целом ряде университетов Германии. Для ученых Германии исследования Г.Н. Классена ценны в сопоставительном плане, т. к. немецкий язык в Германии за 200 с лишним лет сильно изменился, а диалекты немцев России застыли в своем развитии, сохранились в архаичном состоянии. Обо всем этом я пишу в книге «Г.Н. Классен – филолог и методист, внесший значительный вклад в сохранение и развитие немецкого языка как родного для немцев РБ (к 100-летию со дня рождения): монографический очерк» (Уфа: Мир печати, 2019. – 179 с.). Книга

издана на Грант Главы Республики Башкортостан «Сохранение и развитие государственных языков РБ и языков народов РБ» при содействии Министерства культуры РБ, Ассоциации общественных объединений и Союза немцев Республики Башкортостан «Видергебурт».

Светлана Михайловна Любовцева проработала много лет в БГУ на факультете ИЯ вместе с Г.Н. Классеном. В 1976 году она перешла на работу в пединститут. В 2002 году мы отмечали на кафедре методики 50 лет ее трудового стажа в Башкирии, из них 2 года и 4 месяца она работала переводчиком-синхронистом в ГДР, переводила речь маршала Конева перед советскими солдатами в ГДР и других видных деятелей Советской Армии.

Практический язык она знала в совершенстве, а вот теорию языка не любила и не преуспела в ней. Мы учились с ней вместе на ВПК при ЛГПИ им. А. Герцена в Ленинграде, как я уже говорила. Вспоминаю семинарские занятия по теоретической грамматике у профессора Николая Михайловича Александрова (1899-1980). Когда он предлагал ей ответить на какой-то вопрос, она начинала говорить, потом путалась, он пытался помочь наводящими вопросами. Результат почти всегда был один: «Я знаю, Светлана Михайловна, что Вы знаете материал, но ...» И дальше сам излагал ответ на вопрос. Этой уловкой иногда пользовались и другие слушатели группы.

Вспоминаю еще один забавный случай: 30 декабря 1964 года, канун Нового года, у нас лекция по теоретической грамматике у Николая Михайловича. А Светлана Михайловна записана в парикмахерскую именно на это время, ей нужно сделать прическу к Новому году (святое дело для Светланы Михайловны). Я староста группы, я не могу пропустить занятие! Заканчивается лекция, мы все гуськом спускаемся вслед за Николаем Михайловичем с 4-го этажа по узким ступеням на 3-й этаж. Там у нас следующее занятие. Тут навстречу поднимается Светлана Михайловна и лоб в лоб сталкивается с Николаем Михайловичем. Ей бы поприветствовать и тихонько пройти мимо. Он никогда не спросил бы ее, почему отсутствовала на лекции, интеллигентность не позволила бы. Но

она не нашла ничего лучшего как сказать: «Здравствуйтесь, Николай Михайлович, поздравляю Вас с наступающим Новым годом!» Он в ответ: «Светлана Михайловна (он ко всем обращался только по имени и отчеству), Вы и завтра не придете на занятие?» На следующий день был семинар по теоретической грамматике у него же.

Лекции по историческому синтаксису нам читал В.Г. Адмони. С ним она тоже однажды попала впросак. Владимир Григорьевич предложил нам послушать лекцию В.М. Жирмунского в Академии наук. Приходим с ней в назначенный час (она всегда была пунктуальна), подходим к раздевалке, она легким движением скидывает пальто и говорит: «Повесьте, нет минуточку, шляпу тоже!» Я посмотрела на «гардеробщика» и обомлела: там В.Г. Адмони. Светлана Михайловна плохо видела, и она его не узнала. Я ее толкаю в бок, она не реагирует, а Владимир Григорьевич понял ситуацию, улыбнулся и сказал: «Давайте и Ваше пальто». В раздевалке не было гардеробщика, но в этот день эту роль взял на себя Владимир Григорьевич.

Светлана Михайловна в течение 10 лет руководила клубом интернациональной дужбы (КИД) им. Р. Зорге, проводила слеты КИДовцев, едила со студентами на слеты во многие города СССР, создала музей им. Р. Зорге. Несколько лет она была зам. декана факультета ИЯ, составляла расписание занятий, следила за посещаемостью студентов. Разве могут ее бывшие студенты представить, что строгий, требующий соблюдения дисциплины от студентов и преподавателей зам. декана когда-то сама могла пропустить занятие ради модной прически или похода в театр!

Якова Иосифовича Гельблу (1911-2006) я впервые увидела в Ленинграде во время его защиты, куда мы пришли со Светланой Михайловной. Но мы не были тогда представлены друг другу. Прошло 13 лет, и мы встретились с Яковом Иосифовичем в Уфе. В 1972 году он перешел из БГУ в БГПИ и стал заведовать кафедрой немецкого языка. Мы стали коллегами и добрыми друзьями до самой его смерти. Встретиться мы должны были с ним 19 июля 2006 года. Я должна была взять у него очередную часть его руко-

писи, а муж должен был набрать текст на компьютере. Яков Иосифович в это время уже очень плохо видел, и мы с мужем помогали ему печатать текст. 19-го утром, как мы с ним договаривались, я позвонила. Трубку обычно брала Мирра Иосифовна, сестра. Она сказала, что Яков Иосифович себя плохо чувствует, она вызвала врача и обещала перезвонить, когда ему станет лучше. Но уже после обеда мне сообщили, что Якова Иосифовича не стало.

Для нас с мужем это был шок, для нас он стал очень близким, родным человеком. Жаль, что он всего 1,5 месяца не дожил до своего 95-летия!..

В моей судьбе Яков Иосифович сыграл огромную роль. Когда умерла Тамара Исааковна Сильман (1909-1974), мой научный руководитель, я была в отчаянии и вообще решила не писать никакую диссертацию, но Яков Иосифович настоял, сам нашел мне другого научного руководителя – Л.В. Шишкову, направил меня в годичную аспирантуру в Ленинград, оформлял бесчисленные командировки в Москву, Ленинград для работы в публичных библиотеках. Я за это ему бесконечно благодарна.

Есть в русском языке хорошая пословица: долг платежом красен. Мы с мужем пытались следовать этой пословице. Когда у Якова Иосифовича начались проблемы со здоровьем, со зрением, мы постоянно навещали его и помогали как могли. Он оценил нашу помощь, подарил нам 2-й выпуск своего фундаментального труда «Древние тюрки и германские племена: лингвистический анализ (по следам утраченных знаний)» с такой памятной надписью: «Моим друзьям: уважаемой Иде Арнольдовне, уважаемому Александру Ивановичу от автора с сердечной признательностью за помощь и за интерес к моим проектам. 12.11.2004 Уфа Ваш Я.И.».

Я не была его студенткой, но считаю себя его благодарной ученицей. Своим отношением к педагогической деятельности, к научной работе, к проблемам страны в целом он останется для меня навсегда примером для подражания. Меня восхищали в нем скромность, мудрость, внутренняя культура, интеллигентность, сдержанность, умение общаться с людьми, эрудиция.

Яков Иосифович – участник Великой Отечественной войны. Прошел ее от начала до конца. Мы ежегодно накануне 9-го мая чествовали его на кафедре, но он так мало рассказывал о своих боевых заслугах. Даже многочисленные награды он стал надевать лишь в последние годы. Уже после его смерти мы узнали много интересного:

- 1943 г. Оборона Сталинграда. Штаб 64-й армии. Допрос Ф. Паулюса.

- 1943-1945 гг. Нелегально в Германии. Солдат невидимого фронта.

- 1945 г. Победа. Допрос высших офицеров ставки Вермахта.

- 1945 г. Потсдамская конференция во дворце Цецилиенхоф.

- 1945-1946 гг. Нюрнбергский процесс. Допросы, стенография, переводы. Работа день и ночь.

Как много мы могли бы узнать, если бы он был еще с нами!
Как жаль!!!

Гарри УБЕРТ

ПРИОТКРОЮ ЖИЗНЬ СВОЮ

Автобиография

Посвящается внучкам Тане и Ирине.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Ситуация в нашей стране ныне такова, что нам, российским немцам (РН), своей законной реабилитации не дожждаться. Для этого имеется ряд причин, главной из которых является следующая: власть этого не хочет. Поэтому самое главное для нашего общественного движения сегодня - это сохранение памяти о нашем народе. Это святое! Это не отнимаемо! Я мечтаю о том, что через несколько поколений кто-то в России скажет с гордостью: “Вот мой дедушка, прадедушка, прабабушка - они были из российских немцев”» (Г. Арнгольд - почётный Председатель Союза немцев Республики Башкортостан, из выступления на траурном митинге в День Памяти, 28 августа 2014 года).

Прав Герман Давидович, мой замечательный земляк, большой друг и учитель – время стирает память и неправильно уйти, не оставив своим потомкам воспоминаний. Он настойчиво советовал исполнить свой долг. Да, хочу с гордостью заявить: я из российских немцев. Время поджигает – необходимо спешить: мне уже 82 года и давно, на оставшихся волосах, «лежит, не тая снег», уже давно пора оглянуться назад. Ушли из жизни старшие родственники, всё чаще ловлю себя на мысли: зачем же так редко интересовался их прошлым? Досадно. Ведь это, на мой взгляд, и интересно, и поучительно. А они сами мало что рассказывали, видимо, перенесённые в жизни тяготы им было трудно озвучивать. По моему наблюдению, да и Герман Давидович подтверждает с высоты своих лет, что люди пожилого возраста мысленно часто вспоминают прожитое время. 8-го марта 2021 года (это уже совсем близко) ему исполнится 98 лет. Родные и друзья очень желают ему пе-

решагнуть столетний юбилей. Основания, что наши желания могут сбыться есть – он сохраняет хорошую память и ясный ум, хотя физически изрядно ослаб.

*9 сентября 2019 года были подведены итоги Всероссийского конкурса «Лучшие имена немцев России». Конкурс ежегодно проводится по инициативе Международного союза немецкой культуры (МСНК) с целью выявления и поощрения знаковых личностей из числа российских немцев, добившихся общепризнанных успехов в своей профессиональной деятельности. В номинации в области общественной деятельности победил активный участник общественного движения российских немцев, почетный председатель культурно-просветительного союза немцев Республики Башкортостан «Видергебурт», почетный член общества дружбы «Башкортостан – Германия» Герман Арнгольд. К большому сожалению наши надежды и пожелания не сбылись, **Герман Давидович Арнгольд скончался 19 сентября 2022 года, не дотянув до юбилея 171 день.** Друзья, коллеги и родные под девизом: **немецкий характер – русская душа** отметили памятную дату (столетие) 11 марта в национальной библиотеке Республики Башкортостан. Его супруга Эрна Христиановна, умерла на 98-ом году жизни несколькими днями ранее - 7 сентября (24. 06. 1924г.- 07.09. 2022г.).*

Согласно завещанию, они похоронены на кладбище пос. Чернолесовский Уфимского района в 25-ти км. от г. Уфы.

В браке супруги Арнгольд прожили 76 лет, из них два года, из-за препон надзорных органов за спецпереселенцами – в гражданском браке. Официальная дата регистрации 23-его февраля 1948 года.

Может быть, и мои наследники захотят узнать, как жили, кем были их родители, бабушки, дедушки? Хочу, по мере своих сил, им в этом помочь. Обязан сразу предупредить: читатель столкнётся с множеством противоречивых суждений, но в такое время я жил, такова была историческая эпоха, и таким сформировался. Я поклонник творцов великой русской классической литературы, в том числе и поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова. Он прожил

всего 26 лет, но какой глубокий литературный след оставил потомкам, его юношеская гениальность поражает. В год своей трагической гибели он написал такое интимное признание: «Люблю отчизну я, но странною любовью!» Эти слова созвучны моим чувствам. Надеюсь, нижеследующее повествование объяснит мою позицию.

ВВЕДЕНИЕ

Итак, приступаю к делу совершенно для меня непривычному. Прожитые годы, теперь уже минувшего двадцатого века, были сполна заполнены драматическими событиями. Мир в целом, а наша страна в особенности прошли через невероятные испытания. Почти с самого начала XX века российские большевики фанатично поверили в утопическую идею, что возможно силой, путем мировой революции установить на всей планете социальную справедливость. Все советские газеты начинались обязательным призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Естественно, революционеры приступили к реализации идеи с нашей страны, которую по выражению «демона мировой революции» - Льва Троцкого (Бронштейна) рассматривали лишь хворостом для разжигания мирового пожара. Какой бедой это обрушится на нашу родину, их совершенно не беспокоило. Загипнотизированные идеей и оценив, что благоприятный момент наступил - страны Европы после Первой мировой войны обескровлены, экономически разорены, они считали, что их народы с радостью под руководством большевиков включатся в новое мироустройство:

«Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем – тот станет всем», ринулись в бой.

И в октябре 1917 года совершили в Российской империи переворот, который назвали Великой Октябрьской Социалистической революцией, и объявили 7 ноября главным Государственным праздником. Установили в стране диктаторски-репрессивный режим, и вскоре вспыхнула жестокая братоубийственная гражданская бойня. Большевикам, в самом деле, удалось разрушить Рос-

сию, всю, до основания. Пожар нашей революции с голодомором и невероятными репрессиями, так сильно напугал население ведущих стран мира, что они не то, чтобы поддержать, а напротив, его вспышки в Германии и Венгрии быстро и жестоко подавили. Но при этом необходимо все-таки признать – наша революция всколыхнула человечество всего мира – уж больно притягательны были её идеи и лозунги. Революция подтолкнула трудящихся ряда развитых европейских капиталистических стран оживить рабочее движение в борьбе за свои права. Считаю, что руководство страны, провозгласив в 1991 году демократически-капиталистический строй, зря убрала красный цвет с 7 ноября - эта дата календаря навсегда останется в истории не только нашей страны началом эпохальных событий.

Наше же Отечество, несмотря на ужасы гражданской войны и трагические репрессии, понеся колоссальные жертвы, всё-таки встало, возродилось и окрепло. Страна покончила с повальной безграмотностью населения, провела индустриализацию, перестроила лихую, с признаками откровенной бандитской вольности, будённовскую конницу в настоящую, дисциплинированную Красную Армию, вооружило её современным по тому времени вооружением; вспахала заброшенную в годы распрей землю. Сады, поля и огороды вновь зазеленели, зацвели, заплодоносили, принося урожай. Могучая наша страна сумела разгромить напавший на страну в 1941 году германский фашизм, освободила от него захваченные территории страны и Европу; экономической мощью развилась до второй державы в мире. Мы первыми вырвались в космос, запустили спутник Земли и послали туда человека – Гагарина Юрия Алексеевича. Он стал первым человеком, который облетел вокруг планеты и подтвердил своими глазами теоретическое доказательство о шарообразности Земли древнегреческого философа Аристотеля (384-322 до н. э). Это далеко не полный перечень великих деяний, но и этого, полагаю, достаточно, чтобы моё поколение имело полное право гордиться своей Родиной.

По моему убеждению, наша страна могла бы уже давно жить в условиях «победившего развитого социализма», если бы разви-

валась эволюционным путём, без коммунистических насилий, авантюр, ошибок и иллюзий. Наглядный тому пример – достижения маленькой Финляндии, бывшей отсталой окраины, которая сумела выйти в 1918 году из состава советской России. Ещё более убедительно выглядят успехи Китая. Почему не вооружиться их примером? Ездили же наши первые руководители к ним. Промотали командировочные и ничему не научились. Но это уже совсем другая тема.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

С раннего детства частенько слышал вопрос: как ты, немец, оказался здесь у нас, в России и так «замаскировался», что говоришь на русском без малейшего акцента? Ответ, как правило, обескураживал, когда отвечал, что я такой же россиянин, как и вы. В самом деле, откуда им (да, что там им, мне самому продолжительное время) было знать, если школьная история и по сей день даже намёком не объясняет причины проживания довольно большого количества немецкого населения в стране. Что РН, как этнос, начали формироваться именно в Российской империи ещё за сто лет до возникновения Германии, как государства. Что вот уже более трёх веков тому назад появились компактные поселения немцев в России, Украине, на Кавказе и, что 19 октября 1918 года компактное поселение на волжской земле ленинским декретом оформили в автономную область немцев Поволжья. Может быть, на принятия столь необыкновенного решения повлияли гены Ленина от его мамы – Марии Александровны Бланк. Но как бы то ни было, она стала первым национальным субъектом, который получил право на свой устав и законодательство. А шестого января 1924 года статус повысили до автономной республики, т. е. с нашей национальной колонии в Волжской степи, большевики начали создание «Союза нерушимых республик свободных, которых сплотила навеки Великая Русь». По архивным документам, которые изучал один из лидеров движения РН, научный член редколлегии энциклопедии «Немцы России» Виктор Дизендорф, наша

будущая республика была заложена 27 июня 1766 года. Первопоселенцы, жители Екатериненштадта происходят из Франции. В СССР (в РСФСР, Украине, Казахстане) проживало и сейчас проживает немало немцев. По уровню экономического роста и вообще социального развития автономия немцев довольно скоро выдвинулась в передовой регион. Грамотное население страны моего возраста, конечно, знало про эту «ошибку» Ленина. Но с началом войны с фашистской Германией советская власть начала решительно исправлять промах вождя с нашей Республикой. Начала с малого – наложила строгую цензуру на факт существования в стране республики советских немцев. Наличие в стране цензуры, разумеется, секретом ни для кого не было, но секретом были «Перечни сведений, запрещённые к опубликованию», которые выпускались в СССР регулярно для служебного пользования. Советская цензура блокировала всё «нежелательное» для свободомыслия населения. В конце восьмидесятых годов XX века и нулевых нынешнего в цензуре возникла брешь, и проблемы РН появились после многолетнего штиля забвения в открытой печати и на телевидении. Но в последние годы в российских СМИ вновь не замечаются наши усилия по возрождению этноса, игнорируются знаковые даты нашей истории. Замалчивается память тысяч немецких воинов Красной Армии, граждан СССР, павших в боях в впервые месяцы Великой Отечественной войны, пока осенью 1941 года в ходе этнической чистки их не удалили из действующей армии в «трудовые» лагеря. Замалчивается и самоотверженный труд российских немцев от 15 до 55 лет в лагерях принудительного труда, где, как выяснил, естественно, также по архивным документам наш историк, писатель и публицист Гуго Вормсбехер «треть российских немцев полегла на работе в тылу – работе для Победы. Это больше, чем потеряла самая пострадавшая от войны Белоруссия, через которую дважды прокатился фронт, Белоруссия – колыбель партизанской войны. Она потеряла четверть своего народа – в войне с врагом. Мы – треть в труде на благо своей Родины». Предполагаю, что жертвы нашего народа «забыли» и не приплюсовали к 27 миллионам (*цифра, которая ныне официально при-*

знана. Но мне думается, что точно установить число жертв в принципе невозможно), погибших в Великой Отечественной войне. Нет широкого общественного признания РН за трудовой подвиг и понесённые жертвы. Разве справедливо такое положение дел? Мы с Германом Давидовичем в первые годы президентства В.В. Путина регулярно к его пресс-конференциям для народа отсылали вопрос: «Почему, Вы – гарант исполнения Законов РФ, не инициируете исполнение закона «О реабилитации репрессированных народов» в отношении РН, как это было сделано с другими репрессированными народами России?» В ответ всегда следовала гробовая тишина. Ни от него, как и от его, достаточно многочисленной администрации, никаких разъяснений не следовало. До него, полагаю, просто не доводили наш вопрос. Похоже, виновата стена чиновников, выстроенная между президентом и населением. Ведь не зря же сам Владимир Владимирович как-то по центральному телевидению за долгие годы своей работы Президентом, с досадой и раздражением, так отозвался о чиновниках (не обо всех, конечно, но очень, очень многих): «...Нет сердца, нет души, нет чувства сострадания и совести». Мне трудно предположить какое-либо иное правовое объяснение. Документально давно подтверждено, что наша республика ликвидирована незаконно, а точнее выражаясь – преступно. Уже 75 лет, как окончилась Великая Отечественная война. Почему не восстанавливается справедливость? Закон РФ, требующий это сделать, уже 29 лет, как принят. Почему власть (Генсеки КПСС, Президенты России) демонстрирует вопиющую преемственную неисполнительность собственного законодательства?

Ещё 15 января 1963 г. двадцатипятилетний Гуго Вормсбехер в своём стихотворном письме обратился к руководителю СССР тов. Хрущёву Н.С. с проникновенными словами:

Ещё раз я взываю сердцем к Вам:

В народе веру, веру в справедливость

Прошу Вас возродить!..

Или скажите нам,

Что с корнем все надежды нужно вырвать.

Что никогда нам вместе не бывать,
Что нам не знать народных ликований,
Разлученным всю жизнь не знать свиданий,
И свой язык пора нам забывать.

Похоже, наш поэт озвучил их тайные замыслы.

А ведь за свою историю существования на российской земле РН никакого вреда Отчизне не нанесли, а напротив, восславили её и внесли заметный вклад в развитие страны.

Я, как и все мои предки, родился в городе Марксштадт Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (АССР НП), на исконно российской земле. Сегодня город называется Маркс. А первоначально с 24 июня 1765 года именовался официально Ketharinenstadt (Катериненштадт или Катериненштадт), а неофициально в среде русскоговорящего населения - Баронск. Долгие годы Катериненштадт так и носил двойное название, так как основателем города считается барон Кано де Борегардт. Кроме того, население города отличалось от соседних селений заметно более высоким жизненным уровнем, что породило молву: там живут и процветают бароны. Город расположен на левом берегу великой русской реки Волги в Саратовской области, в 60 км. от областного центра. Климат здесь континентальный, засушливый. Засушливые годы повторяются в среднем через два года. Проживало в автономии около 660 тысяч человек. Добавка к названию города немецкое штادت было вполне оправдано, ведь 97 процентов были немцами и, естественно, все кругом говорили по-немецки, в том числе и жители других наций. В городе царил дух дружбы и взаимного уважения. Конечно, взрослое население знало в подавляющем большинстве и русский – язык межнационального общения, но родным был немецкий. Моя бабушка, например, которая умерла уже здесь в Уфе, где мы проживали в третьем нашем бараке по ул. Севастопольской, так и не выучилась русскому языку, да я и сам пошёл в школу, ничего не понимая по-русски. Вообще, в этом ничего удивительного нет. Ведь, повторяю, кругом все изъяснялись по-немецки - дома, на производстве, на улице, в общественных местах, в соседних деревнях и посёлках, то

есть, было так, как в любой советской национальной республике Советского Союза. Народы жили компактно, вели оседлый образ жизни, но, тем не менее, конечно же, общались друг с другом. И за три века, заселившие волжские степи по указу Екатерины Великой европейские колонисты, в большинстве своём немецкого происхождения, естественным образом превратились в новый этнос - «российские немцы». Они впитали черты культуры своих новых соседей из среды народов СССР - русского, украинского, казахского и др. В язык вплелось много новых слов, приняли многие обычаи соседних народов. Наряду с народными немецкими песнями, мама особенно любила также народные русские и советские песни. Например, «Вот мчится тройка почтовая», «Степь да степь кругом», «Священная война». Настоятельно советую поинтересоваться в компьютере историей рождения этого великого эпохального марша. Когда я его слушаю, у меня всегда по телу мурашки бегают. И ещё - «Катюша», «Тонкая рябина», «Каким ты был...» и многие, многие другие. Мама была почти всегда молчалива и печальна, часто уходила в себя, редко улыбалась, стала болезненно сентиментальна и, когда слушала по радио печальные русские песни, у неё часто текли слезы. К сожалению, эту болезнь она передала и мне. Болезнь вошла в меня неожиданно и незаметно, с годами. Но если маму понять можно – она женщина, с очень тяжёлой судьбой, то мне сидеть при людях с мокрыми глазами неприлично и стыдно. Поздравить человека и произнести простейший тост, более того даже выслушать искренние слова друзей, превратилось для меня в сложнейшее испытание, и я стал избегать публичности, что порой обижает друзей.

Мы, немцы СССР, более чем за три сотни лет довольно сильно разошлись с немцами Германии, настолько, что практически перестали без переводчика при общении понимать друг друга. Но, конечно, корни происхождения у нас одни. Обустройство жизни на доселе пустовавших широких степных просторах, борясь с природой в рискованных климатических условиях для сельского хозяйства и защищаясь от разорительных набегов кочевников, превратило за три века переселенцев из западной Европы в

патриотов России. Волжский край вошёл в наши стихи, поговорки, пословицы, песни, как и у других народов, проживающих на этой земле России. И обидно, когда нас порой, здесь на своей родине, воспринимают, как осколки пленённых врагов минувшей Великой Отечественной войны. Но не надо нас сравнивать с германцами. Мы другие, мы свои в многонациональной России. Это доказано более чем трёхвековым трудом и служением Родине. Для сведения: по истории РН за последние годы в новой России написано достаточно книг, есть даже упомянутая выше энциклопедия «Российские немцы», заглядывайте в неё и узнаете многое, чем РН могут по праву гордиться. Печатной информации о судьбе РН за последние лет тридцать издано немало. А вот, дошла ли она до читателей страны и даже до населения немецкого происхождения, рассеянного по территории огромной державы, большой вопрос. В публичных библиотеках этой литературы не найдёшь. Она сосредоточена в так называемых немецких культурных центрах, посетить которые имеет возможность далеко не каждый. Во-первых, их просто очень мало в стране, а во-вторых, сами читатели РН чрезвычайно распылены по всему СНГ (бывшему СССР).

РОДИТЕЛИ. ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ДЯДИ ГОТЛИБА

Мой дед по отцу - Александр Иванович Уберт - был религиозным католиком. Именно глубокая вера стала поводом для расправы над дедом и отцом. Здесь уместно напомнить указание Ленина: «попов надлежит арестовывать, как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше». Дед родился 8 декабря 1877 года, выходец из крестьян-бедняков, глава большой семьи, у него было четыре сына и шесть дочек. Образование получил маленькое, всего два или три класса начальной школы, зато имел большой трудовой опыт крестьянина и рабочего. Такое школьное образование в те дедовские времена имели почти все жители городка. Научился по слогам читать, далее уровень образования повысить заставляла сама жизнь. А как иначе будешь ежедневно читать Библию? И без бег-

лых знаний арифметики какой ты гражданин? Моя бабушка по материнской линии, с которой я жил до последних её дней, вообще в школу никогда не ходила, но её уровень знаний поражал, она знала от Пушкина до Горького многих наших классиков литературы, многих политических и религиозных персон, свободно считала в уме.

В начале XX века технически образованные жители города - братья Шефферы, владельцы Торгового дома, расширяя свой бизнес, открыли мастерские для ремонта сельскохозяйственного и бытового инвентаря, из которых выросла фабрика земледельческих машин. Дед поступил туда работать кузнецом в 1898 г. Там вместе с трудовым коллективом пережил две революции 1917 г., перенёс разруху Гражданской войны, голод 1921-1922 гг. голод 1932-1933 годов. После выхода из первого голода в 1922 г. фабрику перевели в статус завода и присвоили имя - «Возрождение». Завод знаменит тем, что на нём был создан первый советский дизельный колёсный мини-трактор «Карлик». Его создал конструктор-самоучка Яков Мамин, один из немногих русскоговорящих жителей города. В годы коллективизации выпуск трактора (по современным понятиям – мотоблок) прекратили, оценив его как орудие труда для кулаков. За трудовые достижения в 1932 г. заводу присвоили имя «Коммунист». Не знаю, по какой причине дедушка стал инвалидом, но на пенсию он ушёл с завода в 1933 г. с формулировкой – инвалид-пенсионер. Сегодня машиностроительный завод «Коммунист» именуется ОАО «ВОЛГОДИЗЕЛЬАП-ПАРАТ», известен на всю страну производством топливной аппаратуры дизельных двигателей, предназначенных для большегрузных автомобилей, речных и морских судов, тепловозов, стационарных энергетических установок. Мне посчастливилось быть гостем предприятия, посетить цеха, где работали мои родственники и оставить в гостевой книге завода 28 августа 2011 г., в день 70-летия Скорби по депортации нашего народа, памятную запись и сфотографироваться с внучкой одного из братьев Шеффер.

Второй мой дед (по материнской линии) Виншу Фридрих был успешным землепашцем, имел недалеко от города степной

надел земли в местечке «Калмыкская возвышенность» (KalmikoBerg). Там с ранней весны до поздней осени вместе с домочадцами выращивал высокосортную пшеницу. Имел бахчу с арбузами и дынями, держал лошадей, корову, свиней, кур. При доме имелся, как у всех жителей города, добротный фруктовый сад. Наёмных работников не привлекал, весь крестьянский труд падал на членов семьи. Успешней был тот, у кого было больше сыновей, этим дед похвастаться не мог. Основную товарную продукцию – пшеницу – дед исправно сдавал государству. В благодарность за ударный труд власть окрестила семью «кулацким гнездом». Сохранилась фотография семьи.

На фото нет моей мамы - она ещё не родилась. Но, если внимательно присмотреться к бабушке, то наличие моей мамы на снимке, пожалуй, тоже есть. Семья нуждалась в проворных рабочих руках. Деду, наверняка, хотелось ещё одного сына, но родилась моя мама. Снимку, конечно же, более ста лет, но удивительно хорошо сохранился – знать, толковым профессионалом был тот древний провинциальный немецкий фотограф. Судя по возрасту, ласково прижавшемуся к маме Готлибу (это довольно распространённое среди поволжских немцев имя дословно на русский язык переводится как «любимец бога», и в жизни дядю русские звали Богданом), похоже, здесь ему четыре. Он родился 25 декабря 1909 г. Поколению россиян, родившемуся в начале XX века, выпала тяжелейшая судьба. Дядя подростком пережил две волны голода, прокатившиеся на волжской земле в двадцатых и тридцатых годах, депортацию на Алтай в 1941 г, а в годы войны был отправлен в концлагерь, лицемерно именовавшийся Трудовой армией. После лагеря получил разрешение вернуться на место ссылки к жене и малолетней дочери в алтайскую деревню под надзор НКВД. Стал колхозником, отрыл землянку, благоустроил её, благо руки имел мастеровые. Я гостил у них в 1957 г. и увидел уют, который устроили дядя с женой. Он был гораздо комфортнее нашего в бараке, в Башкирии. Конечно, дядя радовался относительной свободе и начал жить с надеждами на лучшее будущее, семья даже увеличилась ещё двумя прелестными девочками. Но несчастья продолжа-

ли преследовать. Каждодневная изнурительная борьба с нуждой не приносила результатов. Продуктовые налоги душили так, что не давали вздохнуть. Власть обложили крестьянина так, что даже если во дворе не было скотины, не бегала ни одна курица, то всё равно, раз живёшь в селе, сдавай в казну яйца, мясо и масло. Доставка, где хочешь. Но главная беда обрушилась на дядю, когда в 1955 г. скоропостижно умерла незабвенная тётя Мария – его супруга. Милая моя тётушка. Благодаря её и бабушкиным заботам я остался жив в годы войны. Невзгоды не покидали дядю и далее: заболела гриппом с осложнением на менингит младшая доченька Оля. Несколько лет тянулась мучительная инвалидность, и она тоже скончалась. Горе сломило дядю, но он дотянул до пенсии, правда, недолго ею пользовался – глубокая депрессия окончилась суицидом (грех божий). Безусловно, в его трагическом уходе сказались годы пребывания в концлагере, где надорвали его психику. Уверен – Бог его простил. Царство ему божье! К сожалению, дату смерти не догадался зафиксировать и сегодня не могу её назвать.

Но вернусь к главной старой семейной фотографии. Снята она где-то в 1913 или 1914 г., незадолго до призыва деда Виншу на Первую мировую войну. Слава Богу, дедушка вернулся домой живым и без увечий. А бурные события в стране нарастали – пронеслись февральская и октябрьская революции, затем гражданская бойня, опустошительные голодные годы. И последнее, что добило деда - коллективизация с уничтожением «кулацких гнёзд», когда семья лишилась почти всего нажитого. От полного разорения спасла семью, похоже, тётя Мария, которая работала медицинской няней в марксштадской районной больнице. Её, видимо, с благословения доброго человека посчитали пролетаркой. Очередные революционные действия привели ко второму голодомору. Дед в опустевшем холодном амбаре, в глубокой тоске прилёг, сильно озяб, заболел крупозным воспалением лёгких и за три дня покинул бранный мир. Надеюсь, и он ныне в окружении своих близких родственников обитает в царстве небесном. Скончался дедушка в самый разгар голода, 12 января 1932 г. Семью пришлось возглавить бабушке - Виншу (Нихельман) Анне-Марии Фридриховне.

Моя мама, Уберт (Виншу) Фрида Фридриховна родилась первого сентября 1915 г. в городе Екатериненштадт, который к окончанию ею школы первой ступени в 1929 г. большевики успели переименовать в Марксштадт. У меня хранится её двуязычное удостоверение об образовании.

На фотографии, о которой упоминал выше, видно, что семья была, по нынешним понятиям, тоже немалой: четыре девочки и два мальчика.

Мой папа - Уберт Альберт Александрович - ровесник мамы, родился в 1915 г., 20 января. Получил приличное для поволжского немца и по тому времени образование: семь классов средней школы и фабрично заводское училище (ФЗУ).

Родители вступили в брак 25 января 1938 г. Что брак был результатом большой любви, свидетельствует следующий факт. Они имели разное вероисповедание: отец – католическое, а мама – лютеранское. Верующие понимают, что такой брак в весьма религиозном городе, мягко говоря, не одобряется. Но препятствием к заключению брака религия уже не могла быть. Вера в Бога властью была объявлена «опиумом для народа». Сохранилось советское свидетельство о браке - ENEZEUGNIS с гербом Республики Немцев Поволжья. Мама по существовавшей традиции переехала в семью мужа, в дом № 80, улица Колхозная. Приняли её, она рассказывала, очень радушно.

После завершения учёбы папа поступил работать слесарем-инструментальщиком на тот же завод «Коммунист», где трудился кузнецом его отец, а в свободное от работы время занимался в клубе планеристов, налётывал часы, мечтая о карьере лётчика. К сожалению, у меня нет ни одной фотографии семьи Уберт того времени.

Мама же устроилась наборщицей в типографию городской газеты «Роте Штурмфане». Казалось, всё складывается, как надо - молодых питали счастливые надежды. Страна набирала мощь и силу: вступили в эксплуатацию первые промышленные гиганты, в деревне, наконец, почти смирились с коллективизацией и худо-бедно заработали колхозы, вооружённые техникой. Заметно стал

подниматься жизненный уровень народа.

АРЕСТ ОТЦА И ДЕДА. УНИЧТОЖЕНИЕ КИРХИ

Утвердившийся в стране режим культа личности Сталина продолжал расчищать себе дорогу. Споры о роли Сталина в истории нашей страны, очевидно, не утихнут никогда – настолько она противоречива. Думаю, правильно о нём сказал писатель и тележурналист Андрей Караулов: «У Сталина было очень много достоинств, но был один недостаток – он был палачом, больным человеком». Массовые аресты нарастали, пик их пришёлся на 1937-1938 гг. По всей территории огромной страны выявляли вредителей и шпионов империализма. Национальность при поиске кандидатур для ареста тогда ещё не имела столь решающего значения как позднее, когда досталось многим народам СССР. Разумеется, к советским немцам у власти всегда имелось особо предвзятое отношение, и процент репрессии был, естественно, более высоким, чем у других народов. («Вождь народов» всегда отличался особо неприязненным отношением к РН - В. Дизендорф). Но устойчивая неприязнь власти к российским немцам резко возросла с образования Германской империи в 1871 г., да и фатерланд нам не забывал регулярно гадить. Российские немцы с тех пор стали вечными заложниками сложных отношений с ней. «Неправильная» национальность приобрела приоритетное значение с началом Великой Отечественной войны и в ходе её, когда во внутривнутриполитической жизни страны появилось понятие «народы-враги». Как режим Сталина перевоспитывал и наказывал «преступные» народы можно судить по судьбе советских немцев, ибо нас избрали первым и самым многочисленным народом из многонационального отряда репрессированных народов. Наше выселение стало для вождя, по мнению А. Солженицына, «его первым национальным экспериментом подобного рода, это было ему интересно теоретически». (Для справки из книги В. Дизендорфа «Прощальный взлёт»: Сталин поголовно депортировал 15 народов и национальных групп – от корейцев с Дальнего Востока в середине 30-х годов до греков

из Грузии в конце 40-х).

Возвращаюсь в 1938 год. Я выше уже упоминал, какое место большевики отвели религии – её подвергли беспрецедентному гонению. Священнослужителей или сразу расстреливали, или ссылали в лагеря, где они в большинстве своём погибали. Помните завещание Ленина? Культовые сооружения осквернялись, уродовались, превращали их в склады, конюшни и застенки для арестованных, но чаще всего их просто разрушали и разграбляли. Лютеранской кирхе города «повезло». С колокольни сорвали колокола и часы, а её саму разбили; зачем-то новых хозяев города раздражал и полусферический купол кирхи; его также снесли и уничтожили, но здание сохранили, превратив в Дом культуры завода «Коммунист». Видимо, руки не поднялись полностью уничтожить самое величественное в архитектурном отношении здание города.

Сыскные и карающие органы трудились ударно. «Врагов» находили повсюду и не только в среде служителей религии, но и среди верных ленинцев, интеллигенции, военных, рабочих, крестьян, студентов, домохозяек. Книг об этом периоде страны – масса, читайте. Не обошла стороной беда и Убертов. Февральской зимней ночью, если совсем точно - 19 февраля, в дом ворвались вооружённые энкаведэшники, вытащили инвалида-старика с постели и с криком «Руки вверх! К стенке!» набросились на деда и начали шарить по всему дому, переворачивая всё вверх дном, выискивая компромат. Искали долго, но не находилось у простого законопослушного советского инвалида-пенсионера, бывшего крестьянина-бедняка, а с 1898 г. рабочего ни бомбы, ни пулемёта, ни гранаты, ни даже охотничьего ружья; не было и запретной литературы, и листовок с призывом борьбы с советской властью. За разбоем в доме, дрожа от испуга, широко открытыми и залитыми слезами глазами, наблюдали дети дедушки: дочь Мария 20 лет, уборщица ФЗУ; дочь Анна 19 лет, токарь завода «Коммунист»; дочь Маргарита 14 лет, учащаяся; дочь Елизавета 11 лет, учащаяся; дочь Екатерина 8 лет учащаяся; дочь Амалия 2 года и моя бабушка, вторая жена деда с 1913 года Роза Кондратьевна 48 лет. Первая жена – Мария Коль, умерла в 1911 г., оставив ему трёх сы-

новой, которые к моменту ареста съехали, создав собственные семьи: Александр - слесарь МТС; Раймунт - пастух и Иван - рабочий ЧТЗ (Челябинский тракторный завод). Кроме того, свидетелями преступного произвола были мои отец, мама и я в утробе мамы. Наконец, один из сыщиков восторженно воскликнул: «Ну вот, нашёл, что искал» и достал со дна сундука несколько религиозных книг. О... это был великий грех - прятать в сундуке Библию и религиозный песенник, с таким мировым торжественным шедевром, как «Stille Nacht, heilige Nacht!» («Тихая ночь, святая ночь!»); и прозвучала команда: одевайся - ты арестован. В ходе обыска мой отец не сдержался и позволил себе сделать карателям замечание, что было фактически справедливо, но Боже, зачем он это сделал, зачем не сдержался – ведь этот гражданский поступок стоил ему жизни. Уводя деда, злобно пригрозили: «Ты у нас поговоришь!», и действительно часа через два вернулись, увели и его. Увели, как оказалось, навсегда. Сегодня трудно понять и представить, что уводили на смертную казнь ни в чём преступном не уличённого молодого рабочего, двадцатитрёхлетнего, только что женившегося парня, безгранично любящего не только свою молодую красавицу жену, но и потом пропитанную родную землю, Волгу, футбол. Юноша мечтал стать сталинским соколом, а стал его трупом. Как вообще можно понять, что некий, малограмотный, провинциальный, довольно низкого ранга чиновник, сидя в своём тёплом комфортабельном кабинете, был облечён неограниченной властью - решать судьбу граждан города, можно сказать, своих соседей, – кого оставить жить, а кого необходимо уничтожить. Смеем предположить, что в душе он чувствовал, какую дьявольскую миссию ему поручили, поэтому исполнил её (применю самое безобидное слово) неряшливо. Кого он назначил руководителем фашистско-шпионской организации? Потомственного малограмотного крестьянского бедняка, рабочего с многолетним стажем, отца многодетной семьи, пенсионера-инвалида. Ведь советская идеология начисто отвергала такой вариант. Любому здравомыслящему человеку ясно, что дело шито белыми нитками, как безграмотно оно состряпано. У деда был только один «грех» - это его религиозность. Ну не мог

он забыть Бога, вышвырнуть из сердца, растоптать свою нравственность и перестать соблюдать обязательные религиозные обряды, как это не могли себе позволить его друзья и единомышленники, среди которых он, очевидно, пользовался определённым авторитетом. Община католиков вынуждена была периодически собираться у кого-либо на дому, чтобы заверить Бога в своей верности; церкви-то разрушили, осквернили, испохабили. А где же несчастным органам найти «шпионскую» организацию в небольшом городке, где всё на виду и все практически знают друг друга? Люди ударно, честно работают, перевыполняют плановые нормы, тайные осведомители органов, внедрённые во всю хозяйственную деятельность городка, везде присматриваются, подслушивают разговоры, но, несмотря на всю свою старательность, никакой антисоветчины не находят. Как же выловить и разоблачить столько шпионов, сколько указано в спущенной сверху разрядке, по выявлению «врагов»? Сыщики почувствовали кожей, какая опасная безысходность на них навалилась. Они хорошо знали хватку лубянских москвичей – они давно вычислили, сколько в каждом городе огромной страны затаилось диверсантов и шпионов. Попробуй их послушаться, вмиг тебя самого «разоблачат» и шлёпнут. Хочешь жить – расшибись и выполняй. Вот и арестовали людей, которые осмелились продолжать тайно пить религиозный «опиум». Ну, а как выбивать нужные показания, как религиозность превратить в «шпионаж», как заставить оговаривать себя, друзей, отцов и даже собственных детей, кровавых дел мастера умели исправно. Работники зловещего НКВД пытались таким усердием спасти свои жизни. Но это, как правило, не было гарантией, а лишь несколько отдаляла их гибель от рук собственных соратников- коллег. Такая вертикаль управления утвердилась в стране советов, лилась кровавым ручьём до самого верха и продолжалась до смерти её творца – Сталина. Да и он, скорее всего, сам в ней погиб. По крайней мере, публикаций с такими предположениями сегодня хватает.

Смерть – это самая большая трагедия для человека, и он до последней минуты надеется и цепляется за жизнь, даже если не-

мощен и стар. Не случайно одной из главных функций религии является внушение человеку мысли о бессмертии его души в потустороннем мире на небесах. Да, случаются и добровольные уходы, но, как правило, из-за мучительной неизлечимой болезни или из-за трагично-безвыходных сложившихся жизненных ситуаций. Убийство – самое страшное преступление, особенно ребенка или молодого человека. Не зря цивилизованные государства отменили смертную казнь даже для преступников. Но лично я считаю, что смерть за смерть, особенно ребенка – справедливо.

Удивительно, что власть большевиков, провозгласившая самые человеческие цели, так легко отнимала жизнь у невинных людей.

Мама долгие годы не рассказывала мне о кошмаре пережитого ею той трагической ночью. Боялась, а вдруг нечто подобное может произойти и со мной. Власть не раз поступала с ней круто и несправедливо. Произвол власти она чётко усвоила с самого первого трагического урока.

ГОЛОД. ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА БАЛЯКИНА

Несколько слов о чудовищных голодоморах на Волге. Вот что пишет в своей книге «Прощальный взлёт» известный публицист и виднейший лидер общественного движения российских немцев (РН) Виктор Дизендорф: «...голод на Волге – как в 1921-м, так и в 33-х годах был явно спровоцирован властями. ...центральные власти повели себя на этой земле хуже всяких завоевателей. В итоге цветущий край был в считанные месяцы разорён дотла. ... По оценке выходца из этих мест Г. Лебзака, в 1921-22 годах на Волге умерло голодной смертью 166 тысяч немцев, т. е. жертвой голода стал каждый четвёртый житель немецкой автономии. Население вымерло бы полностью, не подоспей зарубежная помощь. 30 ноября 1921 г. в Маркштадт прибыл знаменитый полярный исследователь, руководитель Международного союза помощи детям (МСПД) Фритьоф Нансен. Нансеновская организация кормила в Маркштадте сначала детей, а потом и взрослых.

ИМЕННО МСПД И НАНСЕНУ МОИ БЛИЗКИЕ, И Я ОБЯЗАНЫ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ». Я выделил фразу, чтобы показать, что под ней подпишется каждый волжский житель того времени. Я дважды встречался с автором этих слов в Уфе и Самаре. Виктор родился в 1951 г. в г. Киселёвск Кемеровской области, куда выслали его родителей с Волги на спецпоселение. Но Виктор совершенно справедливо своими родовыми корнями считает немецкий город Маркс. На Волге мы с его родителями жили почти рядом, даже имели общих родственников. Семнадцатого октября 2017 года в Марксе, в сквере им. Нансена был торжественно открыт памятник «идеальному норвежцу». За два месяца до открытия памятника мне посчастливилось побывать на родине, памятник был уже готов, покрыт холстом и ожидал официальной церемонии открытия. Великий норвежец изображён, стоя во весь рост на постаменте с обнажённой головой и суровым печальным взглядом вдаль, в правой руке держит шляпу, а левой поддерживает девчушку лет шести, которая трепетно прижимает к груди батончик драгоценного хлеба. Моей маме в ту пору было как раз шесть лет – не она ли там рядом? Очень даже может быть. Огромная благодарность творцам памятника; в городе, наконец, появилось место, где можно почтить память жертв голода 1921-22 гг.

Прав Виктор Дизендорф и все другие наши историки, когда после изучения множества архивных документов, пришли к выводу, что причинами голодомора на волжских просторах являлись не столько очередные засухи, к которым население, проживая в зоне рискованного земледелия, загодя всегда было готово, сколько непредсказуемые грабительские действия властей.

Всеми миру известна трагедия блокадного Ленинграда. Каждый гражданин, посетивший город, считает своим долгом почтить память погибших и возложить цветы на их могилы на Пискаревском кладбище. О голодоморе 20-тых и 30-тых годов властные чиновники вспоминают нехотя и изредка. Понятное дело – факт советской истории преступный и позорный, но его забывать не следует, дабы никогда подобное не повторять. Официально говорят о семи миллионах погибших, некоторые историки называют

цифру десять миллионов, но, очевидно, точное количество так и осталось неустановленным. Памятник в г. Марксе, пожалуй, первое и единственное пока мемориальное место, посвящённое трагедиям того времени.

Но далее снова о маме. В 1941 г. её со всеми поволжскими немцами принудительно переселили в Сибирь, затем подвергли угону в лагерь НКВД под названием «трудовая колонна». Чувство страха перед возможным ударом «карающего меча» диктатуры пролетариата в любой момент, причём без какого-либо повода, преследовал маму до глубокой старости. Скончалась мама восьмого марта 2001 г. от целого букета болезней. Её мучили головные боли и боли в области сердца, затем отказали натруженные ноги. Года за два до смерти ослепла от глаукомы, и последний удар – инсульт головного мозга. О передаче потомкам в наследство болезни врачи не устают напоминать. И, правда, признаки глаукомы меня начали донимать, а с гипертонией давно знаком. Приходится принимать меры. Медицина утверждает, что, когда женщина под сердцем носит ребёнка, то её травмированная психика отражается на нём. Я подтверждаю это, например, страх перед человеком с ружьём или просто в военной форме испытывал вплоть до тех пор, пока сам не надел бушлат военного моряка.

Рассказав о тяжёлой судьбе мамы, я ни в коей мере не хочу этим подчеркнуть, что другим матерям России было легче – отнюдь. Видел многое собственными глазами в своём главном бараке. Но я должен вновь и вновь заявить: лишения, выпавшие всем народам страны в годы военного лихолетья, для советских немцев были усилены несправедливым гнѐтом (не только моральным) родной советской властью. Мне, конечно, известно: какая, например, выпала судьба моей русской маме, Татьяне Александровне Балякиной (25.01.1909 г. – 13.04.1996 г.), маме моей супруги Тамары. Какие ей трудности пришлось преодолеть, чтобы в трагические годы войны сохранить двух маленьких девочек – трёхлетнюю Тамару и шестимесячную Нину – сегодня представить не легко. Мой тесть, Балякин Константин Спиридонович, красивый, стройный мужчина ушёл на войну на второй день после её начала.

И всего лишь один фронтовой треугольник (письмо) прислал семье и пропал без вести. После проводов мужа на фронт у мамы Тани очень скоро возникли проблемы: где достать еду, чем топить печь, во что одеть растущих дочек (тогда ещё не придумали колготки, памперсы и прочие современные вещи детского содержания). Вообще, где и как заработать хотя бы немного денег, кто присмотрит за плачущими голодными детишками, когда приходится отлучаться на поиски, чтобы утолить их голод и согреть. Образование начальное, но есть проворные руки и мощный великий неиссякаемый русский материнский дух. Будучи студентом нефтяного техникума, нам, в целях знакомства с будущими рабочими местами, организовали экскурсию на крекинг завод. Среди прочих объектов показали и литейный цех, чтобы глубже поняли предмет металловедения. В цехе был поражён интенсивным трудом маленькой сухонькой женщины. Она своими жилистыми, невероятно проворными руками готовила литейные формы из жидко-стекольной песчано-глинистой смеси. Труд физически очень тяжёлый и явно неженский. Но как она старательно и быстро с ним справлялась, запомнил навсегда. И позднее, спустя несколько лет при посещении Тамары на дому, узнал в ней её маму, которая впоследствии стала и моей. Неутомимой труженицей Татьяна Александровна оставалась до конца жизни. Очень любила землю и, когда мы завели садовый участок на берегу реки Уфа, всё летнее время вместе с младшей внучкой Ритой старалась проводить там. Хочу отметить, что, несмотря на суровый волевой характер, была особо нежной и любимой бабушкой наших дочерей. Любила петь, русскую баньку, посидеть за праздничным столом. На мой взгляд, она имела монументальную внешность великой русской Матери Победительницы. Она скончалась 13 апреля 1996 года. Царство ей небесное! Сожалею, что в столице нашей Родины, Москве подле стены Кремля, в Александровском саду отсутствует памятник Женщине, которая сберегла в лихие военные годы детей – будущее страны, а своим героическим трудом ковала Великую Победу совместно с воинами. Было бы, наверное, очень справедливо в дни Памяти высшим лицам страны от имени всего народа

выражать у такого памятника благодарную почесть.

КАЗНЬ ОТЦА И ДЕДУШКИ. МОЁ РОЖДЕНИЕ

Сразу после ареста отца и деда отправили в город Энгельс, столицу республики Немцев Поволжья, где им начали лепить «Дела», т. е. стряпать документы о «жутких» преступлениях, которые совершали простые рабочие на глазах у всего честного народа против своей Республики и всего СССР. Таким образом, палачи пытались придать правомерность своей грязной работе. Закончили её - цитирую, «Постановлением 21 июля 1938 г. Особого совещания НКВД СССР. Уберт А. А. (отец) и Уберт А. И. (дед) были приговорены к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной, фашистско-шпионской организации, якобы существовавшей в г. Маркштадте - бывшей АССР Немцев Поволжья. Постановление приведено в исполнение 21 августа 1938 года в городе Энгельсе. Место захоронения Ваших родственников неизвестно, т. к. по существовавшим в тот период времени правилам, места захоронения расстрелянных не фиксировались и местонахождение их, к сожалению, пока не обнаружено». Справку о реабилитации отца нам с мамой прислал Военный Трибунал Приволжского военного округа 19 июля 1957 г., в ней сообщается, цитирую далее: «Постановление особого совещания при НКВД СССР от 5 августа 1938 г. в отношении УБЕРТА А. А. отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления». Точно такую же справку о реабилитации деда я получил, но только 12 июня 1989 г. после дополнительных запросов. Казалось бы, всё - справедливость восстановлена, но нет, остался волнующий меня вопрос: где же всё-таки могилы, кто их должен искать? Свидетельство о смерти отца я получил 14 марта 1989 года удивительного содержания. В нём указана «дата смерти - 21 августа 1838 года в возрасте 23 лет, о чём в книге регистрации актов о смерти 1989 года марта месяца 14 числа произведена запись за № 3. Причина смерти – прочерк, место смерти – прочерк. Место регистрации – Марксовское городское бюро ЗАГС

Саратовской области.» Каким цинизмом надо обладать, чтобы ставить прочерк, когда и причина, и место смерти документально давно установлены.

Разве не власть, уничтожившая безвинных людей, обязана хотя бы в малой толике исполнить свой нравственный долг, организовать поиск, а не отписываться родственникам жертв дежурной фразой - «места захоронения **пока** не обнаружены». Кто их искал? Людей убили в 1938 году. Прошло 64 года. Почему слово «**пока**» до сих пор остаётся лёгким аргументом силовых чиновников. Родственники не имеют возможности их искать, так как рассеяны по огромной территории не только России, но и стран, отошедших от СССР. Совершенно очевидно, места захоронений и по сей день никто, кроме добровольных энтузиастов-волонтеров (низкий им поклон) не ищет. Убеждён, поиск могил является моральным долгом государства. Да, это не просто, но ведь люди погибли не на полях военных сражений, где, по вполне понятным объективным причинам, не удаётся найти могилы многих павших воинов, которые полегли на огромной территории нашей европейской части страны и половины Европы. А жертв репрессий уничтожали под мирным небом, палачам ничто не угрожало, пушки в них не палили, и бомбардировщики над ними не кружили, и наверняка многие из них за «работу» получили боевые награды и дожили до наших дней. Живы, наверное, и некоторые свидетели злодеяний, нужна лишь воля демократической власти. Почему бы, например, лидеру нынешних российских коммунистов, господину-товарищу Зюганову, который так плакатно, гневно, хорошо поставленным голосом профессионального диктора обличает язвы новой капиталистической России вместе со своей соратницей, тоже депутатом Госдумы Плетнёвой (Штарк), не возглавить это дело. Тем самым помогли бы своей партии в покаянии за вселенские грехи, которые сильно омрачают достижения СССР. Плетнёва Тамара Вильгельмовна взяла фамилию мужа и поменяла своё отчество на Васильевну. В советское время ущемление в правах наших русских немцев было обыденным явлением, и некоторые соплеменники зачастую прибегали к такой практике. Например, мой

одноклассник - Володя Шиллинг. Ему было проще Плетнёвой, он просто «забыл» последнюю букву, и вмиг из низкосортного гражданина, русского немца превратился в чистого русского. А депутату Тамаре Плетнёвой, думаю, не следует забывать, что корни её происхождения находятся в немецкой семье. Что касается могил моих предков, возможно, их никогда и не было – рядом течёт могучая Волга, упрятать концы преступления в её волнах проще простого. Такое очень даже могло быть. Это необходимо только точно документально установить. Утешением оно, конечно, не станет, но заключительный акт преступления будет обнародован.

Совсем недавно, просматривая интернет, узнал, что Вячеслав Лебедев – наследник родственника, который лёг в могилу рядом с моим отцом и дедом, имеет полную копию архивно-следственного дела № ОФ-15455. В деле приведён список тридцати человек, подвергнутых расстрелу 21-го августа 1938 года в городе Энгельсе, где, под номерами 18 и 19 приведены фамилии моих отца и дедушки. Естественно, я связался с Вячеславом, и он (огромное ему спасибо) прислал копию дела. Я с большим волнением внимательно изучил материал. То, что жертвы впали в полное нервное оцепенение уже при обыске и последовавшем аресте, ощущается с первых слов стенографии. Поразило, как узники оговаривали друг друга. И лишь представив почти полугодичную «обработку» голодом и жестокими побоями в энгельской «лубянке», можно объяснить это. Следователям, пересматривая впоследствии «дело», не составило труда увидеть, как преступно и топорно оно было слеплено.

Продолжаю основную тему повествования. Таким образом, молодая семья просуществовала ровно 26 дней. Столь короткий медовый брак дал мне жизнь. Связь с арестованными и томящимися в застенках Энгельса была сразу перекрыта, лишь раз папиной сестре Маргарите удалось в форточку тюремных ворот просунуть передачу, на которую отец ответил коротенькой запиской на бланке тюремной квитанции. В ней простым карандашом печатным шрифтом папа перечислил вещи, которые возвращает, и вместо них просит в следующий раз принести продукты. Некоторые

слова тюремной цензурой тщательно затёрты химическим карандашом. Записка сохранилась, и берегу её, как священную реликвию. Печальный тюремный стон на казённой бумажке, фотография с мамой и Свидетельство о браке – это всё, к чему прикасались руки отца, и дошло до меня. Из содержания записки видно, что арестантов морят голодом. Но помощь родственников узникам сразу пресекли - передачи категорически запретили принимать. Пустили слух, что всем, кому запретили передачи, приговорены к десяти годам заключения без права переписки. Только потом, спустя много лет, народ узнал, что это означало смертный приговор. Мама по обоюдному согласию вернулась в отчий дом. Там, на улице Свободы, дом № 73 я и родился 21-го октября 1938-го года, спустя ровно два месяца после казни отца, с клеймом – сын врага советского народа. Справедливости ради, должен отметить, что это клеймо мне в своей жизни практически не особо мешало. Среди послевоенной ребятни нашего барака наименование двух наций – немецкой и еврейской воспринималось, как это не дико сегодня звучит, ругательным. Конечно, «ущербное» происхождение мне пацаны в детстве во время ссор иногда напоминали: «у, немец, фашист». Впрочем, и другим ребятам приходилось слышать обидные слова: «отвали, еврей» или «пошёл вон, чурка». Мне не нравилось, когда во многих документах требовалось указывать национальность. Например, записываешься в детскую библиотеку, оформляют карточку читателя и спрашивают национальность; и, называя свою, всегда внутренне невольно сжимался, чувствуя свою неполноценность. Взрослея, понял, что изучению биографических данных с целью поиска компромата подвергались все советские граждане, желающие поступить в престижное учебное заведение или на престижную работу, или вдруг пожелавшие по туристической путёвке выехать за рубеж. Но ни на что подобное я никогда не претендовал.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

С приходом в Германии к власти Гитлера резко обострилась

международная обстановка. В Европе вооружившаяся до зубов фашистская Германия проглатывает одно государство за другим, пала даже Франция. Тревога нарастает, но руководство страны успокаивает население подписанным с Германией пактом о взаимовыгодном сотрудничестве. Пакт позволил Гитлеру наращивать вооружённые силы, тайно их перегруппировать и затем, нарушив его, вероломно, без объявления войны на рассвете воскресного дня 22 июня 1941 г. бросить свою вооружённую армаду с взбалмошной целью уничтожить нашу страну, а многонациональный народ превратить в рабов. К великому сожалению, подавляющая масса населения Германии поддалась лживой пропаганде об исключительности своей миссии на земле, на право повелевать и порабощать другие народы. Естественно, это закончилось тем, чем и положено было – полным разгромом и вселенским позором. Преступления фашистов никогда не будут забыты народами, подвергшимся агрессии. Но можно признать, что власть Германии многие годы и по сей день прилагает определённые усилия по покаю за совершённые в годы войны преступления фашистами.

Частенько отвлекаюсь от основной темы изложения своей биографии. Но что делать, я дитя войны, и это вошло в мою плоть. Оказался свидетелем многих величайших достижений страны. Одним из самых значимых, конечно же, является первый День Победы! Да, ныне Победу празднуют ежегодно, но радость, пережитая людьми в тот первый раз, в 1945 году, прочувствовать столь глубоко вновь, на мой взгляд, просто не дано. Осталась память, передаваемая из поколения в поколение, которую и празднуем. В последние годы родилась замечательная традиция под названием «Бессмертный полк», когда Девятого мая потомки с портретами своих родственников - воинов Великой Отечественной Войны, в колонне маршем проходят по Проспекту Октября. Наши дети и внучка Ирина также принимают участие. Когда внучка спросила: «Дедушка, а почему нет портрета твоего отца?», я несколько замешкался, но после короткой паузы ответил: «Он умер до войны». Следуя справедливости, может быть, стоит проводить также марши полков жертв политических репрессий. Это ведь тоже страни-

ца нашей истории.

Итак, продолжаю. Началась самая жестокая и кровопролитная война в истории человечества. Она стала трагедией для всех народов СССР, но для советских немцев – вдвойне, ведь враг был носителем немецкой нации, а каким образом это обстоятельство может отразиться на судьбе народа, советские немцы помнили со времён Первой мировой, когда император «всея России», по крови почти российский немец, с царицей – стопроцентной немкой, готовились задолго до Генералиссимуса согнать нас с родной земли. Более того, с первых же дней войны враг показал, что из цивилизованной просвещённой нации германцы превратились в нацию убийц, грабителей и садистов, что, конечно же, косвенным образом не могло не аукнуться нам. Тревожные предчувствия начали сбываться очень скоро. В военкоматах отказывали многочисленным добровольцам о зачислении в ряды Красной Армии и отправке на фронт, что вызывало обиду и даже возмущение, ведь только из Республики Немцев Поволжья шестнадцать тысяч советских немцев уже сражались с ненавистным врагом в рядах действующей армии. Но это оказалось лишь первым унижением. Далее советских немцев за своё происхождение ожидали поистине суровые кары. Советская пропаганда никогда, к большому сожалению, не считала нужным разъяснить советскому народу отличие немецкого врага-фашиста от своего немецкого гражданина-труженика.

ДЕПОРТАЦИЯ

Уже 28 августа 1941 г. «добрый дедушка, всесоюзный староста», Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин подписал Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот чёрный день стал датой начала открытого геноцида советских немцев, а для нас потомков - Днём памяти жертв сталинских репрессий. Видимо, Великий Вождь захотел хотя бы немного унять свою горечь от трагических потерь начала войны расправой над своими советскими немцами. Что ж, это бы-

ла бескровная победа над законопослушным народом. Да и что тут либеральничать – ведь немцы же они. Как сражались российские немцы - наши отцы и деды - на фронте, например, в той же Брестской крепости, видимо, Вождю боялись доносить. А вдруг слово «немец» возбудит в нём гнев? А каков он приближённые знали. А разве можно доверять немцу Рихарду Зорге, который из Японии, союзницы фашистской Германии, предупреждал о скором начале войны, вплоть до указания даты? Я понимаю, в каком смятённом состоянии в то время находился Вождь. Совсем недавно ему пришлось дать санкцию на казнь нескольких ближайших соратников, казалось бы, преданных ленинцев и трёх маршалов из пяти, героев гражданской войны, а тут какие-то шифровки от немца, это же очень похоже на провокацию.

5 ноября 1964 года советский немец-разведчик, родившийся в городе Баку, получил за свою работу посмертно звание Героя Советского Союза.

Указ о выселении исключительно провокационный и лживый. Нас поголовно, от младенца до глубокого старика, обвинили потенциальными предателями Отечества. Были перечёркнуты все, за сотни лет, славные дела российских граждан немецкого происхождения. Мне исполнилось к тому времени 2 года и 11 месяцев, и с 17 сентября 1941 г. по 29 декабря 1956 г. со статусом «спецпереселенец» находился под надзором НКВД. Удивительно, но о процессе депортации не помню ни одного эпизода, ведь, кажется, не так уж и мал был. По воспоминаниям свидетелей, в городе царило всеобщее смятение и горе. Почему я остался глух – не понимаю. Врезались же, например, в память отдельные картинки ещё более раннего детства. Например, помню хруст снега и яркое звёздное небо, когда мама однажды тёмным вечером везла меня, тепло закутанного, в санках. Или вот, ещё помню эпизод, как солнечные лучи, проникая через окно, согревали сверкающий пол, я сидел на коленях у бабушки, а на плечах её уютно устроилась наша кошка. Кошка мурлыкала от удовольствия. В просторной комнате было покойно и тихо, бабушка, монотонно нажимая на педаль, пряла тонкую шерстяную нить. Ещё один забавный случай

помню. То ли в летний, то ли в весенний солнечный день меня выпустили во двор погулять. Там паслись во главе с роскошным петухом куры, не успел я сделать и нескольких шагов, как он проворно запрыгнул мне на голову. Я, естественно, от страха закричал и побежал, а он в ответ начал победно махать могучими крыльями, чем ввёл меня в полнейшую панику. Выручила, выбежав из смежного соседнего дома, двоюродная сестра Эмма. Конечно, для меня это был яркий эпизод. А вот, сентябрьскую депортацию в Сибирь совсем не помню, хотя было мне уже почти три года. Видимо, депортация оказалась для меня путешествием интересным, но не ярким, поэтому и не врезалась в память. По данным, приведённым в книге нашего историка А. Германа «Немецкая автономия на Волге», установил, что наша семья была отправлена в Сибирь со станции Покровск (г. Энгельс) 7 сентября в товарном эшелоне № 867. Путь следования состава в Сибирь проходил по Казахстану через станции Уральск, Актюбинск, Кзыл-Орду, Шымкент, Алма-Ату, Семипалатинск. Высадили ли из состава кого-либо в Казахстане, не знаю. После Семипалатинска он вернулся в Россию в Алтайский край, где на ст. Рубцовск высадили нашу семью, а семьи тёти Доры и тёти Ани увезли далее и высадили на ст. Топчиха. Здесь же с семьёй остался бывший студент немецкого Государственного педагогического института Герман Давидович Арнгольд. Дядю Фридриха с женой, тётёй Олей, свояченицей тётёй Эммой и пятерыми детьми повезли дальше и высадили на станции Татарск, Новосибирской области, откуда их направили в Усть-Таркский район. Естественно, все действия производились на всём пути следования под неусыпным оком вооружённых сотрудников НКВД. Высаженных на станции Рубцовск ссыльных советских немцев стали распределять по сёлам. Стоял конец сентября, уж «небо осенью дышало». Свободного жилья для переселенцев, разумеется, не было – людей подсаляли к местным жителям, которые понятия не имели, кого к ним привезли. А когда узнали, представляете ситуацию: лютый немецкий фашистский враг стремительно наступает и бесчинствует на захваченной территории страны. А ведь россияне, особенно в глубинке, напоми-

наю, в подавляющем большинстве о нашем конституционном существовании не знали, не ведали они и об указе о выселении: его в печати не публиковали. Зато пропагандистский лозунг «Убей немца» (немца, а не одурманенного гитлеровской пропагандой фашиста), рождённый классиком советской литературы И. Эренбургом, слышали и знали все. Во все уголки огромной страны с фронта летели похоронки, а тут к осиротевшим детям и вдовам силком подселяют живых, плохо понимающих русский язык, настоящих немцев. Самим есть нечего, а тут ещё они, вражье семя, воют от голода и холода. Да шла жестокая война, шла жёсткая несправедливая депортация, очень скоро переросшая в геноцид.

АЛТАЙСКИЕ ГОДЫ. ТРУДАРМИЯ

Нашей семье повезло (если тут уместно говорить о везении). Привезли в районное село Новогорьевское, что около 120-150 км. от г. Рубцовска и вселили в заброшенный и покосившийся от ветхости небольшой однокомнатный домик на краю села. В домике сохранилась небольшая печка с плитой. Предполагаю, что только с помощью простых русских женщин удалось первый раз её загрузить и растопить. К счастью, при домике имелся небольшой клочок земли, что позволило в войну продержаться. Он упирался в огромный сосновый бор. Летом почти каждый день мы ходили туда с братом Рихардом (подросток 8-10 лет) собирать еловые шишки, которыми заваливали сени, чтобы зимой было чем топить. А зимы на Алтае, известно, долгие, суровые и снежные, так что работать приходилось прилежно. Братишка смастерил простейшую треугольную тачку с одним деревянным колесом. Грузили на неё три мешка с шишками, закрепляли верёвкой и везли домой. И так по несколько рейсов в день. Сосновый бор бодрил в летнюю жару прохладой, терпким запахом хвои, природной чистотой, радовал обилием белок, птиц, а весной и цветами. Однажды Рихарду вместо шишек домой пришлось везти меня. Я, резвясь, вздумал натянуть на голову мешок и бегать по лесу. Ну и наткнулся на сосну. Прямо на уровне колена на сосне торчал сухонький засохший

сучочек. Он легко влез в колено и обломился, и пока братишка довёз меня до дома, он спрятался за коленную чашечку и около полугода там блуждал. Бабушка регулярно парила колено, оно опухало и гноилось. Наконец, сучок вышел, прорвав новое отверстие, и я получил возможность к великой радости вновь ходить и бегать. Следы от той шалости на правом колене остались навсегда.

Информационный центр управления внутренних дел Саратовской области выдал при выселении семьи бабушке, как её главе, справку о составе семьи из семи человек. Необходимо ещё отметить, что тётя Мария, сноха (супруга дяди Готлиба, младшего сына бабушки), была беременна. Вот в таком составе мы и вселились. Чуть не забыл: подселили ещё одну больную, врача с открытой формой туберкулёза Прахт Эмилию. Она 20 июля 1942 г. у нас скончалась в возрасте 38 лет. Точно не помню, до её похорон или после, тётя Мария родила мальчика. К сожалению, ребёнок не выжил, прожив всего три дня. О причине его смерти мне трудно судить, скорее всего, сказалась тяжелейшая депортация и наличие в перенаселённом помещении смертельно больного открытой формой туберкулёза человека. А как я избежал заражения и не погиб, это очевидно только с божьей помощью и под надзором ангела хранителя, который в моей жизни меня не раз выручал. Дядю в самом начале 1942 г. повесткой из военкомата призвали в Трудовую армию. Тогда ещё не знали, что это ни какая ни армия, а самый настоящий концлагерь. Дядя успел сколотить небольшой гробик и похоронить сыночка. В конце 1942 года в такой же лагерь, но называли его по-новому «рабочие колонны» по «Постановлению о дополнительной мобилизации женщин-немок» отправили маму и тётю (Tante) Марию, фактически вторую мою маму. Тётя Мария, как бывшая многолетняя сотрудница больницы, имела солидный медицинский навык. Если бы мне к началу 1942 г. не стукнуло уже три года, то маму до моего трёхлетия оставили бы со мной и бабушкой в селе Новоегоровка на спец. поселении, а родных сестёр разлучили бы и, скорее всего, навсегда. Слава Богу, я не навредил. Тётя Мария родилась 20 апреля 1903 г. К счастью, так случилось по жизни, что сестры не разлучались до самой

смерти тѣти - 14 октября 1981 г. Их вместе отправили в Башкирию - сначала в г. Ишимбай, затем в г. Черниковск (с 24 июля 1956 г. вошёл в состав г. Уфы), где, со слов мобилизованных, режим содержания был более щадящим, чем в других местах ссылки советских немцев. Сѣстры, естественно, поддерживали друг друга. Сказать, что людей «мобилизовали в Трудовую армию» - это лицемерие. Ведь по воспоминаниям тех, кто её прошёл, а это, за малым исключением, не избежал никто из мужчин от 15 до 55-ти лет, а из женщин от 16 до 45-ти лет, кроме беременных и имевших детей до трёхлетнего возраста. Людей размещали казарменно в бараках, территорию которых ограждали колючей проволокой и охраняли военизированной охраной ГУЛАГа. Социальный статус был на уровне заключѣнных. Нормы продовольственного и промтоварного снабжения для «мобилизованных» были такими, что люди трудились голодными и полураздетыми на морозе, а ночами томились в античеловеческих укрытиях и валялись на нары выжатыми до последней капли. Смертность была ужасающей, люди массово гибли не от пуль, бомб и снарядов врага, а от условий содержания. Сколько наших людей полегло, отмечал выше, еще раз напомним – каждый третий. Администрация лагерей не скрывала свою крайнюю враждебность. О какой «мобилизации» в армию, даже если её называли «Трудовой», тут можно говорить. По мнению наших ветеранов, в первые два года войны в отношении советских немцев проводилась негласная политика настоящего геноцида. Чем далее уходит ВОВ, тем более растет число фальсификаторов итогов войны и, что более досадно, даже отечественных, как правило, из тех, кто ни дня не жил в то время. Вот, например, некто Петр Балаев 1964 г.р., бывший ветеринар, переквалифицировавшийся в публициста и общественного деятеля, на полном серьезе утверждает – не было никаких репрессий народов, а существовала забота об их сбережении. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Помню расставание с мамой: она долго носила меня на руках, дала в руки кусок сахара, что в то время было роскошным угощением. Наконец, сдерживая рыдания, опустила на землю, передала семидесятилетней бабушке и уехала, оставив нас на произ-

вол судьбы, выражаясь на немецком языке «im stich lassen».

С тех пор до августа 1946 г. я не знал не только отцовской, но и материнской ласки, что, наверное, сказалось на моём характере – вырос с наличием грубых манер. Бабушка увела меня в дом, прилегла, уложила рядом, и тут я заметил, текущие по её щекам слёзы, причины которых в то время не понимал. Бабушка сохранилась в моей памяти, как очень стойкая, сильная и мужественная женщина, не склонная к сентиментальности. Война и череда выпавших тяжких испытаний выжимали из людей море слёз и вселенский стон. Как уж тут не понять, откуда её слёзы. Бабуля прожила 85 лет, родилась в 1872 году, а умерла 24 апреля 1957 года. Похоронена на кладбище «Лопатино» в городе Уфе. Интересы ради, хочется отметить, что бабушка была ровесницей последней царицы Российской империи – Александры Фёдоровны (Алисы Гессен-Дармштадской); всего на два года младше Ленина, создателя СССР, и на один год младше самой Германии, которая образовалась как государство в январе 1871 г.

По мере выезда одних членов семьи в домик подселяли других. Так у нас оказалась старшая сестра тётя Лиза с сыном Рихардом, моим одиннадцатилетним двоюродным братом. У тёти было такое слабое здоровье, что понадобились бы носилки, чтобы донести её до лагерных нар барака трудармии. Кроме того, избушку уплотнили ещё одной пожилой женщиной, бывшей маркштадтской медсестрой. Итого, на всё время войны алтайский домик в селе Новогорьевка, на улице Революционной приютил семь человек. У тёти Лизы была ручная швейная машинка, которую она благоразумно взяла с собой при выселении, и она свой посильный вклад в победу над врагом вносила посредством пошива солдатского обмундирования.

Летом 1943 года, если мне не изменяет память, к нам ввалился весь обросший и в полном изнеможении старик. С криком радости и ужаса моя бабушка узнала сына, а тётя Мария - мужа. «Старику» в ту пору было 33 года, возраст Христа. Каким образом дядя Готлиб с одного из самых суровых северных лагерей в Коми АССР со станции Котлас добрался до глухой алтайской деревни к

родным, одному Богу известно. Последние шаги дались ему только на одной силе духа. С дяди сняли лохмотья, раздели догола и перед матерью и женой предстал качающийся, еле передвигающийся, живой человеческий скелет, обтянутый сухой, с синими прожилками кожей. Его осторожно посадили в таз, в котором меня и сестрёнку Эльвиру (его доченьку) купали. Бережно отмыли от грязи в подогретой воде, используя серую пушистую золу вместо мыла. Затем с чайной ложечки немного покормили, сам держать ложку он уже был не в силах. И так изо дня в день его, начиная с детской ложечки, осторожно стали кормить. Как только он встал и слегка окреп, его вновь отправили в лагерь, но уже не на север страны, а на юг Казахстана. А с Коми его отпустили «в отпуск» к родным, как списанного «доходягу», полностью выработавшего свой человеческий ресурс.

Зимой, ввиду отсутствия зимней одежды, я практически на улицу не выходил. Но помню, как мы с Эльвирой частенько сидели с бабушкой у открытой створки плиты и слушали сказки, смотрели, как горят и потрескивают в лёгком пламени наши шишки и терпеливо ждали, когда же сварится в кастрюльке картошечка, и её отдадут нам кушать. Вообще картофель был главной нашей пищей. Из вкусной еды осенью перепадало иногда попробовать алтайские арбузы и дыни, они были небольшого размера, но очень ароматные, сочные и вкусные; и уж совсем редко вылизывали с блюдечка алтайский мёд. Запомнились рождественские празднования. Рихард приносил из леса небольшую сосенку, немного её чем-то украшали. Самыми красивыми украшениями были цветные открытки, прихваченные с Волги. Кого-то из взрослых наряжали в «страшного», но доброго Пельцникала, так у нас называли Деда Мороза. После его грозного назидания, чтобы мы, дети, вели себя прилежно, он доставал из своего мешка подарки: сестрёнке Эльвире куколку-девочку, мне – куклу-мальчика и вдобавок ещё и козлёнка. Все эти игрушки мастерила тётя Лиза из лоскутков золёного солдатского сукна, набитого технической ватой. Лица куколкам рисовали химическим карандашом. Так жаль, что не сохранил хотя бы зелёного козлика из солдатского сукна.

На Алтае встретил самый первый и самый радостный великий День Победы. Утро девятого мая 1945 года выдалось на Алтае солнечным и тёплым, я с тётёй Марией в поле копал землю под посадку картофеля. Удивляться тут нечему - мне было уже шесть с половиной лет и обязан был работать. Мимо проходит женщина и спрашивает: «Почему работаете?» Тётя Мария: «А что случилось?» В ответ: «Вы разве не слышали: по радио из Москвы передали: войне конец – победа!» Мы, естественно, прекратили работу и быстро отправились домой. А в селе тем временем на центральной поляне собрался народ, вынесли столик, установили тарельчатый громкоговоритель, и я впервые услышал из радиорепродуктора неповторимый голос легендарного Юрия Левитана, который торжественно сообщал, что в поверженной столице Германии, Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии: **«ВНИМАНИЕ! ГОВОРIT МОСКВА! РАБОТАЮТ ВСЕ РАДИОСТАНЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА, КОТОРУЮ ВЁЛ СОВЕТСКИЙ НАРОД ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ПОБЕДОНОСНО ЗАВЕРШЕНА. ГЕРМАНИЯ ПОЛНОСТЬЮ РАЗГРОМЛЕНА. ВЕЧНАЯ СЛАВА ПАВШИМ В БОЯХ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ»**.

ПЕРЕЕЗД В БАШКИРИЮ

Жарким летним днём 1946 г. меня позвали в дом, вхожу, около стола сидит на табуретке молодая женщина с чёрными волнистыми волосами в красивой, салатного цвета трикотажной кофте. Я встал поодаль, смотрю на незнакомую женщину, она - на меня. Все сидят и молчат, но вдруг слышу чей-то голос: «Гарри, ну что ты стоишь, подойди же к своей маме, это же твоя мама!» Нет, я не бросился к ней на шею, а продолжал стоять, не понимая: как эта женщина может быть моей мамой? Да и она, не помню, чтобы меня затискала после столь долгой разлуки. От нежности, наверное, тоже отвыкла или просто боялась меня напугать. Но это действительно приехала мама.

Выше уже попытался объяснить свой дикий нрав разлукой с мамой в раннем детстве во время ВОВ. Настоящая нежность к маме так и не вернулась, я стеснялся её проявлять, о чём ныне очень и очень жалею.

Она угостила меня невиданным доселе большим пряником и двумя белыми булочками. Окончилась война, наконец, народ смог всей грудью вздохнуть мирный воздух Отечества. Далее привожу цитату из «Истории немцев России»: «В марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам, где функционировали трудармейские подразделения, расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, ликвидировать «зоны», что означало конец трудовой армии». Однако все бывшие трудармейцы получали статус спецпоселенцев и, как крепостные, прикреплялись к своим предприятиям, строительствам, лагерям. Им разрешили привезти к себе выживших стариков и детей. В закреплённых районах проживания создавались спецкомендатуры НКВД. Так, маме позволили съездить в Алтайский край и забрать к себе в Башкирию, в город Черниковск, где она продолжала вместе с сестрой Марией отбывать повинность, престарелую маму и меня. Времени для воссоединения семьи, естественно, было отпущено в обрез, так что сборы были поспешными и короткими. Не представляю, какие трудности пришлось преодолеть, чтобы к домику подкатить бортовую полуторку, куда в кабину усадили бабушку, а мы с мамой устроились в кузове с двумя чемоданами и отправились на станцию Рубцовск. Вокзальное помещение не помню, видимо, там не было свободных мест, и мы расположились на лужайке около его здания. А вот что запомнил и пугался, так это маневрирующего недалеко от нас паровоза с составом. Он медленно прокатывал мимо нас вагоны, лязгая буферами и стуча на стыках рельс своими металлическими колесами. При этом отчаянно чадил черным дымом, громко свистел, и у колес сочился горячий конденсат и шипел пар. Паровоз казался мне гигантским страшным зверем. Вообще, в детстве я много чего боялся. Например, вооруженного мрачного человека, разъяренного быка, сорвавшегося с привязи вонючего козла. Как-то стоял, не помню с

кем, на берегу большого озера на Алтае, так испугался шума набегавшей волны, что заставило попятиться. Очень боялся покойников, после их созерцания не мог ночью спать.

Как маме, плохо говорящей по-русски, удалось осуществить наше путешествие с престарелой бабушкой по перегруженной железной дороге, тоже большая загадка: домой возвращались воины-победители, уезжали в родные края эвакуированные семьи. Несмотря на столь массовое перемещение людей, суету, давки у железнодорожных касс, нехватки вагонов, чувствовалось радостное возбуждение народа-победителя. Люди были улыбкивы, доброжелательны и старались помогать друг другу. Конечно, хватало грабителей, воров и просто карманников, голодных беспризорников. Но всё это не могло уничтожить общий оптимистичный настрой людей. На станции Рубцовск, вскарабкавшись в вагон-теплушку и устроившись на полатах, отправились в дальнюю дорогу. Особо ничего не запомнилось, кроме пересадки в Новосибирске. Здесь маме вновь пришлось изрядно помучиться у кассы за билетами. Пока она их выстаивала, мы несколько суток ночевали на полу второго этажа огромного зала ожидания. Здесь не раз наблюдал, как милиционеры пачками очищали зал от правонарушителей, в основном беспризорников и воров. Наконец, мама сумела достать билеты, и мы в конце августа 1946 г. доехали на перекладных, обходным путём через Свердловск (ныне Екатеринбург) до Уфы. А там пересели, ступая по ступенькам, держась за гладкие поручни, в большой зелёный красивый вагон с удобными сиденьями для пассажиров. Так, впервые после вагонов-теплушек оказался в настоящем пассажирском вагоне, о существовании которых и не подозревал. Позже узнал, что это был пригородный поезд, следовавший по маршруту «ст. Уфа - ст. Бензин». Станция Бензин оказалась последней на нашем нелёгком пути. До первого городского жилья оставалось пройти всего лишь около километра.

Таким образом, мы добрались до города Черниковска - земли, ставшей нашей новой родиной. Первым жильём стала большая комната, в которой проживали человек 18-20 в бараке общежития женщин-трудармеек. В торце комнаты занавесками нам отгороди-

ли уголок. Часто употребляю слово «впервые», а что делать, если почти каждый день случались новые открытия. Вот, например, в бараке понял, что не только вокзальные помещения освещают электрическими лампочками, но и жилые комнаты. Увидел, что пищу можно готовить на электроплитках, где металлическая спиралька, уложенная в борозды круглого огнеупорного камня, нагревается докрасна. Нужно лишь воткнуть два провода, идущие от плитки, в две дырочки розетки, что на стене. Это открытие меня однажды чуть не погубило. Я нашёл во дворе новый кусок изолированного белой резинотканью провода длиной около метра, согнул его, получил два конца, влез на табуретку и засунул их в дырочки розетки. Сноп пламени с шумом вырвался, провод, что держал в руках, моментально накалился. Я кубарем слетел с табуретки, бросив провод. На этом, слава Богу, мой первый опыт с электричеством закончился даже без ожога рук. Помню праздник Рождества, он у РН почитался как самый главный праздник года. Задолго до наступления рабочего времени, ранним утром широко распахивается дверь в комнату, зажигается свет, и входит группа из 5-7 молодых женщин. Все празднично одеты - во всё лучшее, что у них сохранилось. Спели великую песню «Stille Nacht, heilige Nacht» и поздравили всех разбуженных с праздником. Мама вручила мне (наверняка не за один месяц) припасённую тарелочку сладостей. Этот маленький хор, участницей которого была и мама, заходил во все комнаты жильцов барака. Наверное, немало женщин в то утро прослезились. В ранние детские годы я был убеждён, что пение – это сугубо удел женщин. Впрочем, что же тут удивительного, мужчины воевали, а те, что изредка встречались, были либо немощными стариками, либо инвалидами. Им, естественно, было не до песен. Но когда услышал по радиорепродуктору хор Краснознамённого ансамбля песни и пляски Красной Армии, он так мне понравился, что стал частенько по утрам бегать к тем, у кого имелось радиотарелка послушать Гимн Советского Союза.

Барак стоял недалеко от станции «Бензин». Этот жилой район в народе назывался соцгородом. Между станцией и нашим жилищем стояло ещё барака два-три, затем клуб «Химик», также ба-

рачной конструкции, и далее по прямой, через дорогу знаменитый Колхозный рынок (ныне известный, как «Меркурий»). Кстати, именно в клубе «Химик» в 1948 г. мама в набитом битком спецпереселенцами зрительном зале выслушала очередной совершенно секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР. Указ требовал, цитирую: «установить, что переселение в отдалённые районы Советского Союза (чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др.) проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев, виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ». Каково! То есть, нельзя без увольнительной записки комендатуры НКВД выехать из Черниковска в Уфу за покупками, например, на центральный рынок или в магазины. Пусть помнят и каются за свои преступления вечно. Дикость наказания понимали и многие сотрудники НКВД, так наш капитан Нафиков буквально умолял людей не рисковать и без всяких проволочек выдавал пресловутые увольнительные. А представляете, как народы уже после трёх лет победоносного окончания войны, каждый день ожидавшие снятие репрессивных актов и ожидавшие разрешения на возврат в родные края, восприняли этот Указ. Вождь плюнул на носящую его имя Конституцию, в которой чётко фиксировалось о сплочённом навеки народе СССР. Наш генералиссимус, товарищ Сталин был крут и твёрдо убеждён, что народ необходимо держать в узде и постоянном страхе. Все репрессивные мероприятия, как правило, прятал под грифом секретно или совершенно секретно. Он, конечно, понимал свои неправые поступки и до поры до времени прятал их, хотя и предрекал, что придёт время и история даст им правдивую оценку.

ПЕРВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ДЕНЬ. ПЕРЕЕЗД В СЕМЕЙНЫЙ БАРАК. САМЫЕ ЯРКИЕ ГОДЫ ДЕТСТВА

Прошло несколько дней и наступило первое сентября 1946

года, надо идти в школу. Это оказалось серьёзным испытанием. Мама проводить меня не имела возможности. В одной из комнат нашего барака проживал ещё один немецкий мальчик моего возраста, но более развитый во всех отношениях. Он был выше и физически здоровее меня, но, главное, знал дорогу в школу и русский язык. Мама дала мне сумочку размером чуть более тетради из зелёного солдатского сукна с двумя ручными лямками, положила в неё простой карандаш и тоненькую тетрадь на двенадцать листов, благословила и отправила в школу с соседским мальчиком, умоляя его быть моим спутником при возвращении домой. Путь от нас до средней мужской школы № 11 (ныне гимназия № 61) был не очень близким. То первое сентября не стало для меня праздничным, скорее наоборот - я был ошеломлён и напуган многолюдьем, непониманием происходящего. Сначала стояли толпой во дворе, о чём-то с крыльца говорили школьные начальники, затем толпу детей запустили в просторный вестибюль, поднялись на второй этаж, вошли в классы и расселись за парты. Наш класс был заполнен до отказа (позднее узнал - 43 ученика). Как просидел урок не помню. Когда прозвенел звонок на перемену, все с диким гамом вырвались в коридор. И тут меня охватила паника - надо во чтобы что ни стало бежать, и всю переменку со слезами носился из конца в конец по коридору, ища спасительную дверь, но каждый раз натыкался на двустворчатые двери, закрытые на ключ. Прозвучал звонок, коридор опустел. Стою в слезах убитый горем, не понимая, куда же теперь податься. Но пришла на помощь моя первая учительница Анастасия Ивановна Куприянова. Она отыскала меня, взяла за руку, завела в класс и усадила за парту. Дорогая Анастасия Ивановна для меня осталось загадкой, каким талантом надо было обладать, чтобы обучить грамоте такой большой класс мальчишек, которые в подавляющем большинстве не знали ни азбуки, ни цифр, а порой даже русской речи. Я был таким в классе не в единственном числе. К сожалению, очень рано, совсем ещё молодой наша красивая учительница ушла из жизни. Как далее шёл и чем закончился первый учебный день, не помню. Но, наверное, мальчик-сосед просьбу мамы исполнил. За год к дороге

в школу привык.

В первые послевоенные годы основная масса рабочего люда бурно растущего Черниковска проживала в бараках. Городу требовалось большое количество рабочих рук для пополнения кадрами успевших эвакуироваться к нам от наступавшего в начале войны врага заводов. Кроме того, у победившей страны нашлись средства для строительства новых гигантов нефтехимии и нефтепереработки. Население росло не только за счёт приезжих из районов Башкирии, но и за счёт завербованных специалистов и рабочих со всех концов СССР. Кроме того, в город вселили достаточно большое количество спецпереселенцев - советских немцев и население с Крыма – татар, греков, армян, болгар. Ещё под крышу надо было засунуть пленных немцев Германии, их в нашем промышленном соцгороде трудилось полно. Короче говоря, населению требовалось жильё «сегодня и сейчас». Барак оказался оптимальным решением проблемы. К тому же опыт их строительства в стране был достаточным, ведь барак - типичное тюремное сооружение, его только надо разгородить на махонькие комнаты для семей и предусмотреть по концам сквозного коридора две комнаты-кухни в каждой по плите для поочерёдного приготовления еды. Кухни были относительно просторными помещениями, что позволяло использовать их при необходимости в качестве места сбора жильцов для проведения собраний, прослушивания инструктажей и лекций. Например, после преступного применения американцами двух атомных бомб в Японии и гибели тысяч мирных граждан, резкого обострения международного положения в барак зачастили лекторы по международной обстановке. Людям рассказывали о поражающих факторах атомного оружия и методах защиты от него. Справедливости ради надо отметить, что семейные бараки имели в отличие от тюремных два существенных преимущества: это - 1. Центральное отопление и 2. Подполы. До настоящего времени у жителей города сохранилась память о лагерях № 3 и 5. Так и говорят: «Да вот там, на пятом (или третьем) лагере находится, то или иное учреждение». Кстати, пятый лагерь был знаменит тем, что его узницей была легендарная, самая на-

родная певица СССР Лидия Русланова.

Юные годы до самого призыва на военную службу, я прожил в трёх бараках, в первом (общежитии) - чуть более года. О нём уже упомянул. Дождливой поздней осенью 1947 года маме с тётёй Марией выделили комнатку в семейном бараке. В нём были 32 комнаты, каждая площадью 12 кв. м., и две кухни площадью 24 кв. м. Не знаю, какого года постройки был барак, но выглядел уже прилично осевшим в землю. Улица, на которой он находился под номером 25, носила имя Героя гражданской войны Николая Щорса. Мы, ребята, гордились наименованием и очень любили песню о Щорсе - «Шёл отряд по берегу, шёл издалека, шёл под красным знаменем командир полка...» Квартал барачников уже давно снесён, там ныне красуются высотные дома. А тогда вселение в семейный барак было для нас важным и радостным событием, несмотря на стеснённые условия. В крохотной комнатке с окном на север мама с тётёй и бабушкой, наконец, почувствовали себя хозяевами. Можно закрыть дверь и укрыться от посторонних глаз, глубоко всей грудью вздохнуть, маме с тётёй засучить рукава, подоткнуть подол, помыть, побелить потолок, стены, т. е. очистить помещение от грязи и полчищ клопов. Избавиться от красных ползучих тварей одной капитальной уборкой, без применения ядохимикатов невозможно. Борьба с этими дурно пахнущими кровососущими насекомыми велась постоянно и растянулась на годы, пока не пришла на помощь химия. Перед окном у каждой комнатки имелся клочок земли величиной с небольшую грядку, где не цветы высаживали, а картошку, в ботве которой мы с удовольствием прятались во время игр в войну или просто в прятки. Семьи, в которых имелся мужчина, выстраивали себе небольшие дощатые сарайчики, где зачастую выкармливали к ноябрьскому празднику (Великой Октябрьской социалистической революции) или к Новому году поросёнка. Мы, мальчишки барака (пацаны), частенько в летние теплые ночи любили на крышах сараев устраиваться на ночлег, травить байки и любоваться бездонным звездным небом. В бытовых холодильниках для хранения скоропортящихся продуктов тогда нужды не было - ими впрок не запасались, денег не

хватало. Да и холодильников-то в продаже, не помню, чтоб были. А мясо поросёнка успевали за зиму съесть. Зимы стояли снежные со стабильно низкой температурой. Бураны наметали снег почти до самой крыши, и, когда мы (забавы ради) спрыгивали с крыши, то уходили в снег по горло. Оконные стёкла порой лопались от мороза и покрывшего их толстого слоя узорчатого льда. Весной через окно можно было любоваться широким разливом реки Белой, каждую весну вся пойма до самого горизонта уходила под воду. А каким разнотравьем после спада воды она покрывалась - трава росла густая и сочная с обилием щавеля, полевого лука и разнообразия цветов. Сенокос за рекой Белой (по-башкирски Агиделью) завершался огромными стогами великолепного душистого сена. Гордились мы, конечно, и своим первым в СССР гигантом нефтепереработки, крекинг-заводом. Помогали его строить американские фирмы «Алко» и «Луммус», у которых закупили необходимое оборудование. Для обеспечения завода энергией рядом с конторой заводоуправления возвели ТЭЦ № 1. Именно внушительное здание котельной, её высокие дымовые трубы, из которых непрерывно валил дым разной интенсивности, её паровой гудок и воспринималось нами крекинг-заводом. Гудок каждое утро дважды назойливо гудел: в шесть часов будил, в семь звал на работу, а вечером радостно шумел о конце рабочего дня. Завод - мой ровесник, первые тонны бензина отгрузил летом 1938 г. Конечно, он внёс колоссальный вклад в обеспечение топливом боевых машин Великой Отечественной войны.

Но вернёмся к бытовым проблемам. Мама с тётушкой где-то раздобыли две простенькие железные с жёсткими металлическими сетками кровати, на одной спала бабушка, на другой - мама, тётя Мария размещалась на раскладушке, а я спал на ящике с крышкой, который по старой крестьянской памяти называли сундуком. Его сколотил грек, сосед. Ящик заменял и комод, и шкаф; в нём хранились сезонные вещи, кое-какие семейные реликвии, о которых не помню, по всей вероятности, их просто не было, кроме, пожалуй, фотоальбома, да на чёрный день несколько кусков вонючего хозяйственного мыла. Эту нехитрую мебель выносили летом на

улицу, все пружинки и петельки ошпаривали кипятком или опрыскивали иногда и керосином; так шла непрерывная война с вышеупомянутыми клопами. Пищу готовили в основном на примусе, т. к. за электроплитку наказывали штрафами, да и надёжностью она не отличалась – то открытая спиралька перегорит, то электричество отключат. Раз в месяц ходил с тётёй Марией в специальную лавку недалеко от кинотеатра «Победа» за керосином. Кстати, о кинотеатре. Это белоснежное красивое здание с колоннами и лепными гипсовыми фигурками детей, возведённое пленными немцами в 1949 г., (по слухам даже по их проекту) стало первым послевоенным украшением города. Каждый житель Черниковска считал своим долгом посетить его.

Чести открыть демонстрацию художественных фильмов удостоился фильм «Повесть о настоящем человеке». Легендарного героя лётчика истребителя Алексея Маресьева в фильме сыграл популярный актёр, потрясающий красавец (тогда стеснялись, а сейчас назвали бы – секс-символом) Павел Кадочников. Фильм шёл, если не изменяет память, целый месяц. Конечно, мы, ребята, были среди первых зрителей. В бараке жили сплошь вдовы с детьми, которые трудились на тяжёлых физических работах, редко в какой комнате жил мужчина, ребятишки в основном росли без отцов: из моих самых близких по бараку друзей только у одного Вовки Борзова был отец, а у другого, Толика Шеришева - отчим. Таково было последствие войны и репрессий советской власти против собственного народа. Росло поколение безотцовщины, что не могло не отразиться на нашем воспитании. Да и матери очень мало могли нам уделить времени, тяжёлый рабочий день у них далеко не всегда укладывался в положенные восемь часов. Рабочая неделя имела только один выходной – воскресенье. Да и как, вообще, одинокие женщины могли справиться с растущими, предоставленными целыми днями самим себе, мальчишками. Помню, как однажды мама хотела дать мне подзатыльник, я нагнулся, её ладонь пролетела мимо и смахнула со стола стеклянную банку. Она беспомощно опустила руки и заплакала. Уж лучше б не нагибался: слёзы те были мне больней любого подзатыльника. Тут,

пожалуй, уместно маленькое лирическое отступление. Разумеется, маму жалел и любил, но как бы скованно. Я не мог прижаться, обнять её, сказать ей ласковые слова. Я видел, как это делали многие другие. В подростковые, частично и в юношеские годы, свою симпатию и стеснительность к девушкам маскировал грубыми манерами, о чем стыдно вспоминать. При этом сказать, что я вырос излишне грубым, тоже будет неверным. Думаю, супруга, наши малые дети и внуки сполна ощутили мои как внутренние, так и внешние признаки ласки. А маме мало досталось, о чем теперь очень сожалею, очевидно, оттого, что в раннем детстве, война разлучила нас.

Путь в школу с нового места жительства значительно сократился. Он пролегал по просёлочной дороге. Между нашим кварталом бараков и школой располагался пустырь, огороженный забором из двух рядов колючей проволоки – внутренний высотой три метра, наружный – высотой около метра. Между заборами был протянут стальной провод, по которому в тёмное время суток или при экстремальных ситуациях внутри самого лагеря, спускали натасканных овчарок из сторожевых высотных будок с прожекторами и вооружёнными солдатами. В огороженной зоне за скудный тюремный паёк трудились как преступники, так и наказанные просто по произволу советские граждане. Они возводили дощатые (щитовые) двухэтажные дома. Согласно детским впечатлениям я тогда уверился, что строительство жилья ведут только заключённые. Каждый день утром и вечером по городу вооружённые солдаты в сопровождении овчарок конвоировали огромные колонны людей. Проходя мимо, они оставляли теплое облако с запахом не свежих тел.

Сегодня являюсь свидетелем сноса этих последних, давно уже признанных ветхими, домов. Осенняя и весенняя грязь, зимняя стужа и бураны, перехватывающие дыхание, дорогу в школу превращали в серьёзное испытание. Сапог не было, обувался в дешёвые дерматиновые ботинки, поверх которых надевал галоши, которые вечно заливало водой или застревали в вязкой грязи. Порой так тонули, что терялись в ней на моё горе и горе мамы с тё-

тей. Правда, зимой, несмотря на глубокий снег, который практически всегда оказывался в валенках, путь в школу был всё-таки спокойнее, чем во время весенних и осенних распутиц: вытряхнешь снег и можешь идти на урок, хотя и сидишь за партой некоторое время в промокших ниже колен штанах. Могу признаться, о моём втором бараке сохранились самые тёплые воспоминания, здесь прожиты главные и лучшие детские годы, здесь и, конечно, с помощью школы, я начал формироваться как личность. И вообще мне в жизни везло. Я почти уверен, что меня в жизни постоянно охраняет ангел-хранитель. Наверное, за безвинную казнь отца и деда. Повезло на Алтае, что выжил, повезло, что именно в этот барак вселили. Очень повезло впоследствии с выбором супруги, повезло сохранить детей, когда они тяжело болели и когда сам бывал на краю гибели от болезней, везло с начальниками, под руководством которых работал, служил на флоте И как же тут не верить в Бога или в какую-то другую, высшую силу.

В бараке проживал пёстрый интернациональный состав людей: русские, татары, башкиры, марийцы, мордва, чуваша, греки, армяне, советские немцы и евреи. Наверное, ввиду равного социального положения, между жильцами царил дух взаимного уважения и дружбы. Забавный штрих: я долго не понимал за что, одного из наших ребят - Нёмку Волынского - часто обзывают евреем. Я был уверен, что это ругательство, а не национальность. Ещё раз повторяю - мы росли единой, дружной семьёй. Но это совсем не значит, что между нами не возникали ссоры и драки. Дети войны не могли выявлять свой «рейтинг» без кулаков. В драке соблюдались определённые правила чести: «один на один» и «лежачего не бьют». Авторитет я здесь завоевал средненький – боевого духа и силёнок было маловато. После установления «рейтинга» особо не задирались, дрались редко. Жили хотя и бедно, но весело. Нас было много, и мы не скучали. Игры находили самые разнообразные. Тесно общались с природой, т. к. большую часть времени находились на улице. Вспоминаю обилие птиц в городе. Наступление весны отмечалось массовым прилётом скворцов, их торжественным пением. Осенью клин журавлей в небе был частым явлением,

а ныне, с грустью должен отметить - даже весеннее пение скворца в городском парке или на своём садовом участке услышишь редко. Куда всё подевалось? В летние месяцы мальчишки, подобно африканским детям, из одежды носили одни трусы, редко у кого ноги защищались тапочками или сандалиями. Зимой мало у кого имелось пальто. Самой популярной верхней одеждой была телогрейка, которую все именовали фуфайкой. На головы нахлобучивали шапки-ушанки, не признавая какие-либо шарфы, натягивали тоненькие штаны, презирая кальсоны или заменяющие их подштанники. А вот ноги были надёжно защищены валенками. Морозов не боялись, домой приходили с горящими красными коленками и затвердевшими на морозе варежками и тоже лилово красными руками. Научили, чтобы не так сильно ломило пальцы, их быстренько совать в студеную воду – точно помогало. Играли в прятки, клёк, чижик, муху, городки, изредка в лапту (инвентарь изготавливали сами сообща) и, конечно же, в футбол и волейбол. Удивительная у меня была мама, несмотря на очень скудный заработок, умудрилась выкроить деньги на дерматиновый волейбольный мяч с камерой, на коньки, фонарик и т. п. мелочи. Вот этот мяч мы и гоняли перед бараком на поляне, заросшей спорышем. Поскольку до реки Белой было не более двух-трёх километров, то часами пропадали там. Надо заметить, что увлечение рекой было довольно рискованным занятием. Берег был завален брёвнами, а прибрежная гладь реки покрыта плотами. Чтобы добраться до воды, нужно было проявить определённую сноровку, прыгая по скользким, раздвигающимся и крутящимся брёвнам, чтобы не соскользнуть и упасть, и не угодить под плот. Мы очень любили Белую, её теплую воду, плавное, не очень быстрое течение. Река была оживленной транспортной магистралью, ее акваторию кругло-суточно с ранней весны до глубокой осени бороздили суда от маленького буксира до двухпалубных колесных пассажирских пароходов. Водная гладь редко пустовала. Сигнальные свистки судов были настолько привычной потребностью не одному поколению прибрежной деревни Дежневка. Деревня слилась с Черниковском, находилась примерно в километре от наших барачков, и все ребята,

естественно, посещали нашу школу. У большинства деревенских семей были свои лодки, и мы часто ими пользовались. Кстати, именно на пароходе «Ост» в 1900 году В.И. Ленин вместе с матерью и старшей сестрой прибыл в Уфу. В нашем городе до настоящего времени функционирует музей, советую его посетить. Он находится на улице Достоевского, 78.

На реке нас особенно тянул к себе левый берег. Там не отстаивали плоты, там, на берегу располагался обширный прелестный луг. Впоследствии, проходя вдали от родного края четырехлетнюю службу, мечтал, когда вернусь домой, рухнуть спиной, широко раскинув руки, в это чудо. Распугать стрекоз, слушать шуршание в траве кузнечиков и насладиться трепетным пением жаворонка, высоко без усталости порхающего в синем бесконечном летнем небе. Я молод, здоров, почти совсем бесшумно вдыхаю счастье жизни. Но был случай, когда на этой левой стороне Белой тонул. Не умея плавать, безмятежно плескался, прыгал и нырял, а когда устал и собрался выйти на сушу, вставая на дно, ушел достаточно глубоко под воду с головой. Охватила паника, никак не удавалось выскочить, так как беспорядочно барахтался руками, что удерживало тело под водой. Быстро выбился из сил, нахлебавшись воды, на грани потери сознания, уже мысленно прощался с жизнью. Опустился на самое дно на корточки и обеими ногами последний раз, как мне показалось, сильно оттолкнулся. Сил барахтаться руками не осталось совсем, и это помогло выскочить из воды по пояс, вздохнул. Лег на воду и медленными взмахами бесчувственных рук, выплыл. Вот и гадай, что спасло.

Зимой катались с гор на санках, коньках, которые привязывали на валенки (в бараке ни у кого не было коньков с ботинками) и «тачанках». Тачанками называли самодельное сооружение, выгнутое из старых водопроводных труб. Несколько слов о коньках, мы их туго привязывали к валенкам и гоняли по всем утопанным пешеходным дорогам. Конечно, посещали и каток, предварительно наточив напильником затупленные на дорогах коньки. Катки были доступны бесплатно, по вечерам освещались прожекторами и включали веселую музыку. Запомнилось три вида коньков:

«снегурочки» - с небольшим лезвием и с загнутыми концами спереди и сзади, они у нас не пользовались популярностью; «ножи» - скоростные коньки с длинным острым лезвием, на них гоняли с бешеной скоростью, как правило, серьезные юноши. Однажды с таким скороходом столкнулся лоб в лоб, меня спасла от увечья его хватка, смягчившая наше падение. Самыми популярными коньками считались «канадки». На коньках такой конструкции, конечно, совсем другого качества, играют до сих пор хоккеисты. Мама сумела тогда мне купить столь желанное сокровище. Летом была ещё такая простенькая забава - катание колёс с помощью ручки-рычага из стального куска проволоки. Или вот ещё одна очень распространенная всесезонная игра «в ляндру». Ляндра - это лоскуточек кожи с шерстью, например, от тулупа или козьей шубы; шерсть расчесывали, а с обратной стороны к коже приклепывали, расплющенный кусочек свинца. С этой игрушкой пацаны, подбрасывая её ввысь ногами, жонглировали, кто во что горазд. Лыжи также мало у кого были. Несколько выручала школа, для уроков физкультуры можно было кое-что отыскать на школьной лыжной базе, но редко удавалось в этом, прямо скажем, хламе, найти что-нибудь приличное. Надо было исхитриться и прикрепить старые гоночные лыжи к валенкам. Мало кому это удавалось, не бегали на лыжах, а мучились. Всё-таки у некоторых лыжи были, например, у Володьки Борзова, правда, не гоночные, а нечто среднее между гоночными и охотничьими. Запомнил забавный случай. Он достал из своего сарая лыжи, надел их и поехал, а я без лыж, в валенках, по глубокому снегу побежал за ним. Добежали до соседнего барака, уперлись в стену и начали возиться. Нечаянно лыжная палка задела окно, и мы раскололи стекло форточки. Увидев это, дали деру. Вовка быстренько доехал до сарая и спрятался там, я же, утопая в снегу, не добежав до своего барака, увидел, как мощными прыжками меня настигает разъяренный крепкий мужик. Я добежал до угла, сил бежать далее нет, да, если бы и остались – всё равно догнал бы. Что делать? Оставалось одно – притвориться. Загнул за угол барака и вразвалочку медленно пошел. Каким-то задним зрением почувствовал, что мужик, увидев

меня, на мгновение в растерянности остановился. Этого мгновения мне хватило, чтобы приобрести уверенность. Затем он рванул ко мне, схватил за плечо. Я, подняв голову, спрашиваю: «Дядя, тебе чё?» Он: «Ты разбил окно?» Отвечаю: «Какое окно? Где? Когда? Я только что вернулся из магазина – мамка за хлебом послала. Пойдем к пацанам – они подтвердят». Так удалось благополучно выкрутиться. Увлекались и интеллигентными играми – шашки, шахматы; почти все записались в шахматный кружок в Дом пионеров (сейчас угловой дом на улице Мира и Кольцевой, а тогда угловой дом на ул. Берии и ул. Молотова). Регулярно устраивали в бараке турниры на лучшего шахматиста. Игру в шашки из-за своего невежества считали слишком несерьезной. Удивительно, но явного лидера у нас не было – победители чаще всего чередовались, что особо возбуждало наш азарт. Однажды нас, всей компанией угораздило записаться в драматический кружок при клубе-бараке «Стахановец», где обучали петь, танцевать и ставить пьесы. Эх, веселое было время!

Сегодня на месте клуба стоит белое здание с колоннами под номером 50 на улице Ульяновых. До воссоединения с Уфой именовалась улицей Ленина. Это очень оригинальное в архитектурном отношении здание построили себе строители треста «Башнефтезаводстрой» и назвали его «Дворец строителей» затем здание (наверное, уже не строители) переименовали во «Дворец им. Тридцатилетия ВЛКСМ», а сегодня зовут просто – «белое здание на Ульяновых с колоннами». Для нас, уличных ребят, занятия в драматическом кружке клуба через некоторое время показалось перебором – уж больно выделяться, как нам показалось, мы стали перед сверстниками из других барачков. Застеснялись и ушли из кружка, оставив там всего лишь двоих – Вовку Борзова и Толю Фесенко. Они любили и, главное, умели лучше других петь. Впрочем, петь многие из нас тоже любили. Вова частенько собирал нас, когда родители были на работе, у себя в комнате, чтобы петь наши любимые песни. Между прочим, в младших классах школьной программой в то послевоенное время предусматривался один урок пения в неделю. Какие песни разучивали не помню, но

уж точно не про «кузнечика, который, как огурчик, зелёный был». Вот наш примерный домашний репертуар: «Вставай, страна огромная...» (Во время песни у нас сжимались кулаки, и у меня по телу пробегали мурашки), «Три танкиста...», «Тачанка», «По долинам и по взгорьям», «Летят перелётные птицы» и т. д. Мы росли в атмосфере высочайшего патриотизма, гордились своей великой Отчиной. В стране, только что разгромившей фашизм, песня «Широка страна моя родная» точно отвечала нашим чувствам. Мы, пацаны, были абсолютно уверены, что живём в самой счастливой в мире стране и самое лучшее, что происходит на планете – это творение рук советских людей.

Как-то в газете прочитал, что американские штангисты на Олимпиаде 1952 г. завоевали золотых медалей больше, чем наши спортсмены. Искренне удивлялся: как такое могло случиться? Мы с восхищением смотрели на военных, особенно – офицеров. А уж, если встречали морского офицера с кортиком или генерала, или Героя с Золотой Звездой, то точно увязывались за ними, чтобы подольше поглазеть. Мы всегда ждали и принимали самое активное участие в наших главных государственных праздниках – Первое мая и Седьмое ноября. Особенно мне нравился Первомай. Бывало, выскочишь утром на улицу, в траве сверкают прозрачные капельки росы, лучи солнца уже скользят по верхушкам старых тополей, а на молодых топольках, что нами высажены прошлым летом, вылезают липкие, чистые, изумрудно-зелёные ароматные листочки. Лицо обдувает лёгкий свежий ветерок, издали из радиорепродуктора уже слышна маршевая песня «Москва майская»:

«... Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...».

Не знаю, как на кого, а на меня звуки музыки, несущиеся издалека, действует особенно чарующе. Хорошо-то как: я – мальчишка, какая легкость в теле, как легко дышится и впереди, как пелось в песне «Широка страна моя родная...», «молодым везде у нас дорога», счастливая жизнь в самой лучшей на земле стране!

Радость ожидания праздников усиливалась предстоящим двухдневным отдыхом и обязательными демонстрациями по всей стране. Но бывало досадно, если один из этих дней выпадал на воскресенье, которое не компенсировалось. Долгие годы люди с искренним энтузиазмом участвовали в демонстрациях. Празднично одетый народ собирался к построению в колонны на отведённом каждому трудовому или учебному коллективу месте. Там играли на гармониях, звучали свои самодеятельные духовые оркестры; люди танцевали, пели, отоваривались в празднично оформленных передвижных автомобильных буфетах. Получали красные растяжки с призывами ЦК КПСС, портреты коммунистических вождей и действующих членов Политбюро (нередко, некоторые из них вдруг с конфузом, спустя некоторое время, объявлялись, скажу вежливо, недостойными деятелями). С транспарантами выстраивались в колонны и шли к трибуне руководителей и почётных граждан города и района. Такая трибуна, капитальная из мрамора стоит и поныне перед Горсоветом. А в пятидесятые и шестидесятые годы перед каждым праздником устраивали временную трибуну из досок и обшивали покрашенной, разумеется, в красный цвет фанерой. Первая трибуна перед Горсоветом, где черниковцы демонстрировали свою солидарность со всеми трудящимися мира, помню, находилась на приличном расстоянии от наших барачных бараков, недалеко от железнодорожной станции Черниковка. Сегодня там властвует рынок «Радуга». Ну, а когда в городе отстроили дворец им. Орджоникидзе на пустыре, где мы, сбежав с уроков, гоняли мяч, заасфальтировали площадь перед ним и далее от неё возвели вдоль аллеи красивые здания до восьмиэтажных домов, то выражать революционную солидарность отцы города перенесли туда. Спустя несколько лет, отвечать ежегодно криками «ура» на здравицы с трибуны мы стали уже у Горсовета на проспекте Октября до самого последнего года советской власти. После демонстраций народ дружно усаживался за праздничные столы пить брагу под названием «кислушка», наедались припасённой к торжеству пищей. Особо помню праздники первых послевоенных лет, когда барак дрожал от частушек, величавых песен и бур-

ных плясок под гармонь с топанием и свистом пьяных, вернувшихся с войны победителей и хмельных, раскрасневшихся и смеющихся вперемешку со слезами вдов. Право, такое забыть невозможно.

Храню экземпляр республиканской газеты «Советская Башкирии» тех лет о репортаже и снимками с первомайской демонстрации, где я к великому удивлению увидел себя на снимке крупным планом с четырёхлетней дочуркой Светланочкой на плечах. Впоследствии, когда Светлана подросла, «почётное место» заняла её сестрёнка Рита. Проходя мимо трибуны, на звонкий призыв к нефтехимикам, усиленный репродуктором, поднимать производительность труда и качество производимой продукции и на наше вялое ответное «ура», Света, хотя и напряглась, но всё-таки помахала своим флажком, а Рита настолько испугалась, что вместо помахивания флажком от непривычного шума расплакалась.

Постепенно, во времена правления страной Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И. участие в демонстрациях превратилось в добровольно-принудительное мероприятие. Но застолья никуда не делись, наше подросшее поколение здесь не подкачало – преемственность соблюли чётко. Из политических тостов, звучащих за столом во время государственных праздников, мало какие помню, а вот тост «за мир во всём мире» звучал обязательно, так как ядерная гонка между США и СССР подвела мир вплотную к третьей Мировой войне. Как обстановка того времени сегодня снова повторяется, политики США и многих европейских стран, также пережившие ужас прошедшей войны, просто обезумели, нагло искажают историю, цинично рвут достигнутые в продолжительных и мучительных муках семидесятих годов договора по обузданию в мире военной угрозы. Воспитали новое поколение людей, которое имеет ложное представление о Второй мировой войне или вообще ничего о ней не слышало. Мир стоит на грани уничтожения всего живого на Земле. Надеюсь на здравый смысл людей и политиков ими выдвигаемых. Иначе зачем я всё это пишу. Хорошо бы всем услышать зов поэта Исаака Соболева, композитора Ваню Мурадели и великого певца Мусли-

ма Магомаева: «Люди Мира, на минуту встаньте, слушайте, слушайте: гудит со всех сторон. Это раздаётся в Бухенвальде колокольный звон, колокольный звон...»

Справедливости ради хочу отметить, Леонид Ильич Брежнев подарил населению много выходных дней, что стало для нас большой отрадой. С 1967 года ввёл в стране пятидневную рабочую неделю, выходными стали и воскресенье, и суббота. Как фронтовик и Герой Советского Союза вернул стране выходной праздник День Победы, отобранный Генералиссимусом Сталиным в 1947 году вместе с лишением фронтовиков денежных выплат за боевые награды. Во многих дворах тогда ребятня в качества биты при игре в «чику» использовала выкинутые фронтовиками боевые медали. Выходным праздником стало 23 февраля и 8-е марта – Женский День. У Кремлёвской стены, в Александровском саду 8 мая 1967 г. был открыт мемориал-символ в память о воинах, не вернувшихся с полей Второй мировой войны. Это Могила Неизвестного Солдата, на плитах которой высечены слова: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен.» Как был бы здесь в Александровском саду к месту и символ Великой Женщине, отдавшей фронту всё для Великой Победы.

Но вернёмся в свой барак, к нашим шалостям. Играли, что греха таить, и на деньги - в «чику», «орла и решку», «об стенку». А вот в «очко», в карты играли редко, чаще резались в «подкидного дурака». Совершали налёты за помидорами и огурцами в общественные огороды; тащили картошку и жмых с овощных хранилищ во время их завоза туда. Естественно, как большинство детей войны играли в войну и очень сожалели, что не успели в настоящей поучаствовать. Мастерили себе пистолеты, винтовки, автоматы, мечи и сражались, сражались, сражались. Играли в «Тимура и его команду», подражая героям экранизированной повести популярного в то время пролетарского детского писателя Аркадия Гайдара. Сарай Вовки Борзова превратили в подобие штаба, навели там образцовый порядок, установили столик, лавочки и в углу под портретом Вождя поместили красный флаг. А чтобы штаб приобрёл боевой дух, мечтали завести ружьё. Начали копить день-

ги. Но взбалмошная идея, к счастью, вскоре улетучилась. Мы много читали, все было записано в библиотеки. Часто посещали книжные магазины, полки которых были забиты обязательными полными собраниями сочинений Ленина и Сталина. Но кроме них на полках пылились и произведения классиков русской литературы – Пушкина, Льва Толстого, М. Горького и др. Книга вообще пользовалась большим уважением, она почиталась хорошим подарком, например, ко дню рождения. Мы и сами, накопив денег, изредка позволяли себе сделать подарок. Так я купил себе книгу в хорошем твёрдом переплёте трижды Героя Советского Союза лётчика-истребителя Ивана Кожедуба. Семьи, имевшие сносный материальный достаток, обзаводились собственными домашними библиотеками. В подростковом возрасте мы дни рождения вообще не замечали. Стоили книги, конечно, прилично. Новые произведения советских писателей, чтобы были доступны широкому кругу читателей, печатали в книгах большого формата в мягкой обложке на дешёвой газетной бумаге. Такие книги назывались «роман-газета». Книги читали самого разного содержания: исторического, приключенческого, фантастического, юмористического и т. д. Но приоритет, конечно же, отдавался книгам о героях гражданской войны и победоносной Великой Отечественной. Особенно о героях, связанных с нашим городом: «Чапаев» Д. Фурманова, «Александр Матросов» П. Журбы. Буквально зачитывались романом Николая Островского «Как закалялась сталь», романом А. Фадеева «Молодая гвардия», великим романом М. Шолохова «Тихий Дон» и его рассказами; романом К. Симонова «Дни и ночи». Очень интересовались книгами о героях примерно нашего возраста. Вот несколько названий: «Сын полка» В. Катаева, того же автора «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи». Мама Зои Космодемьянской написала книгу «Повесть о Зое и Шуре» - о своих, погибших детях, Героях Советского Союза. У моей Тамары есть близкая подруга Галя Павлюченко, которая в годы войны со своей мамой жила в селе Петрищево. Галя была слишком мала, но её мама Полина Васильевна оказалась свидетельницей казни легендарной советской комсомолки. Жителей се-

ла специально для устрашения выгоняли присутствовать на казни. Из Уфы ушла участвовать в Сталинградской битве Гуля Королёва. О ней мы читали книжку «Четвёртая высота», а о Герое Володе Дубинине написал книгу «Улица младшего сына» писатель Лев Кассиль, Б. Полевой – «Повесть о настоящем человеке», о Герое лётчике Маресьеве. Нельзя не упомянуть и знаменитую трилогию Алексея Толстого «Хождение по мукам» и его роман «Пётр Первый». Конечно, любили книги и зарубежных авторов: Дефо, Жюль Верна, Конан Дойля, Дюма, Марка Твена и др. Я с большим интересом прочитал книги Виктора Гюго, особенно его «Отверженные». Уже в техникуме с удовольствием прочитал великий роман-эпопею французского писателя Мартена дю Гара «Семья Тибо», который нашёл в домашней библиотеке Тиракьяна. Познакомился с творчеством американского писателя Теодора Драйзера, немецкого писателя Ремарка. Ну и, конечно же, спасибо школе, она довольно объёмно дала нам Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Льва Толстого – поменьше Чернышевского, Тургенева, Гончарова, драматурга Островского. На мой взгляд, недостаточно времени школьная программа уделила Чехову, Есенину. Советским классикам - Горькому, Маяковскому, Фадееву - также было оказано достойное внимание. А вот Шолохову, на мой взгляд, уделили тоже недостаточно школьных уроков, их хватило лишь на «Поднятую целину», хотя его роман «Тихий Дон» непревзойдённый гениальный шедевр. К сожалению, во время нашего обучения в школе совершенно забыли С. Аксакова, И. Бунина, М. Булгакова, А. Толстого, С. Есенина и др. достойных литераторов. Я перечислил ряд классиков литературы с тайной надеждой, что мой молодой читатель ими заинтересуется. Они очень интересные и помогли сформировать моё мировоззрение.

Но самым приятным увлечением не только для детей, но и для всего послевоенного населения страны, конечно же, было кино. Оно, действительно, как и предсказывал Ленин В.И., стало важнейшим из всех искусств. Музыка для кинофильмов писали лучшие композиторы. Почти все песни, звучащие с экрана, становились, как сегодня выражаются, шлягерами. В клубах и киноте-

атрах над сценой красовался обязательный лозунг с крылатыми словами Молотова В.М.: «В наш век все дороги ведут к коммунизму». Народ верил, что наше родное советское правительство точно приведёт страну «через развитой социализм» в сияющий всеобщим счастьем коммунизм. Так обещал с трибуны XXII съезда КПСС в 1961 году правивший с 1953 года по 1964 год руководитель партии товарищ Хрущёв Никита Сергеевич. Когда его соратники, называвшие себя «верными ленинцами», снимали Никиту Сергеевича с поста, то объясняли народу переворот так: «путь наш не подлежит сомнению - верный, но Никита Сергеевич проигнорировал принцип коллективного руководства, то есть перестал с нами считаться, поэтому в одиночестве совершил массу ошибок, сбился и запутался. Но теперь, сняв его, мы коллективным руководством всего Политбюро уверенно рванём к вершине коммунизма». Но уже изрядно постаревшие соратники, шаркая от слабости дрожащими ножками, коротенькими шажками засеменяли, начали сталкиваться и спотыкаться и в конце концов застыли в эпохе «застоя». И страна не только не шагнула в коммунизм, а лишилась многих действительно ранее достигнутых социальных успехов.

Кино мы могли смотреть бесконечно, лишь бы находились деньги на билет. Поэтому везде, по дворам, пустырям, свалкам искали и собирали цветной металлолом. Сдавали его и так зарабатывали деньги. Особо понравившиеся фильмы пересматривали по многу раз. Например, «Чапаева» и «Смелых людей» с Толей Шеришевым просмотрели десять раз. Их содержание и ряда других фильмов буквально знали наизусть. Такая страсть к кино легко объяснима, ведь телевидения ещё не существовало. Порой, чтобы достать заветный билет на особо популярный фильм приходилось вступать в настоящую битву у кассового окошечка, так было много желающих попасть в зрительный зал. Однажды еле освободил голову из плотно сжавших тел для спасительного глотка воздуха. А увидеть живьём киноактёра считалось величайшей удачей, и мне как-то крупно повезло. Черниковск посетил очень популярный киноактёр Николай Крючков. Попасть к нему на выступление

даже мечтать было бесполезно. А произошло это так. Летним жарким днём бесцельно болтался около клуба «Химик». Для проветривания перед вечерними сеансами все двери клуба были распахнуты. Проходя мимо, с любопытством заглядывал внутрь. И вдруг – о, Боже! В окружении нескольких человек сидит на стуле совершенно живой, настоящий исполнитель ролей главных героев из фильмов «Парень из нашего города», «Трактористов», «Небесного тихохода» и др. Разумеется, я потом хвалился ребятам, что видел настоящего Николая Крючкова, и что он на самом деле здорово похож на своих киногероев. Мне завидовали.

Радиоприёмник мало кто имел. Некоторые обзаводились тарелками-радиорепродукторами. Спасала улица, где на административных зданиях, клубах или просто на телеграфных столбах вывешивали радиорепродукторы, которые сообщали местные новости и новости из Москвы. Регулярно звучали литературно-художественные передачи, концерты по заявкам, часто выступления лучших артистов транслировались прямо из концертных залов столицы. Народных артистов Лидию Русланову, Леонида Утёсова, Вадима Козина, Сергея Лемешева, Ивана Козловского, Клавдию Шульженко, Марка Бернеса и многих, многих др. очень любили. Впоследствии студентом в переполненном актовом зале нефтяного института посчастливилось за 30 копеек прослушать целый концерт Клавдии Шульженко – её «Синий платочек», «Где же вы теперь, друзья-однополчане...» и др. Хочу здесь, чтобы не забыть, ещё добавить, что в этом же зале повезло однажды прослушать довольно продолжительное и весьма содержательное выступление Героя-космонавта Владимира Комарова. Красивый был человек. К сожалению, трагически погиб 24 апреля 1967 года при спуске после второго космического полёта. Судьба распорядилась таким образом, что ныне живу на улице его имени.

Голоса артистов и легендарных дикторов - Юрия Левитана, Ольги Высоцкой, зачитывающие последние новости, виртуозные репортажи Вадима Синявского с футбольных полей, бодро звенящий жизнерадостный голос физрука Николая Гордеева, призывавшего народ выполнять «утреннюю гимнастику, переходящую к

водным процедурам» - разносились по площадям, паркам и скверам. Это здорово поднимало настроение людей.

Так сложилось, что естественным лидером ребят барака стал удивительно одарённый парнишка Саитов Рашит. Мы жили и росли в далёкой от центра страны периферии, были очень бедными и проявить себя фактически не имели возможности. Спустя годы, мне подумалось, что будь Рашит столичным пареньком, то непременно был бы замечен. И не возраст на два года более, чем у основной массы ребят, выдвинул его в нашего лидера, а просто он был лучшим во всём: прекрасно рисовал, имел безупречный музыкальный слух, был инициатором всех наших игр, всех увлечений (книгами, шашками, шахматами и т. д.). Но, главное, он был очень добрым и справедливым пареньком. Таким оставался всю свою жизнь. К сожалению, четыре года тому назад он покинул нас, царство ему небесное. Почему считаю, что повезло оказаться именно в этом бараке? В каждом бараке царил свой микроклимат, который, конечно, зависел от состава жильцов и лидера безотцовской детворы. Многие лидеры имели склонность к криминалу. К чему это приводило без отцовского надзора - понятно. А у нас был великолепный предохраниитель – Рашит. Спасибо ему!

Когда я учился в классе седьмом или восьмом, наша семья посредством обмена переехала в барак на третий лагерь. Не знаю, произошло это с доплатой или нет, но условия проживания довольно существенно улучшились. Барак был послевоенной постройки, почти новый, и комнаты площадью по 21 кв. м. Коридор был шире, светлее и короче, чем у старого барака, так как комнат было много меньше. Всё остальное, как у всех – питьевая вода на уличной общественной колонке, которая зимами обрастала горой льда, и продуваемый со всех сторон дощатый туалет на улице. На новом жилом месте друзьями не обзавёлся, они остались в старом бараке и школе. С некоторыми друзьями, оставшимися в городе, с которыми жил в любимом старом бараке, связь поддерживаю регулярно и сегодня.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Со школой также крупно повезло. О первом школьном дне я выше уже рассказывал. Вновь напоминаю - в первые, послевоенные годы страна серьёзно голодала.

Восторг Победы сменился тяжкими трудовыми буднями. В городе ночами хозяйничали банды уголовников, участились грабежи и убийства. Люди со страхом пересказывали друг другу слухи о беспощадной банде «Чёрная кошка». В тёмное время боялись выходить на улицу. Освещение в городе по сей день хромает, а тогда было вообще точечным. Сбегать вечером на улицу в туалет было для многих, особенно детей и женщин, сродни подвигу. Снятие с рук мужчин часов «Победа», а с женских - «Звезда» было обыденным явлением. Я с ужасом однажды утром увидел на улице труп молодого мужчины. В школе было сумрачно и прохладно. Запомнился такой случай: учительница в качестве наказания поставила у доски зашалившего ученика, минут через пять мальчишка плашмя столбом рухнул в обморок и разбил нос. Не трудно представить какой испуг испытал класс и особенно наша милая дорогая учительница. Или вот ещё: осенним солнечным утром (наверное, во втором или третьем классе) пришёл первым. На кафедре за столом уже сидела в своём строгом чёрном платье очень бледная и печальная Анастасия Ивановна Куприянова. Я поздоровался. Она подозвала меня, дала 200 рублей и попросила меня сбегать на рынок и купить ей кусочек чёрного хлеба. Был период, когда учеников младших классов вынужденно были немного подкармливать. Прямо во время второго урока каждому давали по четвертинке чёрного хлеба. Да, многие голодали – хлеба не хватало. Люди ночами группами шли к хлебным магазинам занимать очередь. На руки выдавали не более одной буханки чёрного хлеба (белый был большой редкостью), поэтому дети по утрам сразу после сна торопились успеть к открытию магазина, чтобы встать (нередко со скандалом) в плотную очередь к отстоящему ночь своему взрослому члену семьи. Очереди за хлебом, в конце кон-

цов, победили с помощью семейных мешочков. Каждая семья сдавала в закреплённый по адресу проживания магазин мешочек, на котором химическим карандашом, а лучше вышиванием помечали адрес и состав семьи. Как мне помнится, такой порядок распределения хлеба оказался разумным.

Возвращаюсь в школу. Она была самой лучшей и самой крупной в городе, работала в три смены. Славилась успехами в учёбе и спорте, что собственно и не мудрено - ведь в школе работал ряд выдающихся преподавателей, которые эвакуировались из Ленинграда и Москвы. Особым авторитетом выделялись: Бердичевская Рашель Лазаревна - педагог от Бога. Она обладала энциклопедическими знаниями. Кроме естественных предметов (ботаника, зоология, анатомия, основы дарвинизма), которые вела у нас с пятого класса, она ещё в старших классах преподавала немецкий язык и была там классным руководителем. Ну а предметом русской литературы и языка, естественно, владела в совершенстве - здесь ей равных в школе не было. А свои «кровные» предметы излагала так, что, например, меня (особенно учением англичанина Ч. Дарвина) сформировала убеждённым материалистом. И, главное, она воспитывала нас своим необыкновенно тёплым обликом и интеллигентностью. Но как нелегко жилось в те годы этой хрупкой пожилой женщине. Ведь вождь никогда не забывал, чтобы народ уважал власть, его надо постоянно держать в страхе, тем более многие, как было отмечено выше, буквально с рождения вызвали подозрение. В конце своей жизни он взялся за евреев - был раздут разнузданный государственный антисемитизм. Запомнился дикий случай, когда одноклассник Закарецкий на замечание, сделанное ему Рашель Лазаревной во время урока, злобно ответил, чтобы она не забывала о своей национальности. Класс оцепенел, но смельчака поставить на место зарвавшегося наглеца среди нас тогда не нашлось. Но я запомнил и другой волнующий эпизод. В 1972 году в школе торжественно праздновали двадцатипятилетний юбилей. На праздник пришли выпускники многих прошлых лет, присутствовала даже небольшая группа первого выпуска. В коридоре первого этажа и красочно оформленном акто-

вом зале гости на старых фотографиях, что висели на стенах, находили себя, своих друзей и учителей. Некоторых учителей мы с радостью узнали и увидели в президиуме. Там, на самом краю примостилась и наша совершенно белая, худенькая Рашель Лазаревна, ей было уже за восемьдесят. В приветственной речи директор школы, открывавший праздник, каждого педагога-ветерана под аплодисменты называл поимённо. Каждое имя, как и положено, встречали аплодисментами. И когда прозвучало имя - Бердичевская Рашель Лазаревна, зал не сдержался – все в порыве встали и действительно «долго не смолкающими аплодисментами» бурно приветствовали Великого Педагога. Посланник от первого довоенного выпуска вбежал на сцену с букетом цветов и подарком. Никогда после подобного выражения благодарной памяти и уважения не видел, не слышал и не переживал. Дань уважения была оказана, естественно, и другим замечательным учителям. Беляева Надежда Ивановна, потрясающей красоты женщина, влюблённая в русскую литературу, особенно девятнадцатого века. Факия Малиховна Салимова - просто выдающийся химик. Наша милая добрая классная руководительница 10-го «А» - Шевкунова Галина Васильевна, преподаватель математики, обаятельная девушка, недалеко ушедшая от нас по возрасту. Она сразу, после окончания Башкирского пединститута пришла к нам и стала как бы связующим звеном между поколениями. А каков был директор школы, наш железный Яфаев - образец порядка и дисциплины, фронтовик! В каждом классе к знаковым датам выпускалась стенгазета, в которой обязательно должна была быть патриотическая передовица. Её, как правило, доверяли писать редактору или одному из успешных учеников. Требовались заметки о классной жизни, критика недостатков желательно с карикатурами. Меня включили в редколлегию художественным оформителем. Я никогда не умел толком рисовать, так себе чуть-чуть малевал, чему научил Рашит. Отбиться от этой общественной работы мне не удалось. К особо важным датам стенгазеты и фотомонтажи для всеобщего обозрения вывешивались в коридор и пионерской комнате. Спортзал красочно украшали яркими плакатами с мудрыми высказывания-

ми вождей, учёных и классиков литературы, превращая его в актёрский зал. Здесь для младших классов устраивали пионерский костёр, а для старшеклассников – торжественный вечер. У костра школьники читали стихи, пели, играли на музыкальных инструментах. Как-то и мне повезло гордо декламировать стишок про великого Сталина. Завидовал ребятам, которые исполняли на скрипке и фортепьяно полонез Огинского или чардаш Брамса. Моднo ещё было выстраивать, стоя друг на друге, атлетические пирамиды. Особо запомнился день празднования семидесятилетия вождя Сталина, 21 декабря 1949 года. Школа сверкала особой чистотой, до блеска натёртым полом, нарядно одетыми преподавателями, стены коридоров украшали празднично оформленные стенгазеты. В пионерской комнате на стене величественный портрет вождя утопал в алых стягах, на аккуратно установленных, покрытых красными скатертями столах от каждого класса лежали альбомы с фотографиями его героической биографии, которые ученики вырезали из цветных журналов и клеивали в свои классные альбомы. Поражала необыкновенная для школы тишина, никто не бегал, все передвигались тихо и спокойно, не кричали, не смеялись громко. Стояла торжественная тишина.

В год смерти Сталина я очень тяжело переболел брюшным тифом. Где его подхватил зимой, в феврале, понятия не имею. Продолжительное время пролежал в инфекционной больнице в беспомощности, без преувеличения был на грани гибели. Видимо, поэтому маму допустили в заразное отделение на десять суток для ухода за мной. О том, что мама была рядом, узнал лишь после выхода из больницы в самом начале марта 1953 г. Школу ещё не мог посещать и лежал дома. И вдруг 4 марта из соседней комнаты услышал по радио голос Левитана, который трагическим тоном зачитал правительственное сообщение о внезапном тяжёлом заболевании Сталина, кровоизлиянии в мозг. Вождь лежал в беспомощности, без всякой надежды на выздоровление. Народ замер в страхе перед будущим, как же будем дальше жить. Радио рыдало траурной классической музыкой, прерываясь на короткие паузы зачитыванием бюллетеней об ухудшении состоянии вождя и сообщениями

из регионов страны о том, как народ тяжело переносит невероятное и так неожиданно свалившееся горе. Но самое страшное известие прозвучало утром шестого марта: в 21 час 50 минут пятого марта сердце Иосифа Виссарионовича остановилось. Люди замерли в ужасе. Точно можно повторить слова поэта Маяковского: «Ужас из железа выжал стон. По большевикам прошло рыдание». Совсем о других эмоциях говорили вышедшие впоследствии на волю арестанты многочисленных лагерей. Смерть «отца всех народов» они выражали криками «ура» и в воздух бросали свои засаленные, изношенные «чепчики».

На Красной площади срочно к мавзолею добавили имя «Сталин», а внутри рядом с гробом Ленина подготовили место для гроба вождя. Девятого марта состоялись похороны. Мне исполнилось тогда четырнадцать с половиной лет, уже остро чувствовал эпохальность события, поэтому внимательно слушал траурные речи с трибуны Мавзолея. Первым выступил председатель (верный знак, что именно он возглавит правительство) похоронной комиссии Г.М. Маленков. Георгий Максимилианович говорил нужные слова спокойным ровным голосом. Затем к микрофону подошёл Берия. Лаврентий Павлович протокольную речь произносил бодро, без малейшей тени печали. И лишь в речи Вячеслава Михайловича Молотова звучала неподдельная человеческая скорбь и печаль, его голос дрожал, и, казалось, он вот-вот зарыдает. Впоследствии, просматривая кинохронику, убедился в правильности своего восприятия. Удивительно, но жизнь продолжалась. Ну да, женский праздник в том году, разумеется, пропал, но весна стремительно приближалась, и народ под солнечными лучами начал постепенно привыкать жить без вождя. Конечно, год оказался трудным. Вновь, нарушая последовательность изложения, вспоминаю забавный эпизод. В апреле 1988 г. на широкий экран вышел художественный фильм «Холодное лето 53 г.». В нём одну из ведущих ролей сыграл замечательный актёр Папанов. Она стала его последней работой в кино; спустя несколько месяцев, он скоропостижно умер. В 1988 г. я находился в Баку на курсах повышения квалификации. Как раз в это время в столице

Азербайджана проходил всесоюзный кинофестиваль. В центральном кинотеатре подошла очередь смотреть фильм «Холодное лето...» Уже наступил вечер, занятия закончились, и нам, трём «студентам», захотелось принять участие в фестивале. У закрытых дверей билетных касс стоят плотные толпы жаждущих попасть в зрительный зал. Как быть? И тут меня осенила взбалмошная мысль: ведь мы находились в Баку, а там, как и на всём Кавказе царили несколько иные, чем у нас в Башкирии порядки. Решил испробовать Бакинский вариант. Решительно подошёл к двери холла и громко постучал, неторопливым, но вальяжным шагом к двери подошла контролёрша и, слегка приоткрыв дверь, спрашивает: «Вам куда?». Я напрягся и требовательным тоном говорю: «Мне к директору, покажите, пожалуйста, его кабинет». Почувствовал, что получается - она впускает и показывает: «Идите туда и направо». Вновь вежливо, но громко стучу и бодро вхожу в кабинет. В просторном кабинете сидят несколько человек, здороваюсь и говорю: «Я от Самедова». Спрашивают: «А кто такой Самедов?». Я удивлённым тоном ответил: «Как, вы не знаете товарища Самедова?» Пауза короткого замешательства. Затем: «А-а-а, знаем, знаем». Я не блефовал, действительно, директором института повышения квалификации был тов. Самедов. Насколько велик был его авторитет в столице Азербайджана я, конечно, не знал, но был твёрдо уверен – директора коренной национальности друг друга всегда поддержат. «Так, что же вам надо?». Отвечаю: «Со всем немного. Нас трое, мы приехали из дружественного Башкортостана – второго Баку, и сейчас хотели бы попасть на киносеанс. Тов. Самедов напутствовал нас, что, если возникнут трудности, надо обратиться от его имени к вам». «Конечно, конечно. Оторвите товарищу три билета». Достая деньги – расплатиться. «Нет, нет – с гостей из дружественного Башкортостана денег не берём. Только запомни, дорогой товарищ, и своим друзьям передай – второго Баку не бывает, он единственный». Удовлетворённый содеянным выхожу, не успев сунуть билеты в карман, и на вопросы из толпы, как вы достали билеты, коротко отвечал: «Просто надо предъявить удостоверение депутата». А фильм действи-

тельно хороший, рекомендую посмотреть. Возвращаюсь к теме.

Ещё несколько слов об учителях. Были, к сожалению, и довольно безликие преподаватели, например, не повезло с физиком и историком. Но как бы то ни было, я им всем благодарен. Время проэкзаменовало нас и показало, что вышли мы из школы с вполне приличными знаниями и правильным мировоззрением. Только наш класс дал двух докторов наук – Хлёткина Рудольфа и Грудникова Игоря. Без сомнения, крупным учёным мог стать и наш с Шуркой близкий школьный товарищ Валерка Зверев, он был душой нашего класса, невероятно одарённым от природы, превосходил по способностям всех, в том числе и двух наших докторов. Ему не было равных в освоении точных наук, имел лёгкий, открытый, жизнерадостный, весёлый характер. Любил природу так сильно, что буквально сливался с ней, исколесил вдоль и поперёк наш чудесный южно-уральский край. Не просто посетил, а изучил почти все заповедные уголки родной Башкирии, собрал большую коллекцию камней. Любил неспешные длительные пешие переходы, ночёвки под звёздным небом, размышления в уединённой тишине и, конечно же, рыбалку; увлекался фотосъёмкой – оставил массу замечательных снимков. В одной из деревень полгода учительствовал. Он, как и наши доктора, окончил Уфимский нефтяной институт, но пошёл иным, чем они, путём. На четвёртом курсе института Валерий женился буквально вслед за нашим общим другом Александром Тиракьяном. Меня в то время служба уже закинула на Камчатку, и когда получил от них письмо и узнал о столь важном в их жизни шаге, то несколько поразился. Как здорово друзья повзрослели, мне столь зрелый судьбоносный поворот жизни, если и представлялся, то весьма призрачно и в далёком будущем. И ещё несколько смутило, что взяли в жены девчонок совсем не из нашей компании, с кем так тесно дружили после школы. Иногородние девочки, как пела незабвенная Анна Герман, «красивые и смелые дорогу перешли». Шутка. В этом, конечно же, нет ничего странного. Шурка мне не раз признавался, что подмосковная Лерочка - его главная удача в жизни, на что неизменно и я, впоследствии, отвечал: то же самое могу сказать и я о

своей любимой однокласснице Томочке. Иначе сложилась семейная жизнь у Валерки. Не знаю почему, но на него после окончания ВУЗа быстренько накинули лейтенантскую шинель и отправили служить в Белоруссию. Отслужив в Мозыре два года, он вернулся домой, смастерил сына и двух дочерей. Молодец! Молодец-то молодец, но ведь развёлся с женой. Почему у него так сложилось, мы с Шуркой так толком и не поняли. Его бывшая жена, кстати, и сокурсница, спустя несколько лет от тяжёлой болезни умерла. Другой самый близкий по жизни друг, Шурка, Шурик или Сан Саныч в нашем дружеском обиходе, очень правильно, как мне думается, подметил: «Валерка испытывал себя на предельно трудных и вредных работах; принципиально уходил от карьеры, превыше всего ценя честь и независимость». Наверняка, его жизненный девиз «Я никому ничего не должен и мне ни от кого ничего не надо» сыграл определённую роль в разладе семьи. Да и на отношении ко мне это отразилось - я подобную философию начисто отвергаю. Мы постепенно отдалились друг от друга. По телевидению несколько раз показывали бедно одетого знаменитого математика Григория Перельмана, который за своё открытие получил солидную денежную премию, его неоднократно приглашали на торжественное вручение, но он неизменно игнорировал мероприятия и до сих пор живёт на своё скромное жалование. Сразу бросилось в глаза, как сильно наш Валерий Николаевич был похож на чудаковатого маститого математика. С удовольствием вспоминаю другого Валерия, тоже нашего одноклассника - Попучиева, призёра Башкирии по боксу. Каким он ловким парнем был, как владел своим телом, как лихо укладывал на лопатки любого. Во дворе школы стоял деревянный бум, на котором мы упражнялись, выводя друг друга из равновесия. Это было шоу, когда на него взбегал Валерий; никто не мог его столкнуть, он же своими кошачьими передвижениями по буму, ловкими выпадами, уклонами и нежными стремительными прикосновениями, смахивал соперников с бума. К нему, на бум попробовать себя выстраивались очереди, но мало кто мог похвастаться победой. Свой успех в борьбе с ним оценивался лишь временем – сколько удавалось устоять на буме.

Всё это проделывал Валерий ещё до увлечения боксом. Были наверняка и другие заслуженные выпускники нашего года, которые остались вне моей памяти, так как разлетелись по всей стране. К сожалению, многих парней уже нет: ушли профессор Рудольф Хлёткин, мастер спорта Валерий Попучиев, а 23 февраля 2014 года покинул нашу тройку школьных друзей и Валерий Николаевич Зверев. Но светлая память о них останется с нами, пока мы живы.

Почти сразу после завершения ВОВ, уже в 1946 году Правительство страны утвердило план строительства гиганта нефтепереработки НУНПЗ (сегодня он носит название – ОАО «Новыйл»). В город Черниковск приехало много ИТР с семьями на постоянное жительство. Большинство этих семей были полными, их дети по всем параметрам, естественно, превосходили ребят из бараков. Мы поступали в школу, не зная ничего – даже алфавита, что не скажешь о детях высокообразованных родителей. Да и значение отцовского надзора при воспитании детей никто не отменял. Этим хочу сказать - в школу пришло приличное количество подготовленных и одарённых ребят. Они уже в старших классах прославили школу отличной учёбой и спортивными достижениями. Подавляющее большинство поступило в престижные столичные и ленинградские ВУЗы, в военные училища. Запомнились: перворядник по лыжам с красивой фамилией Потёмкин; Стремоухов, сухонький невысокий паренёк, невероятно выносливый – призёр России и лучший ходок Башкирии; Згурский, председатель пионерской дружины школы, высокий крепкий парень, быстрее всех пробегал стометровку и дальше всех прыгал в длину. И, конечно же, не могу не назвать очень одарённого парня Маканина Владимира, отличника учёбы и чемпиона Черниковска по шахматам. Он после школы без проблем поступил на механико-математический факультет МГУ им. М. Ломоносова. Я слушал его яркое выступление на одном из вечеров встречи выпускников, когда он приехал на «побывку» домой. Володя напутствовал очередных выпускников, чтобы не боялись подавать документы в столичные ВУЗы; говорил – там не требуют при поступлении ничего сверх школь-

ной программы, а школа наша сильная, преподаватели превосходные, так что – смелее, парни. После окончания Московского университета Владимир Семёнович Маканин несколько лет проработал преподавателем математики. Только после этого наш черниковский шахматный король вышел на путь, предначертанный ему судьбой – стать крупным российским писателем. Вероятно, сказались мамины гены – преподавателя русского языка и литературы, ну и, упомянутые выше, усилия Надежды Ивановны и Рашель Лазаревны. В общей сложности Владимир Семёнович, как я выяснил по интернету, написал более двадцати книг, большинство из которых переведены на иностранные языки. По сценариям писателя и по мотивам его произведений снят ряд художественных фильмов. К сожалению, Владимир Семёнович от нас тоже рановато ушёл, его не стало 2 ноября 2017 года.

Что касается лично меня, то я был изрядным лентяем. Выполнять домашние задания чаще всего игнорировал, старался угадать, когда поднимут и вызовут к доске, тогда дома немного готовился. Такая тактика срабатывала, но, конечно, не гарантировала стопроцентный успех, что отражалось заслуженными двойками в классном журнале и моём дневнике. Колы и двойки в журналах, где фиксировались результаты нашей учёбы, учителей, естественно, тоже раздражали и не устраивали, и обе стороны стремились их поскорее прикрыть хотя бы троечкой, а лучше четвёркой. А когда ждёшь, что тебя вот-вот поднимут, «хор» получить было просто. Затем можно снова дней на 15-20 залечь и забыть про домашние задания; учебник заменить интересной книгой или пойти на кухню поиграть с пацанами в шахматы, благо днём она чаще всего пустовала или в коридор посоревноваться прыжками в высоту и ляндрю. Именно в этих двух помещениях нашего милого барака мы зимами росли и воспитывались. А летом с утра до вечера убивали время, разумеется, на улице. Но нет, конечно же, не имею право принижать решающую роль школы в воспитании из нас советских граждан. В нашей мужской, послевоенной школе, была строгая дисциплина: следили, чтобы пионеры всегда были при галстукe, а комсомольцы со значком, мальчики подстрижены, де-

вочки в школьной форме с фартуком и аккуратными косичками. Выход к доске обязательно с дневником. Дневник был очень серьёзным документом, в него заносились все заработанные оценки и нарушения дисциплины. В конце каждой недели дневник строго подлежал сдаче классному руководителю, и он всё равно заносил «забытую» двойку или замечание. Мне, в конце концов, надоедало мелко хитрить и выкручиваться и, чтобы лишний раз не огорчать маму, завёл себе второй подпольный «хороший» дневник. В нём было мало оценок и совсем не было замечаний. Как мне это удавалось пусть останется моим школьным секретом. В школе велась беспощадная борьба с курением. Кстати, о курении. Грех попробовать вкус табака случился со мной, когда пас корову. В летние каникулы, после четвёртого класса мама к каким-то своим знакомым устроила меня за ежедневную четвертинку молока пастухом их коровы. Поскотина (поляна с травой) находилась сразу за забором колхозного рынка с восточной стороны. Приличная ватага разновозрастных пацанов сидела под базарным забором и присматривала за своими коровами. Вот тут-то мы время от времени и забегали на базарную площадь, подбирали охнарики (недокуренные до конца папиросы и сигареты), высыпали из них остатки табака и делали себе, на манер фронтовых бойцов, из газетной бумаги самокрутки. Кто-то из ребят уже по-настоящему курил, кто-то, как я, только начинал пробовать. Но мне эта забава сразу не понравилась и так сильно, что в продолжение всей жизни никогда не ощущал тяги к табаку. Но это не значит, что от дыма табака не пострадал. Ещё как! Когда уже работал, приходил домой в насквозь пропахшей табачным дымом одежде. Начальник отдела технического надзора, Цыпышев Юрий Валентинович, с которым сидели много лет в тесном кабинете друг против друга, был заядлым курильщиком с детства и усердно обдувал меня дымом прямо в кабинете, пока я не попросил его выходить во время курения. Юра, конечно, восторженно встрепенулся - он был интеллигентным человеком и моим хорошим товарищем. С благодарностью судьбе вспоминаю о нашей совместной работе заместителем у него. Работа была у нас непростая и ответственность – тоже, но об этом ниже. Кроме

того, мы ведь были с ним в младших классах одноклассниками. Правда, не с первого класса, точно не помню с какого, наверное, со второго или с третьего. Он незаметно появился у нас. Раз вызвали его к доске рассказать отрывок из стихотворения Н. Некрасова «Крестьянские дети». Вышел мальчик среднего роста с большой кучерявой головой и продекламировал выразительно, заметно окая: «Однажды, в студеную зимнюю пору, я из лесу вышел; был сильный мороз». Здесь много «о», и он так смачно окал, что сразу получил от ребят кличку «Морозко». Говоря о нём, всё время пишу: был, был, было. К сожалению, это так – Юра пять лет назад ушёл от нас. Юрка, зачем так рано! Склоняю голову и шепчу: Юра, дорогой товарищ, царство тебе небесное, так много совместно пережито.

Дабы далее не возвращаться к пагубным порокам человечества, хочу сразу после табака упомянуть и про алкоголь. Здесь я не вступил на правильный путь трезвенника. Не стану сильно каяться и должен честно признаться: несмотря на преклонный возраст и наличие достаточного количества серьёзных болячек, к рюмке и бокалу люблю прикладываться до сих пор. Правильно выше намекнул, безотцовщина – изъян серьёзный, некому было своевременно меня пороть и наставлять на путь истинный. Поэтому и в школе учился, спустя рукава, но, тем не менее, по предметам, которые излагали вышеназванные замечательные педагоги, получить оценку ниже «хорошо» я просто не имел права. В классе существовала атмосфера абсолютного равенства учеников, несмотря на различное бытовое положение учащихся. Например, моим соседом по парте в средних классах был Вова Стариков - сын управляющего крупнейшим в городе строительным трестом БНЗС «Башнефтезаводстрой.» В классе учился также Боря Осадченко - сын директора известного на всю страну ордена Ленина Уфимского нефтеперерабатывающего завода. Мальчик, хотя и выделялся высоким ростом, красивым нежным, почти девичьим лицом и, разумеется, успехами в учёбе, заносчивостью не страдал. Одну треть учеников класса составляли детдомовские ребята, внешне они выглядели материально заметно хуже основной массы

учеников. Они доучились у нас только до восьмого класса. С восьмого класса до десятого учёба была платной - 150 руб. за год. Для состоятельных семей плата казалась не существенной, но для бедноты, к коим относился я, сумма ощущалась приличной. И ныне, вспоминая то время, мне стыдно за столь легкомысленное отношение к учёбе, ради которой мама копила так тяжело зарабатываемые деньги. Для семей, у которых отец погиб на войне или пропал без вести, плата, совершенно справедливо, не взималась. Но, естественно, данная льгота не могла касаться меня - сына расстрелянного «участника контрреволюционной фашистско-шпионской организации».

Во время летних каникул большинство ребят уезжали в пионерские лагеря. Приезжали они оттуда с рассказами о походах, пионерских кострах, о вкусной сытной еде; бахвалились, кто на сколько килограммов поправился. Льготники ездили бесплатно, а для остальных стоимость путёвок почему-то различалась - 75, 90 и 150 рублей, хотя условия проживания были равными для всех. Как уже отмечал выше, население страны в первые послевоенные годы жило голодно, и, конечно, мама очень хотела меня в пионерском лагере немного подкормить, но у неё из года в год ничего не получалось, неизменно предлагали путёвку за неподъёмную для неё плату в 150 рублей. Конечно, она переживала, ведь почти каждый мальчишка барака, хотя бы в одну смену продолжительностью в 21 день в лагере отдыхал, а некоторые вообще все три смены, почитай всё лето там проводили. Но мне было в принципе наплевать – нет, так нет. Предполагаю, что таким отношением в какой-то степени помогал маме переносить обиду.

Несмотря на суровое военное и послевоенное время почта в стране работала исправно, что позволило маме не потерять связь со своими братьями и сёстрами, сосланными в Сибирь и Трудовые лагеря. Тётушки и дядя Фридрих (Фёдор Фёдорович) к началу пятидесятых годов со своими семьями на местах поселений под статусом спецпереселенцев обжились и мало-помалу укоренились – обзавелись скотиной и, усердно трудясь, сносно зажили. Кроме дяди Готлиба, про его трагическую судьбу я выше рассказал.

КАНИКУЛЫ В СИБИРИ

Мама, договорившись с дядей Фёдором, решили меня на летние каникулы после девятого класса отправить к нему, в сибирскую деревню, чтобы питаться экологически чистой деревенской пищей, дышать свежим воздухом и, главное, получить кое-какие трудовые навыки. В последующие годы не раз гостил также у родственников в Алтайском крае. Чаще всего посещал Топчиху, где жили близкие мне по возрасту сводные братья и сёстры. Один раз съездил и в село Новогорьевку, место своей жизни в военные годы. Да и вообще, за свою жизнь немало поколесил в поездах, поплавал на морских судах, полетал на самолётах по территории огромной страны, так что могу утверждать, не сильно погрешив против истины, что неплохо изучил её географию воочию: Сибирь, Кавказ, Средняя Азия, Крайний Север, Прибалтика, Карпаты и Дальний Восток. Первый же «выход в люди», мой гостевой визит в 1959 году в деревню к дядюшке, оказался не простым, а знаковым событием. Испытания начались сразу прямо у железнодорожной кассы за билет в общий вагон поезда «Харьков – Новосибирск». Приобрести билет в общий или плацкартный вагон по цене, доступной для подавляющего числа граждан, в проходящий поезд, в стране Советов всегда было сложно. Тем более в кассах таких станций, как наша «Черниковка», где пассажирские поезда задерживаются не более, чем на три минуты, и сведения о наличии в составе свободных мест, т. е. билетов поступают в кассу за час до прибытия состава. Как только заветное окошечко кассы открывалось, кровавое давление у граждан, жаждущих отхватить желанный билет, резко подскакивало, и мы вступали в схватку. Затем, выбравшись из плотной толпы мужиков, весь в поту, но счастливый и с билетом в руках, мы с мамой, которая меня, конечно же, провожала, принялись бегать вдоль железнодорожной линии, пытаясь угадать – где же остановится мой вагон. Платформы на станции тогда ещё не было, вместо неё под ногами была заросшая бурьяном и местами залитая нефтепродуктами земля, а в

запасе на посадку всего три минуты. Но всё обошлось. Сегодня трудно представить, как можно было вообще ехать на дальнее расстояние в общем вагоне, битком набитом народом с чемоданами и мешками, когда спать удавалось лишь урывками сидя; где курят, пьют, поют, и стоит такой запах и духота, что почти дышать нечем. Но народ был счастлив уже тем, что находится под крышей и едет по пословице: «в тесноте, да не в обиде». Мне предстояло ехать до городка Татарск Новосибирской области, что заняло до полутора суток. На станции назначения изрядно измученный, где-то около одиннадцати часов дня выпрыгнул из вагона. Повезло, что стояла солнечная погода. Отдышался, стёр со лба пот, пришёл в себя, осмотрелся кругом – дяди нигде нет. Что такой вариант, как исключение, может произойти, он маме на всякий случай в письме отписал. Тогда, советовал он, мне надо найти «заезжий двор Силишинской МТС», который находится, как он сообщал, совсем недалеко от станции, и жителям городка наверняка его местонахождение хорошо известно. Необходимо лишь обратиться к прохожим. Дядя сильно ошибся. Я исколесил глухой провинциальный городок вдоль и поперёк, опрашивал очень многих, но никто о названном дворе никогда ничего не слышал. Я выбился из сил и совсем отчаялся, день уже подходил к исходу, и совершенно не понимал - где же буду ночевать. Уныло бреду по грубо мощёной пыльной дороге, навстречу медленно едет телега, управляемая дедом монгольского облика. Уже без всякой надежды, так, на всякий случай, обратился и к нему. И, удача, он с хорошо знакомым акцентом ответил: «Знаю, паренёк, садись на телегу, вот здесь недалеко озеро, напоим лошадь, и я отвезу тебя на этот двор». Сидя на берегу озера, разговорились, выяснилось, что дед родом из Башкирии. Он с интересом расспрашивал о Башкирии, я устало отвечал. Обещание пожилой земляк сдержал, довёз до огороженного забором солидного двора с крестьянским домом. Всем, прибывшим с МТС, можно было здесь остановиться передохнуть, попить чайку, съесть свою пищу, прихваченную с собой в дорогу из дома, т. к. кроме чая женщина, обслуживавшая «заезжий двор», ничего не готовила. Можно было в этом клоповнике,

почёсываясь от зуда после их нападений, и переночевать. Было уже прилично за полдень, но солнце стояло ещё высоко. Я так устал, что прилёг на голой панцирной сетке скрипучей кровати, напичканной кровососами. Только расположился и начал давить красных вонючих тварей, как во двор въехал газик, а в нём долгожданный дядюшка. Водитель с дядей быстренько управились на станции с делами, что надо со складов погрузили, сопроводительные бумаги в конторах подписали. Я влез в кузов, кстати, без какого-либо капота, они – в кабину, и мы поехали. Путь предстоял неблизкий, что-то около 150 км. по грунтовым ухабистым сельским дорогам. Таким образом, с первого дня пребывания в Западной Сибири получил возможность полюбоваться придорожными деревнями, сибирским лесом, широкими степными просторами, многочисленными озёрами. Очарование пейзажа усиливалось чистым воздухом, пышной зеленью и красочным вечерним закатом. Но вскоре яркие краски небосвода уступили место тёмному, безлунному, бесконечному звёздному небу. Потянуло холодом. Наступала сибирская ночь. От долгого сидения в кузове затекли ноги, а от свежего встречного потока воздуха продрог, так что с удовольствием услышал, наконец, команду: «Всё, приехали, слезай». Мы с дядей, минуя сени, вошли в тёплую, довольно уютную просторную комнату добротного бревенчатого дома. Слегка поразило, что стены и потолок не штукатурены, но чисто побелены. На спех помылся, затем сытно накормили своим душистым свежим хлебом с домашним сливочным маслом, напоили молоком и уложили спать в чистую мягкую постель. Спал без сновидений и клопов. В доме с дядей проживали: его супруга, тётя Оля; его свояченица (сестра тёти Оли) – тётя Эмма; старшая дочь Лена; она работала машинистом дизеля на поселковой электростанции при МТС и младшая дочь Оля, работала там же токарем. Кроме того, в селе отдельно жила ещё одна их дочь Табея, домохозяйка с мужем Адамом и тремя малыми детьми. А младший сын Эрнст с семьёй также жил в небольшом домике недалеко от дома родителей. Эрнст тоже работал слесарем на МТСе. Он славился на весь район как искусный технарь – мог вдохнуть жизнь в любой двигатель.

Родственники в каждом доме меня приветливо встречали. У Эрнста жена – невысокая и плотно сложенная, коренная сибирячка Зоя была особенно гостеприимна. Село отличалось от всех других сёл района лучшим материальным состоянием, т. к. содержала и обслуживала районную машинно-тракторную станцию (МТС). При каждом доме имелись приусадебные участки и надворные постройки для скотины. Дома надо было обогревать, придомовую землю обрабатывать, скотину сытно кормить сеном, а зимами ещё и оберегать от морозов. Каждая печь за зиму съедала, как минимум по два сверху нагруженных больших автомобильных кузова берёзовых дров, которые напиливали двуручной пилой в тайге и до чурбаков для закладки в печь доводили той же пилой, колуном и топором во дворе дома. Для заготовки сена искали поляны в тайге. Траву косили ручными косами, там же её сушили, собирали в копны и потихоньку привозили к дому. Всеми перечисленными (опускаю многие сугубо домашние) делами, можно было заниматься, естественно, только в свободное от основной работы на МТС время. Представляете, как надо было трудиться, как говорится: тут не забалуешь. И, думаю, кстати пришёлся родственникам мальчишка-подросток. Нехитрую и физически полезную сельскую работу освоил, понятно, не в совершенстве, но довольно скоро. Я старался, мне всё было в новинку.

Не стану излагать подробности того удивительного лета, а то, опасаясь, не скоро доберусь до конца задуманного изложения. Расскажу лишь совсем немного. Однажды дядя после завтрака подогнал к дому четырёхколёсную удлинённую телегу, запряжённую упрямым быком, вызвал меня и сказал: «Полезай в телегу, поедем в лес, спилим два-три дерева, разделаем их и отвезём на пилораму для изготовления досок. Они мне нужны на ремонтные работы в селе». Он, кроме охраны магазина ночами, днём прирабатывал ещё и ремонтом калиток, заборов и других подобных мелочей в посёлке. И вот, бык, подгоняемый командой дяди цоб-цоб, медленно повёз нас в лес. Неспешная езда по хорошо накатанной сельской дороге, тёплая с лёгким ветерком солнечная погода, укачивание под монотонный скрип телеги и резонансные взмахи хво-

ста быка, чистый воздух настроили нас на благодушное томное состояние. И два маркштадца – один пожилой, другой молодой - вели в Западной Сибири большой России неприхотливую беседу на своём родном волжском языке. Но когда въехали в лес, его бурелом, густая трава по пояс, полчища породистых комаров, с жадностью набросившиеся на нас, вмиг сдули благодушие. Смешанный лиственный лес мало чем напоминал знакомый мне алтайский ароматный сосновый бор. Бык упрямо не хотел подчиняться дяде, который тоже упрямо всё-таки выводил его на положенное безопасное расстояние от приговорённого на доски могучего дерева. Ну, а как я, стоя на коленях у подножия ствола, пилил берёзу, обливался потом и смахивал комаров с лица, шеи и рук, дёргал туда-сюда двуручную пилу, которая заклинивалась и извивалась, как змея, вспоминать и смешно, и грустно. Конечно, я замучил дядю, но он терпеливо, нисколько не выходя из себя, продолжал терпеливо учить городского белоручку, как бы предметно давая мне немного понять, каково приходилось моей, измождённой от недоедания, молодой, нежной, хрупкой маме на трудармейском лесоповале. Свалив дерево, обрубали ветви и сучья, распиливали ствол на брёвна длиной телеги и грузили, поочередно подходя то к одному, то к другому концу. Поднимая свежие сырые брёвна, напрягались изо всех сил, рискуя разорвать мышцы живота. Признаюсь честно, тут я, молча в душе начал сетовать на дядю: как ему не стыдно – ведь малосильный племянник мог запросто надорваться. Зря паниковал – ничего со мной не случилось, просто дядя преподал не очень лёгкий мужской урок. В деревне я пробыл до конца августа. Договор мамы с дядей был исполнен. Да я и сам сельскими трудовыми каникулами был очень доволен. Ведь кроме трудовых навыков сполна покатался на велосипеде и мотоцикле. У брата Эрнста был небольшой лёгкий мотоцикл, то ли «Ковровец-125», то ли «Москва». В хорошую погоду мы не раз в сопровождении его большой стройной поджарой рыжей собаки и дядиной огромной чёрной лохматой тяжеловесной дворняги по кличке Пират мчались по живописным сельским дорогам, обдуваемые ласковым ветерком. Если поджарый рыжий пёс (забыл его кличку)

моментами обгонял мотоцикл, несясь легко и весело, то Пират – рослый чёрный лохматый пёс, - стараясь не отстать, бежал, шумно дыша с высунутым языком, с которого обильно капала слюна. Периодически заезжали в лес, глушили мотоцикл. Здесь собаки гоняли зайцев, а мы тихо и медленно, ступая по густой траве, поднимали пестрых упитанных тетеревов, они неожиданно, прямо из-под ног взлетали с большим шумом. После такого переполоха казалось, их на этой полянке не могло более остаться, но стоило сделать ещё шаг, как шум крыльев очередной затаившейся птицы повторялся. И так по нескольку раз, тетеревов в сибирском лесу было полно. На полянах было много также кустов чёрной смородины и малины. Эрнст научил ездить на мотоцикле самостоятельно, и мне не раз удавалось одному вместе с собаками сгонять заезжавших зайцев с лесных дорог. У Эрнста квартировал в маленькой комнатухе ссыльный навечно в Сибирь баскетбольного роста молодой сухощавый эстонец. Оригинальный, с энциклопедическими знаниями, жестоко наказанный советской властью человек. Он появился в селе после отсидки срока в лагере, куда попал вскоре после вхождения Эстонии в СССР. Он рассказывал, за что туда попал. Перед самой войной окончил университет, и отец в качестве награды за успешную учёбу профинансировал ему экскурсию по Европе. А в Европе было уже очень тревожно, всюду буйствовал Гитлер. Короче говоря, наш герой уехал из маленькой независимой Эстонии, а вернулся домой уже в могучий Советский Союз, где бдительные органы заподозрили, что на Западе его могли завербовать, и быстренько упрятали его в концлагерь на воспитательный труд и «диетическое» питание. Сколько лет его там перековывали, не помню, но не мало – это точно. Его было чрезвычайно интересно слушать, он мог дать ответ на любой вопрос, я любил его расспрашивать. Предполагаю, и ему было интересно отвечать на мои наивные, бесхитростные вопросы. Много, конечно, забыл, но хорошо запомнил один, с политической подоплёкой эпизод. Он сетовал, что его маленькая Эстония находится под гнётом в СССР. Я, только что получивший за школьный предмет «Конституция СССР» четвёрку, резонно заявлял: «Так вы же

имеете полное право выхода, проведите референдум, и все дела». На что он резонно отвечал, что референдум проводить бессмысленно, так как итог заранее предсказуем, надо лишь в порты и вокзалы республики десантировать из Союза нужное количество военнослужащих. Так эстонец, пожалуй, первым внёс в моё сознание, сомнение – всё ли в мироустройстве так справедливо, как пишется.

ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ

Но вернусь домой в Башкирию и продолжу ещё немного о школе. В её истории за время нашей десятилетней учёбы произошли два важных события. Первое - в 1951 году. Для девочек 12-й женской школы (она занимала третий и четвёртый этажи нашего общего здания) на улице Ульяновых (быв. ул. Ленина) закончили строительство нового здания оригинальной архитектуры, и они переехали туда, позволив занять нам все четыре этажа. И с тех пор старшие классы по праздникам и важным литературным датам стали ходить друг к другу на художественные вечера, где мы делали робкие попытки познакомиться и даже (прости нас господа) прикоснуться к девочке. О, как это было трудно – я не решался подойти к девочке. Да, включали красивую ритмичную музыку, но как под её мелодию двигаться, нас никто не научил, ведь уроков ритмики школьная программа не предусматривала. Но недолго длились наши визиты в волшебный девичий храм. Наступил 1954 год, и в школьной системе произошло второе реформаторское событие. От отдельного обучения мальчиков и девочек школу перевели на смешанный режим. С наименования школ исчезли слова «мужская» и «женская». С каким интересом мы ожидали в том году первое сентября и появление в классе таинственных девочек, нет уже не девочек, а загадочных волшебных недотрог - девушек. Мы обычно ещё до первого сентября приходили в школу знакомиться с обновлёнными списками учеников классов и расписанием уроков. Эту информацию вывешивали в вестибюле первого этажа. Мне и моим друзьям всегда нравились первые ви-

зиты после долгих летних каникул: во-первых, информация вызывала интерес, во-вторых, приятно было входить в пахнущую свежей краской и сверкающую чистотой, обновлённую школу. Ну, а тот 1954 год возбудил в нас особый интерес, ведь кроме мальчишек в вестибюль забегали и стайки девчонок. На этот раз мы задержались в школе, сидя на скамеечке. Уж очень хотелось посмотреть на новых подружек, на порхающие платица под стук девичьих каблучков, пусть даже и смущая владелиц. Вошла одна почему-то без подружек тоненькая стройная девушка с тёмными, гладко зачёсанными волосами и толстой косой на спине. Она явно выделялась высоким ростом. Чинной походкой подошла к спискам и расписаниям. Пока она там искала свою фамилию - Балякина Тамара, я её любопытно разглядывал, не подозревая, что впервые знакомлюсь со своей, Богом посланной, любимой на всю жизнь спутницей-женой Томой. В том, первом году совместное обучение получилось каким-то странным. Тамара оказалась в девятом «а», где было всего пять мальчишек, а я – в девятом «б», где было также всего пять девочек, и мы, практически, не виделись, и познакомиться не могли. Видимо, педсовет по каким-то неведомым нам причинам побоялся нас всех сразу перемешать. Но в последнем году обучения нас всё-таки перетасовали, и мы с Тамарой оказались в одном классе. Правда, школьного романа и тогда не случилось, но дружба завязалась. В середине первой четверти на уроке физкультуры при прыжке в высоту, приземляясь, сломал обе лодыжки левой ноги и на целый месяц выбыл из строя. Девочки класса, проявив чуткость, посетили меня на дому. Среди стайки подружек была и Тамара. А жил тогда в бараке на третьем лагере и был весьма смущён неожиданным визитом, так как они застукали мои очень убогие бытовые условия. Должен признаться, девочки мне, конечно, нравились, но их сильно стеснялся из-за своего убожества, неумения танцевать, своей бедной одежды. Одним словом, не находил в себе даже малейших достоинств, чтобы вызвать у девчонок интерес. Романтические отношения возникли у нас значительно позже, после моего возвращения с воинской службы. Но за четыре долгие годы службы дружеские отношения,

тем не менее, не прерывались, поддерживались регулярной перепиской. Некоторые письма сохранились у нас до сих пор.

С восьмого класса близко сошёлся с двумя одноклассниками. Первого сентября Шуре Тиракьяну предложил: давай сядем вместе за одну парту, он, не колеблясь, согласился, так образно говоря, и сидим до сих пор, став самыми близкими друзьями на всю, уверенно говорю, оставшуюся жизнь. О другом – Валерии Николаевиче Звереве, я немного рассказал выше.

Этот снимок родился по инициативе Шурика, ему грозил призыв в армию, и он пожелал память о нашей дружбе увезти с собой. Его призыв не состоялся, зато нам всем досталась этой фотографией светлая память на всю жизнь. Забавен национальный состав группы. Внизу, слева сидит мой лучший друг – обрусевший армянин Шурик Тиракьян, рядом расположилась моя будущая супруга Тамара – абсолютно русская девочка; далее сидят два обрусевших еврея – Ася Калякина и Валера Зверев. Ася – предмет тайного обожания обеих друзей. Стоят: Нана Шефер – пышноволосяная шатенка, и я, два обрусевших немца; рядом – Валя Зубарева, еще одна русская девочка. Нана моя первая юношеская любовь, с её нежных губок впервые в жизни сорвал неловкий поцелуй. По-настоящему целоваться меня научили позже пылкие грозненские девочки. Не подумайте, что чеченки – нет, их прятали за высокими заборами индивидуальных домов, а казачки – русского и украинского происхождения, да армянки. Я только начинал взрослеть и еще не мог представить, что нежные отношения с девушкой могут довести до создания семьи. Мысль о браке даже в голову не могла прийти. Я просто наслаждался девичьей прелестью. Нана была одной из самых видных красавиц школы, обладала прекрасной фигурой, изумительно ярко светящимися синими глазами, была приветливой и веселой, и обладала изящным искусством обольщения. Она имела массу поклонников, была старше на год, и как девушка в вопросах любви – намного мудрее. Для нее брак стал уже реальной необходимостью. И действительно, она вскоре вышла замуж за красивого статного выпускника высшего военного училища и уехала к нему в Свердловск.

Ранее я уже отмечал, что, несмотря на стеснительность и крайнюю бедность, девчонки мне всегда нравились и в классе шестом у меня родился пацанский роман. Сердце сладко замирало при общении с сестрой близкого друга Толи Фесенко. Анатолий и Люда (так звали милую красивую и стройную ровесницу) жили с родителями неподалеку от нашего барака. Я часто у них гостил, их родители очень неплохо ко мне относились. Пацаны из окрестных домов и барачков нас с Людой отчаянно дразнили: «жених и невеста». Интересно, что ребята из нашего барака этим не занимались. Мои чувства нарастали, и вдруг, уже в восьмом классе, Толя огорошил сообщением: родители продают дом, и семья уезжает на Украину, в город Иловыйск Донецкой области, где они жили до войны и куда их снова непреодолимо потянуло. Задумано – сделано. Похоже, они вначале там неплохо устроились, так как на радостях пополнили семью двумя девочками-двойняшками. Довольно скоро у семьи на Донбассе возникли проблемы, которые побудили поскорее вернуться в Уфу. Естественно, я переписывался. Они вернулись. Понятно, условия жизни после возвращения резко ухудшились: уже не было собственного дома и пришлось ютиться всемером в барачной комнате. Люда, окончив школу на Украине, подала документы в наш сельскохозяйственный институт, но не прошла по конкурсу и устроилась на работу. Она расцвела в настоящую «гарную дивчину». Мы, конечно, встречались, но с моей стороны это было как исполнение долга, ведь я находился под влиянием чар Наны. Вскоре проблема легко и счастливо разрешилась – дивчину на работе прибрал к рукам взрослый успешный местный «гарный хлопец» с собственным жильем. Они поженились и прожили счастливую жизнь. Таким образом, я практически вмиг лишился обеих пассий. Как судьба связала меня с Тamarой, я напишу ниже.

ТЕХНИКУМ

По итогам учёбы выпускники нашего класса имели приличные результаты, и подавляющее большинство подали документы

на поступление в ВУЗы, но конкурсы в те годы в престижные уфимские ВУЗы были огромными, не всем удалось поступить с первого захода. Блат, национальное происхождение и деньги не имели столь влиятельного значения, как ныне. Что касается меня, то я, не переоценивая свои скромные знания, сразу после окончания школы в 1956 году подался на механическое отделение в нефтяной техникум на курс ускоренного обучения по специальности: «оборудование нефтегазоперерабатывающих заводов». Только что, в 1955 году построили новое красивое четырёхэтажное здание техникума на улице Первомайская, дом № 20. Оно находилось в шаговой доступности от жилья. Устраивала и перспектива работы в механической службе на одном из трёх нефтеперерабатывающих заводов города. Короче говоря, условия срослись. Ныне, гуляя по аллее «Первомайская» и проходя мимо техникума, с гордостью люблюсь посаженной мною, пышно разросшейся елью. Не предполагал, когда выкапывал с лентой под неё яму, что тем самым была оказана великая честь. А вот, что раздражает сегодня, так это вывеска на здании моего техникума. Кому то из чиновников зачем-то понадобилось понятное всем русское слово «техникум» в названии учебного заведения заменить на иностранное - «колледж».

Новые условия заставили впервые отнестись к учёбе серьёзно, так как с тройкой по какому-либо предмету стипендию не начисляли. Пришлось несколько напрячься, и со второго семестра неожиданно для себя получил даже (Боже мой!), как отличник, право на повышенную стипендию. Учился в техникуме легко и весело, настолько весело, что порой напрягал администрацию своей беспечностью и шалостями. В летние каникулы, как правило, на всё лето студентов направляли в районы Башкирии на сельскохозяйственные работы. Совместная учёба и особенно работа здорово сплачивает молодёжь. Появилось много новых друзей из сельских районов и других городов республики, увидел и прочувствовал изумительную природу родного края. Однажды совершил свой первый гражданский поступок. У нас в стране часто инициировали всякого рода кампании. Тогда набрала обороты кампания

борьбы с мелким хулиганством. И вот как-то, по окончании урока черчения, который проводила парторг механического отделения техникума, один из наших студентов заглянул в соседнюю группу и узнал, что предстоящая контрольная работа по математике (многие её побаивались) переносится. Вернулся в аудиторию и с радостным возгласом, допустив при этом нецензурное слово, сообщает новость. Он не заметил, что педагог ещё не покинула аудиторию. Обнаружив её, тут же поспешил извиниться, что, тем не менее, его не спасло. Лучше бы он не извинялся, может, и пронесло бы, а так проступок расценили, как весьма удобный повод для реагирования в свете кампании борьбы с мелким хулиганством. Разбирательство дела раскрутили по полной: пришли в класс директор, парторг техникума, парторг мех. отделения, классный руководитель и ещё пара преподавателей и нагнали страху на нас - будь здоров. Вынесли свой вердикт - исключить студента из техникума и посадить на несколько суток «за мелкое хулиганство». В аудитории наступила тревожная гнетущая тишина, директор, нарушив её, спрашивает: «Кто хочет высказаться?» Нет, желающих не находится. Наш директор, мне стыдно, что забыл его имя и отчество, кстати, бывалый артиллерист-фронтовик, замечательный педагог-математик был очень красивым, стройным, высоким, мягким и доброжелательным человеком. Он ведёт разбирательство ЧП далее и после непродолжительной паузы продолжает: «Так, секретарь комсомольской организации, Ваше мнение». Встаёт Габдрахманов, наш секретарь, только недавно уволившийся в запас после окончания воинской службы в звании старшины. Кто служил в армии, знает, что это весьма авторитетный чин. Помявшись, покашливая и переминаясь с ноги на ногу, выдавливает: «Я согласен». Эх, что ж, ты, дорогой старшина! Директор вновь: «Хорошо, садитесь, кто ещё выступит?», смельчаков так и нет. Он медленно обводит нас глазами, и вдруг взгляд остановил на мне. Почему, какая досада, и спрашивает: «А Вы, Уберт, что скажете?» Нехотя встаю и под пристальными взглядами всей аудитории тихо произношу: «Конечно, не согласен - нельзя за этот проступок исключать из техникума.» «Почему?», - удивлённо спрашивает дирек-

тор. Отвечаю: «Так мы же все материмся». «Что и Вы?» «Ну да.» «И Габдрахманов тоже?» «Разумеется, и он тоже, не исключение». По аудитории прошёл тихий гул. Затем, после некоторой паузы, слово взял парторг техникума и сказал, что проступок, конечно, заслуживает наказания, но столь высокая мера как исключение вряд ли соответствует справедливости. Короче, «хулигану» объявили выговор, допустили к сдаче экзаменов, а нам всем настоятельно пожелали немедленно очистить от скверны свой русский язык.

Незадолго до выпускных экзаменов нам доверили в качестве счётчиков участвовать в первой послевоенной переписи населения 1959 года, что на целый месяц отодвинуло выпускную сессию. Интереснейшая и ответственная оказалась работа. Мне достались две улицы в посёлке Максимовка. Посёлок находится в черте города, и возраст его почти такой же, как и у самой Уфы. Дело было давно, дело было зимой, крестьянские избы, поля – всё кругом занесёно сверкающим чистым снегом. Удивительная тишина, лишь скрип снега под ногами. Прямо-таки идиллия. Проживали в посёлке несколько поколений русских людей, выходцев из Тверской губернии. Посёлок сохранил этническую чистоту. Не могу сказать, как там сегодня, но тогда у меня сложилось впечатление, что Максимовка – самый русский уголок Уфы, «там русский дух, там Русью пахнет». Закончив перепись, защитил дипломную работу по расчёту пропановой колонны, и решением Государственной квалификационной комиссии от 20 марта 1959 года мне была присвоена квалификация техника-механика.

ПЕРЕЕЗД В ГОРОД ГРОЗНЫЙ

При распределении на работу не оказалось ни одного запроса с уфимских заводов, зато поступили заманчивые предложения с многих крупных предприятий страны. Комиссия по распределению определила меня и моих друзей на НПЗ в город Омск. Казалось, всё удачно - крупный старинный русский город, строящийся там гигант нефтехимии, хорошие перспективы карьерного роста,

но остались вакантными места на Кавказе, в Чечено-Ингушском Совнархозе, а это край, воспетый Лермонтовым, Львом Толстым и другими классиками, одним словом, романтика. А нам уже совсем скоро предстоял призыв на военную службу. Задал себе вопрос: а почему не познакомиться с воспетыми классиками русской литературы Кавказом (если так удачно остались вакантные места), зачем упускать такую великолепную возможность? Ведь такой случай может более и не представиться. Сбегал в библиотеку, попросил Большую Советскую Энциклопедию и окончательно утвердился: надо сибирские холодные ветра менять на экзотический климат Кавказа. Собрал трёх своих друзей, поделился своими аргументами. Они не возражали, и мы тут же пошли в учебную часть переоформляться, еле успели. Проездом в город Грозный сделали пересадку в Москве. Задержались в столице на первомайские торжества, удачно поселившись в гостинице, недалеко от легендарной скульптурной экспозиции «Рабочий и Колхозница», олицетворяющей рабочий класс и колхозное крестьянство, официальной эмблемы киностудии «Мосфильм». Первого Мая приняли участие в демонстрации на Красной площади. Прошли мимо трибуны на мавзолее Ленина-Сталина. Тело Сталина к тому времени из мавзолея ещё не вынесли, это случится спустя два года, в 1961 году. Помахали Никите Хрущёву (Генеральному секретарю, ЦК КПСС), прославленным Героям Гражданской войны - маршалам Будённому, Ворошилову и др., как тогда выражались, руководителям партии и правительства. Так я впервые побывал в Москве. Конечно, знакомство с легендарной столицей нашей великой страны вызвало громадный восторг, волнение и произвело незабываемое впечатление. Спустившись в метро, мы первым делом лихорадочно стали искать на светящихся табло-схемах метрополитена, укрепленных на стенах в вестибюлях станций, станцию под названием «Красная площадь», и к великому удивлению не находили. Разумеется, много было прочитано книг, журнальных и газетных статей с иллюстрациями, просмотрено множество художественных и хроникальных фильмов о Москве, но мы к своему стыду, так и не уяснили, что попасть на главную площадь страны можно,

если выйти на станции со странным, как тогда нам казалось, названием «Охотный ряд». Должен признаться, что, впервые вступив на Красную площадь и увидев Кремль, был несколько смущён его скромными размерами. Я находился под впечатлением информации о грандиозных сталинских высотках и ожидал нечто подобное и совсем забыл, что кремлёвские стены и башни не помпезные сооружения, а величайший исторический памятник с вполне определёнными защитными функциями. Погуляв по исторической площади, полюбовавшись кремлёвскими башнями, смелой почётного караула у мавзолея (пост страны № 1), я прочувствовал дух истории и справедливость слов: «Видна из Кремля вся советская страна». В последующие годы по командировочным делам многократно выезжал в столицу, часто удавалось селиться в престижной высотной гостинице «Россия» (непонятно, зачем второй мэр Москвы Лужков её снес – гостиниц всегда не хватало) в номерах с видом на Красную площадь и Кремль. Дважды спускался в мавзолей В.И. Ленина, первый раз, простояв приличное время в очереди, второй же раз - чисто случайно. А было это так. Стоял морозный январь, и на календаре было число 21 – очередной день Памяти Вождя. Все дела в столице я завершил, ручную кладь сдал в камеру хранения Казанского вокзала, был абсолютно свободен, а до посадки в поезд оставалось несколько часов. Решил еще раз побывать на главной площади страны. Приехал, смотрю – вход на нее загорожен по причине ремонтных работ. Потоптался возле памятника маршалу Победы К. Жукову, и вдруг вижу стайку пожилых людей с красными флагами у правых ворот площади. Я, не будь дураком, быстренько направился туда. Оказалось, товарищ Зюганов, главный коммунист, руководитель коммунистической фракции в Государственной Думе, с букетом цветов и венком, в окружении соратников и почитателей пришли почтить память Вождя. Я по возрасту легко влился в эту кучку людей, прошел на площадь и спустился в мавзолей. Затем прошли вдоль кремлевской стены с прахом знаменитых героев Отечества и выслушали короткую речь Зюганова с пересказом многократно озвученного ранее по телевидению и в печати. Удивительно, никто не препят-

ствовал моему участию.

Так как российско-немецкий Дом Дружбы находится недалеко от Новодевичего кладбища, я не мог не посещать в свободное от работы время в Доме Дружбы могилы видных политических деятелей, легендарных героев и всенародно любимых деятелей искусства. Волею судьбы оказался свидетелем возрождения храма Спасителя и строительства торгово-развлекательного комплекса на Манежной площади, самой крупной в центре столицы, популярном месте проведения многотысячных митингов.

Через пару суток прибыли в город Грозный. Город мне понравился своей скромной русской архитектурой, славной историей, своеобразным ароматом юга, обилием невиданного мною доселе многообразия цветов. Город буквально утопал в зелени, столько там парков, скверов. Да и сами улицы украшали многочисленные цветочные клумбы и пышные деревья. Лермонтов восклицал: «Счастливый, пышный край земли!» В ясную погоду хорошо видны воспетые в романах сверкающие белоснежные вершины Казбека и Эльбруса. А какие там яркие, сочные звёзды в чёрном ночном небе! Порой мне чудилось, что хожу среди героев романа «Герой нашего времени». С устройством на работу мы не тянули, так как изрядно (если не сказать – полностью) поистратились в дороге и Москве. Согласно направлениям, оформились на Грозненский химкомбинат, где начали трудиться слесарями на разных установках. Завод новый, с хорошими перспективами роста. Я попал на установку синтезспирта в бригаду ремонта трубопроводов и аппаратов. Хорошо было бы там поработать и слесарем по ремонту насосов и компрессоров, но не случилось, и об этом изъяне я впоследствии не раз сожалел. Жили в километрах трёх от завода в посёлке Черноречье, который стоит на некотором возвышении и входит в черту Грозного. Вселились все вместе, впятером в одну комнату двухэтажного дома в общежитии для строителей, так как в заводском общежитии свободных мест не было. Центр посёлка был застроен типичными двухэтажными и пятиэтажными домами, а по окраинам располагались частные сельские дома с фруктовыми садами. В посёлке, тем более в цен-

тре города проживало в подавляющем большинстве русскоязычное население, большая часть которого трудилось на нашем заводе. Видимо, поэтому в посёлке завод построил красивый Дворец культуры. На лавочках около многих частных домов отдыхали почтенные старцы в папахах и черкесках с кинжалами. В некоторых общежитиях для строителей типа нашего также поселялись вернувшиеся с казахской ссылки разновозрастные чеченцы, осваивающие в основном строительные профессии. На заводе, правда, всего лишь за полугодовой период моего пребывания, ни одного чеченца не встречал. Например, в нашем общежитии первый этаж был чеченский, а второй - наш. Меж собой не общались, просто визуально мирно сосуществовали. Разумеется, сразу по прибытии в Грозный встали в военкомате на учёт. Довольно скоро оттуда пришёл вызов на медкомиссию, после которой меня направили полежать в больницу на обследование, врачам не понравилось приподнятое, очевидно от вина и красот юга, кровяное давление. Дней десять лечили, затем предложили на год отложить призыв. Откосить от службы у меня в мыслях никогда не было, поэтому ответил: отсрочка на год не устраивает и вернулся на завод. Спустя некоторое время пришла решительная повестка с требованием через три дня явиться на призывной пункт со всеми перечисленными в повестке вещами, для отбытия на службу. Но как уехать, не повидав маму и не простившись с ней? Решил попытаться уговорить майора – начальника призывной части военкомата, дать мне возможность съездить в Уфу. Понятливым и добрым человеком оказался тот майор, пошёл навстречу. Перекинул мои, подготовленные для отправки на службу сведения, на другую страницу своего журнала, и все дела, только посетовал: жаль, парень, я направлял тебя в лучшие войска - радиотехнические, ну что ж пойдёшь через месяц в авиамеханики, вот бери повестку, езжай в свою Уфу домой, но смотри не подведи, вернись без опоздания. Погостил дома, попрощался с мамой, с тётёй Марией, друзьями. Вместе с Шуркой навестил Тамару и затем отправился на вокзал, чтобы вернуться в Грозный. Между прочим, визит той осенью 1959 года был первым, когда осмелился зайти к Тамаре

домой. Жила она с мамой и сестрой Ниной в комнате 14 кв. м. большой коммунальной квартиры пятиэтажного, довоенной постройки дома на улице Льва Толстого, 5, кв. 32. Оттуда 23 июня 1941 года ушёл на войну её папа, Балякин Константин Спиридонович, который официально числится пропавшим без вести с самых первых месяцев войны. Этот небольшой квартал добротных кирпичных, оригинальной конструкции домов с туалетами и с ванными комнатами с горячей водой считался в Черниковске весьма престижным: здесь, кроме рабочего люда, расселённого по комнатам больших коммуналочек, проживало также в удобных отдельных квартирах всё городское и заводское начальство. Жителям бараков такие бытовые условия казались сказочными. Видимо, бытовые удобства кирпичного квартала и дали народу повод назвать этот уголок города СОЦГОРОДОМ. Размежевание народа на бедных и богатых в то время было не столь разительным, как ныне, и, войдя в комнату нашей с Шуриком подружки, я сразу это воочию увидел: те же убогие железные кровати, те же дешёвые табуретки и стол, простые ситцевые занавески на окне: ну всё, как у нас. Видимо, уже тогда где-то далеко внутри засело, что эта милая девчонка станет моей женой. Помню, в тот год уже к концу октября Уфа покрылась снегом. А когда вернулся в Грозный, то попал в волшебную яркую поэтическую осень, стояла тёплая, солнечная, какая-то умиротворённая тихая погода. Воздух был удивительно чист и прозрачен, чётко просматривались «как грани алмаза, снегами вечными сияющие вершины Казбека и Эльбруса». Я отправился в военкомат к майору, а он огорошил: «Возвращайся на работу – авиамехаников уже отправил». Упрекать меня в том, что я опоздал, он не мог, просто изменился график призыва. Стал его упрашивать: «Пожалуйста, поищите ещё, может быть, всё-таки сумеете найти местечко куда меня сунуть. Ну, с какими глазами вернусь в цех? Каким-то мошенничеством будет выглядеть мой внеочередной отпуск.» Майор подумал вслух и говорит: «Куда же тебя направить? План призыва практически выполнен, осталась лишь артиллерия и морской флот, но ты по своим физическим параметрам туда не годен, кроме того, заметь, на флоте ведь

надо служить не три, а четыре года. Впрочем, на флоте есть береговая служба - там, как в армии срок службы тоже три года. Что ж, давай попробуем отправить тебя на береговую службу флота.»

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

Так попал на флот, не береговой – настоящий, где благополучно протрубил четыре года в бескозырке и морском бушлате. Запомнился момент отправки со станции Грозный, когда раздалась команда «по вагонам», мы стали забираться в вагоны-теплушки, и вдруг произошла настоящая истерия, как среди провожающих, так и отъезжающих новобранцев возник не просто всеобщий плач, а буквально рёв отчаяния. Наверное, в памяти чечено-ингушского народа ещё свежа была картина депортации 23 февраля 1944 года. Цепь солдат отодвинула толпу, и состав медленно тронулся в путь. Ребята довольно быстро успокоились и с интересом стали слушать сопровождавшего нас бывалого капитана, который с увлечением рассказывал, какая романтическая служба всех ожидает на овеянном славой Балтийском флоте и как нам здорово повезло. Доехали до крупной узловой станции Батайск, где сформировали со всего юга СССР огромный состав из плацкартных вагонов. Ещё на призывном пункте в Грозном мы, русскоязычные ребята, скомпоновались в группу из шести человек (больше-то и не было), как раз на одно купе. Должен отметить, что за всю дорогу до самого Таллинна никаких конфликтов с чечено-ингушскими ребятами не было. В пути состав избегал остановок на вокзальных платформах. Необходимые стоянки производили на транспортных площадках, дабы избежать какие-либо неприятные происшествия. В Таллинне выгрузились, построились в довольно неприглядный, растянувшийся по улицам города строй и направились к месту временного размещения – в казармы Таллиннского морского экипажа. По пути следования встречали мало местных жителей. Мне запомнилась такая картина: у окна стоит и смотрит на улицу высокий, светлый, худощавый пожилой эстонец. Во взгляде нет ненависти, но весь облик излучал тихую печаль обречённости. Он,

конечно же, был свидетель, а скорее всего участник не столь далёких исторических событий, случившихся с его родиной во времена присоединения Эстонии к СССР, Второй мировой войны и первых послевоенных лет.

В экипаже наступил этап перевоплощения гражданских ребят в военных. Прежде всего, нас выстроили на плацу и провели короткий торжественный приветственный митинг; нам ещё раз напомнили, на каком овеянном исторической славой флоте нам предстоит служить. После него прозвучала команда: «Вывернуть карманы и содержимое положить перед собой». Опытными взглядами обходившие строй старшины выявляли и немедленно изымали, с их точки зрения, запрещённые вещи, так лично я лишился перочинного складного ножичка. Подошло время кормёжки. Строем, но простым шагом направились в столовую. Там был какой-то полусумрак, неуютно. Пища оказалась скудной и невкусной. Впоследствии понял – в экипажах не принято баловать едой. Да и вообще весь быт был здесь спартанским. После размещения по казармам, таким же неуютным, нас отправили в подвальный коридор на вещевое довольствие, где выдали матросское обмундирование: вещевого мешок из палаточной ткани, бушлат, бескозырку (почему-то без ленточки), берет, зимнюю шапку, тельняшку, рабочую форму одежды из белого бельтинга, нательное бельё из натурального сукна и рабочие яловые ботинки с портянками. Затем наступил черёд бани. Перед мытьём сдали домашнюю одежду в утиль. Санитарная обработка состояла из стрижки наголо и в смазывании других волосяных мест тела мочальной щёткой, обмакнутой в ведёрочке с дезинфекционным раствором. Затем наступил черёд медицинскому осмотру военной комиссией уже с целью определения морской профессии. Здесь же за отдельным столиком сидел, как бы тоже член комиссии, офицер КГБ (странно, не правда ли?). У него на столе лежала довольно высокая стопка документов. Очевидно, офицер хорошо подготовился. Я предстал перед ним в обнажённом виде. Он спросил: «Кто Ваши родители?» Ответил, ничего не утаивая, и, как мне показалось, офицер выслушал ответ даже с некоторым сочувствием. Быстро

сказал: «Всё, всё – вопросов к Вам более нет». А ведь могло быть и иначе. Ещё до призыва на службу я свою записную книжку превратил в подобие дневника, куда записывал события дня. И однажды в пути следования на службу допустил политический промах: пометил, что везут призывников подобно заключённым, состав на вокзалах не останавливают, а тормозят его на товарных станциях, где если и выпустят из вагона, всё равно никуда не отпустят, т. к. состав оцеплен охраной, и от него никуда не отойдешь. Советский военный юрист, чиновник за такую письменную критику мог запросто наказать, а изъяли записную книжечку-то ещё в пути, за долго до конечной станции. Но всё обошлось, мой ангел-хранитель в очередной раз выручил. Впрочем, шёл 1959 год, самый разгар хрущёвской оттепели. Комиссия признала меня вполне пригодным к морской службе. Тут же находившиеся начальники по распределению, исходя из образования и здоровья, направили меня в учебную школу на обучение профессии судового электрика, хотя вначале, как понял из реплик, планировали радиотехническим связистом, но подвёл левый глаз, с показанием остроты зрения 09. Наконец нас распределили по ротам, взводам и отделениям. Я попал в первый взвод, во второе отделение. Учебное подразделение находилось в портовом городишке Палдиски, в 60 км. от Таллинна, куда поехали на электричке. Личный состав школы размещался в добротных кирпичных двухэтажных зданиях, в каждом здании по одному взводу. Это примерно 400 человек. Школа занимала внушительную территорию, огороженную добротным железобетонным забором. У ворот круглосуточно дежурил вооружённый пост. Конечно, условия проживания разительно отличались от казарм экипажа. Здесь мы жили постоянно, до окончания учёбы, а в таллиннском экипаже был перевалочный пункт на короткое время. Сами под строгим надзором старшин наводили чистоту и поддерживали порядок. На втором этаже стояли двухъярусные железные кровати, хранилось личное оружие и верхняя одежда, матросы спали и отдыхали днём в короткие минуты. Здесь же по вечерам смотрели фильмы.

На первом этаже, в оснащённых пособиями учебных классах,

осваивали профессию и впитывали политпросвещение. Санузлы находились и внизу, и наверху здания. Ночами у каждой казармы матросы (курсанты) несли караульную службу. Зимой, когда с залива дул свирепый ледяной ветер, швырявший в лицо жесткий снег с ледяной крупой, а защитой от непогоды была только простая шинель, караульный наряд на улице превращался в нелёгкое испытание. Впрочем, при такой штормовой погоде и в самой казарме было, мягко говоря, прохладно, температура падала порой до семи градусов. Но форму одежды при этом нарушать, разумеется, нельзя было, т.е. накинуть, например, шинель поверх одеяла ночью во время сна или на себя в помещении, когда зябнешь, запрещалось. Дисциплина, знаете ли.

Небольшой городок Палдиски ничем особенным не запомнился, он отстроен на отвоёванной у морского залива болотной местности. Вернувшись после службы домой, узнал, что он был местом каторги народного героя башкирского народа Салавата Юлаева и его отца. Салават Юлаев прославился как сподвижник Емельяна Пугачёва в бунте казаков и крестьян 1773-1775 годов.

В первый раз приехали в Палдиски поздним вечером. От усталости буквально валились с ног, но предстояло ещё получить свою кровать, научиться её правильно заправлять, выслушать и потренироваться, куда и как складывать верхнюю одежду. Кровати располагались во всю длину казармы рядами в два яруса от окон до середины помещения. Около кроватей у каждого яруса стояли по табуретке на каждого матроса, куда складывали перед сном одежду. Тут же вплитык к кроватям так же столбиком друг на друге были установлены две простенькие фанерные тумбочки для хранения мелких личных вещей. Мне досталась кровать на втором «этаже» у окна. Подо мной спал глав. старшина, парень из Белоруссии, работавший на гражданке директором школы, между прочим, он был мастером спорта по шашкам и находил время играть на первенство СССР по переписке. Получить место у окна оказалось удачей: подоконник помогал выполнять команды «подъём» и «отбой», т. к. при авральной суматохе на него можно было на несколько секунд кое-что положить. Ведь в каждом про-

ходе стоял командир отделения с боцманским свистком, почти беспрестанно свистя, поторапливал к построению на физзарядку. Особо запомнился первый подъём: легли где-то в час ночи, а за свистели и закричали «подъём» в шесть утра: нам казалось – совсем не спали. Вскочили и слышим беспрестанный свист и крики: быстрее, быстрее, а пуговицы с трудом пролезают в шлицы брюк, портянки как положено не хотят закручиваться, их концы свисают и развиваются снаружи, кожаные шнурки в ботинках тоже с трудом протягиваются – прямо-таки какая-то психическая атака. Но со временем, конечно, приноровились укладываться в норматив на заправку постели и одевание. В школе действовала строгая дисциплина, каждая минута была расписана с шести утра до десяти часов вечера. Утро начиналось мощной физзарядкой на свежем воздухе при обнажённом торсе осенью и весной, зимой в тельняшке. Завершалась зарядка трёхкилометровой пробежкой. (Кстати, утренние пробежки стали для меня нормой в зрелые годы, как и посещения бассейна в зимнее время). Затем холодная водная процедура и туалет, уборка в казарме и на территории школы, обязательная строевая подготовка, вахта на постах, обучение профессии, изучение уставов, освоение, разборка и сборка личного оружия и, конечно же, обязательная политучёба. Обучали также навыкам борьбы за живучесть корабля, умению работать в легковогодолазном костюме. Эта учёба происходила в специальном металлическом бассейне на глубине шести метров. Было ощущение, что многие служебные порядки сложились и соблюдались ещё со времени Петра Великого. Столь резкий переход с гражданского образа жизни на военный лад, да ещё и глубокой осенью, да и в регионе с климатом, определённым в царское время, как место каторги для государственных преступников, не мог не влиять на здоровье новобранцев. Городок расположен на самом берегу залива, место болотистое, влажное, с частыми пронизывающими холодными морскими ветрами. Простудные болезни и фурункулы преследовали парней. Для надзора за здоровьем при таком образе жизни столь солидного контингента людей в школе имелось медицинское учреждение, куда косяками повалил ещё не приспособ-

ленный к новым условиям народ. Из нашего отделения (30 человек), пожалуй, лишь пять или шесть матросов не воспользовались услугами мед. части. Среди этих счастливых оказался и я, что меня крайне удивило – ведь никогда не отличался крепким здоровьем. Скорее, напротив, в девятом классе меня даже пытались освободить от уроков физкультуры. Но это, как говорится, осталось в прошлом. Однажды и мне в самом тяжёлом периоде военной службы всё-таки сказочно повезло отдохнуть в светленькой, стерильной палате медсанчасти. Нисколько не иронизирую, действительно повезло. Ещё бы, целую неделю быть свободным от строгого распорядка, спать на мягкой постели, вкусно кушать, даже сметана и яйца перепали. А случилась такая оказия после обычной профилактической прививки от гриппа, когда поднялась температура. Но и здесь не сразу отреагировали, вначале отправили в казарму, заменив физзарядку прогулкой. Но вечером дежурный доктор затребовал лечь в санчасть.

Один раз в месяц каждому отделению выпадал наряд на хозяйственные работы. Работа была самого различного характера, но самым неприятным считался наряд на камбуз (столовую). Он начинался с семи часов вечера чисткой полутора тонн грязного картофеля. Последний очищенный клубень летел в котёл, когда матросики-курсанты других отделений взвода уже крепко спали. К тому же подъём на следующее утро для нарядчиков начинался на час раньше, т. к. необходимо было зал столовой на 400 мест подготовить к завтраку. На каждый добротный деревянный прямоугольный стол, рассчитанный на десять персон, надо было расставить посуду, нарезанный белый хлеб, порционные кубики сливочного масла, алюминиевый чайник со сладким чаем. Рассаживались братцы-матросики кушать на крепко сколоченные лавки, расставленные вдоль столов. Затем мы шустренько разносили кашу в котелках с половником. После завтрака в зале наводили марфет, посуду мыли в горячей воде, растворяя в ней для обезжиривания немного раствора жидкого стекла или порошковой горчицы. Это сегодня хорошо – имеются fairy и другие подобные средства. Затем без расслабления готовились к более сытному обеду матросов

и слегка облегчённому ужину. Вечером, образцово подготовившись и до пуза насытившись, сами сдавали наряд очередному подразделению. Понятно, что при такой напряжённой работе каждая пара рук имела значение, ясно также, что на службе отлынивать от обязанностей в принципе очень непросто, но находились ловкачи, которые предпринимали попытки, особенно в первые два-три месяца. Самым простым приёмом была жалоба на недомогание. А когда предстоял наряд в столовую, такая жалоба чаще всего срабатывала, медики предпочитали не рисковать, даже если ничего не находили. Но нам-то вкалывать за такого умника было не резонно, и наши доходчивые меры воздействия (сугубо моральные) к нему, как правило, были весомее медицинской перестраховки. Надо сказать, что школа была солидным подразделением, в ней кроме судовых электриков готовили ещё и судовых мотористов, т. е. состояла фактически из двух школ и не только для Балтийского флота, но и для Северного, а также и Каспийской флотилии. Каждое утро после завтрака весь личный состав школ вместе с офицерами выстраивали на плацу, где начальник школы, капитан первого ранга принимал рапорт от дежурного офицера о происшествиях за время вахты, зачитывались приказы. Затем звучала команда: «Развести личный состав на занятия!», и под бодрящие звуки штатного духового оркестра строевым шагом под строгим критическим взглядом руководителей школ матросов разводили по учебным корпусам. Кроме основной профессии, нас обучали методам борьбы за живучесть корабля, навыкам работы в легководолазном костюме в специальном металлическом бассейне на глубине шести метров. С первых чисел апреля нас начали усиленно готовить к первомайскому параду. И первого мая 1960 года свою строевую выправку продемонстрировали в столице советской Эстонии - Таллинне. За образцовое прохождение перед трибуной командующий Таллиннской флотилии всем объявил благодарность с занесением в личные дела.

Должен отметить, что к предстоящим трудностям службы я был морально готов загодя и без особых проблем встретил круто изменившийся зигзаг жизни. К тому же, видимо, сработали гены

привычки к строгой дисциплине моих предков. Довольно скоро пополнил ряды отличников боевой и политической подготовки, избрали комсоргом взвода. Хочу сразу расставить точки над «і» в вопросе по поводу своего идеологического мировоззрения. Почти все годы пребывания в комсомоле был комсоргом. На военной службе неоднократно предлагали вступить в КПСС, но я к такому шагу относился всегда ответственно и отказывался, так как считал, что на службе я человек временный и приму решение, когда стану трудиться на гражданке. А на гражданке: 1. Уже никто не агитировал. 2. Я не замечал разницы между членом партии и простым гражданином. 3. Члены партии зачастую, в моих глазах, не соответствовали моральному кодексу коммуниста, а напротив, дискредитировали высокое звание. Да и в комсомол (ВЛКСМ - Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи) мы с Шуркой (взрослея Шурик, Шурка постепенно перешёл в статус Сан Саныча) вступили не как большинство, с четырнадцати лет, а перед самым окончанием школы. И не потому, что вдруг до конца восприняли коммунистическую идеологию (она вошла в нас уже с раннего пионерского возраста), а потому, чтобы наша биографическая анкета у советских чиновников в будущем не вызывала лишних вопросов. Покидая кабинет, где нам вручали значки и комсомольские билеты, секретарь райкома ВЛКСМ, пожимая руки, напутствовал нас пожеланием – не проходить мимо недостатков. Он не представлял, в какую благодатную почву его слова легли, особенно по отношению к Сан Санычу. Великие слова русского поэта Н. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» - кредо его жизни. После выхода на пенсию это фактически стало основным делом его деятельности. На события, происходящие вокруг, в стране и вообще в мире он (да и я) весьма остро реагируем, они буквально задевают нас за живое. Мы крайне возмущены грубой фальсификацией итогов Великой Отечественной войны, которая ведётся Вашингтоном и Западной Европой. Ну, хотя бы поинтересовались у своих, пока ещё живых свидетелей войны - воины чьей страны водрузили знамя Победы над поверженным Рейхстагом, освободили от фашистской нечис-

ти пол-Европы; сколько там наших солдатских могил, над которыми сегодня, потеряв совесть, глумятся. Почему так быстро забыли, что именно Россия способствовала объединению Германии, инициировала роспуск Варшавского договора. А что получила в ответ? Расширение военного блока НАТО за счёт стран, вышедших из Варшавского договора и прибалтийских стран бывшего СССР. В нарушение своих обещаний и договоров приблизили военные базы к нашим границам.

Да, недостатков у нашего государства хватает и, власть, как нам порой кажется, недостаточно решительно принимает меры по их устранению. Сан Саныч очень болезненно переживает все эти неустроенности бытия и старается найти объективные причины сложившейся ситуации в нашей стране. В качестве главного аргумента пытается втолковать мне любившийся ему афоризм: «Многие проблемы имеют простые, но неправильные решения». Пожалуй, он в какой-то степени и прав. Может, поэтому некие чиновники сидят в роскошных кабинетах, не утруждая себя трудом (не трогай дерьмо, а то вдруг дурно пахнёт), злоупотребляя так счастливо свалившейся в руки властью. Загребают мзду в виде взяток и прочих криминальных деяний и размышляют над главной проблемой – как бы не вляпаться и подольше посидеть в мягком кресле. А когда ситуация запахнет жареным, успеть с награбленным смотаться за кордон, как это сделал, например, особо «знаменитый», то ли рыжий, то ли ржавый Чубайс.

Конечно, не следует всё мазать черным цветом. Например, нашу Башкирию сегодня возглавляет Радий Хабиров – во всех отношениях достойный руководитель. Таким же был и его предшественник – Рустем Хамитов.

Сан Саныч старается содействовать созданию условий гражданского общества, посылает свои предложения наверх, на что получает пустые отписки. Но он не сдаётся и решает конкретные повседневные вопросы, так, например, достиг немалых успехов в запутанной системе ЖКХ. Сан Саныча беспокоят и сугубо философские проблемы: утверждает, что всей кожей чувствует, как стремительно человечество движется к своей гибели и конец уже

очень близок. Дай Бог ему долгих лет жизни и в этом философском предвидении ошибиться. Мы с ним самые близкие друзья и, естественно, почти во многих действиях и помыслах схожи, но с рядом его умозаключений согласия нет. Я считаю, что мир, хотя и медленно, эволюционным путём движется к всеобщему социализму. Примеры видим уже сегодня – это скандинавские страны. А коммунистический Китай вообще маяк – разумно соединив учение о социализме с рынком, показывает, как из отсталой страны удаётся за довольно короткий срок войти в ряд ведущих держав мира. Мы часто по телефону (к сожалению, стали редко видеться) обмениваемся новостями, своими комментариями по ним, нередко расходимся и спорим, спорим до хрипоты и сухости во рту. Порой эмоции, так захлёстывают, что разговор принимает непозволительный тон нравоучений и допускает оскорбительную форму. Недовольные разговором на высоких нотах прерываем связь. Несколько дней молчим и перевариваем случившееся, и оба приходим к заключению, что растоптать многолетнюю дружбу так походя - глупо.

Вот главное, на мой взгляд, в чём расходимся:

1. Роль И. Сталина. Великие заслуги его общеизвестны, но и ошибки весьма трагичны. Слишком много жертв понесла страна из-за его культа личности. Он породил насильственный механизм единоличного диктаторского правления. Нет, друг, столь многочисленное количество врагов в стране быть не могло, и я назвать Иосифа Виссарионовича Великим не могу, память о погибших предках не даёт. Хотя Александр может быть всё-таки и здесь прав. Особо патриотичные граждане уверены – «победителей не судят». Зачем копать и пытаться определить цену побед, зачем очернять победы и подсчитывать жертвы, они хорошо знают, «когда лес рубят, щепки летят». Но для меня и моих детей, отец и дед, как и другие невинные люди, не щепки.

2. Сан Саныч не признаёт запущенный Сталиным геноцид российских немцев, особенно в 1942-43 гг., когда он реализовывался в открытой форме. И ныне он будто не замечает исчезновение некогда, хотя и малого, но из них наиболее многочисленного

народа – РН. Моя жизнь рельефно показывает этот процесс.

3. Не всё однозначно воспринимаем и в работе настоящей власти. И здесь мой друг находит массу оправдательных аргументов в вялой деятельности нашей верховной власти, которая, по его мнению, связана по рукам и ногам внешним управлением. Но уж больно распространена у наших чиновников криминальность, многие уже сидят на нарах, а других - это ожидает в скором времени. Да и квалификация у них в делах не шибко высвечивается. На лицах и голосах при коротких отчётах у Президента некомпетентность маскируется угодливым подобострастием. Она ярко высвечивается во время трансляции по телевидению.

Но не это тема основного изложения, так что возвращаюсь в свою колею.

Несколько предваряя последующее повествование, хочу изложить некие свои новые наблюдения. Они личные и, скорее всего, субъективные. Я уже выше отмечал, что летние каникулы во время учёбы в техникуме, как правило, проводил с сокурсниками в различных районах Башкирии на сельхозработах, где общался не только с товарищами, но и с местными жителями. И вынес впечатление, что башкирское население - открытые, бесхитростные, доброжелательные люди, но зачастую, некоторые выбившиеся во властные структуры, проявляли впоследствии к окружающим чрезмерное высокомерие. Оказавшись в Чечено-Ингушской республике (в те времена эти два народа жили в одной республике), а впоследствии на службе пришлось общаться и с представителями других народов СССР. С самых первых дней службы обратил внимание, что старшины, под непосредственное командование и обслуживание которых мы сразу попали, были в основном выходцами с Украины. Их рвение иногда походило на выслуживание. Я стал понимать расхожую в народе, поговорку: «хохол без лычки, что справка без печати». Лычка это самое низкое воинское звание, помеченное на погонах узкой поперечной полоской: для солдата – ефрейтор, для моряка – старший матрос. Впрочем, сказанное не относилось к выходцам из западных областей Украинской республики - оттуда ребята отличались злобной конфликтностью. У

выходцев с Кавказа и Средней Азии была заметна повышенная склонность к нарушениям дисциплины. А вот прибалтийские парни излучали одни симпатии. Высокие, стройные, развитые, спокойные и дисциплинированные ребята. Но слегка настораживала их аполитичность, например, среди наших сослуживцев, комсомольцев не было. На моё предложение, как комсорга, вступить в организацию вежливо отнекивались.

По окончании учебного отряда нас почти всех в июне 1960 года отправили, за исключением небольшой группы, поездом из Таллинна на Северный флот. Так что узнать какво лето в Эстонии не привелось. Не привелось пообщаться и с коренным населением. А осень пережил – много сырости и холодных, пронизывающих всё тело ветров; зима – мягкая, многоснежная, но тоже с достаточно частыми буранами. Ну, а о весенней поре сохранилось самое приятное воспоминание: яркое ласковое солнце, изумрудная зелень леса, разнотравье полей и море ландышей. О столице Эстонии – Таллинне (Ревеле) сохранилось малое, но яркое воспоминание, лишь раз нам во главе с командиром взвода устроили на целый день экскурсию в город. Город меня просто очаровал своей древней европейской готической архитектурой, своими узкими каменными улочками, где с трудом могли разъехаться тевтонские рыцари в доспехах, средневековыми домами купеческих гильдий с остроконечными крышами, многочисленными храмами. Особенно привлекли внимание Ратушная площадь с высокой Ратушной башней, круглой формы, оборонительная башня «Старая Маргарита», самая старая в Европе аптека и, конечно же, с высоченной башней величественная церковь Овелистэ. Гуляя по узким тихим улочкам города, будто слышал лошадиное ржание, топот копыт и звон рыцарских доспехов. Эстония, со столицей Ревель, как и другие прибалтийские страны, была присоединена к Российской империи после Северной войны 1700-1721 гг. По договору с РСФСР Эстония в 1918 году провозгласила независимость и вышла из состава советской России, а Ревель с 1919 года стал называться Таллинном. В состав СССР Эстония, вновь ставшая в июле 1940 года советской, добровольно вернулась 6 августа 1940 г.

До этой, познавательной экскурсии, как было: привезут, отвезут, ну, что тут увидишь и узнаешь. Даже участие в параде мало что дало: промаршировал строевым шагом по центральной площади да боковым взглядом смотрел на правительственные здания, и всё, садись в электричку, возвращайся в Палдиски.

СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ. ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

Итак, отправились на Север, по пути сделали пересадку в Ленинграде. Здесь впервые, шагая в маршевой колонне от Финского вокзала до Ладожского вдоль реки Мойки, любовался прекрасной архитектурой самого красивого города страны, вздохнул его особенный воздух. Вновь, нарушая последовательность изложения, хочу сразу здесь отметить, что впоследствии посчастливилось не раз бывать по командировочным делам в славной северной столице России, поближе познакомиться с её историей, посетить театры, музеи. А однажды даже вместе с Тамарой провели весь отпуск во время белых ночей, поселившись недалеко от ленинского шалаша, где Ленин скрывался от ареста в 1917 году. Романтическим оказался тогда отпуск.

Но далее о пути на Север. С Ладожского вокзала последовали в Мурманск, на Северный флот, в североморский экипаж. Он мало чем отличался от таллиннского и владивостокского, с которым познакомился под конец службы. В северном экипаже недолго отлёживался. Сюда ежедневно с утра до вечера приходили так называемые «покупатели» и выкрикивали фамилии новобранцев-«салаг» для их построения и сопровождения к месту дальнейшей службы на тот или иной корабль. Вскоре наступил и мой черёд, в казарму вошёл гвардейский старшина со щегольскими усиками, в бескозырке набекрень, на ленточке которой золотыми буквами красуется надпись «Тихоокеанский флот», и выкрикнул мою странную фамилию. Старшину с океана, конечно, немедленно окружили ребята и закидали просьбой: «А можно и меня». «Ну, нет, парни, нужен только один». Ещё бы, ведь это так заманчиво: в северноморском экипаже получить путёвку аж на Тихий океан. Разве

это не везение? Таким образом, мне единственному из сотен курсантов, ожидавших свою дальнейшую воинскую судьбу, выпал жребий отправиться на Тихоокеанский флот. В том году на Северном флоте формировалась мощная эскадра из новых кораблей, спущенных на воду на судостроительных заводах г. Ленинграда и г. Николаева, что у Чёрного моря на Украине для Тихоокеанского флота. Ставилась задача за летнюю навигацию 1960 года арктическим путём доставить корабли по назначению. Ещё никогда ранее столь крупной экспедиции не приходилось за одну навигацию совершить арктический переход. Важность задания обозначалась самим названием: «Экспедиция особого назначения». Командовал экспедицией контр-адмирал с красивой фамилией – как у моей подружки, ставшей впоследствии женой – Балякин. К выполнению задачи привлекли весь существовавший в то время на Севере ледокольный флот во главе с недавно спущенным на воду, первым в мире атомным ледоколом «Ленин» - гордостью советского судостроения. В отряд кораблей было включено и транспортное судно «Бурея», где мне предстояло далее служить. Но сполна понял, какая улыбнулась удача, только когда вошёл в каюту, и указали место, где следует устраиваться, и с какими ребятами меня связала судьба. После сурового спартанского казарменного быта эстонской школы, жизни на гражданке в бараках и общежитии в Чечне, поселиться в комфортабельной каюте океанского транспорта на три персоны, пусть даже и отечественной постройки – это же просто сказка. Да и сослуживцы по каюте оказались очень дружелюбными ребятами: оба электрики с гражданки, профессионалы, славные русские парни.

«Бурея» был транспорт среднего водоизмещения, но по своей конструкции не имел ограничений по акватории плавания. Корабль построили на украинской судостроительной верфи в городе Николаеве как гражданское транспортное океанское судно. Оно стало военным только на период арктического перехода. После его завершения корабль спустил военный флаг и вернулся в свой гражданский статус. Отсюда и бытовая комфортабельность. Экипаж корабля сформировали из моряков, включая командира, с во-

енных судов Камчатской флотилии. «Бурея» стояла недалеко от Североморска в бухте Тюва-губа. Город Североморск очень сильно напоминал мне излюбленное место прогулок нашей черниковской молодёжи - улицу Первомайскую. Время года было летнее, и на крайнем севере солнце светило сутками. Эскадра готовилась к арктическому переходу северным путём по Ледовитому океану для пополнения новыми судами Тихоокеанского флота. Готовились очень серьёзно. Конечно, запомнил свой первый выход в море на легендарный полуостров Рыбачий. Стояла прекрасная солнечная погода. Вокруг только вода и небо, над кораблём галдят провожающие стайки чаек, горизонт в туманной дымке. Обдувает свежий ветерок, море величественно серо-свинцовое, спокойное, даже ряби никакой, стоит волшебная таинственная тишина. Стая чаек, провожавшая нас, постепенно редет, наконец, совсем исчезла. Мы уже далеко ушли от земли, её не видно; слышен только плеск светло-пенистого буруна у носа корабля, рассекающего водную гладь Баренцева моря, и ровный монотонный гул машинного отделения. До белизны надраенная из крепкой породы дерева палуба юта (кормовая часть корабля) сверкает на солнце. В свободную от вахты минутку, бывало, выскочишь на ют, осмотришься, вздохнёшь всей грудью влажный морской воздух и всеми фибрами души чувствуешь, в каком бесконечном пространстве вселенной находишься, где вода и небо вокруг смыкаются на горизонте, где затерялась, вдруг ставшая такой маленькой, словно песчинкой, наша «Бурея». Как легко можно бесследно исчезнуть в этой бесконечности природы, как зависят наши жизни от надёжности работы механизмов судна, которыми нам доверено управлять. Ритмичный ровный гул ходовых дизелей в машинном отсеке успокаивает. Пока всё тихо и красиво, но почему-то растёт тревожное беспокойство. И в самом деле, вскоре небо сомкнулось с морем прямо над нами, корабль стало болтать нещадно, валился с борта на борт, он то падал в бездну, то взлетал на гребень. На палубе беснуются могучие пенистые волны, под килем всё кипит. Судно швыряет из стороны в сторону, ввысь взлетает то нос, то ют, ходовые винты, выскакивая из воды, то бешено вращаются на

холостой нагрузке, то погружаются глубоко в воду, принуждая машины к перегрузке. Дизели, словно живые существа, воют от возмущения за такую варварскую эксплуатацию. Этот первый шторм я очень трудно перенёс; не представлял, что морская болезнь так тяжела: голова будто наливалась свинцом, казалось, мозги в ней также плещутся, словно волны на палубе. Но не это было самым неприятным, более всего мучила, не оставляющая ни на секунду противная тошнота. И вновь спасибо предкам за гены: относительно быстро по сравнению со многими другими справился с недугом.

Наконец, учебные выходы в море закончились, и мы в конце июля 1960 года отправились в составе внушительной эскадры северным путём на Тихий океан во главе с флагманом – ледоколом «Ленин». Это была первая крупная навигация атомохода. Ледоколы поджидали нас в Карском море. А Баренцево море встретило нас не очень дружелюбно штормом в восемь баллов, как бы предупреждая, что нас ждут нелёгкие испытания. Шторм вскоре усилился до десяти баллов. Первые сутки было трудно почти всем, лишь наш командир, боцман и ещё два-три моряка избежали тогда мучительную морскую болезнь. Оно и понятно, ведь вестибулярный аппарат организма нуждается в постоянной тренировке, т. е. болтанке, а мы, загружаясь и готовясь к выходу в море, задержались в тихом Кольском заливе. Но уже на вторые сутки люди смогли восстановиться, правда, кто раньше, кто чуть позже. К сожалению, встречаются индивидуумы, которые не могут привыкнуть к морской болезни, и им приходилось продолжительное время мучиться, пока морские медицинские чиновники не удосужатся списать человека на берег. Спустя несколько суток при подходе к проливу Карские ворота море успокоилось, и, проходя пролив, мы рассматривали суровые скалистые очертания архипелага Новой Земли. Здесь мы встретились с первым в мире, 1889 года постройки ледоколом арктического класса «Ермак». Шёл последний год его службы. Так встретились легенда ледокольного флота и новейший ледокол нашего времени. В Карском море к нам присоединились основные ледоколы экспедиции. Стали встречаться

вначале отдельные, а далее всё чаще и чаще огромные глыбы льда. Корабли выстроились в строгий кильватер, по три корабля за каждым ледоколом, а их было множество. Первым рассекал лёд, как и положено, флагман «Ленин». Шли очень осторожно, на малом ходу, петляя меж льдин, в машинном отделении было видно, как меж шпангоутами, словно тонкая фанера, прогибался стальной корпус. Как не осторожничал командир, но всё равно однажды заползли на льдину. Наш любимый командир, капитан третьего ранга Стародубец, очевидно, посчитал, что льдина легко отойдёт от корпуса, как только коснёмся её носом судна, но нет. Ещё недостаточно, видимо, набрался арктического опыта. Влезли и «забуксовали»: елозим назад – вперёд, назад – вперёд и никак. Уже начал, чертыхаясь, выходить из кильватерного строя к нам на помощь ледокол, как мы сами, ещё поёрзав и покачавшись, всё-таки соскользнули. Не помню, за сколько суток дошли до порта Диксон, где вынужденно встали. Авиация разведала и сообщила: далее впереди сплошной лёд, и придётся ждать «у моря погоды». Прождали около полмесяца. За это время убедились, в каких суровых условиях несут на Диксоне службу наши молодые, срочного призыва ребята, и работает население порта. Разгар лета, ландшафт без растений, лишь кое-где на земле замечались лоскуточки мха, пешеходные дорожки изготовлены из досок, и бесконечно дует холодный ветер. Наконец, с радостью дождались команды «добро» на выход в море, и эскадра двинулась дальше. Пройдя пролив Велькицкого, отделяющий полуостров Таймыр от архипелага Северная Земля, вошли в море Лаптевых, затем, минуя Новосибирские острова через пролив Дм. Лаптева, проникли на просторы Восточно-Сибирского моря. Ледовая обстановка стала заметно проще, прошли мимо острова Врангеля и зашли в Чукотское море. Ох уж эти российские фамилии немецкого происхождения. Ну как ни старайся, ну не вычеркнуть их из истории Отечества. Так и знайте, господин Мединский. Вот и здесь, на самой северной окраине России увековечены славные имена российских немцев - мореплавателей, географов, адмиралов и учёных: Литке Фёдора Петровича, Врангеля Фердинанда Петровича, Отто Юлье-

вича Шмидта. Это всего лишь три имени из большой плеяды моряков русско-немецкого происхождения. Я позволил себе обратиться письмом к писателю, учёному, депутату Государственной думы, впоследствии ставшему министром культуры России, господину Мединскому, потому что Владимир Ростиславович написал, на мой взгляд, очень полезную книгу по развенчиванию мифов о Великой Отечественной войне. В ней он упомянул о количестве Героев Советского Союза от каждого народа страны, в том числе и от репрессированных народов, справедливо утверждая, что каждый народ вправе своими героями гордиться. Однажды в интервью известному журналисту, в минуту откровенности, вырвавшись из объятий двойных стандартов, он сказал: «Правду надо знать вообще обо всём, а не только о войне». Очень правильные слова, и я не могу допустить, что доктор исторических наук не слышал о Героях страны, немцах российского происхождения. В советское время любой мальчишка знал руководителя легендарных ледовых экспедиций Отто Юльевича Шмидта, Героя СССР. Кроме того, он был крупнейшим учёным, главным редактором Большой Советской Энциклопедии. Отто Юльевич знал три языка: немецкий, русский и латышский. Согласно своему самосознанию, он говорил: я, конечно, русский. Лично я говорю, читаю, пишу, думаю и вижу сны только на русском языке. Жена Тамара и замечательный зять Евгений – муж дочери Риты – кровно породнили меня с великим русским народом. Не перестаю восхищаться глубокой душевностью своих русских родственников. Разумеется, также считаю себя русским, но естественно российско-немецкого происхождения. И то, что почти полностью забыл немецкий язык, считаю своим серьезным упущением. Правда, когда понадобилась сдача экзамена по иностранному языку при поступлении в ВУЗ, то выбрал все-таки немецкий, так как начисто забыл школьный английский. Сан Саныч, например, доволен, что кроме генов ничего армянского не сохранил. Считаю, мой друг здесь заблуждается. Безусловно, каждый гражданин Российской Федерации обязан знать русский язык, как единственно государственный, но и свой мог бы сохранять без каких-либо противодействий, имея при этом

государственную поддержку.

В городе Уфе все знают Героя СССР Рихарда Зорге, так как одна из центральных улиц носит его имя. Посещая город Маркс, где я родился, собственными глазами видел на центральной улице недалеко от восстановленного памятника Екатерины Великой бронзовый бюст Герою Советского Союза лейтенанту Венцелю Вольдемару Карловичу, командиру взвода пулемётной роты. Но как же так, Владимир Ростиславович, ну не могу я поверить, что доктор исторических наук, маститый учёный ни слухом, ни духом не ведал, что на земле советской существовали компактные поселения и даже автономная республика. Похоже, его второе звание – доктора политических наук не позволяет ему в настоящее время из идеологических соображений упоминать о Героях Советского Союза из числа российских немцев. Видимо, федеральный чиновник обязан строго следовать политике – ни слова о вкладе российских немцев в историю Отечества, но их вклад настолько велик, что утаить его невозможно.

ТИХИЙ ОКЕАН. ЧУКОТКА. КАМЧАТКА

Итак, с ледоколами попрощались, и экспедиция уже без всяких остановок и приключений вошла в сопровождении облетающих нас американских самолётов в Берингов пролив, миновав который попали в объятия Берингова моря, но уже Великого Тихого океана. Сразу заметно изменился цвет воды: на Балтике и Севере он серый, а на Тихом океане - зелёный. Корабли эскадры пошли в порты своей приписки, кто во Владивосток, кто на Камчатку, а мы, обогнув мыс Чукотский, на несколько суток зашли в бухту Провидения. Пейзаж поражал суровостью: высоченные серые остроконечные сопки, меж ними клочки снега, не видно ни пучка растительности, за бортом судна плещется студёная, зелёная вода, тело пронизывает холодный колючий ветер. Немного познакомились с чукчами, народ приветливый, низкорослый, почти у всех лица разукрашены татуировкой. Поговаривали, что содержание рисунка обозначал статус человека. Они на своих судёнышках

подходили к нам и предлагали к продаже нехитрые поделки. Мне запомнились яркие, отделанные бисером женские домашние тапочки. Мысль, что хорошо бы их купить для мамы и тётушки лишь смутно мелькнула в голове, дом был так далёк, как и срок, когда возможно будет в него постучаться; да и деньги понадобилось бы у кого-либо занять. Ведь мы были не английские или американские моряки, которые за время службы зарабатывали солидные деньги. У нас всё было скромно, мы исполняли свой священный долг согласно советской конституции, и, чтобы нас ничто не развращало, денежное довольствие составляло гроши. Их размер – военная тайна, думаю, до сих пор. По крайней мере, скопить деньги за четырёхлетнюю военную срочную службу, чтобы, например, купить себе костюм, когда придёт срок демобилизации, в те годы было совершенно нереально.

Наконец, покинули Чукотский полуостров и взяли курс на Камчатский загадочный суровый край действующих вулканов, гейзеров. Местность Камчатки тогда была ещё почти не тронута цивилизацией. Поверхность её покрыта редкой экзотической растительностью, где обитает непуганый человеком богатейший животный мир. Разумеется, мы прибыли не в качестве безмятежных любопытных туристов. Камчатка, вообще, была закрытой для граждан зоной. Но нам за два с половиной года службы повезло побывать во многих диких бухтах полуострова, где мы спускались на берег. Врезался в память, например, вот такой счастливый день. Он случился во время службы уже на втором корабле, на СБР-163. Календарь показывал начало августа – лучшее для Камчатки время года. Получили приказ выйти в море, а это для моряка всегда радость, не меньшая, чем возвращение на базу после нескольких суток плавания в океане. Вообще, моряк так и живёт в стихии сильнейших, периодически повторяющихся эмоций. Итак, выходим из Авачинской бухты, минуем Трёх братьев (так называются высоко торчащие из воды три скалы), греет яркое солнце, обдувает ласковый лёгкий встречный ветерок. Обогнули полуостров, прошли несколько миль, застопорили ход и бросили якорь в назначенной командованием акватории, недалеко от пологой бере-

говой полосы, примерно в двух-трёх кабельтовых. Стоим в ожидании приказа к началу операции. Видимо, командир получил по рации информацию, что она на несколько часов задерживается. А командир у нас был лихой мужик с замечательными человеческими качествами. Он обладал обаятельной внешностью, носил красивую чёрную бороду, имел высокий рост, могучий кулак. Щеголевато носил форму военного морского офицера. Но что особенно подкупало всех, с кем он общался, так это его замечательный характер. Капитан третьего ранга всегда излучал бодрость духа, оптимизм, радость жизни. Я не помню, чтобы у него было плохое настроение. Слова известной песни: капитан, Ваша улыбка – это флаг корабля! точно о нём. Конечно, бывал и суров. Служил у нас паренёк сморчкового облика, так он считал, если сходит в увольнение и не попадёт по пьяни в комендатуру, то напрасно спускался на берег. А вытащить его из комендантской кутузки имел право только офицер корабля или на худой конец сверхсрочник. Ну и потом, как следствие, наказывался весь экипаж, корабль на месяц ставился на рейд, а просмотр фильмов заменялся политучёбой. И вместо весёлых анекдотов, которые мастерски любил и умел рассказывать командир, он становился мрачнее тучи и на хорошем русском языке извергал матом гром и молнии. Нетрудно представить наше отношение к «паршивой овце». Но физические воздействия категорически исключались. Наша комсомольская организация умела воздействовать моральными методами, они оказались единственно разумными и, самое главное, долговременными и благодарными.

В тяжкие минуты службы, когда морская болезнь валила с ног, командир сочувственным похлопыванием по плечу и фразой: «Не поддавайся, море любит сильных духом парней», мог подбодрить стусевавшегося от бушующего за бортом неистового океана моряка. Любил по вечерам, когда оставался на корабле на ночь (что случалось довольно часто), спускаться к нам в кубрик на совместный просмотр фильма. Кстати, о фильмах. На корабле имелся неплохой кинопроектор. Назначенный киномехаником матрос, как правило, из радистов, периодически по графику ходил

в матросский клуб для обмена бобины (жестяная квадратная коробка для хранения пленки фильма) просмотренного фильма. К сожалению, фильмотека в клубе была весьма скудной, состояла из заезженных отечественных фильмов и массы китайских, содержание которых раздражало своим голым патриотизмом. Интересные фильмы оседали, как валюта, на кораблях, поэтому практиковался взаимный обмен. Такой обмен подарил мне однажды огромную радость. Недалеко от нас швартовались корабли пограничников, и, когда я только ступил со своей бобиной на палубу одного из них, сзади на меня, чуть не свалив с ног, набросился моряк. Представляете, это оказался очень близкий друг детства из нашего общего барака Толик Шерышев. Ну, прямо – кино.

Но возвращаюсь назад. Итак, стоим на якорях и любимся соблазнительным берегом, и вдруг по громкой связи раздаётся команда: «Свободным от вахты построиться на юте». С мостика спускается командир, встаёт перед строем и с лукавой улыбкой обращается: «Ну что, братцы, сходим на берег?» А его улыбка, как известно – флаг корабля. Ответные возгласы восторга были дружными. Спустили шлюпку, во главе с командиром погрузились в неё и взяли курс на берег. И там распластались в объятия тёплого, потрясающе чистого, мелкого песка. Пляж был невелик по ширине, метров семьдесят, наверное, но бескрайний по длине, с обеих сторон уходил за горизонт. Абсолютно пустынный. Слушаем непрерывное монотонное суровое дыхание океана - это накатывают на берег могучие, с характерным гулом пенящиеся океанские волны, хотя погода летняя, тихая и спокойная. Океан, как гигантское животное, постоянно дышит. Недалеке, напротив берега, практически на одной линии с нашим кораблём, возвышался над водой метров на сто небольшой скалистый птичий остров, о подобном в школьные годы приходилось читать в учебнике географии. От искушения выкупаться командир нам не отказал. Опыта борьбы с такими волнами ни у кого не было и океан нас тут же быстренько вышвырнул вместе с пеной и галькой. Высушившись и согревшись на тёплом песке, погрузились в шлюпку и направились к птичьему острову. Пред нами предстало удивительное зрелище

скопления пернатых. Множественные виды птиц плотно гнездились в расщелинах скал по всей поверхности острова, не оставляя ни клочка свободным. Стоял невероятный птичий гам. С новыми впечатлениями от соприкосновения с первозданной природой вернулись на судно. Конечно, Камчатка славится и своими свирепыми штормами, обильными снегопадами, извержениями вулканов, землетрясениями. Ветра дуют с постоянной мощностью, без пауз, будто запущенны гигантские вентиляторы. Кругом кипит вода, не видно вытянутую руку. Однажды при такой разгулявшейся погодной стихии, при силе ветра в сорок пять метров в секунду, смыло матроса. Была такая буря, что никто ничего не видел и не слышал – был человек и за мгновение исчез. Крупных землетрясений за время службы на Камчатке пережить, к счастью, не привелось, а мелкие, живя на воде, просто не замечали. Прибыв в свой родной порт приписки Петропавловск-Камчатский, мы разгрузили трюмы «Буреи», и друзья-моряки стали расходиться по своим кораблям. Меня с собой забрал наш командир, капитан третьего ранга Стародубец, на своё судно СБР-163, которое он оставлял на период командировки на Север. СБР стал моим родным домом на два с лишним года. Корабль, как и «Буря», был не боевым, предназначался для выполнения специфических работ по размагничиванию кораблей флота. Судно было оснащено оборудованием, над созданием которого в своё время, трудились прославленные советские учёные – академики Курчатов и Александров. Через наш контроль уровня магнетизма прошёл практически весь подводный флот Камчатки. Иногда приходилось обрабатывать и гражданские суда. После года службы меня назначили командиром отделения электриков, был избран вновь, как и в учебной школе на Балтике, комсоргом. О прежнем комфорте кают «Буреи», конечно, пришлось забыть, как о чудесном сне. Размещались матросы, как и положено военным морякам, в кубрике, где порой, накопившийся за ночь конденсат обильно стекал по металлическим стенам и капал крупными каплями с металлического потолка на верхний второй ярус постелей. С потолком справились наружной теплоизоляцией. Мы любили свой корабль и флотские

традиции - содержать судно в чистоте соблюдали строго по Морскому уставу. Ежедневно проводилась влажная уборка в кубриках, офицерских каютах, в ходовой рубке корабля и на верхней палубе, а каждая суббота начиналась с генеральной уборки. Сразу после подъёма вместо физзарядки на палубу выносились постельные принадлежности, и парни выбивали и вытряхивали из пробковых матрасов, одеял, подушек, простыней пыль. Затем после завтрака связист бежал к себе в рубку, включал по громкой связи магнитофон, и всё под весёлую музыку с применением щёток, мыла, соды тщательно мылось и протиралось, включая потолок. Однажды, убираясь в кубрике, я (легко сказать) серьёзно оконфузился. Палуба в жилых помещениях была покрыта линолеумом, и он, залитый водой с мылом, становился очень скользким. Я с полным тазиком холодной воды, осторожно ступая, пробираюсь меж коек. На нижнем ярусе спал после ночной вахты, уютно свернувшись в клубок, тихо посапывая, мой хороший товарищ. Не знаю, то ли перестарался, ступая, то ли ещё от чего, но поскользнулся и опрокинул ему на голову весь тазик. И смех, и грех. Конечно, греха ощущал поболее, но и смех сдержать было трудно, глядя, как он испуганно сел, выпучил глаза и начал на мокрой постели махать руками в стиле брасса. Он по своей природе был медлительным человеком, что, пожалуй, меня спасло от гневного возмездия, а ему инстинкт самосохранения подсказал - надо выплывать, и он замахал брассом. Несколько слов о магнитофоне. Он появился у нас по подсказке командира. Магнитофоны тогда ещё мало кто имел, но в продажу их уже начали выкидывать. У него дома уже имелся, и нам посоветовал: «Смотрите, куда мы швартуемся? Причалом нам служит старый океанский грузопассажирский пароход «Чукотка», и на нём вся фекальная система изготовлена из ценных свинцовых труб, про их существование никто не вспоминает, и они никому не нужны. Вырезайте, сдайте свинец в металлолом и купите магнитофон». Что мы и сделали. Музыка любили не только мы, но, оказывается, и нерпы, что в изобилии обитали в Авачинской бухте. Не забыл своё знакомство с этим маленьким тюленем. Однажды в самом начале службы на СБР спустили шес-

тивесёлую шлюпку на воду, я был включён в экипаж. Только немного отошли от борта корабля, как высунулась из воды голова собаки почти совсем рядом около шлюпки. Я не сразу сообразил, что это морское животное. Ещё спросил у ребят, как здесь оказалась собака, чем вызвал у бывалых камчадалов снисходительные улыбки. Действительно, симпатичная головка нерпы здорово, как мне показалось, походит на собачью или ещё более кошачью: большие любопытные глаза, мордочка с усами. Повертела головкой и ловко нырнула под воду. И вот, когда у нас шла генеральная уборка, и с палубы на все стороны громко неслась весёлая музыка, из воды частенько торчали любопытные головки серых нерп. Уж не понимаю, чем они слушали. Позднее, когда их внимательно разглядел, то на гладкой голове ушей у них не обнаружил.

В годы моей службы пополнение флота и армии шло ребятами, рождёнными в годы войны, и при увольнении отслуживших срок парней на корабле возникали проблемы с кадрами. На какое-то время командиру пришлось подбирать на должность интенданта моряка срочной службы, что являлось вынужденным нарушением кадровой дисциплины, т. к. интендантом могло быть только материально ответственное лицо сверхсрочной службы. Выбор пал на меня. Переселили в отдельную одноместную каюту, подчинили кока и гарсона, и стал я получать на складах продовольствие, следить за его расходом и хранением. Так, несколько месяцев отслужил «белой костью». Но кадровое нарушение надо было устранить, и в конце концов на корабль прибыл мичман, а я вновь вернулся к своим прежним обязанностям.

Не помню водоизмещение корабля, наше судно очень напоминало рыболовный сейнер; в море болтало, как щепку. Экипаж сложился дружный, состоял из тридцати четырёх человек, включая трёх офицеров и двух мичманов. Правильно о таком говорят – жили, как семья. А «паршивой овце», что так любила покуражиться в увольнении, мы в конце концов сумели объяснить, что, гуляя на берегу, не следует забывать о товарищах, с кем служишь.

ОТПУСК ДОМОЙ

Поскольку на флоте в то время срочная служба длилась четыре года, нам полагался одноразовый, довольно длительный отпуск. В 1962 г. шёл уже третий год моей службы, и в августе, несмотря на разгорающийся Карибский кризис, мне каким-то чудом его дали. Камчатка ведь была самым близким бастионом противостояния с агрессивными США, которые откровенно готовились потягаться с нами в атомной войне. С учётом времени нахождения в пути домой у меня было 75 суток на расслабление. Восхитительно! Дабы ещё и продлить время пребывания дома сократил время, отпущенное на дорогу, на пять суток. Взял, да и потратил часть денег, которые выдали на дорожное пропитание на билет в пузатый самолёт АН-10 от Петропавловска до Хабаровска. Здесь пересел на поезд и покатил напрямик в Уфу. А дома пришлось искать новый адрес проживания. Маму и тётю Марию, наконец-то, из барака переселили в современный кирпичный дом со всеми удобствами на улице Ульяновых, 76, совсем рядом с торговоразвлекательным комплексом «Меркурий» (бывший Колхозный рынок). Здесь на первом этаже в четырехкомнатной полнометражной коммунальной квартире, где проживали три семьи, им выделили комнатку площадью 14 кв. м. Переселили пожилых сестёр не из желания улучшить им условия проживания, а по случаю: барак понадобился на третьем лагере для производственных нужд и, слава Богу, мои дорогие старушки были довольны. А может быть, при их переселении учли, что я при погонах болтался в то время в водной стихии Тихого океана. Хотя... Отпуск, лето и молодость! Какой беззаботный и счастливый зигзаг жизни. По тёплым вечерам в сквере или парке, в безлюдном уголке страстно обнимал и целовал свою милую нежную Томочку, пил хмельное с друзьями. Мама и тётя ещё не очень постарели, и со здоровьем у них всё пока сносно. В популярной песенке поётся о трёх счастливых днях, а у меня было целых два счастливых месяца. Какое чудо! Но всё когда-то кончается, закончился и отпуск. Со всеми тепло попрощался, с Томочкой договорились подробнее и чаще друг другу писать.

Всего годик оставалось мне матросить.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ. ХРОНИКА ОСНОВНЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ

В марте 1963 года с кораблей нашего дивизиона сформировали команду для приёма стоящего в ДОКе во Владивостоке на реконструкции военного танкера «Сунгари» и меня туда включили. Так, попал служить на третий и последний свой корабль. Я ещё выше отмечал, что мне частенько везло, везло и с командирами, а от их качеств в первой степени зависит, какие сложатся отношения в коллективе. У нас, например, отсутствовало такое распространённое ныне явление, как дедовщина, малейшие попытки подобного рода решительно пресекались. Служба на «Сунгари» в ДОКе большей частью превратилась в хозяйственные работы, правда, при строгом соблюдении флотского распорядка дня и несения вахты. Мы тесно общались с сотрудниками, проводившими реконструкцию. В часы увольнений с интересом знакомились с городом Владивосток. Так продолжалось до середины июля, до сдачи судна на ходовые испытания. Но уже подходил долгожданный срок демобилизации. К сожалению, я не сохранил в своей памяти точную дату прощания с друзьями, которым, образно выражаясь, мы передали штурвал корабля. Представляете, какие эмоции обуревают, когда экипаж выстроился на юте для рукопожатий, последний раз отдаёшь честь флагу и с комком в горле сходишь по трапу, под торжественные звуки марша «Прощания славянки». Многим парням пожелал бы такие эмоции пережить.

А перед демобилизацией пришлось посуетиться, чтобы успеть на сдачу вступительных экзаменов в Уфимский нефтяной институт, но успел и сдал, и поступил. По-настоящему разгорелась любовь к Томочке. Свидания стали ежедневными. Часто поднимался к ней. Помню, как поразила бытовым изменениям в их коммунальной комнате, обе, работавшие на заводе девушки, радикально изменили весь её облик. Заменяли железные с панцирными сетками кровати на диваны. Выкинули сколоченный из грубо струганных досок стол, вместо него установили современный,

раздвигающийся, круглой формы, окно занавесили красивой шторой. Купили шифоньер и даже одними из первых в городе - телевизор «Рекорд». В то время транслировали только местные новости и фильмы, смотреть которые регулярно приходили соседи. В 1963 году мы с Томочкой встречали Новый год у Тиракьянов на ул. Герцена, 23 и впервые смотрели «Голубой огонёк» из Москвы. Хорошо работали и зарабатывали девчонки. А я, как ушёл на службу нищим, таким и вернулся, и ничем маме с тётёй помочь не мог. Тогда не задумывался над тем, справедливо ли парней срочной службы так унижать.

С Тамарой целовались, миловались с сентября 1963 года до весны 1965 года. Затянувшиеся свидания, уже всё более настойчиво подталкивали нас на создание семьи, и, наконец, третьего апреля 1965 года мы зарегистрировали свой брак, несмотря на отсутствие жилья. О том, в каких условиях мы жили, я уже отмечал выше. Напоминаю, обе вдовы семьи проживали в коммунальных квартирах, в комнатках по 14 кв. м. Наши мамы давно заработали себе право на отдельные квартиры. Кроме того, мама Тамары имела льготу ещё и как вдова воина, пропавшего без вести на войне. Но чиновники без зазрения совести не исполняли свой долг: наши вдовы мамы пролили море слёз. Так что нам, молодым советским гражданам, еще не успевшим ничего заработать, ничего не оставалось, как втиснуться в комнатку к моей маме с тётёй. Моя умница, Тамара не стала тянуть с пропиской. И на ул. Горького, дом 76, кв. 71 прошли наши первые весенние медовые мгновения. Не удивительно, что первой нашей совместной покупкой стала двухместная палатка. Это уже потом, в зрелой супружеской жизни мы приобрели катер «Прогресс», а ещё позднее построили домик на берегу реки Уфы и выходные дни в летнее время года проводили там. А летом 1965 года, когда у Тамары подоспел отпуск, а я сдал сессию, мы набили рюкзак, взяли палатку и на перекладных отправились на Павловское водохранилище. Вначале уехали на автобусе от Колхозного рынка до села Бедеева Поляна, далее здесь же, в сельском магазине договорились с шофером, что он нас возьмет с собой и доставит к реке. По своей русской добро-

те совершенно бесплатно. Доехали до села Нижний Чавдар на реке Уфа. Здесь поставили палатку и переночевали ночь. На следующий день разместились на двухпалубном пароходе, в этот же день вошли в Павловское водохранилище. Почти сразу после плотины пароход сделал короткую остановку у базы отдыха строительного треста БНЗС «Башкирская Рица», где мы и сошли. Быстренько неподалёку от базы нашли уютное красивое место и установили свою маленькую палатку любви прямо у самой кромки воды. Скажу кратко - приятно вспоминать, стояла прекрасная погода, комаров совсем не было, купались в тёплой ласковой воде водохранилища и в море божественной любви.

Свадьбу сыграли в доме моего верного друга, Александра Тиракьяна. О нашей дружбе (думаю, она сохранится до конца нашей жизни), о его безоговорочной и абсолютно бескорыстной поддержке в любой ситуации надо писать отдельно. Здесь же скажу о главном. Нас, школьных друзей, было четверо, но один после окончания школы откололся сразу, его родители посчитали, что наша дружба помешает ему поступить в институт. Про Валерку Зверева, своеобразности его характера я рассказал выше, и тесные школьные отношения с ним ушли сами собой. А вот с Шуркой мы сплелись, думаю, навечно. По сей день наша жизнь идёт бок обок. Правда, после окончания школы судьба на несколько лет нас развела. Сказалось моё легкомысленное отношение к учёбе и разное социальное положение. Тем не менее, дружба наша никогда не прерывалась. Вернувшись после службы домой, мы более уже никогда не разлучались, жили недалеко друг от друга, крепко дружили семьями, все знаковые даты отмечали за общим столом. Для отдыха с семьями на природе обзавелись катерами с подвесными моторами, палатками, надувными матрацами и прочим оборудованием. Любителей такого активного отдыха на нашем заводе было много и им удалось недалеко от железнодорожной станции «Правая Уфимка» заполучить на берегу реки небольшой участок, где установили однотипные металлические будки для хранения необходимого оборудования, а на воде соорудили причал для швартовки наших «кораблей». Каждую пятницу вечером или в

субботу утром электричкой приезжали на лодочную базу с семьями, навьюченные рюкзаками, грузились на катера и, рассекая водную гладь, отправлялись в верховье реки на один из многочисленных песочных пляжей. И так до глубокой осени. Шло время, капитаны «кораблей» старели, дети выросли, вещей становилось всё больше. Погрузки и разгрузки, установка палаток, обустройство спальных мест в палатках и катерах утомляло и отнимало много времени от романтического отдыха у костра. В Башкирии на этот раз шла разумная компания, когда крупным организациям разрешалось строительство собственными силами баз для отдыха заводчан в выходные дни и в двенадцатидневные отпуска. Завод за короткий срок воздвиг такую базу на старице реки Уфа. В трёх километрах от базы отдыха трудящихся завода, на реке имеется просторный песочный пляж, где часто наши лодочники останавливались на ночлег. Так что совершенно естественно возникло желание устроить сразу за пляжем на берегу стационарную стоянку. Ведь это здорово: приехать на пляж, вытащить катер на берег, подняться наверх, пройти метров 50, открыть свой домик на своём участке, сходить на грядку, сорвать огурчик, помидорчик и прочую зелень, нарезать салатик, сварить молодую картошечку, достать бутылочку, разлить содержимое по рюмочкам и ощутить блаженство. А на следующий день всё это повторить с купанием в реке, загоранием, рыбалкой, приготовлением шашлыка, банькой и сном с молодой женой на чистой постели в домике под успокоительный, монотонный шум тёплого летнего дождя. Мечта! На претворение мечты пришлось затратить немало усилий. Не буду описывать все многочисленные проблемы, которые пришлось преодолеть. Скажу кратко. Сказалось, конечно, что рос без отца - я ничего не умел. Лежал голый участок земли в четыре сотки, его надо освоить, но как? Нет совершенно никакого материала, инструмента, нет электричества. И здесь неоценимую помощь оказал Сан Саныч. Он наделён природным творческим азартом, очень активным и деятельным характером, и все мои достижения в смысле отдыха целиком его заслуга. Он, как ответственный работник ГлавБашСтроя, добился права на разборку двух, подлежащих сно-

су, баракон на третьем лагере, что обеспечило нас деревянным строительным материалом. Добытый материал обрабатывали и складировали во дворе его гостеприимного дома, разумеется, с разрешения его родителей. Сан Саныч – счастливый человек, он рос любимым сыном в замечательной семье. Обычных слов, таких, как гостеприимство, интеллигентность, доброта, простота, хлебосолюство, для характеристики его мамы Руи Матвеевны и отца Александра Никитовича просто не хватает. По-моему, один факт организации нашей свадьбы у них в доме, и хлопоты, что пали на плечи незабвенной Руи Матвеевны, красноречивее всех слов. Сегодня я расцениваю это как её завещание нам с Шуркой быть вместе до конца. Они были незаурядные люди, каких я в жизни никогда не встречал. Александр Никитович участник ВОВ, в конце июля 1941 г. после тяжёлого ранения попал в плен, где пережил за четыре года ад нескольких фашистских концлагерей смерти. Слава Богу, вышел из них живым. В апреле 1945 г. освобождён американскими войсками и вновь, слава Богу, без замечаний прошёл фильтр советского СМЕРШа (смерть шпионам). Я познакомился с семьёй Тиракьян в 1954 году, они жили в индивидуальном доме, и я сразу попал в атмосферу удивительного обаяния. Отец Шурика трудился на высокой должности, главным энергетиком крупнейшего строительного треста Башкирии. Но дома в семье это совершенно не чувствовалось. Здесь ходил физически крепкий, простой, добрый, хозяйственный мужик, озабоченный, чтобы ещё сделать в доме, саду, во дворе. Он однажды затащил в свою комнату огромную древесностружечную плиту (ДСП) и соорудил стол для игры в настольный теннис, где мы с Шуркой с удовольствием резвились. После работы нередко Александр Никитович присоединялся к нам.

Руж Матвеевна всем своим обликом излучала высочайшую нравственность, её глаза сияли мудростью, добротой и любовью ко всем окружающим, проворные руки умели всё. Никогда не забуду, когда лежал в больнице и трудно восстанавливался после сложной операции, она готовила мне специальную диетическую пищу. У таких родителей Шурик не мог вырасти невоспитанным

мальчиком, он совершенно не сквернословил, его самое ругательное слово было «свинтус». От отца и старшего брата Юры получил сносные навыки механика по ремонту лодочных моторов и строителя. И при строительстве наших садовых домиков все фундаментальные работы велись под его руководством. Таким образом, наша дружба крепла не только за столом, но и на стройках у него около железнодорожной станции Алкино, недалеко от любимой реки нашего великого земляка С. Аксакова – Дёмы, и у нас с Тамарой на Уфимке. Незадолго до выхода на пенсию судьба свела нас к совместной работе на НПЗ «Уфанефтехим». За долгие годы у нас не было никаких разногласий, в том числе и идеологических.

Но я несколько опередил события. После женитьбы учёба отошла на второй план. Перевёлся на заочное обучение. А тут, наконец, маме выделили в новой кирпичной пятиэтажке на ул. Братьев Кадомцевых двухкомнатную квартиру с балконом на втором этаже. Место очень хорошее, с южной стороны – три дома и универмаг «Уфа», а с северной – два дома и густой лес до самой главной реки Башкирии Белой. В августе 1966 года поступил работать в научно исследовательский институт «НИИТранснефть» на должность техника. Работа была интересная, но уж больно низкооплачиваемая. Первого июня 1966 г. у нас родился наш первенец - доченька Светланочка. Став отцом, я упивался от счастья и ответственности за её здоровье и воспитание. Пришлось задуматься о смене работы. Помогла мне моя Тамара. Она работала на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе им. XXII съезда КПСС (ныне Уфанефтехим), куда попала по распределению после окончания техникума. Казалось бы, всё складывается, как надо, пожалуй, даже хорошо, хотя... Жильё и место работы слишком далеко располагались друг от друга, а транспортная проблема стояла в городе очень тяжко. Мы искали обмен. Удобный вариант никак не находился, и вдруг сама удача приплыла к нам в руки. На наше объявление в обменном бюро откликнулась семья, приехавшая из города Львова и согласилась поменять свою полнометражную квартиру в самом центре бывшего Черниковска на нашу малометражную квартиру за универмагом «Уфа». Массовое возве-

дение таких квартир за простоту конструкции началось по всей стране по инициативе Никиты Сергеевича Хрущёва, поэтому их в народе прозвали «хрущёбками», с оттенком некой иронии, подзабыв с какой радостью люди выбирались из бараков. А нам в 1966 году чудесным образом действительно повезло. Квартира на ул. Льва Толстого, дом 1, кв. 12, на втором этаже состояла из двух комнат, каждая по 20 кв. м., имела отдельный туалет и ванную, кухня столь просторная, что совмещалась со столовой. И ещё один весьма приятный сюрприз - рядом через дом находился до-военной постройки дом № 5, где на пятом этаже в большой коммунальной квартире из пяти комнат, в одной из которой жила и выросла моя невеста, ушёл на войну её папа, и продолжала жить мама с младшей дочерью Ниной. Львовяне очень торопились, так как их вещи хранились на вокзале, и мы спешили также, дабы не упустить счастливый случай. В этой квартире мы прожили самые зрелые и счастливые годы. Время шло, дети подросли, возникла потребность в расширении жилплощади. Хорошо, что мы обеспокоились об этом заблаговременно, наше заявление о расширении жилья уже давно крутилось в деловых бумагах администрации завода, и Тамаре, почти ветерану завода, да с учётом и моего стажа работы, выделили вдобавок к нашей квартире однокомнатную квартиру на проспекте Октября. Обе квартиры мы обменяли на четырёхкомнатную квартиру с хорошей планировкой на ул. Мира, 39, кв. 23. Дети получили свою комнату, бабушки (мама и тётя Мария) – тоже; громадный коридор, удобная кухня. Жили, не тужили. Чтобы закончить рассказ о смене адресов проживания, должен сообщить о последнем размене. Сегодня мы живём отдельно, но в шаговой доступности друг от друга: мы с Тamarой у парка «Победы», Светлана – недалеко от Колхозного рынка, а Маргарита тоже неподалеку - около Дворца им. Орджоникидзе.

А всего за годы проживания в Черниковке (так старожилы продолжают называть наш район Уфы), я сменил девять адресов. Последний, десятый (вечный приют) ожидает нас с Тamarой теперь уже в недалеком будущем на городском погосте вблизи поселка Тимашево.

Советское брежневское время народная молва нарекла эпохой застоя. Большинство людей моего возраста ныне ностальгируют по тем годам. Конечно, было много недостатков, мучил людей вечный дефицит, практически на всё, но было в жизни нечто такое, что сегодня даже в далёкой перспективе совершенно не просматривается. Была уверенность в завтрашнем дне, любой мог себе найти работу. Простые рабочие сносно зарабатывали, а высококвалифицированные рабочие вообще были в почёте, чувствовалось уважение к человеку. На эту тему можно долго рассуждать, но это не та цель, которую поставил себе данным изложением. Скажу лишь коротко: справедливость и нравственность в так называемой эпохе застоя были несравненно выше, чем ныне.

Пока я служил, Тамара работала на заводе в центральной лаборатории старшей лаборанткой-бригадиром. Работа была вахтовая, трёхсменная и очень ответственная. Она неплохо себя показала. Но когда любовь переросла в брак, то трёхсменка стала нежелательной помехой любви, и она разумно своевременно перевелась работать в заводоуправление, в отдел техники безопасности, где также благодаря своим деловым качествам и покладистому характеру быстро продвинулась до должности старшего инженера. Ну и сам Бог велел мне последовать к ней на завод. Да и сам завод привлекал молодёжным кадровым составом, обладал замечательной перспективой, регулярно пополнялся новыми современнейшими технологическими установками. Я стал членом его многотысячного коллектива 17 октября 1967 года, когда меня приняли инженером в отдел технического надзора.

Выше не раз отмечал, что мне частенько везло, а в тот раз повезло тройне: во-первых, с любимой и верной на всю жизнь женой, во-вторых, с заводом, в-третьих, с непосредственным начальником отдела и вообще руководителями завода (за редким исключением). Мой первый заводской начальник Поликарпов Алексей Никанорович был старше меня на четыре года, родился в Ленинграде в светской буржуазной семье. Его отец из бывших царских морских офицеров работал преподавателем в высшем военном училище, а мама была из числа последних выпускниц Смоль-

ного института благородных девиц. Она в совершенстве знала французский и немецкий языки. Кое-чему обучила своего сына. Алексей Никанорович не раз декламировал мне немецкие четверостишья. Отец был настоящим патриотом России, совместно с революционными матросами сражался в 1918 году с немцами на Балтике. Нетрудно предположить, что созданный в стране режим обязан был такую семью подозревать в нелояльности. Первый раз отца арестовали в 1939 г. Промурыжили несколько месяцев – выпустили. Но руки у чекистов продолжали чесаться, и преподавателя Высшего училища в 1940 году арестовали вторично и на этот раз уничтожили. Друзья подсказали матери с сыном быстрее из Ленинграда уехать и на какое-то время «потеряться», и они сумели отсидеться в глухой башкирской деревне. Так, мальчишка избежал детдом, а мама тюремную камеру. Через много лет судьба свела нас на УНПЗ им. XXII Съезда КПСС. Там я свою трудовую деятельность начал инженером в отделе технического надзора, который возглавлял Алексей Никанорович. Многолетняя совместная работа вначале сблизила нас, а затем и подружила. Причиной тому были не только схожие семейные трагедии, но и общие интересы, отношение к работе и т. п. Конечно, Алексей Никанорович во многом превосходил меня, и его предложение в общении перейти на «ты» я принять не мог. В целом, он был образцом для подражания. В конце жизни всё-таки вернулся в родной город Ленинград, где и скончался. К сожалению, смерть настигла его не в кругу семьи, а внезапно на эскалаторе в метро. Человек он был замечательный и заслужил царство небесное.

17.03. 1972 года у нас с Тamarой родилась вторая доченька - Риточка. Выходные дни мы, как отмечал выше, старались проводить на свежем воздухе. Выезжали семьями на катерах вместе с Тиракьянами на пляжи Уфимки с посиделками у костра и ночёвками. Приучали детей любить животных, начали с рыбок и хомячков, а затем увлеклись собачками. Чаще всего бегали по квартире собачки породы пуделей от королевского до малых с ласковыми кличками. Вот и сейчас, когда мы с Тamarой живём одни, у нас под ногами вертится неугомонный белый пудель Персик, а у Све-

ты в квартире поселились очаровательные кошечки, у Риты в семье - смешленная морская свинка, рыбки и черепаха.

Могу похвастаться: обе наши дочери с первого по десятые классы отлично учились. Светлана вообще тянула на золотую медаль, но ей за «некрасивую» фамилию намеренно снизили пятёрку по географии. К счастью, подобные козни не помешали им без проблем преодолеть большие конкурсы в ВУЗы. Светлана окончила нефтяной, а Маргарита авиационный институты. Первая работает ныне начальником лаборатории на «Уфанефтехим», а вторая - старшим программистом в «Башнефтеинформ». Рита подарила нам с Тамарой двух внучек: Танюшу - 27 апреля 1996 года, ныне студентку Санкт-Петербургского университета, и Ириночку - 10 января 2008 года. Обе наши внучки - большая нам с Тамарой отрада. Вторая внучка пришлась мне как подарок к пенсии. Она буквально с первого дня выхода из роддома стала моей главной заботой и увлечением. Горжусь, что первая её прогулка на улицу - моих рук дело. Прогулки впоследствии стали, к великому моему удовольствию, повседневной обязанностью. Впервые смог полностью посвятить себя ребёнку: я девочку кормил, одевал, пеленал, играл с ней. Усыплял, напевая ей «Полюшко, поле...»; «Там вдали, за рекой, зажигались огни...»; «Шёл отряд по берегу, шёл издалека...» и др. подобные мелодии, какими укачивал в молодости своих дочек. Одним словом, занимался всем тем, чем положено заниматься дедушке с внучкой. Таким образом, получил возможность на пенсии, будучи ещё достаточно здоровым, участвовать в формировании человека. Это огромная радость, особенно, когда получаешь ответную любовь. Спасибо судьбе.

Работа в отделе мне нравилась, она была интересной, творческой и весьма ответственной. Кроме надзора за соблюдением правил эксплуатации оборудования необходимо было проводить тщательную ревизию во время ремонта с целью выявления дефектов износа за время эксплуатации, разрабатывать технологию ремонта и осуществлять контроль над качеством его ведения. Из перечисленного необходимо выделить ревизию, ибо она требовала от нас наибольшего напряжения. На неё уходила львиная доля рабочего

дня, который часто приходилось во время ремонта установок продлевать за счёт вечеровок и выходных дней. Нефтеперерабатывающий завод – это сложнейшее техническое сооружение. НПЗ состоит из огромного количества аппаратов с разнообразным внутренним устройством; многокилометровыми эстакадами трубопроводов, покрытых теплоизоляцией, добротно окожуженной металлическими листами; насосов, компрессоров, печей, резервуаров и др. специфического оборудования. И всё это необходимо было совместно с персоналом технологической установки обстучать специальным молотком, замерить толщину стенок ультразвуковым прибором, просветить сварные швы гамма-лучами; определить металлографией, как изменилась за время эксплуатации структура и химический состав материала, из которого изготовлено оборудование. Объём работ колоссальный. Завершался ремонт испытанием оборудования опрессовкой и подписанием Пускового акта о возможности дальнейшей эксплуатации установки. Работа вызывала удовлетворение от понимания её важности, что от тебя, от качества проведённой тобой ревизии и надзора за ремонтом зависит дальнейшая безаварийная эксплуатация оборудования. Но меня никогда не покидала тревога, а вдруг пропустим какой-либо сварной шов, или под давлением горячего нефтепродукта разорвёт трубопровод, либо того хуже произойдёт пропуск на корпусе аппарата, и вырвавшаяся взрывопожароопасная смесь приведёт к взрыву и пожару. Подобное, к сожалению, случалось не раз. И при комиссионном расследовании аварии искушение сделать работника технадзора слабым звеном было очень велико. Специалисты, конечно, понимали, что стопроцентно выполнить ревизию невозможно даже теоретически. Необходимо вскрыть, очистить от нефтепродуктов аппараты с разборкой внутренних устройств. На теплоизоляции аппаратов и трубопроводов сделать окна, а на подземных трубопроводах выкопать шурфы, чтобы замерить толщину стенки.

При ревизии меня не покидало ощущение, что конструкторы, проектировавшие установку, и изолировщики, тщательно замуравившие горячие аппараты и трубопроводы, мало задумывались,

что оборудование необходимо периодически подвергать ревизии – столько для нас было недоступных участков. Да и нормативные документы, обязывающие обязательный объём ревизии, мягко говоря, не особо считались с реалиями действующего предприятия. Поэтому перед остановкой установки на ремонт необходимо было, во-первых, знать особенности её технологии работы, во-вторых, приходить с тщательным анализом предыдущих ремонтов с целью определения наиболее опасных мест, подверженных наибольшему износу. Конечно, хорошим подспорьем здесь был опыт работы. Но всё равно на душе скребли кошки и, когда вдруг неожиданно на заводской Доске почёта вывесили мою фотографию, я чувствовал себя неуютно. Ведь в любой момент вместо Доски почёта мог оказаться под следствием, и доказывай там, что сделал во время ревизии всё, что мог за отпущенное на ремонт время. И во время до наступления очередной даты государственного праздника, когда доска обновлялась, проходя мимо нее, я всегда испытывал чувство неловкости.

Начальник отдела Поликарпов Алексей Никанорович сформировал толковый коллектив. Мы с Юрием Валентиновичем Цыпышевым старались чтить традиции, заложенные Алексеем Никаноровичем после его ухода из отдела.

Поучительна история становления отделов технического надзора на нефтеперерабатывающих заводах страны. Первоначально в структуре НПЗ такие отделы вообще не предусматривались. Надзор за эксплуатацией и ревизией оборудования всецело возлагался на ИТР цехов. Всё шло неплохо, пока заводы перерабатывали в основном Бакинские и Грозненские нефти. Но когда основной объём добычи нефти переместился в наш регион и Татарию (второе Баку), то возникли серьёзные проблемы из-за того, что наши нефти имели в своём составе сернистые включения. Они резко увеличили коррозионный износ оборудования, и, как следствие, возросла аварийность. Потребовалось срочно увеличить объём ремонта и особенно повысить качество ревизии. ИТР технологических цехов своими собственными силами справиться уже не могли. И на НПЗ стали формироваться специальные отделы

технического надзора, единственным прибором контроля у которых вначале был ревизионный молоток. Впоследствии при отделах появились лаборатории, оснащённые современными приборами контроля оборудования. Так что, на мой взгляд, название отдела не совсем соответствовало нашей работе, в нём отсутствовал термин «ревизия». А ведь на ревизию, как я выше отмечал, затрачивалась львиная доля нашего труда.

В июне 1976 года я был назначен на должность заместителя начальника этого отдела, правда, лишь со второго захода. Первый раз не доверили повышение в должности: ведь «ущербная» национальность никуда не делась. Шли семидесятые годы, и верные сталинисты ещё не перевелись. В то время директором у нас был замечательный человек, профессор, доктор технических наук Варфоломеев Дмитрий Фёдорович, но и он не посчитал нужным связываться по этому поводу с одним из своих политически бдительных заместителей, тов. Седневым. В дальнейшем от карьерного роста отказывался, чем вызвал однажды недоумение у другого очередного директора завода Рахимова Муртазы Губайдулловича, в будущем первого Президента Республики Башкортостан, когда он предложил мне занять должность заместителя главного энергетика. За долгие годы работы на одном заводе не раз встречались с ним, беседовали и не только на производственные темы. В нём не было ни доли высокомерия, как раз наоборот, очень скоро в обращении ко мне перешёл на «ты». Никогда не отказывал в помощи в процессе работы, да и в личных проблемах тоже. Например, когда старшая дочь Светлана окончила нефтяной институт по специальности инженера по борьбе с коррозией, она получила направление на работу в Сибирское трубопроводное хозяйство. Конечно, нам с Тamarой очень не хотелось её отпускать, но она упрямо настаивала, и пришлось проводить её в Омск. А там не очень приветливо встретили, огорошили, что ждали парня, и не будут возражать, если вернётся домой; не станут требовать от выпускницы ВУЗа положенной в то время отработки. На звонок нам из Омска – что ей делать, мы с радостью ответили: «Возвращайся немедленно». Я обратился к Муртазе Губайдулловичу с просьбой устроить дочь на

завод, он не только сразу согласился, но ещё посетовал: «Зачем ты вообще её отпустил в Сибирь, был бы парень - другое дело». Так дочь и доньне трудится на заводе начальником лаборатории.

За период моей работы с октября 1967 года по апрель 1999 года на заводе сменился целый ряд директоров, но два из них оставили особо добрую память. Это, уже выше упоминавшийся Варфоломеев Д.Ф. и, безусловно, Рахимов Муртаза Губайдуллович. Порой создавалось впечатление, что Муртаза Губайдуллович днюет и ночует на заводе, а когда в зимние периоды стояли особо сильные морозы, он действительно сутками не покидал завод. Любил встречаться с людьми, регулярно проводил совещания со старшими операторами технологических установок. Его доклады и доклады председателя профсоюзного комитета завода всегда транслировались по заводской радиосети. Гласность царила на заводе. Проблемы и итоги работы завода доводились заводчанам через еженедельную заводскую газету и радиосеть. Рабочий был в почёте, информированным и имел право голоса и инициативы. Такая демократия современным, так называемым демократам и работодателям-хранителям коммерческих тайн, позволяющая бесконтрольно обкрадывать рабочих, может сегодня присниться только как кошмарный сон.

В апреле 1999 года вынудили уйти на пенсию. Смириться было нелегко, но в мае того же года меня пригласили в ООО «Спецсервисремонт», бывшее ремонтное производство завода, на роль консультанта, преподавателя, разработчика производственных инструкций и т. д. и т. п. Продержался до декабря 2006 года и потом уже, действительно, по собственному желанию ушёл на пенсию в возрасте 68 лет.

Хочу признаться, что любил свой завод, свою нелегкую работу. Порой вылезал из аппаратов в насквозь промокших брюках и телогрейке, чумазый, как шахтер, вдоволь надышавшись парами нефтепродуктов. Зато еще долго будут храниться в паспортах аппаратов мои автографы о результатах исполненной работы. Благодаря Поликарпову Алексею Никаноровичу, а впоследствии и моего вклада, наш отдел технического надзора сформировался в заме-

чательный товарищеский коллектив. Никогда не забуду своих коллег. Назову лишь несколько – Фёдоров Юрий, Круглова Людмила, Козарес Юрий, Манылов Анатолий, Дулько Николай, к сожалению, уже ушедших - Кунафин Рифкат, Валиев Альберт, Казаков Михаил, Мифтахов Асхат, Шипова Галина, Шаронова Валя, все прекрасные профессионалы.

Далее надо написать несколько добрых слов о своей Родине. Считаю Родиной то место земли, где прожиты основные годы жизни. Разумеется, где родился и сделал первый шаг по земле – это святое для меня место. Посетив город Маркс в 2001 году, уже стариком, спустя шестьдесят лет после изгнания, из меня невольно хлынули градом слезы, да и сейчас не могу без волнения это вспоминать. Я искал дом, где мама укладывала меня в кроватку спать, но тщетно, в городе не раз менялась нумерация домов.

Итак, Башкирия – чудный прелестный край! Здесь всего в изобилии. Много леса с разнообразием пород древесины, особенно преобладает липа; обширные холмистые равнины покрыты цветами и лечебными травами. Именно это выдвинуло Башкирию в лидеры по производству вкуснейшего меда. Знатоки утверждают, что он лучший в мире. В Республике полно рек и озер, но не все могут ныне похвастаться обилием рыбы. Много погибло из-за вредных стоков и слабой борьбы с браконьерством. Можно, путешествуя по республике, любоваться водопадами, Уральскими горами и пещерами; одна Капова пещера с древнейшими наскальными рисунками чего стоит! Она известна всем авторитетным археологам мира. Недра Башкирии богаты запасами руды и минерального сырья. Наша республика – самая крупная из всех автономных республик страны, ее площадь составляет 143,6 тысяч квадратных километров, проживает около пяти миллионов человек, достаточно учебных и культурных заведений. Хорошо развито сельское хозяйство (в годы учебы поработал в нескольких районах), мощная промышленность. Климат Башкирии – континентальный, с теплым летом и многоснежной зимой. Пожалуй, этого краткого обзора хватит, чтобы понять – есть за что любить этот прекрасный край.

БОЛЕЗНИ

За прожитые годы болезни не обходили меня стороной. Первый раз попал в больницу в классе втором или третьем со скарлатиной. Болел не тяжело, но моральный удар пережил серьёзный, во-первых, потому что в стационар угодил впервые, где продержали сорок двое суток, такова была карантинная продолжительность; во-вторых, выяснилось, что я оказался, несмотря на жизнь в большом коллективе ребят барака, домашним ребёнком. Второй раз угодил вновь в ту же инфекционную больницу барачной конструкции, которая располагалась южнее кинотеатра «Победа», где сейчас находятся улицы Шумавцова и Неженская. Учился я тогда в седьмом классе и в феврале месяце заболел брюшным тифом. Где и как его подцепил – уму непостижимо. На этот раз всё было на полном серьёзе: впал в беспамятство зимой, а пришёл в сознание, когда снег уже «мутными ручьями» сходил с грязных улиц. Смутно помню, что около меня сколько-то времени в палате дежурила мама. Оказалось, в самые роковые дни и ночи, когда в небесной канцелярии решалась моя судьба, медики допустили ко мне в больницу на десять суток маму. Видимо, она, бабушка и tante Мария своими молитвами (и, конечно же, умелыми усилиями врачей) сумели уговорить Бога не забирать меня у них. В похожем положении оказался ещё раз и тоже зимним февралём в 1983 году. Тогда заболел пиелонефритом, как следствием острейшего воспаления мочекаменной болезни. Пришлось перенести операцию, которая длилась почти шесть часов под глубоким наркозом. Трудно, почти на грани гибели выходил из него, помогали выйти моя любимая Томочка и решительные действия бесценного друга Шуры Тиракьяна. По утрам с завистью смотрел из окон больницы на спешащих на работу прохожих. С божьей помощью в начале апреля смог к ним присоединиться. Но, как говорится, «недолго музыка играла», в середине апреля снова угодил на операционный стол, пришлось из вяло работающего мочеточника левой почки вновь удалить застрявший камешек. Его не сумели уб-

рать из лоханки почки при первой операции, которую делал заведующий урологическим отделением восьмой городской больницы знаменитый хирург Галис Давид Наумович. Он говорил: «Не до камушка тогда было дело». Затем три года постоянная сдача анализов, регулярный приём лекарств, ежегодное лечение в санаториях Трускавца и Железноводска, и всё равно пришлось вновь лечь на операционный стол, где Давид Наумович удалил, вконец измученную и переставшую работать левую почку. Инвалидность при выписке из больницы тогда не дали, несмотря на поставленный диагноз: «хронический пиелонефрит единственной правой почки». Советские чиновники, даже нося благородное звание врача, прежде всего очень рьяно стояли на страже бюджетных денег, особенно, если выделение средств касалось простого человека, и на мне с 1986 года по 1994 год, когда, наконец, признали инвалидом третьей группы, сэкономил для гос. казны ничтожную сумму, а для бюджета моей семьи - приличную. Продолжал лечиться таблетками, курсовками и изредка путёвками в профилактории и санатории. В последние лет десять или даже более таблетки и периодические инъекции стали жизненной потребностью. Гипертония и повышенный холестерин – постоянные спутники, а сахарный диабет и наследственная глаукома угрожающе наступают.

УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В немецкое общественное движение «Культурно-просветительский Союз немцев Республики Башкортостан» (СНРБ «Видергебурт» - «Возрождение») я включился в 1992 году. Тем самым, как бы вернулся в свою этническую среду. Мне было интересно, о чём говорят, что волнует моих новых друзей. Получил доступ к книгам, журналам, газетам, где на русском языке рассказывалось о непростой, часто трагичной истории народа. Правда, к тому времени я уже в художественно-политическом журнале «Знамя» прочитал большую статью Гуго Густавовича Вормсбехера, из которой узнал, что на волжской земле, весьма ус-

пешно трудилась республика Немцев Поволжья. Это стало для меня откровением, и я, наконец, удостоверился, что имею полное право чувствовать себя равноправным гражданином СССР. Имя автора статьи я упоминал в самом начале изложения, а здесь хочу отметить, что мы с Гуго Густавовичем родились в один год, в одном городе, начали расти на соседних улицах, а затем в одном эшелоне, а, может быть, даже в одном скотном вагоне, были депортированы в Алтайский край. Гуго Густавович вырос в крупного писателя и выдающегося лидера нашего общественного движения; достаточно сказать, что он был участником, начиная с 1965 года, всех делегаций на переговорах в Кремле по проблеме восстановления республики немцев Поволжья. В разные годы, посещая столицу, поближе познакомился и пообщался с Гуго Густавовичем. Стараюсь не терять связь с ним и ныне. До вхождения в ряды «Видергебурт» я не ощущал себя немцем, хотя дома с бабушкой, тётёй, мамой общался на языке рождения, но сугубо на бытовые темы. Подруги мамы - немки, приходившие в гости, говорили также на родном языке и тоже только о том же самом. А на мой вопрос к маме: «Откуда мы родом?» Всегда отвечала коротко: «С Волги.» На этом вся историческая справка ограничивалась. Меня это устраивало, и я жил в интернациональном климате барачков, школы, трудового коллектива. Не скажу, что в жизни не встречался с российскими немцами. Во втором бараке рядом с нашей комнатой проживала немецкая семья. В соседних бараках также многие проживали: Дизендорф, Райзер, Шиллинг, Граф, Кригер и др. Естественно, и в школе не обошлось без немецких фамилий, например, только в нашем классном журнале были записаны, кроме меня, белобрысая Лида Руппель, спортивный Володя Шиллинг, красавица Нана Шефер, поэт Юра Думлер. До 1956 года ребят с пометкой в паспорте – немец, на воинскую службу не призывали: была у нас такая «почётная льгота». Помню, какой гул удивления прошёл по залу делегатов флотской комсомольской конференции на Балтике, участником которой я был, когда председатель мандатной комиссии заявил: «В работе нашей конференции принимает участие даже один немец». В городе

Палдиски в нашем взводе во втором отделении вместе со мной служил стройный светловолосый парень из Волгограда по фамилии Гейер – немец, конечно. Больше немцев за всю четырёхлетнюю службу не встречал. Но не на наличии немцев в своём окружении хочу акцентировать внимание, а отметить следующее: не замечал, чтобы немцы тянулись друг к другу, исходя из общего происхождения, что явно проявлялось у других, так называемых, малых народов. Таким образом, долгие годы, не общаясь с соплеменниками, не имея никакой печатной информации об истории и судьбе своего народа, был такой же невежа по этой теме, как и мои многонациональные друзья и просто знакомые. И вот, в Москве 26 апреля 1991 года под оглушительные аплодисменты, ликуя и стоя, Государственная Дума принимает Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов». Наконец, российским немцам не надо стало более испытывать робость, называя свою национальность, и я, по мере своих скромных возможностей, хотел способствовать исполнению статей Закона. Меня избрали в объединённый совет Союза немцев Республики Башкортостан и национально-культурную автономию немцев РБ, был делегатом в разные годы четырёх съездов ФНКА РН. На втором съезде слушал выступление нашего прославленного академика, одного из основоположников советской космонавтики Бориса Викторовича Раушенбаха. Был также участником единственного съезда трудармейцев-немцев России. Таким образом, оказался в рядах борцов за исполнение вышеназванного Закона. Удивляет, что власть, принявшая с восторженным экстазом столь долгожданный и справедливый Указ, до настоящего времени без огласки, внятного и публичного объяснения населению страны причин его по сей день не исполняет. Или всё-таки подозревают нас, имея какие-то тайные основания, но их не озвучивают, но и не снимают с нас клеймо «предателей, врагов и пособников империализма». Да, были периоды, когда, казалось, осталось всего лишь сделать один шаг, и справедливость будет восстановлена. Августовский путч 1991 года и последовавшие за ним события не позволили первому президенту СССР Горбачёву М.С. исполнить Закон. Впрочем, он, как

и его предшественники и последователи, энтузиазмом в решении нашей проблемы не выделялся. А что касается «большой загогулины» Ельцина, сместившего Михаила Сергеевича у руля России, то, что о нём говорить – больной он был человек и оказался в политике по воле революционных событий в стране случайно. Уровень прораба строительного треста был потолком его карьеры, там и матюгнуться можно, и расслабиться как следует не грех. Так и руководил страной в зависимости от соблюдения или нарушения правил здорового образа жизни. Но в одну из редких минут прозрения Борис Николаевич всё-таки подписал 21 февраля 1992 года Указ № 231 «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев». Но ни он, ни его последователь привычно и не думали его исполнять. Шло время. Знаковые даты следовали одна за другой. И каждое обращение наших лидеров, приуроченное к очередным круглым датам Великой Победы или подписания Екатериной II Манифеста «О позволении иностранцам селиться в России», к гаранту конституции страны с вопросом о нашей реабилитации неизменно игнорировалось. Впрочем, особо удивляться не следует: не отвечать на неудобные вопросы всегда было и остаётся испытанным инструментом российского чиновника. Правда, гарант законности в стране не простой чиновник, и я, рядовой гражданин, от Владимира Владимировича такой приём не ожидал. Видимо, президенты новой России нашу проблему задумали решить методом выжидания. Ведь большая часть российских немцев вместе с самыми активными лидерами ещё в нулевые годы эмигрировали. А у тех четырехсот тысяч, что остались, рассеянные Сталиным по всей территории страны, как отмечал ещё в 2007 году Г.Д. Арнгольд: «Принудительная ассимиляция уже вычистила до 90% их этническую составляющую». Моя жизнь яркое подтверждение вывода Германа Давидовича. Очевидно, президент Путин В.В. и решил в воскресный день 31 января 2016 г., что подходящий момент наступил - 90% достигли, ожидаемые 100% и проблему с российскими немцами можно закрывать, и подписал Указ № 34, исключивший из Указа Ельцина «крамолу» о поэтапном восстановлении государственности российских немцев. Таким образом,

жизнь этноса «русские немцы» окончательно приговорена к исчезновению. Только так население России может расценить факт нежелания нашей реабилитации. При вступлении во власть Владимира Владимировича русские немцы были полны благих надежд. Он произнёс замечательные слова: «У нас многонациональная страна и каждый народ, каждая маленькая этническая группа должна чувствовать себя в России комфортно, должна понимать, что это её родной дом, другого такого дома у неё нет, и не будет». Конечно, мы хорошо понимаем, что в Германии наш этнос быстро растворится. Достаточно одного или, на худой конец, двух поколений русских немцев, покинувших русскую землю, и они превратятся в германцев. Наверное, ФРГ — это выгодно, но нашей стране разве тоже? Наша Родина — это Россия. Но как мы можем чувствовать себя комфортно здесь, если у нас отобрали национальный дом, если мы лишены условий для поддержания национальной идентичности, сохранения традиций, родного языка, культуры. А каких успехов достигали русские немцы, проживая компактно, страна знала. Удивительно, сталинская расправа над нами давно официально признана если не преступной, то, по крайней мере, ошибочной. После Иосифа Виссарионовича новые руководители страны от Н. Хрущёва до Владимира Владимировича Путина все дружно признавали: да, да, тогда с русскими немцами поступили несправедливо.

Конечно, многое исправлено. В правах наши граждане равноправны сегодня со всеми, но отобранная государственность не возвращена. На вопрос, почему так происходит, первые лица государства предпочитают молчать. А какие оскорбления, порой, мы слышим от властных чиновников сегодня? Не буду вспоминать оскорбление больного Ельцина, а напомним наглые, оскорбительные слова, которые действующий депутат Жириновский проорал с высокой трибуны Государственной Думы: «У нас самый вредный министр — Греф. Немец, понимаете. Мы боролись с немцами в 1941 году, теперь немец — экономист». Так, высокопоставленный чиновник, «сын юриста» приравнял советских немцев с фашистами. Тем самым, он оскорбил меня, мою русскую жену, моих рус-

ских детей, моих друзей разных национальностей, всех порядочных людей моей страны. Этот государственный, уверенный в безнаказанности, нагло цинично публично нарушил Конституцию РФ. Впрочем, Жириновский – человек, безусловно, умный и одаренный. А заведомо хамоватый и истеричный, может быть от того, что, как и Ельцин, просто больной или же психоз его необходимый ораторский приём. Стоит только понаблюдать за его жестикуляцией, подёргиванием плечами, постоянным оскаливанием и облизыванием губ, демагогической крикливой речью. Разве можно объяснить, почему зрелый, физически крепкий мужчина (ну – «прямо настоящий полковник»), позволяет себе прилюдно грубо оскорблять прославленных женщин страны. Например, народную артистку СССР Аллу Пугачёву или двукратную Олимпийскую чемпионку Ирину Роднину и др.

Мне бывает досадно наблюдать, когда Президент страны, гарант Конституции вежливо пожимает руку и улыбается хулителю Конституции. Может быть, так необходимо по дипломатическому этикету, не знаю, но мне всё равно неприятно такую картину наблюдать.

Несколько слов о скандально известных государственных чиновниках с немецкими фамилиями. Вначале о Германе Грефе. Его высказывания об организации образования современной России, иначе как вредные воспринимать невозможно. Он утверждает, что школьникам (населению) не следует давать разносторонние и глубокие знания, так как дорвавшимся до власти Грефам, Кохам и прочим «чубайсятам» будет трудно людьми руководить. И вообще, в школе нужно растить не творцов, а потребителей. А бывший зам. председателя правительства России (1997 год), министр Альфред Кох мало что руководил уничтожением экономики страны, так вообще открыто, как откровенный враг, утверждал, что Россия не имеет права на существование. Он повторил слова русского диссидента царских времен: «Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтожения...». (В.С. Печерин 1807-1885 гг.).

Этому негодяю вместо суда над ним дали возможность тихо

слинять за кордон. Оба чиновника – наш позор. Здесь очень уместна русская пословица: «В каждом стаде паршивая овца найдется». Они бросили тень на российских немцев, которые в подавляющем большинстве верой и правдой, даже находясь в лагерях, трудились и умирали за свою русскую Родину. Не исключение составляли и те, кто покинул страну в конце 20 века. Стоит с благодарной памятью вспомнить хотя бы, например, знаменитого черниковца Гернера Валентина Рудольфовича, отдавшего всю свою сознательную жизнь строительству нефтехимии в Башкирии. Да и все мои уехавшие родственники оставили светлую память на Алтайской земле. Зачем уехали, мне кажется, я дал ответ в данном изложении выше.

А почему наш президент, столь длительное время руководя страной, до сих пор держит возле себя Грефа и ему подобных – неразгаданная государственная тайна. Неужели он не слышал, не читал, или ему не докладывали, что действия таких горе-руководителей приводят к краху системы образования и крайне отрицательно отражаются на состоянии страны.

Не могу не отметить и следующее: среди лидеров с самого начала нашего движения за восстановления государственности советских немцев на территории РСФСР всегда находились лица, которые остро чуяли, куда дует властный ветер, и лихо вливались в струю для своего карьерного роста. Они проигнорировали завещание, произнесённое академиком Б. Раушенбахом на Первом съезде РН: «От нашего единства зависит сегодня будущее нашего народа». Самый показательный пример, как действия по подрыву единства в рядах лидеров нашего движения можно использовать для карьерного возвышения, показала чета Мартенс. Про госпожу Ольгу писать не стану, а вот про Негга Генриха расскажу, чего он достиг. Вот главные вершины его предпринимательской деятельности:

1. Председатель АОО «МСНК» (Международный союз немецкой культуры).

2. Путём обмана и подлога уставных и государственных регистрирующих документов ФНКА РН он в 2009 году организовал

рейдерский захват ФНКА РН. Я был свидетелем захвата, как делегат так называемого чрезвычайного съезда. Ещё до его открытия на неофициальном собрании делегатов резко выступил против повестки съезда, что на следующее утро сразу повторил с трибуны и впоследствии голосовал против всех решений. Ко мне в перерывах подходили делегаты и высказывали мне своё одобрение, но никто не решился поддержать мою позицию, объясняя ситуацию финансовой зависимостью от Мартенса. Ах, деньги, деньги, они слишком часто заставляют людей поступаться своими принципами. По поводу решений съезда любопытное заключение вынес Хамовнический суд г. Москвы: мол, пусть будет два ФНКА РН.

3. Видимо, в награду за активную деятельность и, главное, за отказ от требования реабилитации нашего народа, некие высокие чиновники сумели ввести Мартенса в Президентский Совет по международным отношениям вместо законно действующего Президента ФНКА РН Виктора Фридриховича Баумгертнера, который последовательно отстаивал права российских немцев. Разумеется, с 2009 года деньги, отпускаемые нашим государством и ФРГ для поддержки российских немцев (РН), шли через руки четы: Ольге – на ежегодные Екатерининские балы, а сговорчивому ловкачу Генриху на удовлетворение предпринимательских appetitов. Деятельность Мартенса наверняка немало способствовало рождению Указа Президента Российской Федерации № 34... Очень жаль, ведь российские немцы большую часть жизни в России проживали компактно. Имели до репрессивных действий Сталина условия выражать свои национальные традиции, навыки, культуру, смогли своим трудом и службой ярко и массово внести в великую историю Отечества заметный вклад. Стоит только окинуть взглядом стены Георгиевского зала Кремля - сколько там немецких имён героев, служивших России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая вышеизложенное, хочу выразить своё личное мнение на вопрос: почему произошёл столь массовый выезд рус-

ских немцев из страны, почему они покинули свою Родину? Знаю, что большинству было трудно решиться на этот судьбоносный шаг. Чаще всего причину объясняют легко и просто: пожелали лучшей жизни. Что ж, это так и не так. Ведь каждый человек учится и трудится, в конечном счёте, ради того, чтобы достойно и комфортно жить. Помню, однажды мне как-то с досадой главный механик завода сказал: «Ты чего ждёшь, почему не пакуешь чемоданы и не уезжаешь с семьёй в Германию?» Он был знаком с условиями жизни там, так как неоднократно в составе делегации посещал дружественный с Башкирией округ Галле ГДР. В конце октября 2004 года я с младшей дочерью Ритой рискнул отправиться в фатерланд - в самое логово развитого империализма - в ФРГ. Это стало для меня первым и последним выездом за пределы страны. Туда, на так называемую историческую родину в 1993 году перебрались на постоянное жительство мои родственники, вышеупомянутые брат Рубин и сестра Анна с матерью (моей тётёй Аней) и детьми. Семья с 1941 года проживала на станции Топчиха Алтайского края, куда её сослали, выселив из Марксштадта. Разумеется, станция была не самым комфортным местом в России для жизни, ведь не зря её избрали местом ссылки. Но как бы то ни было, они, благодаря упорному труду, укоренились и безбедно жили. В смутные девяностые годы, после мучительных раздумий, и, убедившись, что на родную волжскую землю их обратно не пустят, они приняли роковое решение выехать, в общем-то, в чужую для нас страну. Чиновники Германии очень скрупулёзно изучали документы, прежде чем дать вызов на въезд, но зато как приветливо встретили, как комфортно разместили, какие пособия выдали на жизнь. Прежде всего, взрослых членов семьи направили на восьмимесячные языковые курсы с выплатой за время учёбы стипендии. Я выше отмечал, как разительно наш язык отличается от современного германского языка. Семью поселили в городке Штайнхэйм, входящий в федеральную землю Северный Рейн-Вестфалию. Конечно, наши алтайцы прилежно поправляли свой язык на курсе, но люди моего поколения от присущего нам акцента полностью избавиться не могли и остались для местных жите-

лей русскими. С трудоустройством, разумеется, были, есть и будут проблемы. Рубин с вузовским дипломом и практикой педагога устроился в небольшую строительную фирму рабочим и так старательно трудился, что никогда не оказывался безработным, что нельзя сказать о его сыне, дипломированном электромонтажнике, и жене сына, выпускнице университета, они отметились на ряде подсобных работ. Но все имели весьма комфортное жильё, автомобили. Рубин с Анной живут в двухэтажном коттедже на втором этаже в трёхкомнатной квартире с удобной просторной кухней, с солидной лоджией. Когда мы с Ритой у них гостили, Рубин первый год был уже на пенсии – 1500 евро. Хватало на всё, что хочешь. Принимали нас с Ритой весьма гостеприимно.

Какие у меня остались впечатления? Да немногие и простые. В аэропорт Франкфурта-на-Майне мы прилетели ночью. Мы гостили всего десять дней, ни в одном крупном городе не были, с местными немцами не общались. Конечно, бросается в глаза порядок, вежливое отношение людей в общении меж собой. Там считается большим грехом оставить после себя малейший мусор, где бы ты ни был; подъезд дома, да и вообще придомовая территория – священные места. У контейнеров для сбора бытовых отходов – ни соринки. Вся земля покрыта ухоженной зеленью и цветами, чистейший воздух. Конечно, впечатлили и знаменитые немецкие автобаны и вообще дороги, там даже сельские дороги все асфальтированы, включая и полевые. Запомнилась экскурсия в музей по истории развития древнейших немецких поселений. Музей расположен на обширной открытой территории. Рубин и Аня постарались превратить наш гостевой визит в сплошной праздник, им это с лихвой удалось. Но возвращаюсь на свою грешную родную землю.

Начиная с 1965 года делегации советских немцев, в основном из проживавших в России и Казахстане, неоднократно выезжали в Москву в ЦК КПСС с ходатайством о восстановлении Автономной республики Немцев Поволжья. Итоги визитов описаны в книгах нашей многострадальной истории. Наша республика никогда ни в чём не уступала ныне успешным республикам Татарии и

Башкирии и, без сомнения, в новой истории России могла бы встать вновь рядом с ними. Наши лидеры убеждали властные структуры страны исполнить принятые законодательные акты по нашей реабилитации, но результатом стали горестные слова ветерана Арнгольда Германа Давидовича, приведённые в самом начале данных записей. Такая ситуация закономерно породила резкий спад доверия к власти, и это вторая, главная причина выезда за кордон трудолюбивого, законопослушного народа. Уже многие беглецы разочаровались и поняли - там рая нет и быть не может. Процветающей должна стать наша, самая обширная по территории, одарённая богатейшими природными ископаемыми, разнообразной природой и многонациональным населением держава. Быть может, звучит моё мнение наивно, но рано или поздно, я верю, всё человечество планеты встанет на путь справедливого социального развития.

Ну и третья причина выезда РН – это отсутствие должного единства и патриотизма в среде наших лидеров. Роковую роль сыграла их отчаянная борьба за лидерство, порой честолюбие и амбиции затмевали основную цель борьбы за возрождение достоинства русских немцев. В конце концов, большинство из них, убедившись в бесплодности многолетней борьбы за справедливость, покинули родину. Тем не менее, необходимо отметить, они сделали всё, что было возможно, буквально разжевали для Государственной Думы и Правительства все правовые документы для практической реабилитации российских немцев, но по обыкновению упёрлись в глухую стену. Что не удивительно, совершенно правы Владимир Бауэр и Татьяна Иларионова, когда написали в своей книге «Российские немцы: право на надежду»: «Как показала история, немцев СССР выселили из мест их проживания не на время военных действий, а навсегда, что свидетельствует о спланированной политике государственного геноцида. В последующем поощрялась их ассимиляция, которая происходит и сегодня». Что наш народ в большинстве своём и понял. У нас в Башкирии люди услышали и горькие слова Германа Давидовича.

Вот мой сердечный друг Сан Саныч меня спрашивает: что вы

всё печётесь о восстановлении Республики? Что вам мешает, свободным гражданам России, скомпоноваться и создать себе компактные поселения? Забудьте, что государство в отношении вас исполнит Закон о реабилитации репрессированных народов. Слишком много злодеяний, которые человеческим разумом понять и забыть невозможно, совершили немецкие фашисты в нашей стране. Чего стоят хотя бы одни медицинские опыты над детьми в лагерях. Фашисты замарали всех немцев планеты, в том числе и вас, Российских немцев. И ваше коренное происхождение «немцы» в России, выразусь мягко, звучит не симпатично. Что тут ответишь?

Кроме того, одной из важнейших причин развала могучей страны явилось, по моему мнению, внутреннее деление державы на регионы по национальному признаку. Это создает в стране внутреннее напряжение. Дружба дружбой, а нездоровые межнациональные страсти нет-нет, да и вспыхивали то на Кавказе, то в Средней Азии.

Предполагаю, что именно по этой причине многочисленные обращения наших лидеров по вопросу восстановления Республики Немцев Поволжья не получили положительного решения. Зачем власти ещё одна головная боль. От существующих республик государева голова болит и так. Как подступиться к сложнейшему национальному вопросу? Несколько робких попыток было сделано, когда несколько маленьких национальных автономных округов подчинили областям, превратив их в края. А чехарда несколько лет тому назад с поиском Министра регионального развития РФ? До сих пор нужного министра так и нет. Все эти комитеты при Администрации Президента, в Совете Федерации, в Государственной Думе, как правило, заканчиваются простой говорильней. А изучили бы опыт Петра Великого, Екатерины Великой, да опыт Столыпина – глядишь, от нас не убежали бы за кордон, а напротив, просились бы на наши прекрасные просторы. Понимаю, что последние два абзаца как бы противоречат почти всему, что изложил в тексте. Но это не так. В тексте масса примеров прекрасных дружеских отношений людей разных наций. Сеет смуту, как правило,

амбициозная национальная элита. А политическое сознание и культура народов планеты непременно вырастет, и они смогут избирать к управлению достойных вождей, которым население станет доверять. Уйдёт в прошлое агрессивная внешняя политика, национализм, милитаризм, слабых народов перестанут покорять и унижать. В мире воцарится извечная мечта подавляющего большинства человечества - свобода, равенство и братство.

Заканчиваю свой рассказ словами А. Скороходова: «... мне кажется, что свидетельство непосредственного рядового участника тех страшных, до сих пор тревожащих душу событий имеет сегодня свою ценность».

И еще, недавно, в газете прочитал интервью известной киноактрисы, где она выразила, на мой взгляд, мудрую мысль: «Многие, когда прочитают о моих детских годах, подумают: “Ай, какое тяжелое детство”. Но детство не бывает тяжелым, оно всегда прекрасно, потому что оно детство». По-моему, очень просто и точно сказано. И вообще, надеюсь, описанные годы не будут восприняты как годы прожитые, будто напуганные жизнью. Напротив, я был в своем окружении оптимистом и, как мог, всегда старался отстаивать справедливость.

Уфа, 2019 - 2022 годы.

[ОТЗЫВ О ВОСПОМИНАНИЯХ Г.А. УБЕРТА]

Уважаемый Гарри Альбертович! Приветствуем Вас и приносим наши извинения за задержку с ответом. Некоторые известные всем обстоятельства и особенности нынешнего високосного года внесли свои коррективы в жизнь и быт людей почти на всей Планете.

Мы внимательно прочитали Ваши воспоминания и всецело представляем, что Вам пришлось неоднократно мысленно вновь и вновь прожить те периоды жизни, которые описывали, снова и снова пропускать через свое сердце волнения и переживания того периода, многократно усиленные уже почтенным возрастом.

Воспоминания написаны легким, простым, доступным языком и хорошо воспринимаются. Они близки и понятны, особенно читателям из числа наших соплеменников. Вы правдиво изложили свой жизненный путь и ваших близких родственников в конкретных исторических рамках и политических условиях, когда наш народ подвергался репрессиям, депортации и преследованиям со стороны государства по национальному признаку. В Ваших воспоминаниях показана вся трагедия народа российских немцев в России, предков которых в свое время высочайше пригласили для освоения окраинных земель русских.

Вы в своих воспоминаниях показали терпеливый, покладистый и законопослушный характер людей нашего старшего поколения. Они и Вы прошли через суровые жизненные испытания, но не озлобились и не ожесточились, а смиренно приняли реальную действительность и включились в созидательную жизнь в новых условиях, надеясь на восстановление исторической справедливости и возвращение к своим родным очагам. После публикации ваши воспоминания займут внимание широкого круга читателей, которым дорога история народа российских немцев в России.

Ваши воспоминания уже сегодня можно разместить на историческом интернет-портале «Волга-Дойчен», где они будут легко доступны для читателей.

Однако в заключительной части воспоминаний, касающихся

рейдерского захвата Федеральной НКА российских немцев, необходимо вместо 2002 года указать 2009 год, и тогда всё будет корректно.

Уважаемый Гарри Альбертович, большое Вам спасибо за огромную проделанную работу и проявление заботы о Германе Давыдовиче Арнгольде! Передавайте ему от нас привет и наилучшие пожелания здоровья.

Желаем Вам доброго здоровья, мира и благополучия!
С уважением,

Виктор БАУМГЕРТНЕР, Иван КЕЛЛЕР

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ УБЕРТА Г.А.

«ЛИЧНО МЕНЯ БЕДА КОСНУЛАСЬ ЕЩЁ ДО РОЖДЕНИЯ», ПОМЕЩЁННОЙ В КНИГЕ «РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В БАШОРТОСТАНЕ» (ИЗД. НКА НРБ, ООО «СМУК-ПРЕСС», 2016 Г.)

Поводом для написания данной записки послужило замеченное мною в содержательной части статьи Гарри Альбертовича неоправданное принижение такого важного аспекта, как неординарность авторской жизненной позиции. Кредо этой позиции я бы определил, как позитивный гражданский динамизм.

Что касается собственно автобиографической части воспоминаний, то на деле они мне видятся, как сугубо личностное горестное восприятие автором череды жизненных невзгод и неудач, настигавших его уже в самом детском возрасте. Хотя детства, как такового, у него-то и не было. Хуже того, как он сам написал, что беда его коснулась ещё до рождения. Судьба в скорости действительно обошлась с ним круто. Нежданно и негаданно случилась эта самая неотвратимая реальная беда. Карательная система власти родного Отечества без надлежащего обоснования, прикрываясь ложными провокационными мифами, осуществила незаконную подлую репрессию. Под жернова репрессии попали поочередно: сперва старшие члены семьи Гарри Альбертовича, а затем и поголовно все российские немцы. Далее наступил долгий, на десятилетия, период драматических перипетий, трагических превратностей и несправедливостей репрессивного характера. Подробное и убедительное повествование об этом мы находим в уже упомянутой статье. Отмечу, что словесная составляющая этой многостраничной увлекательной автобиографической эпопеи, по моей оценке, написана в безукоризненной, легко читаемой, богатой образами прозе и хорошем стиле. Вместе с тем, хочу подчеркнуть, что сие произведение всё же никак не заслоняет пикантность его жизненной позиции. Полагаю, что именно на этой благодатной почве зародилась та неизменно целостная идейная направлен-

ность, утвердившаяся в сфере его политической деятельности, в которой активно и деятельно включился. Я лично воспринимаю Гарри Альбертовича, как политика, осознанно настроенного на достижение благородной цели - возвращение нашему народу его подлинной национальной жизни. Об этом свидетельствуют его острые толковые выступления на многочисленных форумах, конференциях и значимых мероприятиях, проводимых немецкими общественными организациями на тему этнического возрождения российско-немецкого народа, он всегда выступал за воссоздание по возможности большего числа немецких компактных поселений, которые постепенно могут трансформироваться в их былую социально-экономическую базу. Именно такой вариант, по его мнению, реально позволяет создать необходимые предпосылки для сохранения если и не самой немецко-русской этничности, то хотя бы одной из её основных составляющих - родного языка. Помнится, несколько случаев, когда по вопросу о решении сложнейшей проблемы российско-немецкого народа - его полной реабилитации, по его инициативе было отправлено несколько обращений первым руководителям соответственно России и Башкортостана. Гарри Альбертович по праву является одним из лидеров немецкой общественности Республики Башкортостан.

Нельзя не упомянуть о его гражданской позиции. Он наступательно и настойчиво добивается следования элементарным ценностям гражданского общества, таким как: правовое жизненное пространство граждан, инициативность, культурно-бытовая добропорядочность, транспарентность, законопослушание и др. Однозначно можно сказать, что Гарри Альбертович несомненно является патриотом своего родного Отечества.

В заключение хочу отметить, что Гарри Альбертович прошагал свой тернистый жизненный путь достойно, не обозлившись и не опустившись до беспредметного критиканства всего и вся. Названная данность, на мой взгляд, является хорошим примером для подражания представителям молодого поколения российских немцев. Именно преемственность поколений только и может со-

хранить святую память о былом национальном достоянии российско-немецкого народа.

Добавлю, что Гарри Альбертович является прилежным семьянином, который вместе с любимой супругой, Тамарой Константиновной, воспитали двух замечательных дочерей. Ныне в Санкт-Петербургском университете учится внучка Татьяна, а здесь, в Уфе подрастает второклассница Ириночка, которой он уделяет большое внимание. Мне и моей семье Гарри Альбертович является желанным гостем и другом.

Вот таким, адекватным, духовно целостным человеком нашего исторически переломного времени мне видится Гарри Альбертович.

13.10.2016. Уфа.

Герман АРНГОЛЬД

Валентин ГЕРНЕР

ТРУДОМ СТРОИТЕЛЕЙ ТРЕСТА СОЗДАВАЛАСЬ МОЩНАЯ ИНДУСТРИЯ

В коллективе треста № 21 я проработал 44,5 года. Участвовал в строительстве промышленных предприятий, жилых объектов в Уфе и других городах республики. Сейчас мне 76 лет, живу в Германии. Но память о прошлом живет, и хочется поделиться своими воспоминаниями.

В марте 1948 года мы с супругой Лилей Ивановной и 11-летним братом сошли с поезда на станции Черниковка. Оставив своих на вокзале, я пешком добрался до управления треста, которое размещалось в бараке на территории автобазы № 1. Дороги замело снегом, машины не ходили, и только к вечеру на санной упряжи мы добрались до конторы ЖКК на ночлег. На следующий день нас направили на работу: меня мастером в СУ-4, супругу – на автобазу. В Аварийном поселке (ныне территория УММ и завода сантехкабин) строились два барака. Наскоро их достроили, и нас, три семьи, заселили в одну комнату. В конце марта главный инженер треста Леонид Владимирович Борисов привел меня и В.К. Калиновского на место, где была сделана разбивка будущего временного поселка строителей треста, и сказал: «Вот вам место для строительства, детали лежат у железной дороги, люди у вас есть. Действуйте»... В конце апреля мы въехали в дом, правда, не две семьи, как планировалось, а четыре. Но мы были молоды, и эти стеснения пережили, как все в то время, без ропота.

Первыми объектами с моим участием стали производственные базы треста – автобаза № 1, машинопрокатная база, база монтажников, в том числе цех металлоконструкций, центральный бетонный завод, арматурный цех, столовая, управление треста. Дело спорилось, и уже к осени 1948 г. у треста появилась своя производственная база. Управляющим треста был М.М. Башилов, главным инженером – Л.В. Борисов, руководителями СУ-4 –З.М. Пра-

тусевич и Л.Н. Егоров. Коллектив рабочих интенсивно пополнялся людьми по оргнабору (вербовке), выпускниками школ ФЗО, условно освобожденными и спецпоселенцами немецкой национальности и народов Крыма. Всюду строилось временное жилье – бараки. Кроме того, строились два лагеря для заключенных – пятый в Ново-Александровке и третий (ныне район больницы № 17 у пропарочной станции). Был и действующий лагерь № 9 (сейчас это территория электролампового завода).

К 1953 году у треста были свой завод силикатного кирпича в Нижегородке, каменный карьер в Миньяре, цех по производству шлакоблоков, машинопрокатная база, автобаза № 1, конный парк на 200 лошадей, Уфимский ДОК, бетонный и асфальтовый заводы, больница, поликлиника, дом культуры, детские ясли и сады. По тем временам работники треста имели лучшие условия соцкультбыта.

В эти годы ярко проявились в работе бригадир каменщиков Н.К. Малышев, бригадир штукатуров Г.Х. Рахматуллин, бригадир плотников М.С. Чегодаев. Из этих бригад вышли замечательные специалисты-строители и руководители производства.

Ранней весной 1949 г. началось строительство Ново-Уфимского НПЗ. Вначале мы занимались устройством оснований под сырьевые резервуары. В то время резервуары монтировались методом полистовой сборки. Вскоре началось строительство блока АВТ, крекингов, ТЭЦ-3, административного здания, ЭЛОУ. Эта громадная стройплощадка была обнесена забором и стала зоной, где в основном работали заключенные. Их было несколько тысяч человек. Когда их вели на работу, «голова» колонны была в районе АВТ-1-4 НУНПЗ, а «хвост» колонны находился в Ново-Александровке. Мне пришлось работать с ними в 1949–1952 гг. Судьбе этих людей не позавидуешь. Это были активные мужики различных профессий, были среди них и участники войны. Работу они выполняли добросовестно и вели себя корректно. В моем подчинении трудилось около 100 человек, и почти всех я знал по имени-отчеству. Тяжелое было время. Справедливость восторжествовала в 1953–1954 гг., когда очень многих амнистировали.

Большинство остались работать в тресте. Хочется, чтобы уфимцы знали о большом вкладе в становление промышленности города «безымянных» граждан нашей Родины.

В эти годы судьба свела меня с замечательными людьми – З.М. Пратусевичем, И.П. Кузнецовым, А.Б. Мельниковым, К.В. Вундером, А.Г. Миллером, Б.К. Калиновским, Л.Н. Егоровым, Л.В. Борисовым. Многому я научился, работая с ними.

Дела на моих объектах шли нормально, и в августе 1950 г. меня назначили прорабом, а в 1952 году – старшим прорабом (начальником участка).

Коллективу треста всегда везло на главных инженеров. В 1952 году нас потрясла трагическая гибель Л.В. Борисова. Это был человек грамотный, трудолюбивый, интеллигентный, человечный.

За период 1948–1953 гг. под моим руководством были построены многие объекты производственной базы треста, в том числе Бельский ДОК, цех металлоконструкций треста ВНЗМ, объекты соцкультбыта и жилье в Аварийном поселке, база для УПТК, для конторы механизации и служебный корпус ТЭЦ-3.

Особо хочется рассказать об Аварийном поселке. Управляющим треста в 1951–1953 гг. был Г.В. Визирян. Он лично контролировал ход строительства в поселке. По своей инфраструктуре он был укомплектован всем, что нужно для нормальной жизни работников треста № 21 и НУНПЗ. Здесь были своя школа, поликлиника, кинотеатр, баня, службы бытовых услуг и отличные магазины. Руководители треста сами жили в этом поселке.

Весной 1954 года меня переводят в СУ-1 и поручают строительство АВТ-9 на НУНПЗ. Была поставлена задача – сдать объект в эксплуатацию к концу года. Эта установка была первой по переработке 1 млн т нефти в год. Таких коротких сроков строймонтажа на подобных объектах еще не было. Работали в две смены. Монтаж и обвязку оборудования вел участок И.К. Згурского, мастером был П.И. Алехин. Все вместе, включая начальника установки Б.Б. Базарова, мы обсудили и приняли к исполнению график строймонтажа и проведения пусконаладочных работ. В нача-

ле июня стройку посетил Л.Б. Сафразьян, заместитель министра Нефтепрома СССР, и был доволен ходом строительства. В то время несущие сооружения фундаментов, постаментов выполнялись в монолитном железобетоне. Мною была разработана и внедрена унифицированная инвентарная опалубка, что сократило сроки строительства и трудозатраты. Эти элементы опалубки впоследствии «гуляли» по объектам Черниковского НПЗ (Уфанефтехим). Впервые в практике мы, строители, подготовили монтажные зоны с отработанными нулями. Установку сдали в срок. Опыт строительства АВТ-9 был принят Госстроем СССР как эталон для норматива продолжительности строительства подобных производств.

На этой стройке я всерьез задумался над перестройкой состава рабочих бригад.

Узкоспециализированные бригады – плотников, бетонщиков, арматурщиков, землекопов, подсобников – тормозили управляемость, рост производительности труда, увеличивали потери рабочего времени. Надо было как-то решать эту проблему. В 1956 году мне удалось позаниматься на шестимесячных инженерных курсах в Москве. Они дали мне многое в познании новинок технологии и организации производства. Оттепель после XX съезда КПСС резко продвинула строительную отрасль вперед, обогатив ее зарубежным опытом.

В июне 1956 г. меня перевели на строительство объектов первой очереди Черниковского НПЗ (Уфанефтехим). Первая очередь формировалась составом объектов для работы АВТ-10, 11. Участок выполнял объемы на уровне управления, рабочих было порядка 200–250 человек, ИТР – 12. Осенью того года установки были сданы в эксплуатацию. Затем последовали следующие объекты: депарафинизация, ЭЛОУ, селективной очистки, установки 35/5, 35/4, АГФУ. На каждом объекте внедрялось что-то новое как в технологии производства, так и в организации труда.

Осенью 1956 г. провели реорганизацию бригад, сделав их комплексными численностью до 25 человек. В бригады нулевого цикла вошли плотники, бетонщики, арматурщики, землекопы, подсобники и другие специальности. Я переживал за воссоедине-

ние в один коллектив мужчин и женщин: не будет ли дискриминации в зарплате. Жизнь доказала правильность этого решения – повысилась производительность труда, качество работ и, конечно, зарплата. В таком составе бригады могли строить объекты без отделки до сдачи под монтаж или под отделку. Сразу появилась возможность бригадного хозрасчета.

В этом деле меня серьезно поддержали главный инженер треста Лазарь Борисович Хейфец, начальник ПТО СУ-1 Владимир Семенович Озеров. На участке активно работали Леонид Григорьевич Поплужный, Владимир Алексеевич Паскидов, Алексей Афанасьевич Прокофьев, Иван Емельянович Олейников.

Эта реорганизация вынудила нас организовать занятия для рабочих по изучению строительных норм и правил, особенно при выполнении опалубочных, бетонных и арматурных работ. Время, надо сказать, было тогда весьма напряженное из-за жестких требований за ввод объектов в эксплуатацию. Я не припомню случая, чтобы участок не выполнил план.

В те же годы заметно вырос Л.Г. Поплужный, который принял от меня руководство участком, и Василий Семенович Молявко.

В те годы мы впервые в тресте внедрили новинки – строительство эстакад под технологические трубопроводы на буронабивных сваях мелкого заложения. Впервые использовали составленное мною пособие для оптимального режима электропрогрева бетонных конструкций в зимнее время. Впервые на участке была опробована учетная система хозяйственного учета расхода материалов по исполнителям – мастерам и прорабам. Напомню, что все эти новшества внедрялись с низов и зачастую наталкивались на консерватизм высших инстанций.

В 1958 году я экстерном сдал экзамены в строительном техникуме, и в 1959 г. меня назначают начальником производственного отдела СУ-3, а через месяц – главным инженером СУ-3. Это подразделение переживало нелегкие времена – смена руководства и сложная обстановка на пусковых объектах производства жирных кислот (СЖК) на Черниковском НПЗ. Нам с Николаем Гаври-

ловичем Кулеевым поставили задачу поднять рентабельность управления и обеспечить сдачу объектов в эксплуатацию. В это время на должность главного инженера треста пришел Александр Ипполитович Брюно, управляющим стал Иван Павлович Кузнецов. Главный корпус производства синтетических жирных кислот вошел в зиму неподготовленным, неостекленным, без готовых систем отопления. Стоило больших трудов «загнать» тепло в цех. Тут показали свои способности прорабы Герман Иванович Зданчук и Яков Исаакович Фишман, механик М.С. Чуйков.

Под Новый 1960 год в громадном цехе стало тепло, и тут мы внедрили новинку: все приточные тепловые камеры были развернуты забором воздуха из цеха. Таким образом была обеспечена рециркуляция теплого воздуха через генераторы тепла.

Параллельно с СЖК шли к завершению работы на биологических очистных сооружениях 2-й очереди. После завершения этих объектов в сжатые сроки были построены цех присадок, установка синтмасел.

Не обошлось и без неприятностей в те годы. При строительстве главного корпуса цеха присадок – ранней весной 1961 года, при активной оттепели с дождем – упала стена высотой 1,6 м. К счастью, обошлось без жертв. К вечеру следующего дня кладка была восстановлена.

В СУ-3 сформировался прекрасный коллектив. С удовольствием вспоминаю молодых специалистов Юрия Владимировича Мамонтова, Анвара Габдулхаковича Рахимова, Розу Ахметовну Рубину, Геннадия Васильевича Чегодаева. Тогда СУ-3 стало одним из ведущих управлений треста № 21.

В период 1959–1963 гг. была проведена реорганизация состава всех бригад в комплексные по всему управлению, это порядка 350 человек, и создание отделочного участка (в то время отделочного СУ-7 еще не было). При строительстве цеха синтмасел впервые в тресте применялись железобетонные фермы пролетом 18 метров, изготовленные на стенде ЖБЗ № 1. Смонтировали их 15 штук за один день в сцепе двух башенных кранов с различными техническими характеристиками. Монтажом руководил механик

управления М.С. Чуйков, исполнила бригада Шишкина. Впервые в тресте была внедрена в практику ванновая сварка стыков арматурных стержней. Эту работу обеспечили главный механик управления Риза Басырович Иксанов и электросварщик Теплов. При строительстве установки 56/4 в фундаменты под здание насосной впервые были применены сваи оболочки с заделкой стыка с колонной каркаса здания за счет трения заделки стыка.

В июле 1963 г. меня назначили начальником строительного управления № 4. Еще совсем недавно оно входило в состав треста «Стерлитамакстрой», и вот теперь, влившись в трест № 21, вело работы на строительстве объектов УЗСС (Уфаоргсинтез). Когда я принял управление, там за 1963 год накопилось 800 тысяч рублей убытков. Управляющий трестом Иван Павлович Кузнецов поставил передо мной задачу обеспечить стабильное выполнение плана СМР, обеспечить сдачу в эксплуатацию 1-й очереди производства фенола и обеспечить плановую прибыль. Руководство завода – директор Анатолий Михайлович Петров и зам. директора по строительству Семен Аронович Басс встретили меня доброжелательно. В составе СУ-4 было около 400 человек.

За пять месяцев 1963 года мы сумели подтянуть выполнение плана, а главное, по итогам года ликвидировали убытки. Тут надо отдать должное Д.Г. Васильеву, главному бухгалтеру Александру Архиповичу Пономареву и А.Г. Хлопотину.

К сроку сдали в эксплуатацию производство фенола 1-й очереди.

В течение семи лет я руководил управлением. СУ-4 росло в объемах, монопольно вело стройки по генподряду на НУНПЗ, УЗСС, РТТЗ. За эти годы на УЗСС были построены два производства полиэтилена, производство сополимерного каучука, восстановлено производство этилового спирта, РТТЗ, комплекс объектов производства ЖЕКСа на НУНПЗ, выполнена реконструкция ГФУ, установки серы. Оказывали шефскую помощь колхозу «Дружба» Аскинского района – построили гараж, три коровника, свинарника.

В эти годы управление стабильно выполняло плановые задания и имело плановую прибыль. За высокое качество, культуру производства и сокращение сроков строительства СУ-4 получило Диплом II степени Госстроя СССР. За строительство объектов комбинированной установки ЖЕКСа группа работников строительства, монтажа и эксплуатации получили премию Совета Министров СССР.

Хочу отметить отличную работу моих сослуживцев: Александра Михайловича Глотова, Василия Трофимовича Мокрополова, Тимофея Артемьевича Бородкина, Дмитрия Григорьевича Васильева, Александра Гавриловича Хлопотина, Владимира Алексеевича Наумова, Юрия Ильича Константиныди, Григарта Христофоровича Асатурова, Нины Михайловны Бондаренко, Александры Ивановны Ашариной, Аркадия Васильевича Деева, бригадиров Яхия Тагирова, Владимира Гана, Хайрислама Шайхлисламова, Вали Юсупова, Петра Пилюкова.

Приведу такой пример ответственности бригад за выполнение заданий в срок. Бригада Петра Дмитриевича Пилюкова заканчивала работы в ремонтном цехе производства полиэтилена на УЗСС. Обычно я приезжал на стройплощадку рано утром и до начала рабочего дня успевал обойти все объекты стройки. И вот как-то поднимаюсь на второй этаж цеха, где был узел приточных венткамер, и вижу такую картину: в одной комнате на полу спят люди. Я буквально оторопел, иду дальше и слышу: кто-то копошится под покрытием. Это были Пилюков и члены его бригады. Они заканчивали бетонирование тонкостенных железобетонных перегородок венткамер. Выясняю, почему работали всю ночь и почему не видно ИТР. Оказалось, у бригады подходил срок завершения объекта, и люди добровольно работали день и ночь. Это не алчность. Это высокая гражданская ответственность за порученное дело и честь коллектива. Подобных примеров не счесть.

В СУ-4 сформировался замечательный коллектив. Мы умели и работать, и отдыхать. Многие помнят, что за счет управления из фонда предприятия детям работников к началу учебного года по-

купали школьную форму и обувь. Кроме того, многодетных семей всегда поддерживали материально.

В сентябре 1970 года меня назначили начальником ПРО треста, здесь я проработал пять лет. Имея богатый производственный опыт, я без труда втянулся в «штабную» работу. Тут были огромные масштабы – подготовка производства, регулирование всего производства в объеме треста. В то время трестом руководили А.В. Власов и главный инженер Л.Г. Поплужный. Это были разные люди по складу характера. Но оба активно болели за план, за своевременную сдачу объектов. Л.Г. Поплужный был строг в требованиях за качество работ и культуру производства. Проявил себя грамотным инженером. В их бытность трест выполнял самые большие объемы СМР и обеспечивал сдачу многих крупных объектов. Неоднократно нам поручались объекты, начатые трестами № 3 и БНЗС, коим грозил завал ввода в установленные сроки, как это чуть не случилось с литейным производством для моторов «Москвич» на УМЗ, на заводе низковольтной аппаратуры и другими. Трест строил гормолокозавод, хлебозавод, больницы, поликлиники и также ежегодно сдавал по 1200–1400 кв. м жилья для своих работников. В те годы мы имели весьма приличную производственно-вспомогательную базу, что разумно дополняло рост производительности труда.

А чего стоила деятельность строительной лаборатории треста! Многие помнят, какие интересные научно-технические конференции проводились в ее стенах. В этом нужно должное отдать Юрию Николаевичу Конинину, Клавдии Матвеевне Грачевой, Верре Андреевне Ткачевой.

Шло время очень напряженного труда. Из молодых специалистов, унаследовавших преемственность школы треста № 21, были выдвинуты на руководящую работу Г.Х. Асатуров, Рудольф Иванович Чумаков, Олег Филимонович Каменев, Мабрус Кудрасович Рашитов, Анвар Габдулхакович Рахимов, Юрий Владимирович Мамонтов, Юнер Хусаинович Худайдатов, Юрий Михайлович Седов, Риф Рахимович Гареев, Николай Кузьмич Малышев. Руководство СУ и участков состояло из своих доморощенных

специалистов. В руководстве партийным и профсоюзным комитетами заметный след оставили Владимир Семенович Озеров, О.Ф. Каменев, М.К. Рашитов, Семен Михайлович Грушко, Хатми Муллагалеевич Ишмитов.

В те годы красиво были построены автоцентр ВАЗа, установки на НУНПЗ и Химпроме, литейное производство на УМЗ, хлебоприемный пункт в Кушнаренково.

В 1973 году я побывал в Москве на инженерных курсах по изучению автоматизированных систем управления. Дело шло к внедрению компьютерной техники в систему управления строительства. Курсы дали мне значительные знания для разработки программ, сетевых графиков и других схем с последующим ими через «память» электронной техники. К чести инженерной службы треста, уже с 1967 года внедрялись сетевые графики на строительстве серьезных комплексов. Где-то это давало эффект, а где-то «спускали на тормоза». Все зависело от технической культуры руководящего звена. Я был убежден в значимости этих мер в будущем и неуклонно внедрял их в жизнь. Уже в те годы нам стало ясно, что современная система управления и низкая техническая дисциплина тормозят эффективность строительного производства. Пример тому – на НУНПЗ было запланировано строительство компактной установки по декантанзации газов на импортном оборудовании, и мы решили провести опыт. Разработали детальный сетевой график на весь объем стройки по трудозатратам. НИИпромстрой «вложил» весь процесс в память ЭВМ (тогда персональных компьютеров в тресте не было). Программа предусматривала исходные данные: задание СМР на декаду, стоимость СМР в рублях, плановую численность рабочих и итоги хода работ в масштабе времени в днях по критическому пути. Оперативки проводились раз в неделю и рассматривались там вопросы только хода работ на критическом пути. Чего бы проще, имеешь задание – иди выполняй. Тем не менее, находились руководители-демагоги, которые вступали в полемику, уклонялись от ответственности. Особую безграмотность и низкую техническую культуру проявил тогда главный инженер Стерлитамакского МУ треста ВНЗМ Пет-

ров. Из-за срыва сроков монтажа и обвязки оборудования другим исполнителям – а их было 14 – пришлось нагонять, работая в 2 и 3 смены. Все же объект сдали в срок по графику.

В августе 1975 года меня перевели на должность заместителя управляющего трестом по производству и поручили руководить строительством Башкирского биохимкомбината в г. Благовещенске. Ситуация на стройке была весьма сложной. Стройку контролировал обком КПСС в лице секретаря В.И. Манаева и первого секретаря М.З. Шакирова. Недели мне хватило на то, чтобы разобраться в деталях, согласовать с заказчиком всю схему пусконаладочных работ. С активным участием Владимира Романовича Пескина составил укрупненный сетевой график, я его называл «модель стройки», сделал хозрасчет потребности рабочих, основных материалов и механизмов и доложил на оперативке с участием всех руководителей подразделений и трестов, занятых на стройке. Своей информацией я некоторым «протер глаза», рассказав о критическом положении дел.

Предложенная модель была принята за основу. На площадке комбината не были завершены работы по вертикальной планировке и выносу Бирского тракта. Когда я доложил расчет потребности в механизмах и транспорте, у многих расширились глаза, а нужно было задействовать в три смены 16 кубовых экскаваторов, 100 самосвалов, 20 бульдозеров и другой техники по уплотнению насыпей, общее число рабочих довести до 2700 человек. Особо отставали строительные работы, и руководство Главка привлекло рабочих из Стерлитамака, Салавата и других СУ треста № 21. Наравне с этим пришлось срочно решать вопросы общепита, для чего открыли две временные столовые. Seriously встали вопросы промышленности и культуры производства. Нормальные условия для работы и хороший психологический климат в коллективах сумели создать Ю.Х. Худайдаев, Анатолий Семенович Конаков, Герман Константинович Будрин, Семен Михайлович Грушко, Леонид Александрович Штенбак, Юрий Николаевич Конинин, Владимир Семенович Ким, Н.К. Малышев, Владимир Семенович Бурлака, Анатолий Григорьевич Радиков. Стройку в то время часто посе-

щали руководители министерств и высших партийных инстанций. Внимание ко всем вопросам было самое серьезное.

Уже в сентябре мы ликвидировали бывшее отставание и предложили заказчику по цепочке начать пусконаладочные работы с временных схем энергоснабжения. Сложная ситуация была с водозабором на реке Белой, с завершением строительства ТЭЦ-5, с поставкой оборудования с Ташкентского химического машинного завода. Мне кажется, что «в верхах» не очень-то верили в завершение строительства комбината к концу 1975 года. Заместитель Госкомитета по микробиологии Любомирский, опытный строитель, был удивлен происшедшими изменениями на стройке. Помогла делу и личная напористость Мидхата Закировича Шакирова, его воздействие на руководителей Ленхиммаша, Минэнергостроя, Минмонтажспецстроя. В ноябре с ТЭЦ-5 по временной схеме были поданы на комбинат пар и горячая вода для отопления. В основных цехах все было подготовлено для пуска отопления.

Но беда нас не миновала, на ТЭЦ-5 вышел из строя пиковый котел, и в праздничные ноябрьские дни нам пришлось ночевать на стройке, спасая системы отопления от замораживания. Много удалось спасти, 14–15 ноября все было восстановлено. На Бельском водозаборе установили плавучую насосную, которая работала два года, пока не завершили проектную насосную в опускном колодце. В ноябре служба заказчика начала пусконаладочные работы, 20.12.1975 по проектной схеме был получен БВК – биовитаминный концентрат. В 1976 году завершилось строительство 2-й очереди. Заказчики сумели собрать деловой коллектив и вложить значимую долю в завершение строительства Биохимкомбината.

Сообщу об одном историческом факте... На ББХК секретарь обкома КПСС Виктор Степанович Манаев дал нам команду на строительстве применять стендовые керамобетонные панели, облицованные стеклоплиткой с фасадной стороны. Так и пошло в последние годы в промстроительстве.

За строительство ББХК коллектив строителей, монтажников и комбинат получили поздравление ЦК КПСС и Совмина Союза. На этой стройке проявились таланты: Николай Александрович

Слесарев, Ю.А. Худайдатов, А.С. Конаков, Ю.В. Мамонтов, В.Р. Пескин, Р.А. Галеева и многие другие.

Во время завершения стройки мы понесли большую утрату: в автодорожной аварии погиб В.П. Исаков, начальник УМУ-3 треста ВНЗМ, замечательный руководитель, ветеран строек Уфы.

Субподрядные организации сработали славно: СМУ-6 треста БСНС под руководством Б.И. Шнейера, А.Т. Родикова, в тресте ВНЗМ: Юрий Михайлович Долин, Г.И. Балтер, Р.С. Рахматуллин.

Завершая свой рассказ о строительстве ББХК, мне хотелось бы поделиться своими мыслями о том, что нам помогало добиваться хороших результатов работы, несмотря на трудности. Думаю, составляющие успеха таковы:

- создание нормальных условий труда, организация быта, питания;
- нормальная психологическая обстановка, культура производства и поведения; соблюдение технологии строительства СМР;
- максимальное совмещение строительно-монтажных и пусконаладочных работ;
- жесткая дисциплина исполнения модели стройки – графика работ по объемам и масштабам времени;
- внедрение прогрессивных технических решений в целях сокращения трудозатрат; своевременная поставка материалов и конструкций.

Впервые для наглядности и восприятия мы дали на обозрение укрупненную модель хода исполнения работ, где было видно опережение или отставание в днях и какая организация допускает отставание.

После завершения второй очереди ББХК силы треста и субподрядных организации были перемещены на строительство комплекса производства фенола-ацетона на УЗСС. Для меня этот объект знаменателен тем, что под руководством М.Г. Магида был разработан сетевой график на основные цеха производства и вложен в память ЭВМ. Эта модель-программа была несколько громоздка, имела некоторые дефекты в соблюдении технологии производства и совмещения строительно-монтажных работ, а главное,

мы в штабе стройки не имели оперативной связи с операторами ЭВМ. Связь осуществлялась через посыльного, что явно не удовлетворяло нас исходными документами. Но все же я, как руководитель стройки, терпеливо пользовался этими услугами ЭВМ с пользой для дела. В.Р. Пескин будучи руководителем ОДГ на основании этих исходных данных готовил месячные задания по исполнителям. А если бы мы имели персональный компьютер, то эта работа НИИпромстроя была бы очень кстати. Нам пришлось самим разработать укрупненную модель сетевого графика с еженедельным расчетом хода работ в масштабе времени по исполнителям, где наглядно было видно, кто отстает в днях. Реакция от этого документа была очень действенна. Незнание сетевых графиков личными исполнителями позволяло мне путем уплотнения сетевых работ создавать определенный резерв. Только один Г.И. Бреслер, начальник СМУ-3 БСТМ, разобрался в сетевом графике и буквально «завопил»: «Куда ты гонишь? У меня есть еще резерв времени». На объектах этого комплекса основной объем работ был у монтажников треста ВНЗМ, и им вплотную занимались Р.С. Махмутзянов, Р.М. Долин, С.М. Тяжкороб, Г.И. Балтер, И.Н. Данильченко. Стройку почти ежедневно контролировали первый секретарь обкома КПСС М.З. Шакиров, руководители министерств. С задержкой шла поставка крупногабаритного технологического оборудования, КиА и части электрооборудования из Чебоксар.

Напомню такой факт: задержалась поставка одной из технологических колонн у цеха 601. Этот громоздкий аппарат еле вмещался на площадке, из-за этого много чего нельзя было делать на аппаратном дворе. Когда она пришла по железной дороге, отсчет пошел по часам. Был уже снежный декабрь. Колонну внизу обвязали площадками, трубопроводами и заизолировали. Работали в три смены. Когда пошли на подъем, начался такой буран, что половины колонны не стало видно. Ее поставили на фундамент. И только на следующий день мы увидели, какая она грандиозная! Помню волнения Тяжкороба и Долина. Это стоило здоровья!

Здание насосной цеха 601 было довольно громоздким и несколько задерживалось укупоркой. Как всегда, чего-то не хватало. По моему настоянию сантехники и вентиляционники полностью смонтировали систему отопления, а главный механик СУ-4 Т.А. Бородкин, главный энергетик треста Г.К. Будрин сделали компактные пусковые станции, позволяющие пуск приточных камер по временной схеме электропитания. Приточные системы воздухообмена перевели на рециркуляцию воздуха, и как только была вставлена последняя шибка стекла в витражах, так включили приток теплого воздуха. К утру в цехе можно было без теплой одежды работать отделочникам и другим. Вот тут нужно отдать должное руководителю треста БСТМ И.В. Лыкову, СМУ-3 Г.И. Бреслеру, В. Ивлеву за быстро смонтированные системы воздухообмена. Новинка – временное электроснабжение – в будущем применялась на многих объектах для использования проектных систем для отопления зданий для СМР в зимнее время.

Пуск комплекса проходил сложно, зима была холодной. Конечно, это не дело – планировать сдачу объектов нефтехимии на IV квартал года.

За строительство производства фенола-ацетона коллектив строителей, монтажников завода получил приветствие ЦК КПСС и Совмина СССР, многие были награждены орденами и медалями.

Затем мне поручили руководство строительством комплекса производства высших жирных спиртов на Уфанефтехиме. Это был, по сути, целый завод. Оборудование поставила Франция, и надзор за монтажом осуществляли их специалисты. На строительстве ВЖС мы уже были с богатым опытом строительства объектов нефтехимии. Мы построили это производство красиво и в установленный срок. На этом комплексе я настойчиво внедрял укрупненные модели сетевых графиков, чем максимально совмещали строймонтаж и пусконаладку. На оперативках рассматривались вопросы хода работ на критическом пути. На этом комплексе хорошо сработали Г.Х. Асатуров, Н.Н. Лощинин, Ю.М. Седов, Р.Г. Гараев, С.В. Казаков, Г.В. Чегодаев, М.С. Мичкин; бригады СУ-3 под руководством И.И. Винара, В.Д. Динисламова, Ф.М. Аюпо-

вой, А.Н. Семеновой, М.М. Загрияева, В.А. Туктарова. Очень приятные впечатления о совместной работе на этом комплексе оставили руководители производства В. Востров и Б. Майоров и начальники цехов. Эти мужики знали дело и умели работать. Стройку неоднократно посещали руководители республики и союзных министерств. И.К. Мироненко долгое время принимал активное участие в курировании стройки, рассматривая и координируя проблемные ситуации. На этом объекте Главбашстрой организовывал школы руководителей смежных трестов по вопросам организации совмещенного строймонтажа, техники безопасности и системы управления стройкой.

Вспоминается еще одна особенность, с которой мы столкнулись на этом объекте, – это подготовка и оформление исполнительной технической документации и всех видов актов рабочих комиссий. Только что вышел новый СНИП по регламенту оформления документов при сдаче объектов промышленного назначения, нас это застало врасплох.

Считаю, что мы – строители, монтажники и работники завода – очень оперативно и правильно решили организацию и работу рабочих комиссий. Объекты сдавали без недоделок. Напомню, что только актов рабочих комиссий было оформлено около 250. Этот опыт нам очень пригодился впоследствии при завершении строительства комплекса по производству ароматических углеводородов и других крупных объектов. За многолетнюю работу на строительстве я убедился, что многие руководители не умеют заканчивать объект и нормально сдавать его в эксплуатацию – для этого нужны особая школа и знания. Мне как руководителю комплекса нужно было знать техдокументацию как строительную, так и монтажную, знать объемы всех исполнителей, а их на таких сложных объектах нередко было более 20, знать так, чтобы «не вешали на уши лапшу».

У нас были деловые добрые отношения с руководством заказчика – зам. директора В.М. Чвалюком, его замом П.И. Синдяком, инженерами Г.И. Китабовой, В.А. Мищенко, В.Н. Кузнецовой, И.Е. Лейфером. Директор завода М.М. Куковицкий, главный

инженер завода М.Г. Рахимов очень внимательно относились к строителям и монтажникам. Безусловно, это двигало успехи строительства новых производственных мощностей.

Стройка ВЖС оставила приятные впечатления по своей организации и исполнению. Я пришел к убеждению, что на подготовку стройки нужно тратить не менее 50% инженерного труда, остальные 50% – на организацию и контроль процесса. Главная эффективность в строительстве – это все же сокращение срока стройки, особенно в нефтехимии, где окупаемость затрат на стройку многих производств планируется в 2–4 года.

Создание инженерно просчитанной модели стройки – это главное. Этому нужно учить специалистов и жестко требовать его исполнения. Владея этим умением, можно просчитывать предполагаемую экономическую эффективность и возможность подряда строительства объектов «под ключ». Обмениваясь опытом строительства промышленных объектов в трестах Главбашстроя, где были несколько отличительные «школы» подхода в управлении и организации стройки, более близкий тресту № 21 подход был в тресте «Стерлитамакстрой», а вот культуры производства не хватало многим. И по оценке руководителей Главка, трест № 21 опережал другие предприятия по многим вопросам.

В 1978 году сменилось руководство треста, управляющим пришел В.Л. Попов, А.В. Власов ушел в Главк одним из заместителей начальника. Как водится, новый руководитель – новый порядок. В вопросах организации производства мало что изменилось, а вот в вопросах управления, дисциплины он внес заметные изменения. Попов любил бумаги, умел держать себя независимым как в общении с вышестоящим начальством, так и с подчиненными. Постоянно работал на престиж треста. Считаю, что он был весьма подготовленным для этой должности.

После завершения строительства высших жирных спиртов мне поручили закончить строительство комплекса производства ароматических углеводородов на Уфанефтехиме, как мы его называли «Ароматика». Это был, пожалуй, самый крупный комплекс за всю историю треста. Я начал с того, что ознакомился с

состоянием строймонтажа на каждом объекте, определил остаток СМР в стоимости по исполнителям, затем с начальником производства А.С. Обуховым обсудили схему пуска наладочных работ. Все это я свел в укрупненную модель сетевого графика и принял его к исполнению, насаждая жесткие требования к исполнителям за сроки и за культуру производства. При этом нужно было постоянно следить за нормальным психологическим климатом, объединять коллектив для завершения стройки в установленный срок. От треста № 21 были задействованы СУ-1, 2, 3, 4, 5, 7. От треста ВНЗМ – все его монтажные управления. Дело дошло до того, что Минмонтажспецстрой собрал многих специалистов-монтажников из других трестов Союза. Порой общее количество рабочих доходило до 3000 человек. Определенные сложности были в том, что мы строили завод в действующем заводе со многими неудобствами. Строительство производства завершили с оценкой ХОРОШО. За эту стройку многие участники были награждены орденами и медалями. В строительство этого комплекса большой вклад внес Равиль Салихович Рахматуллин. Он помогал мне, координируя работу Минмонтажспецстроя.

После завершения «Ароматики» из крупных объектов мне поручалось руководство строительством установки «Парекс» на НУНПЗ, установки синтмасел на «Уфанефтехиме», водозабор на реке Изяк.

На строительстве комплекса объектов производства жидких парафинов «Парекс» на НУНПЗ следует остановиться подробнее. На этих объектах от треста были заняты СУ-1, 2, 4, 5, 7. Сама установка была очень тесной и расположена на берегу оврага, подход к ней был только с одной стороны: в проходе между действующими эстакадами технологических трубопроводов и резервуарными парками. Начало было трудным из-за запоздалых сроков баланса земляных работ при вертикальной планировке. Выполнял эти работы трест «Строймеханизация». Затем были очень ощутимые срывы из-за отсутствия бетона, очень часто в летнее время на ЖБЗ-1 не было цемента.

Проработав модель стройки, мы решили в срочном порядке сделать фундаменты под крупногабаритное оборудование, затем его смонтировать на фундаменты и только потом продолжить возведение зданий и всего другого. Монтаж тяжеловесного оборудования нужно было успеть до начала весны. СУ-4, 5 справились с устройством фундаментов, а монтажники лихо смонтировали оборудование (было так – днем монтировали, а во 2–3-ю смену заказчик подвозил оборудование).

Так мы успели управиться по мерзлomu грунту и выиграла время для дальнейшей работы. Работники завода параллельно с нами оперативно провели пуск и до подписания акта Госкомиссии успели наработать около 500 тонн жидкого парафина – исходного сырья для Башкирского биохимкомбината. Специалисты подсчитали, что этого сырья хватило для выработки кормов белково-витаминных концентратов эквивалентно тому, как скормить 16 тыс. тонн зерна. Вот что значит сдать объект досрочно! Такое количество зерна собирал весь Благовещенский район.

Для истории я сохранил и оставил для хранения в архиве треста укрупненную модель графика в масштабе времени всего периода строительства с фактическим ходом работ ежемесячно. Весьма интересный документ. На строительстве этого комплекса от треста № 21 отличились: Ю.А. Худайдатов, М.Я. Усманов, Г.Х. Ишмитов (СУ-5); Ю.Н. Клименко, Д.Г. Васильев (СУ-4); молодой мастер А.И. Саратовцев из СУ-2; бригады Д.П. Родионова, Р.В. Гайфуллина (СУ-1); М.З. Арсаевой, Г.И. Сенчи (СУ-2); Ф.Б. Гарипова, В.М. Шаймуратова (СУ-4); А.Н. Шакирова (СУ-5); А.Д. Суркова, С.М. Шариповой, Кашфуллиной Ф.Х. (СУ-7).

В мае 1986 года я ушел на пенсию и продолжил работу в монтажной группе треста. И тут мне не дали покоя, загрузив общественными поручениями. Особо мне запомнилось председательство в ветеранском движении треста и Орджоникидзевского района г. Уфы. Тут я встретил замечательных людей, талантливо выполнявших на общественных началах очень кропотливую работу на благо пенсионерам: Марию Герасимовну Михайлову, Галину Николаевну Полунину, Глеба Андреевича Андреева, Егора

Ивановича Борисова, Анатолия Григорьевича Шаврина, Хатми Муллагалеевича Ишмитова, Владимира Степановича Белякова, Николая Ивановича Пискунова, Михаила Яковлевича Прокофьева, Ильгизара Гариповича Хайрова, Михаила Семеновича Обухова, Ивана Моисеевича Денисенко и многих других. Это с их активным участием пенсионеры района обрели внимание и заботу за заслуженный труд от своих коллективов.

Напомню еще об одном событии из пенсионного периода. Тресту № 21 поручили закончить строительство производства офсетных пластин на Уфимском заводе резинотехнических изделий (РТИ). Начальник Главка В.Я. Громаков и управляющий трестом попросили меня помочь в завершении этой стройки. По моему предложению руководителем генподряда от треста назначили П.Г. Неусыпова, способного инженера. Так вот мы вдвоем потратили день на изучение обстановки на стройке, просидели ночь над технической документацией, рассмотрели оставшиеся объемы СМР и только к вечеру следующего дня собрали «модель-график» завершения стройки. П.Г. Неусыпов не очень верил в возможность завершения стройки за три месяца. Первый месяц я буквально стоял у него за спиной, направляя его в руководстве стройкой, а дальше уже пошло по руслу модели. Объект сдали в срок. П.Г. Неусыпов буквально вырос перед всем коллективом строителей, монтажников и завода. Об этой стройке очень лестно отзывались руководители завода.

За долгие годы в тресте прошли школу многие специалисты, коих направляли или они сами уходили в другие организации на руководящие должности. Трест № 21 был кузницей кадров. Заметную роль в истории треста сыграли женщины, их в коллективе треста было всегда не менее 30% от рабочих до руководящего инженерного ранга. Всех не перечислить, а очень хотелось бы каждой отдать дань уважения. Особенно памятны бригады Касимовой, Гайниязовой, Вагнер, Полины Гейст-Лукиной, Муллагалеевой, Гомжиной, Сельсковой, запомнились Н.М. Бондаренко, А.И. Ашарина, Ф.М. Гарифуллина, Р.А. Галеева, С.М. Котлякова, Ю.Р. Бауэр, Л.К. Орашанова, Р.А. Рубина, Н.К. Якина, Т.А. Смирнова.

Дорогие друзья-сослуживцы, многим из вас я напомнил о некоторых вехах на нашем трудном пути, вспомните эти годы, свою молодость, свои трудовые будни. Это вы и ваши друзья совершили подвиг, создавая мощнейшую индустрию республики. Это вы создали славу тресту № 21!

«СТРОЙКА – ЭТО ШКОЛА ЖИЗНИ»

Трест № 21 отметил свой 70-летний юбилей. Созданный в годы войны в 1942 году, он был предназначен для строительства промышленных предприятий нефтехимического и перерабатывающего профиля. Один из ветеранов-строителей треста, чье имя навсегда вписано в скрижали истории, – Валентин Рудольфович Гернер.

Я начал работать мастером в годы войны, когда мне не было еще 18 лет. Мы строили Орский нефтеперерабатывающий завод, куда американцы поставляли оборудование по ленд-лизу. Там были особые требования к качеству, культуре производства и т. д. Поэтому времени это, конечно, была показательная стройка. Американцы поставляли все вплоть до гвоздей – все было американское: оборудование, приспособления. В те далекие годы я увидел, насколько в строительстве возможно применение всех новшеств того времени.

В Уфу нас перевели (мы тогда еще были спецпоселенцами) в 1948 году, к тому времени у меня было порядка шести лет стажа мастером. Вскоре в тресте № 21 провели аттестацию, я ее прошел очень хорошо и даже получил прибавку к заработной плате. В то время это было существенно.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАДРОВ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР

Конечно, за все годы работы в тресте я работал со множеством людей, руководителей, молодых специалистов, субподрядчиков. Много было построено объектов различной сложности. И надо сказать, в тресте всегда с большой ответственностью относились к вопросам подготовки и преемственности кадров, на предприятии воспитывалась плеяда работников, которая самостоятельно могла выполнять очень сложные работы. Я это видел, и поэтому тоже считал это необходимостью. В первую очередь это ка-

салось молодых специалистов, пришедших после институтов, техникумов.

Среди них были всякие – и талантливые, работающие и не очень. Были такие, которые вообще к этому делу даже природой не были приспособлены. Слабые духом уходили, а те, кто оставались, это были талантливые способные работники. Я считал очень важным поближе знакомиться с молодыми специалистами, расспрашивать о семейном положении, происхождении, взглядах на будущее. Так познаешь человека и видишь, будет он строителем или нет.

Ко мне обращались с различными вопросами, вплоть до личных. Я умел хранить чужие тайны, люди это понимали. И, конечно же, я принимал активное участие в служебной карьере многих, мой статус начальника, главного инженера, зам. управляющего позволял воздать по заслугам тем, кто был достоин этого, с моим мнением считались.

Подчеркиваю, вопрос преемственности кадров, воспитания, подготовки кадров – это очень важный фактор. Там, где этим делом занимаются систематически, ответственно, со знанием дела, там результат положительно сказывается на результатах деятельности предприятия. Самым выдающимся в этом деле был управляющий Константин Петрович Кузнецов. Он природой был одарен во многих отношениях, и главное, в умении быть к людям внимательным. Я от него многое перенял.

Когда мне исполнилось 60 лет, в зале заседаний собрался весь коллектив треста вместе с субподрядчиками, руководителями района, города и т. д. Г.Х. Асатуров сказал: «Кто считает себя учеником Валентина Рудольфовича, встаньте». Все в зале поднялись с мест! Это было для меня волнительно. Я понял, что свой гражданский долг в жизни выполнил, раз с такой благодарностью люди относятся ко мне.

Много позже, уже из Германии, я приехал в Уфу, в трест, и мне показали завод «Полиэф», который частично строил трест. Там мне встретился зам. начальника строительства – сейчас он заместитель мэра города – Сафаров, когда-то он работал в нашем

тресте старшим прорабом. И он во всеуслышание сказал: «Гернер – мой учитель».

Не скрою, это было мне приятно.

И все же... Кого я считаю своими учениками? Мы все учимся друг у друга, мы испытываем влияние разных людей в течение всей жизни. И не могу говорить, что это стопроцентно мои воспитанники. Но тем не менее те, с кем я постоянно контактировал, с кем вплотную работал, кто находился в моем непосредственном подчинении, – они, конечно, в полной мере впитывали мой опыт, знания, умение организовывать и выполнять работы. Это Светлана Михайловна Котлякова, Райса Ахтямовна Галеева, из тех, кто сегодня продолжает работать в тресте. Они специалисты, я бы сказал, высочайшего уровня. В них я вложил все свои знания, умения. И смею считать их своими учениками.

Трест № 21 и его школа, которую проходил человек в части становления по специальности или продвижения по службе, отличались от других организаций. Наши кадры были, если можно так сказать, доморощенные, воспитанные в коллективе: ИТР росли по карьерной лестнице, рабочие выдвигались наверх. Мне приходилось бывать на совещаниях, конференциях и за пределами республики, Союза, и могу с уверенностью сказать, что трест № 21 имел колоссальный авторитет в нашем министерстве в части внедрения новинок, организации строительства и четкого выполнения графиков производства. И все это достигалось мерой воспитания кадров.

Все ли было использовано в тресте для этого дела – я бы не сказал. Конечно, руководители были очень заняты производством. А в отделе кадров и отделе труда и зарплаты не всегда были люди, которые бы знали эту школу воспитания кадров. Я очень ценю труд Нины Константиновны Якиной. Может, она не была специалистом по образованию, но мерой своей ответственности, пониманием своего служебного долга она была на высоте. Она замечательно знала свое дело, знала людей и умела правильно определять их служебную карьеру.

До нее долгое время начальником отдела кадров был Михаил Иванович Кинзягулов. Он старался, конечно, но не всегда у него получалось. Чтобы быть специалистом на уровне, надо много знать и обладать личной высокой культурой. Что такое кадры? Это такое тонкое дело! В любой беседе, деле, наставлении, исполнении работы он всегда имеет дело с настроением непосредственного исполнителя, с его мировоззрением. Он должен прочувствовать человека, его возможности, наклонности, даже желания. Образование имеет колоссальное значение, но это еще не все. Нужны желание и любовь к профессии.

Строитель — это очень сложное дело. Ты каждый час сталкиваешься на стройке с законами природы. Их знать надо. Например, если человек работает у конвейера, он имеет дело с постоянно движущимся одним и тем же предметом труда. А мы имеем дело с предметом труда, который стоит на месте. Это МЫ движемся. И мы двигаться должны так, чтобы каждое движение было не только осознанно, но и исполнено. Вы посмотрите, в нашем деле невозможен тотальный контроль. Вся работа — на совести исполнителя. Так ли он кладку ведет, правильно ли кирпич положил, добросовестно ли шов заделал... Это же не проконтролируешь в таких масштабах. Поэтому подчеркиваю, наставничество — это неопенимая ценность. Это очень важно. Мне 85 лет, и я многое видел. И, наверно, имею право пожелать молодому поколению — следите, чтобы ваше поведение было примером!

Вспомнился случай... Я уже на пенсии был, вел общественную работу в качестве председателя Совета ветеранов района. Еду в троллейбусе. Подходит ко мне женщина, здороваается. Смотрю, вроде лицо знакомое. Вы меня не помните? Извините, не помню. Она рассказала, что в свое время завербовалась по оргнабору на стройку из Мишкинского района. Работала в бригаде бетонщиков, а я тогда был главным инженером СУ-3. «Мы бетонировали площадку на установке на Черниковском заводе, — говорит она. — Вы подошли, поздоровались и бригадиру говорите: «Посмотрите, какая красивая девушка и как хорошо работает». С тех пор меня все

называли не по имени или фамилии, а «красивая». Так я на всю жизнь осталась «красивой»...

Я почему это вспомнил... Это тоже элемент наставничества. Люди в бригаде надолго запомнили мои слова.

Но не все приходилось пряником, были случаи, когда я мог отmaterить так, что только шум стоял. Бывали случаи, что иногда крепко получали от меня. Но это слышали те люди, которые знали мой характер.

К вопросу наставничества... Очень важно наладить контроль за исполнением заданий.

Я очень следил за этим делом. Если я давал задание, то никогда не забывал проверить уровень его исполнения, потому что это очень важно. Если сделал как надо и вовремя, человек тоже должен быть отмечен. Хорошо – значит, поблагодарил, может, и подсказал, как лучше. А если не сделал, то всякое было. Я терпеть не мог, когда меня пытались обмануть, «лапшу повесить на уши». Да это было почти невозможно, потому что если я что-то говорил, я точно знал, а если не знал, то ничего не говорил.

Это тоже элемент наставничества.

Культура поведения. Что такое – создать нормальный психологический климат в коллективе? Вы знаете, это не каждому дано, и этому надо было учиться. К сожалению, все, о чем я говорю сегодня, едва ли преподают в учебных заведениях, это можно найти только в книгах, да и то знать надо, где искать.

Нормальный психологический климат всецело зависит от руководителя! Всецело. И если такой нормальный психологический климат существует, то в такой атмосфере члены коллектива правильно воспринимают поведение друг друга и здесь не надо слов лишних.

У меня возникла такая проблема, когда меня назначили начальником СУ-4. До меня управление возглавлял Турупин. Я не буду много о нем говорить. Во всяком случае это была довольно-таки сложная личность.

Перед назначением меня вызвал к себе Иван Павлович Кузнецов, и мы имели с ним беседу. Иван Павлович был умный му-

жик. Очень умный! Он мне говорит: «Там такое дело – убытки большие. Я тебя прошу, прими меры, наладь дела...» Мало того, пусковые объекты были запущены (а разговор был в октябре). Знаете Турупина, он любил поговорить очень смачно, наверно, поэтому его секретарем парткома избрали. Когда я пришел в коллектив, я сразу почувствовал настороженность, при мне открыто не хотели высказываться. Пришлось поработать. И я этому делу уделял большое внимание.

Потом с коллективом я сошелся. Он стал одним из лучших в тресте. Управление выполняло самые большие объекты. А это, можете себе представить, в то время трест сдавал по два-три больших комплекса ежегодно. СУ-4 вело строительно-монтажные работы на заводах синтезспирта и Ново-Уфимском, и мы не допускали конкуренции на этих объектах. Были кое-какие поручения на стороне – но это мелочи были.

Это тоже элемент наставничества. Посмотрите, говорят о человеке – хороший наставник. Это значит, руководитель смог создать хороший психологический климат в коллективе, сумел разгадать душу человека, он непосредственно участвует во всех его действиях.

РУКОВОДИТЕЛЬ – ЛИЦО ПРЕДПРИЯТИЯ

Вспоминая свой трудовой путь, я с великой благодарностью вспоминаю работу в тресте № 21, замечательный трудовой коллектив, свершения, которые были сделаны в течение истории треста. Конечно, это далось в первую очередь усилиями руководителей треста, которые заложили основы производственной, моральной со всеми психологическими акцентами школы. Это первый управляющий трестом Дворников. Я видел его в лицо, но не общался. Это Михаил Михайлович Башилов, Г.В. Визирян. Некоторое время управляющим был Криворучко, но он ничего хорошего не оставил после себя. При Визиряне главными инженерами были Леонид Владимирович Борисов, который трагически погиб, и Лазарь Борисович Хейфец – культурнейший интеллигентный чело-

век, грамотнейший инженер. Достойный след в истории треста оставили управляющие Константин Петрович Кузнецов, Иван Павлович Кузнецов, Александр Васильевич Власов, Вадим Леонидович Попов, Григарт Христофорович Асатуров.

Тресту везло на главных инженеров и управляющих. Эти люди продолжали традицию, школу, потому что они в основном были выходцами из коллектива треста. Единственный Визирян пришел с должности зам. министра авиационной промышленности по строительству. Он имел колоссальный опыт, определенные связи, в том числе в Москве. С его приходом началась усиленная подпитка треста механизмами, машинами, кранами. Мы сразу почувствовали возросшее техническое оснащение треста. Визирян большое значение придавал собственной базе треста. Это имело колоссальное значение, потому что в то время не было бетонных заводов, растворных комплексов и вспомогательных комплексов в Уфе.

С Визиряном приехала его команда из Москвы – начальники, прорабы, старшие прорабы. Этот инженерный костяк внес большой вклад в техническую основу деятельности треста. Но у него не заладились отношения с местными партийными органами, и он уехал в Горький управляющим трестом. Затем он преподавал в Московском архитектурном институте.

Константин Петрович Кузнецов тоже был корифеем своего дела. Ой какой замечательный человек был! Он сумел сохранить те начала, которые заложили Визирян и предыдущие руководители в части сохранения психологического климата в коллективе. Например, Визирян не позволял себе голос повысить на кого бы то ни было. Кузнецов же был горячий человек, мог вломить так, что запомнишь на всю жизнь. Но тем не менее этим не злоупотреблял. Благородный человек был.

Иван Павлович Кузнецов был умный человек. Конечно, у него не было такого опыта, но, проработав главным инженером долгое время, он стал классным руководителем, потому его после треста поставили начальником главка, зам. председателя Совета Министров Башкирии.

А.В. Власов тоже продолжал традиции, но, может быть, не совсем так получилось, как у Кузнецовых. Я не хочу сказать, что Власов недорабатывал. Он старался, он мог и давить как следует. Но связей, будем говорить, с коллективом у него не было. У него был несколько отличный характер...

В.Л. Попов – это талантливый человек, но довольно-таки сложная личность. Я бы подчеркнул в нем черты администратора. Администратор он был колоссальный! Где только научился! Тут я отдаю ему должное. Человек попал на свое место. Попов был назначен управляющим сюда в «звездный час треста», как сказал Шмульцов. Перед трестом в то время стояли такие серьезные задачи, как строительство крупнейших современных комплексов высших жирных спиртов, Ароматики, много строилось жилья и других важных объектов. Но все же выскажу свое мнение. Чем руководствовались в Главке и обкоме, я не могу судить, почему его к нам назначили. Но Вадим Леонидович пришел в трест с таким чувством, что он никому не доверял особенно. Кто-то его настроил, что в тресте № 21 собралась какая-то непонятная компания. Но жизнь показала, что никто его не собирался подсаживать, что его подчиненные отдавали ему должное, что мы все стремились к укреплению позиций треста в республике. Попов продолжил традиции в части создания авторитета предприятия. Вы помните, в прежние времена сильна была роль партии, инструкторов обкомов, горкомов и пр. побаивались, они лезли везде с мелочной опекой. Так вот Попов терпеть их не мог и близко к себе не подпускал! В этом он был молодец! При Попове мы каждый год сдавали по жилому дому 120–140 квартир. Пусть 1/3 отбирали, но вопросы жилья стояли во главе. Это он молодец в этом отношении.

Дело прошлое, но сказать, наверно, об этом надо. Особой близости между нами не было. Он со мной осторожничал, не знаю почему. Но я никогда не позволял себе, чтоб я где-то когда-то участвовал в разговорах о его личности. Наоборот, я его во всем поддерживал. Считал, что он на своем месте, во-первых, во-вторых, раз его назначили сюда, с этим надо считаться.

Когда Попов заболел, в клинике лежал в Москве, мы все были озабочены состоянием его здоровья. Моя супруга – она была такая любительница собирания трав – у нее был фирменный состав травяного чая, я называл его африканским (у нас была дача в Алкино, луга, леса, ничем не отравленные). Она этот чай послала в Москву, Попову он понравился.

В трест на работу он уже не вернулся. Но часто говорил, что очень доволен тем, что трудился в славном коллективе треста. Он, несомненно, внес определенную лепту.

Г.Х. Асатуров пришел на подготовленное место. Если бы не перестройка, затеянная Горбачевым, трест оставался бы одной из сильнейших организаций по строительству объектов нефтехимии и нефтепереработки. Да что там ТЭК! Сколько раз после БНЗС, треста №3, которые проваливали объекты, все поручалось тресту № 21, и мы это вытаскивали.

Это о наших первых руководителях. Какая у них трудная работа, ой, трудная! Сколько вынести терзаний со стороны вышестоящего начальства, потому что спрос за сдачу объектов был колоссальный. Второе, надо было заботиться о людях.

Теперь я хочу рассказать о руководителях, с которыми работал непосредственно – это на уровне начальников управлений, главных инженеров СУ, старших прорабов. Надо и им отдать должное.

Замечательные люди были! Мы серьезно занимались вопросами подготовки кадров, которые имели опыт строительства промышленных объектов. Это очень сложное дело.

Пример приведу. Как-то Газнефтестрой сунулся на завод «Уфанефтехим» делать реконструкцию. Они такое количество самой современной импортной техники нагнали, я в жизни столько не видел. И что вы думаете, они не справились. Ведь в нефтехимии каждый фундамент надо отдельно замерить, анкерные болты правильно поставить. Даже в этом деле у нас была своя школа. Мы, как правило, молодых специалистов перед тем как к работе допустить, обязательно месяца на два геодезистами ставили, чтобы они знали это дело.

Замечательные люди были! Как жаль, что многие ушли из жизни. Но это тоже результат нашей работы. Тяжелая работа, нервная. По режиму рабочего дня усложненная. Мы редко раньше 9–10 вечера домой приходили. И уже ничего не в состоянии, кроме работы, были делать. А ведь еще надо было литературу читать, газеты просматривать, потому что руководитель – эталон, с тебя спрашивают, и ты должен своим поведением пример показывать.

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТСЯ...

Теперь о фактах, которые мне особенно запомнились. Этот разговор я как бы поделю на две части: положительные и отрицательные. Конечно, каждый день был с тревогами. Я был главным инженером СУ-3. Когда мы заканчивали строительство установки синтмасел на Черниковском заводе (Уфанефтехим), нам пришлось впервые в Уфе перекрывать 18-метровые пролеты железобетонными фермами, таких в Башкирии не изготавливали. Поэтому на заводе ЖБЗ-1 мы форсировали стенд, на котором делали эти фермы, изготовили первые 15 ферм и привезли их на установку синтмасел.

Встал вопрос, как монтировать. Цех был трехэтажный длиной около 100 метров, еще пристройка с котельной.

Главный инженер треста Александр Ипполитович Брюно меня спрашивает, как будешь делать. Говорю, опыта в подобных делах у меня нет, пока не готов ответить, буду думать. Тогда техники такой, как сегодня, не было, у нас там стояли два башенных крана, совершенно разные по техническим характеристикам. Высота цеха около 20 метров, на колонны надо поставить фермы. Я начал серьезно прорабатывать этот вопрос. У меня было несколько вариантов, и все были зациклены на эти два башенных крана.

Мы обучили крановщиков, работу поручил механику участка Чуйкову, грамотному серьезному парню, и бригаде монтажников Кости Шишкина. Схемы проработали, краны отрегулировали, сделали приспособления, конечно, во время подготовки во главе угла была техника безопасности. В одно из воскресений решили

монтировать. Первую ферму подняли, прокатили по всей длине. Закрепили.

Я не отходил никуда. Никогда в жизни не было такого – то ли страха, то ли еще чего. Все чувства были напряжены. Так в состоянии нервного напряжения прошел целый день. Но все обошлось. Самое сложное было – связать фермы плитами, по две плиты, потом ветровые связи поставили. Это канительное дело было. Все в напряжении были. Такое чувство ответственности, вдруг что случится. А там, кто упадет, сразу смерть. Потом долго я просыпался в холодном поту, как вспомню...

Второй фактор – тогда я работал начальником СУ-4, мы заканчивали строительство 2-й очереди производства полиэтилена. В электроцехе и на втором этаже были большие венткамеры. По проекту там были предусмотрены большие монолитные железобетонные перегородки толщиной 6–8 см и высотой до 6–7 метров. Цех готовился к сдаче, там отделочные работы заканчивались, но затянули со сроками. У меня была привычка – иногда я приезжал рано, в 6–7 утра, и до начала работы обходил все наши объекты на заводе синтезспирта. Поэтому информация о состоянии объектов у меня была полная. Как-то утром захожу в цех и вижу: на полу лежат четыре-пять человек. Я испугался, думаю, что такое, что случилось. Подошел, проверил – живы. Потом слышу, какой-то шум раздается в венткамерах. Иду туда. Вижу, Пилюков с бригадой доделывают перегородку. Я немного пришел в себя, говорю: «Петр, вы что, домой не уходили со вчерашнего дня?» «Да, – отвечает. – Всю ночь работаем. Сроки подходят сдавать объект, надо спешить»...

Это была такая стрессовая ситуация, которую до сих пор не могу забыть. Бригада сутки была на работе, причем без всяких указаний сверху! Пилюков сам по себе мужик принципиальный, если за что взялся, делает как надо. Не просто так его возвели в ранг почетного гражданина города Уфы.

Конечно, я организовал автобус, отправил всех отдыхать. Премии, все что надо, сделали. Но сам этот факт подтолкнул другие бригады отвечать за выполнение графиков.

Третий шоковый случай в моей жизни, когда на заводе синтезспирта взорвался блок газоразделения. Я в это время отдыхал на озере Шамсутдин с замдиректора Черниковского завода Наилем Минлибаевым. Заходит к нам директор базы отдыха и говорит: «Что-то на заводе случилось, американцы по радио передали». Вскоре приезжает водитель Ивана Павловича с приказом прервать отпуск и явиться на работу. Подробностей он не знал, видел, что половина завода разрушена. Мы приехали напрямик на завод. Цеха разрушены. Где-то еще дымит, где-то парит. Не половина, конечно, но разрушения были большие. Завод напоминал большую свалку. Наше шоковое состояние не поддавалось описанию. Я все посмотрел, пришел в свой кабинет. А там окна выбиты... Из наших людей никто не пострадал, потому что все ночью произошло. Но заводчан человек 17 погибло. Раненых было много.

Эти три стрессовых случая, может быть, и дали о себе знать через годы, когда здоровье начало сдавать. Мои особые воспоминания о стройках связаны с событиями, людьми, техническими новинками в технологии и в организации производства с целью сокращения сроков строительства и экономической эффективности. Летом 1949 года мне поручают строительство объектов Бельского ДОКа. Недостаток пиломатериалов, столярки резко сдерживали темпы строительства промышленных объектов НПЗ. Стояла задача – до конца года ввести ДОК в эксплуатацию. Был создан самостоятельный прорабский участок под моим руководством. Работу выполняли заключенные, человек 300 в смену. Кроме ДОКа, были объекты для автобазы № 1. Среда заключенных в основном состояла из бывших военнослужащих Советской Армии, это были грамотные, трудолюбивые люди. С ними был хороший деловой контакт.

Тут я впервые создал укрупненную модель графика строительства, где объекты были расписаны по исполнителям. Надо было видеть, как это мобилизовало строителей – резко повысилась производительность труда за счет совершенствования организа-

ции труда, а за перевыполнение им шли зачеты на сроки заключения.

Здесь я впервые встретился с Гургеном Вартановичем Визиряном, тогда управляющим трестом, Константином Петровичем Кузнецовым, начальником ПРО треста, Леоном Богдановичем Сафразьяном, зам. министра нефтяной промышленности Союза.

Стройка завершилась удачно. Первым директором ДОКа был Лев Аронович Гинзбург, он очень быстро раскрутил производство. Надо отдать должное мастерам Г.Г. Родионову, Мясникову, талантливому бригадиру плотников Михаилу Сидоровичу Чегодаеву, бригадиру каменщиков Николаю Кузьмичу Малышеву.

Затем меня перевели на строительство ТЭЦ-3, где поручили строительство служебного корпуса. Тут всем было тесно – работали в две-три смены, потому что строительство ТЭЦ-3 отставало от объектов нефтепереработки. В трест шли подхлестывающие телеграммы от Берии.

В это время начальником СУ ТЭЦ был Зиновий Моисеевич Пратусевич, главным инженером В. Вундер. На этом объекте прославился Н.К. Малышев.

На строительстве ТЭЦ-3 были собраны лучшие силы треста. Иван Павлович Кузнецов, будучи начальником участка, вел строительство преобразования и распределения электроэнергии, главный корпус ТЭЦ вел А.В. Мельников, объекты водоподготовки и подачи топлива вел Н.И. Шушарин. У них я многому научился.

Были конфузы на объекте. У меня работала бригада женщин. Они были репрессированные, к тому времени условно освобожденные. Так вот, они взяли за привычку в обеденный перерыв голяком загорать на крыше ТЭЦ. Разумеется, на такое зрелище сбегалась молодежь поглазеть. По громкой связи диспетчер требует убрать этих амазонок с кровли. Бросаешь все и бежишь на высоту 42 метра, чтоб навести порядок...

Весной 1952 года, мы с Сафразьяном стояли у парапета служебного корпуса, смотрели на завод. Он расспросил про мою жизнь, потом сказал: «Закончим первую очередь строительства и

отправим тебя в нефтяную академию на 2,5 года учиться». Я говорю, я даже из Черниковки в Уфу не имею права поехать как спецпоселенец. Он уверенно сказал, что это скоро кончится...

Первая очередь пуска ТЭЦ по мощности состояла из двух котлов высокого давления и двух турбогенераторов, один из которых был немецким, остальное оборудование было отечественным.

Очень важную роль в организации строительства первой очереди ТЭЦ и НУНПЗ сыграли Л.Б. Сафразьян, главный инженер треста Л.В. Борисов. Такой практической школе можно позавидовать. Из этой среды технической молодежи получилась инженерная элита, которая внесла большой вклад в экономику республики и Советского Союза.

В 1952 году меня назначили старшим прорабом и поручили строительство объектов на НУНПЗ – крекингов, водоблока, межцеховки. За полгода мы сделали основные фундаменты под таке-лаж тяжелого оборудования на крекинге 5 и 6, это были постаменты высотой 4 метра. Я распорядился их побелить. Руководству треста моя «проделка» понравилась. На стройку зачастило начальство разных уровней, которые отмечали высокую готовность объекта под монтаж. Оба крекинга были построены в короткие сроки. Тут мною впервые была применена инвентарная опалубка.

В 1952 г. трагически погиб главный инженер треста Леонид Владимирович Борисов, он бросился в горячий мазут на территории НУНПЗ из-за того, что на объекте сложилось критическое положение с отводом мазута по объективным причинам. Но в те времена не очень-то спрашивали: можешь – не можешь. Грозная телеграмма от Берии – и человек не выдержал... После Борисова назначили Лазаря Борисовича Хейфица, который по уровню знаний, интеллигентности, человечности был под стать Леониду Владимировичу.

Летом 1953 года была большая амнистия. Ко мне приходили бывшие зэки: одни попрощаться, другие просились на работу в трест, многие стали затем передовиками производства.

Меня переводят старшим прорабом в СУ-5 и поручают строительство объектов соцкультбыта и жилья на Аварийном по-

селке (район остановки трамвая «Монтажники»). Работы было много – школа, детсад, кинотеатр, поликлиника, баня, шикарные магазины и много комфортного жилья.

В одном из номеров городской газеты «Черниковский рабочий» (тогда Черниковка была отдельным городом) я прочитал статью «Сушка штукатурки методом замораживания», которая меня заинтересовала. Я решил испытать этот метод в одном из строящихся домов. На улице минус 30. В доме завершена внутренняя штукатурка, вечером убрали временное отопление, открыли все окна и двери. Утром иду к объекту с понятным волнением. У входа встречаю начальника СУ Погребицкого. Входим – на штукатурке слой инея. Рабочие иней смели, тут подоспели сантехники и электрики. Мы быстро и качественно завершили отделку. Можно было продолжить этот метод, но начальство запретило.

В 1954 году меня по распоряжению Л.Б. Сафразьяна и руководства треста назначают старшим прорабом на строительство объектов АВТ-9 на НУНПЗ. Мне дали неделю для ознакомления с техдокументацией и подготовки плана подготовки мероприятий. Активную помощь мне оказал В.С. Озеров, в то время он был начальником производственного отдела СУ-1. Мы осмотрели с ним стройплощадку, побывали у заказчика. Встретился я и с И.К. Згурским. В начале марта мы приступили к основной работе. В те годы на стройках не было мощных подъемных кранов, мелких землеройных механизмов и сборного железобетона. На меня была возложена задача как можно рациональнее провести работы по устройству опалубки и бетонных работ.

Строительство АВТ стало вехой в нормировании сроков работ, совмещения строительно-монтажных технологий. Такого трудового энтузиазма рабочих и ИТР мне никогда не забыть! Здесь отличились бригады А.М. Бауэра, М.Ф. Жука, А.Ф. Кнауца, М.С. Чегодаева, прорабы П.И. Алехин, А.А. Прокофьев, мастер И.Е. Олейников, геодезист Л.Е. Смирнов и многие другие.

В 1954 году погиб Сафразьян. Случилось это в Новокуйбышевске. С группой руководителей они зашли в загазованный подвал строящейся бытовки. От зажженной спички произошел взрыв.

Пять человек получили смертельные ожоги, в том числе зам. министра нефтяной промышленности СССР Сафразьян. Я очень переживал.

Вскоре с меня сняли спецпоселение. И в 1956 году меня направили в Москву на инженерные курсы, которые мне многое дали. Там были высококвалифицированные преподаватели. В том году Хрущев вытащил наружу все злодеяния Сталина, все бурлило. Началась оттепель, и нам стал доступен зарубежный опыт строительства. Этот опыт был, конечно, выше нашего, но напористости, смекалки, которые были в нашем поколении, хватило на многое.

АВТ-9 стала для меня проверкой на прочность. Да, можем быстро строить. Кроме того, так, к слову, жил я в Ново-Александровке и ходил на работу и домой пешком, можете себе представить.

Люди удивлялись, как быстро мы строили серьезные установки. Надо сказать, сама система взаимоотношений между строителями, монтажниками и заказчиками способствовала успеху.

Я попал в первую группу награжденных – это было в 1957 году, мне вручили первый орден.

После курсов меня хотели назначить директором ЖБЗ-1, но меня не устраивало это. Я больше производственник все-таки.

На Черниковском нефтеперерабатывающем заводе мне дали участок, который до этого возглавлял В. Калиновский (он перешел начальником СУ- 1). Они строили АВТ-10, 11, 12. АВТ-10, ЭЛОУ пускались уже с моим участием. Здесь, можно сказать, состоялся молодой специалист прораб Леонид Григорьевич Поплужный. Он шел по «моим следам» – старший прораб, главный инженер СУ-3, главный инженер треста.

На АВТ-9 я разработал интересные варианты опалубки под большой постамент под холодильники. Его применили на АВТ-10 и 11. Это дало колоссальное сокращение затрат, ну и сроков соответственно.

После этого у меня был участок большой, все оперативные совещания проводились в нашей конторе на заводе – был у нас такой домик на санях, где находился зал совещаний. Там проводили трестовские оперативки.

Сдавали по 2–3 крупных объекта в год, в том числе установку депарафинизации, АГФУ, много других объектов было. В течение дня не все объекты мог обойти, а еще документацией надо заниматься. Участок был настолько большой, у меня было только инженерно-технических работников 12 человек. Было тяжело.

Прораб Паскидов запомнился. Умный, грамотный практик.

Я попросил на год перевести меня на другое место, чтобы я был посвободнее и мог получить образование. Необходимость в этом я почувствовал давно, к тому же тогда открылся вечерний строительный техникум. Меня перевели инженером производственного отдела в управление треста. На инженерную зарплату 1400–1500 рублей туговато было, поэтому немножко подрабатывал в газете: писал о технических новинках, оттуда что-то приходило.

За два года я сдал экзамены по многим предметам.

Управляющим был Иван Павлович Кузнецов, главным инженером А.И. Брюно.

Году в 1959 меня назначают нач. производственного отдела СУ-3, начальником был В. Бердюк. Здесь мне не понравилось, даже контора грязная, никто не интересовался ничем. Когда начальником СУ-3 стал Кулеев, а меня назначили главным инженером, дело пошло. Николай Гаврилович был спокойный человек. Взялись вместе налаживать дела.

На СУ-3 тогда «висел» объект – производство синтетических жирных кислот. Я раньше еще думал: что так долго строят. Думал, без меня не обойдутся. Так и получилось. Я взялся вплотную, и СЖК мы быстро сделали.

Помню о новинке того времени: впервые на этом объекте использовали приточную вентиляцию по схеме рециркуляции воздуха внутри цеха, что позволило эффективно отапливать цех в зимнее время.

Через год СУ-3 стало одним из ведущих в тресте. Убытки ликвидировались, стали выполнять ТЭП. Мы стали как бы монополистами на Черниковском НПЗ. Всех «вытурили» оттуда, чтоб у нас была работа.

НОВЫЕ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ

Работая начальником участка, я пришел к выводу, что вся структура построения бригад в нашей системе не годится. Надо было переходить на новые формы. Я видел, сколько тратится попусту времени при переходе на объекты. Я у себя на участке сделал комплексные бригады в составе до 20 человек, которые могли полностью выполнить нулевой цикл: и арматуру, и бетонные, и опалубочные, и плотницкие работы. После объединения рабочих всех специальностей в одну бригаду выяснилось, что больше половины в бригаде в основном женщины, они тогда выполняли самые тяжелые физические работы. Мужчина все равно поможет женщине, благодаря этой взаимовыручке сразу поднялась производительность, зарплата.

Придя в СУ-3, потом в СУ-4 я и там добился этой перестройки. В тресте меня не поддержали. Чтобы оценить это новшество, надо быть подготовленным человеком. В управлении треста не все были подготовлены, не все инженеры управления были на высоте как специалисты. И только через некоторое время партком вынес решение организовать комплексные бригады во всех управлениях...

В СУ-3 я проработал шесть лет гл. инженером. За это время там произошли колоссальные сдвиги. Было отработано производство бетонных работ в зимнее время, ванная сварка стыков арматуры, инвентарная коробчатая опалубка.

Мы первыми в тресте сделали участок эстакады под технологические трубопроводы из свай стоек, первыми применили сваи оболочки – трубы под фундамент зданий, под стойки эстакад.

Я помнил ту ответственность, которая лежала на мне, не имеющем диплома об инженерном образовании, и, кажется, не подвел руководство и коллектив.

В августе 1963 г. меня вызывает И.П. Кузнецов и говорит: «Пойдешь начальником СУ-4, там убытки, запущены пусковые объекты. Прошу: наведи там порядок...»

Управлению поручили строительство двух комплексов полиэтилена на импортном оборудовании, производства сополимерного каучука на УЗСС и многих других объектов, в том числе комплекс ЖЭКСа (каталитический риформинг) на НУНПЗ, тоже на импортном оборудовании.

В этот период в СУ-4 было 4 строительных участка и около 400 работников. СУ-4 – еще тот орешек оказался. В коллективе меня приняли осторожно. Он в свое время отпочковался вместе с людьми из Стерлитамакстроя. Там были свои традиции, свой уклад. Я вжился. СУ-4 – это была определенная школа для меня. До конца года сдали комплекс фенола производительностью 60 тысяч тонн, ликвидировали убытки.

А время, надо сказать, было сложное. Это был период, когда проводились большие серьезные экономические реформы в стране, в том числе косыгинская. Если проще сказать, суть ее в том, что если предприятие нерентабельно, его надо ликвидировать. Я думаю, она задохнулась потому, что столкнулись интересы чисто экономические и политические. Я знаю много фактов, когда самыми нерентабельными были предприятия, которыми руководили очень уж большие партийные активисты. Их, значит, гнать надо было. Куда?

Мы в управлении провели большую работу по обучению людей – от мастера до бригадира – в части понимания экономической сути дела. Были введены элементы бригадного хозрасчета. Старшие прорабы начинали понимать, какая себестоимость у них. Этому сопутствовали изменения в кадровой политике, бухгалтерии, в плановом отделе. Сложнее было с бухгалтерами, потому что они показывали баланс в конце отчетного периода, а не в течение производственной деятельности. Талантливый бухгалтер

В.Т. Мокрополов находил аргументы упреждения лишних расходов, он же смоделировал структуру себестоимости строительных работ с учетом плановых заданий управлению. В этом деле очень старательно занимались главный инженер А.М. Глотов, начальники отделов В.А. Деев, Л.Г. Абзянова, старшие прорабы А.Г. Хлопотин, Л.Г. Васильев, Ю.И. Константиныди, В.А. Наумов, главный механик Т.А. Бородкин.

Семь лет я работал в СУ-4, и все годы сальдо годового баланса было с плюсом, с завершением строительства пусковых объектов с этим дело обстояло не хуже.

За строительство комплекса полиэтилена трест (а фактически СУ-4) получил Диплом I степени Госстроя СССР. А за строительство ЖЭКСа удостоились премии Совмина СССР.

Но чиновничья надстройка не дремала, подстегивая нас урезанием фонда заработной платы, сокращением штатного расписания, непомерно высокой выработкой. А техническую базу для достижения этих показателей ищи сам, как однажды ответил мне чиновник – «это твои заботы».

Отсутствие нужного количества линейных ИТР вело к неуправляемости стройки, отсюда – сокращение численности. Ухудшилось качество, с трудом удерживали специалистов.

В этих условиях я сколько мог научил старших прорабов азам экономики. Я спрашивал на недельном оперативном совещании, какова себестоимость, и мне, например, Васильев, Асатуров отвечали, да, пока в норме, или нет, у меня не получилось, тут я лишнего потратил.

Тут никого винить нельзя, потому что сметные цены не охватывали те трудозатраты, которые были на объектах нефтехимии. Например, анкерный болт поставить... Там копейки какие-то, а попробуйте. Пока поставишь, пока разобьешь, человек вокруг болта крутится полдня. Это не учитывалось...

Вторым, очень важным подспорьем в нашей работе, стала новая форма управления и организации максимального совмещения строительно-монтажных работ, применение сетевых графиков, как я назвал, «моделей строительства». Инициатором их вне-

дрения был главный технолог треста В.Н. Головацев, очень талантливый инженер. Он организовал первые ОДГ – оперативно-диспетчерские группы на пусковом комплексе, и под его руководством завершили строительство ЖЭКСа. Вскоре его перевели на партийную работу, и эту работу продолжил Р.И. Чумаков.

Но это новшество постепенно стало затухать из-за сокращения штатов.

Последним хорошим примером был сетевой график на строительстве комплекса фенола-120 на УЗСС, который разработал институт НИИпромстрой под руководством Б.М. Магида.

Третье и самое главное – замечательный коллектив ИТР и рабочих СУ-4. С великой благодарностью отмечаю особый вклад в успехи управления при строительстве производств на УЗСС и НУНПЗ А.М. Глотова, В.А. Деева, А.Г. Хлопотина, Д.Г. Васильева, Ю.И. Константиныди, Г.Х. Асатурова, Н.А. Слесарева, В.А. Наумова, В.Т. Мокрополова, Н.М. Бондаренко, А.И. Ашариной, Т.А. Бородкина, М.С. Мичкина, Я. Тагирова, А.Х. Шайхисламова, В. Баландина, П. Пилюкова и многих других.

За счет СУ коллектив треста постоянно имел денежные поощрения. Ветераны СУ-4 помнят, как многие годы всем детям школьного возраста покупалась школьная форма.

СУ-4 стало одним из ведущих управлений треста. Мы приблизительно выполняли 1/3 генподряда треста. Главный инженер Александр Михайлович Глов, хороший специалист, замечательный человек, по натуре технар, не администратор. Мы с ним восстанавливали серьезные объекты после взрыва газоразделения.

Помню, как решался вопрос восстановления производства этилового спирта на УЗСС, здание компрессорной было разрушено полностью. У фундаментов под компрессоры оборвало консоли и площадки. Директива правительства – восстановить производство за 5,5 месяца. Эту задачу надо было решить весьма продуманно, с гарантией подготовки компрессорной под монтаж к 1 октября. На все – разобрать старое в завале здание, построить новое, сделать все фундаменты под оборудование – дано 3 месяца.

Мы с Готовым очень внимательно инженерно построили модель-график восстановления компрессорной. При этом внесли оригинальные предложения по восстановлению фундаментов под компрессоры и использованию старых фундаментов, межступенчатой аппаратуры на нулевой отметке. Об этом я осмелился доложить на заседании штаба, которое проводил заместитель Косыгина (Председателя Совета Министров СССР).

На следующий день вызванные специалисты из Ленинграда подтвердили техническую возможность нашего предложения.

Работали в три смены. Когда мы закончили фундаменты, никто не поверил. В августе приехал лично директор Сумского завода проверить, готовы ли фундаменты под компрессоры. Только после этого сумчане привезли компрессоры, которые и были смонтированы. До конца года все было восстановлено! Какая это была работа! Все в пыли, все надо разобрать, порезать, вывезти. Как вспомню, мурашки по телу бегут!

Значительную долю успеха в исполнении этой сложной и ответственной работы заслужил А.М. Готов. Это был трудовой подвиг, все было сделано в установленные сроки.

За время работы в СУ-4 я был награжден вторым орденом и званием «Заслуженный строитель БАССР».

В 1970 году меня перевели начальником производственного отдела треста.

До меня был Константин Алексеевич Погребицкий. Работа новая, но производство я хорошо знал. В отделе работало 9 человек. Мы занимались подготовкой производства. Тогда я серьезно занимался расширением собственной базы треста: арматурный цех, цех металлоконструкций, УПТК. Имея связи, я обеспечивал трест пусть и не новым, но необходимым оборудованием – токарными, гвоздильными станками и пр.

В числе запомнившихся объектов – автоцентр ВАЗа. Пришлось выложиться там, применяя технические новинки.

В коллективе СУ-4 я прижился, и для меня это был успех. Управление в течение долгого времени было одним из ведущих в тресте, мы систематически выполняли планы, имели фондовые

накопления, получали приличную зарплату. Невозможно забыть, какую заботу о людях тогда проявляли профсоюзы совместно с руководством треста. Ветераны помнят, как всем детям рабочих покупали школьную форму. А было немало многодетных семей, где росло по 6–7 детишек... В успешном завершении строительства крупных производств большое значение имело замечательное отношение руководителей заводов-заказчиков к строителям треста, к нашим запросам. С их помощью трест строил объекты собственной базы, пополнялся техникой и оборудованием. В эти годы в рост пошли Ринат Салихович Махмутзянов, Григарт Христофорович Асатуров, Леонид Григорьевич Поплужный, Александр Фролович Шумихин, А.Г. Родиков, Р.И. Чумаков, В.А. Деев, И.И. Янцер, Ю.М. Долин, Г.И. Балтер, Р.Р. Гареев, Н.Н. Лощинин, В.С. Молякко, А.И. Комолов. В 1970 году, перейдя на должность начальника производственного отдела треста, я особое внимание уделил развитию собственной базы производств. Были построены цех металлоконструкций, арматуры, прирезки стекла, лаборатория, колерный цех, склад цемента, растворный узел. В результате трест полностью обеспечивал себя стройматериалами и необходимым оборудованием.

На заводе синтезспирта мы построили и сдали производство полимерного каучука, два комплекса производства полиэтилена и многое другое. Но, несомненно, самый «коронный» наш объект был – комплекс ЖЕКСа на Ново-Уфимском заводе, построенный по последнему слову технических зарубежных технологий. Система управления производства тут, конечно, была налажена на уровне.

ЖЕКСа прошла как показательная стройка. Мне и Махмутзянову было поручено сделать доклад на совместном заседании с участием строителей и нефтяников страны. После этого вышла брошюра с текстами выступлений, а меня ввели в состав техсовета союзного министерства.

В августе 1975 года меня с подачи Главка и обкома КПСС назначают заместителем управляющего трестом и поручают строительство Башбиохимкомбината в г. Благовещенске (БХК) с

задачей завершить строительство I очереди производительностью 60 тыс. т БВК в короткие сроки. Когда я пришел туда, дела обстояли неважно. Объемы большие – порядка 100 объектов. И все они были запущены, культура производства в плохом состоянии. Это был крепкий орешек. Сроки ввода обозначены на конец года, а работы непечатый край. Начали с того, что сели, все просчитали, практически заново создали укрупненную модель. Созданная ОДГ (оперативно-диспетчерская служба) продуктивно координировала выполнение графика, оперативные задания и дисциплину исполнения. Трест стянул на стройку силы пяти управлений, бывало, число рабочих доходило до 3000 человек.

Конечно, помощь от обкома КПСС в лице Мидхата Закировича Шакирова была большая. Он настолько доверял трестовским кадрам, что выполнялись любые наши просьбы. Надо было на старом Бирском тракте снять и вывезти 35–40 тысяч кубометров земли за 3–4 дня. Я посчитал – вышло, что необходимо 16 экскаваторов и 100 самосвалов. И все это нам дали – со всей республики собрали технику. Работали день и ночь, шум-грохот только стоял. Все сделали в срок.

На этом объекте весомую лепту внесли В.Р. Пескин, Ю.А. Худайдатов, А.С. Конаков, Л.А. Штейнбак, Ю. Мамонтов, В. Ким, Н.К. Малышев, Н.К. Бурлака.

Мы справились с заданием, хотя моменты разные были. Этот объект мне стоил здоровья и сил невероятных.

С оборудованием были проблемы. Были вопросы с развертыванием временных столовых в дополнение к основной, с организацией временного жилья для командировочных работников. Хорошо справился Семен Михайлович Глушков.

Были серьезные вопросы с энергоснабжением. Тут молодцом показал себя Герман Константинович Будрин. За две недели он площадку в порядок привел, меньше стало замыканий, обеспечил бесперебойное энергоснабжение.

Затем меня направили на строительство производства фенола на заводе синтезспирта. Институтом «БашНИИпромстрой» был разработан сетевой график только на строительные работы. Гра-

фик-то был, но чтобы им пользоваться, это целое дело было. Выдается задание на месяц: мы находимся на заводе, а ЭВМ – около треста КПД. То у нас связи нет, то машины нет, такая неорганизованность была в этом вопросе, просто удивляюсь. Пошлешь Раю Галееву, а оператор занят непонятно чем. Дня через два получишь график, а потом координируешь его.

Но тем не менее я поставил задачу – узнать, есть ли существенная польза от такой модели графиков. И убедился в том, что, да, это колоссальная помощь в работе. Ведь вся задача заключается в том, что для сокращения сроков строительства надо максимально совместить работу всех субподрядных организаций. Это не так просто. А вот когда посмотришь на график, сразу видно, кого надо подгонять, кому сроки передвинуть. Например, если я знал, что поставки оборудования налажены плохо и возможны срывы, я создавал резерв времени. К концу всех поджимал со сроками с тем расчетом, чтобы иметь резерв времени на непредвиденные обстоятельства. Кстати, это часто выручало нас.

Комплекс производства фенола сдали комиссии в сроки. Было приветствие ЦК КПСС, два раза приезжал министр, был доволен.

Мне поручили курировать строительство комплекса высших жирных спиртов на Уфанефтехиме (ВЖС). Этот объект тоже был уникальным с точки зрения технологии, оборудования. Здесь были французские специалисты, которые в конце работ высоко оценили труд строителей.

Там детального сетевого графика не было, в тресте создали укрупненную модель. «Главными» на стройплощадке были работники СУ-3, которое возглавлял Григарт Христофорович Асатуров. На ВЖС выросли замечательные кадры: Сергей Владимирович Казаков, Рафаил Гараев, бригадир плотников Геннадий Михайлович Чегодаев, Г.М. Утарбаев, Ю.М. Седов, В. Амиров.

На ВЖС была своя заморочка: вышел новый СНиП в части оформления актов рабочей комиссии. Когда я посмотрел – нам целую бухгалтерию надо, чтобы более 200 актов написать, оформить, подписать. Тут нам заказчик помог – директор завода Ми-

хаил Михайлович Куковицкий и его заместитель Владимир Михайлович Чвалюк. Они выделили своих специалистов, и дело пошло. Комплекс ВЖС сдали без недоделок.

На этом же заводе мы подключились к строительству такого же уникального комплекса «Ароматика». Надо было организовать работы на более чем 100 объектах. С начальником производства А.С. Обуховым составили схему проведения пусконаладочных работ комплекса, от этой схемы расписали график сдачи отдельных узлов объектов в эксплуатацию – так родилась директивная модель действий...

Работа на этих объектах открыла для меня новое – необходимость познания и организации системы, которая обязала бы людей заканчивать объект и ставить подпись под актом. По ВЖС и ароматике через ОДГ прошло 22 тысячи недоделок, в результате оформлено 240 актов рабочих комиссий. Были дни, когда устранялось до 800 недоделок субподрядчиками, заводчанами, строителями. Кстати говоря, наши недоделки были незначительны по сравнению с другими. Несомненно, в этом заслуга толковых грамотных работников треста, таких как Николай Лощинин, Анвар Рахимов, отделочники СУ-7, Мидхат Галимов.

За успешное строительство комплекса «Ароматика» многие, и я в том числе, были удостоены наград. Я получил второй орден – Трудового Красного Знамени.

Из крупных объектов запомнился комплекс «Парекс» на Ново-Уфимском нефтеперерабатывающем заводе. По «Парексу» сделали укрупненный график, немного изменили модель, что позволяло контролировать ход строительства и знать результаты, что называется, наглядно. Установка строилась в стесненных условиях, была проработана особая модель первоочередного монтажа тяжелого оборудования. Высокую исполнительскую дисциплину показали Ю.А. Худайдатов, Ф.Ф. Саттаров, Д.Г. Васильев, Ю.Н. Клименко, А.Г. Рахимов, А.А. Целищев, Г.И. Балтер, Р.С. Рахматуллин.

На этом комплексе широко применяли сваи в ростверках под фундаменты под кабельные эстакады.

ЖИЗНЬ В НОВОМ КАЧЕСТВЕ

Я оформил пенсию, но продолжал работать и возглавил монтажную группу. На заводе РТИ тресту № 21 поручили довести цех офсетных пластин до ввода. Сдали объект в срок. Заводчане были поражены грамотностью и деловитостью работников треста № 21, прозвали нас академиками в деле строительства.

Завод низковольтной аппаратуры, птицефабрику тоже передали нам в середине строительства после наших коллег из другого треста. Поэтому нас поневоле с ними сравнивали и в самую лучшую для нас сторону. Здесь хорошо проявил себя В.Ф. Смолер, тоже талантливый инженер. Я всегда оценивал людей по тому, как они работают и насколько самоотверженно отдают себя труду.

Трест № 21 на самом деле был академией. Сколько замечательных кадров он вырастил! И как только личность вырастала, ее «уводили» наверх. Жаль, конечно, ведь тресту тоже нужны хорошие кадры... Но человеку свойственно расти, и это нормально...

Таков был мой трудовой путь длиной в 45 лет в тресте. Это были счастливые годы. Я до сих пор анализирую каждую стройку и нахожу, где сработано хорошо, где были недоработки. Считаю, что каждая стройка – это колоссальная школа жизни и человеческих отношений.

Последние годы я живу в Германии, здесь я не был востребован как строитель. К счастью, у меня хорошая семья, и моим родным я нужен.

Но память о напряженной работе в тресте, о замечательном коллективе будоражит, не дает покоя. Мыслями я все время в делах треста, мне интересно абсолютно все, я болею от неудач и радуюсь каждому успеху треста. Мои воспоминания, которые я диктую для трестовской газеты, – это попытка передать молодым бесценный опыт предприятия, рассказать о традициях и о людях, которые своим долголетним трудом создавали славу и уважение тресту № 21.

Пусть на меня никто не обижается, кого я не назвал. Ветераны помнят, что я всех знал по имени-отчеству. Но время неумолимо, и трудно назвать всех талантливых строителей, потому что коллектив был большой и в нем было много достойных работников.

Тресту исполняется 70 лет. Это хороший возраст для стабильного предприятия. Конечно, многое, очень многое поменялось, у предприятий появились хозяева. И очень важно, чтобы акционеры треста понимали ценность кадров, заботились о них, создавали условия для работы, применяли технические новинки, которые бы облегчали тяжелый труд строителя.

Молодому поколению желаю трудовых успехов, чтобы традиции чли. Это великое дело, это история, а без прошлого не бывает будущего. Примеры прошлого всегда полезны, потому что производственные отношения людей практически не меняются.

Желаю всем добра, справедливости, достойной работы и достойной оплаты! Здоровья всем вам!

МАСШТАБ ЕГО ЛИЧНОСТИ

Валентин Рудольфович прожил в тресте большую жизнь и оставил после себя не только построенные объекты химии, нефтехимии, нефтепереработки, машиностроения, энергетики, транспорта, сборного железобетона, промстройматериалов. Он оставил после себя Память, Память в сердцах людей, которые долгие годы вместе с ним трудились на этих объектах, поднимая тем самым и укрепляя мощь нашей страны.

Вспомним, дорогой Валентин Рудольфович, былое...

В марте 1948 года вы были приняты на работу в СУ-4 треста № 21 мастером. Это был период, когда трест на пустом месте создавал собственную базу стройиндустрии: завод по производству силикатного кирпича в Нижегородке, щебеночный карьер в Миньяре, цех по производству шлакоблоков, уфимский ДОК, бетонный и асфальтовый заводы, автобазу № 1, машинопрокатную базу, конный парк на 200 лошадей и, конечно, временное жилье – бараки. Бараки для быстро увеличивающейся численности работников треста № 21. Одновременно сооружались объекты соцкультбыта: детские ясли и сады, дом культуры, поликлиника, больница и т.д. Но самое главное – активно велась работа по сооружению объектов Ново-Уфимского НПЗ: резервуарных парков, АВТ, крекингов, ЭЛОУ, ТЭЦ-3, АБК.

В 1958 г. В.Р. Гернер был назначен главным инженером СУ-3 треста № 21. Один перечень объектов, построенных с участием Гернера, впечатляет: НУНПЗ – установки АВТ, крекинг, АБК, ЭЛОУ, ТЭЦ-3; Черниковский завод («Уфанефтехим») – АВТ-10-11, депарафинизация, ЭЛОУ, селективная очистка, установки 35/5, 35/4, АГФУ.

На этих стройках Вы, Валентин Рудольфович, пришли к мысли, что специализированные бригады – дело хорошее, но сложная управляемость, потери рабочего времени и, как следствие, низкий рост производительности труда тормозили темпы строительства. Да и ответственность за конечный результат –

фундаменты, перекрытия, сооружения и т.д. – «размазывались». Решение после серьезных раздумий было найдено – это создание комплексных бригад.

Благодаря поддержке руководства треста, реорганизация строительных бригад в СУ прошла безболезненно, хотя и были противники этого.

Жизнь доказала Вашу правоту: повысились дисциплина в бригадах, пошла вверх производительность труда и зарплата, сократились сроки производства работ, улучшилось качество работ, уменьшилось количество простоев.

И в техническом отношении были внедрены новшества. Это устройство фундаментов при строительстве эстакад под технические трубопроводы на буронабивных сваях, опробована система учета хозяйственного расхода материалов по исполнителям.

В СУ-3 при Вашем активном участии были построены производство СЖК (синтетических жирных кислот), биологические очистные сооружения II очереди, цех присадок, установка синтмасел.

В июле 1963 года его назначили начальником СУ-4. Когда узнал, что нашим начальником будет Гернер, я испытал смешанные чувства. С одной стороны, я знал, что он очень грамотный, инициативный, деловой руководитель. С другой стороны, – строгий, требовательный человек. Должен сказать, синтез этих качеств помог ему и начальнику СУ-3 Н.Г. Кулееву создать в СУ-3 прекрасный коллектив, которому по плечу были любые производственные задачи. Это был коллектив, который умел и работать, и достойно отдыхать...

Через несколько месяцев после прихода В.Р. Гернера в СУ-4 я был назначен прорабом. Нашему участку № 1 (старший прораб Юрий Ильич Константириди) было поручено строительство производства полиэтилена на комплектном импортном оборудовании западногерманской фирмы «Зальц Гиттер». Объем работ был велик, и руководство СУ-4 на базе участка № 1 создало мощную строительную группу. Количество ИТР было доведено до 12 человек: старший прораб, четыре прораба, пять мастеров, механик,

геодезист. Рабочих было около 400 человек, в том числе 35 военных строителей (ВСО 91).

Как только объекты стали подниматься «из земли», появились 12 башенных кранов.

На участке еженедельно В.Р. Гернер проводил оперативные совещания вместе со службами управления треста. Кроме того, каждый день подводились итоги дня.

Одновременно заканчивали строительство цехов № 400 производства сополимерного каучука.

Я все время удивлялся, как Валентина Рудольфовича хватало на все и на всех: совещания в тресте, на объектах, в СУ, заседания парткома треста, профкома (ОПК), строительство корпуса для отдыха рабочих и ИТР СУ на турбазе треста и т. д. Как он успевал везде!

А как он здорово проводил приемы сотрудников по понедельникам! Вроде ничего человеку особого не пообещал, а тот уходил довольным. Потому что с ним поговорили о работе, о семье, родителях. Я все это «мотал на ус», и, честно говоря, часто вспоминал в дальнейшем. От него я многому научился, что потом пригодилось в жизни. Я взял на вооружение его привычку посещать объекты до совещания. Поэтому Гернер всегда прекрасно владел обстановкой, и было бесполезно юлить или рассказывать, какие подвиги совершаются на объектах, пытаюсь скрыть «промахи». Это Валентин Рудольфович учил нас быть на стройке предельно честными по отношению к рабочим своим, подрядчику, заказчику. Так он учил нас создавать и укреплять свой авторитет.

Авторитет у Валентина Рудольфовича был колоссальный. Мне неоднократно приходилось видеть и слышать, как он разговаривал/слушал людей разного уровня. Полное уважение к человеку. Даже с высоты своего роста (а рост у него 1.84) он никогда не давил на собеседника, он железной логикой подтверждал свою правоту.

Да, он умеет разговаривать, умеет выслушать. Люди уважают его, тянутся к нему до сих пор, хотя он уже 18 лет, как уехал из

России. А его помнят, интересуются его жизнью, и он постоянно звонит в трест.

После завершения строительства производства полиэтилена и восстановления производства этиловых спиртов мы построили еще одно производство полиэтилена на английском оборудовании (теперь я был уже старшим прорабом).

В 1967 году наш участок № 1 перевели на НУНПЗ на строительство комплекса «Жекса» на комплектном французском оборудовании. Это было первое в СССР производство бензина АИ-93 для автомашин «Жигули». Завод уже строился в Тольятти.

И на этой строительной площадке не обошлось без инженерной активной деятельности начальника и главного инженера СУ-4 В.Р. Гернера и А.М. Глотова. Под установку «Жекса» мы выполнили сплошной котлован. В этом котловане мы сделали весь комплекс железобетонных и бетонных работ по сооружению фундаментов под здания, сооружения, оборудование. Выполнили все подземные сети водопровода и канализации, технологические подземные трубопроводы, ж/б лотки под кабельные сети, смонтировали ж/б колодцы, затем засыпали котлован песчано-гравийной смесью и выполнили бетонное покрытие площадки. Только после этого, закончив все работы выше отметки 0.000, сдали под монтаж смежным субподрядным организациям. На площадке было чисто, свободно передвигались механизмы, ходил транспорт.

Все это значительно подняло культуру производства практически всех организаций, участников строительства. Когда подошло время выполнять монолитные ж/б перекрытия на постаментах, Гернер опять оказался рядом. Он поинтересовался, как я думаю выполнять опалубку перекрытия на высоте 7 метров. Я ответил, что рассматриваем два варианта опалубки, в том числе и металлическую. Но Валентин Рудольфович предложил применить шпренгельные фермы. Дал я заявку в ПТО СУ-4, проект был разработан, и работа закипела. Пошла работа быстро, хотя таких постаментов на площадке было пять.

Через два года, уже работая начальником СУ-3, я успешно применил этот метод сооружения монолитных ж/б покрытий на другом объекте.

Я часто задумывался: кто по сути Валентин Рудольфович. Администратор? Инженер? На самом деле это руководитель высокого класса – очень эрудированный, технически подкованный, начитанный, образованный. Мне приходилось бывать у него дома. Я был удивлен количеством книг – несколько тысяч изданий от пола до потолка вдоль стен. Тематика самая разнообразная: классика, фантастика, философия, история, обилие технической литературы по строительству, технологии строительных материалов, механизмам и т.д.

Я до сих пор поражен разносторонним развитием нашего юбиляра. Он постоянно работал над собой, расширял свой кругозор.

Когда встал вопрос о внедрении сетевого планирования, Гернер первым из начальников СУ взялся за его применение. Вместе с главным технологом треста № 21 Р.И. Чумаковым, начальником отдела АСУ «БашНИИСтроя» Б.М. Магидом СУ-4 одним из первых начало вывешивать сетевые графики в залах совещания и по ним проводить оперативки.

Конечно, в этом деле была немалая поддержка со стороны управляющего треста А.В. Власова и главного инженера Л.Г. Поплужного, но инициатором был Валентин Рудольфович.

Рядом с Гернером и под его руководством всегда работала группа молодых специалистов. Он находил время, чтобы направлять их в работе, помогать, подсказывать. Он продвигал их по служебной лестнице. За время его работы в СУ-3 и СУ-4 выросла целая плеяда молодых руководителей: Риф Рахимович Гареев, Рудольф Иванович Чумаков, Олег Филимонович Каменев, Мабрус Кудрасович Рашитов, Анвар Габдулхакович Рахимов, Юрий Владимирович Мамонтов, Юнир Хусаинович Худайдатов, Юрий Михайлович Седов, Василий Семенович Малявко. Николай Кузьмич Малышев, Рюрик Илларионович Ефимов и др.

В сентябре 1970 г. Валентина Рудольфовича назначили начальником ПРО треста № 21, в августе 1975 г. он становится заместителем управляющего треста по производству. И здесь продолжался раскрываться его огромный талант руководителя строительного комплекса. Он показал себя прекрасным аналитиком, способным тонко чувствовать пульс стройки и увязывать работу нескольких десятков субподрядных организаций, доводить строительство объектов до полного завершения, выпуска продукции.

За то время были построены Башкирский биохимкомбинат в г. Благовещенске, завод по выпуску автомобильных двигателей на УМПО, производство «Фенол-120» на УЗСС, производство «Парекс» на НУНПЗ, комплексы ВЖС и Ароматика на «Уфанефтехим».

Это перечень наиболее крупных объектов, которые вел Гернер в 70-80-е годы.

Дорогой Валентин Рудольфович!

Вы жили в прекрасное время. Вам выпало счастье работать с такими корифеями строительного комплекса Башкирии, как руководители Главка К.П. Кузнецов, А.В. Кузнецов, В.М. Понин, В.Я. Громаков, М.М. Усманов. Управляющие треста № 21 М.М. Башилов, Г.В. Визирян, К.П. Кузнецов, И.П. Кузнецов, А.В. Власов, В.Л. Попов. Главные инженеры треста Л.В. Борисов, А.И. Брюно, Л.Б. Хейфец, Л.Г. Поплужный; руководители отделов и начальники СУ – З.М. Пратусевич, Л.И. Егоров, А.В. Мельников, К.В. Вундер, А.Г. Миллер, В.К. Калиновский, В.С. Озеров, В.А. Паскидов, А.А. Прокофьев, М.А. Турупин, В.С. Малявко, Л.А. Штенбак, Ф.Г. Васильев, В.А. Наумов, Ю.Н. Кониин, А.М. Глотов, В.А. Деев, С.М. Грушко, А.С. Конаков, В.С. Бурлака, Г.К. Будрин, А.Г. Хлопотин, Т.А. Бородкин, В.Т. Мокрополов, М.К. Рашитов, Н.Н. Галеев, Ю.М. Седов, Ю.Х. Худайдатов, А.Т. Рахимов, Ю.В. Мамонтов, Б.И. Декслер, Э.В. Французов, В.Р. Пескин, Р.Г. Гараев, Х.М. Ишмитов, В.Е. Князев, Р.А. Галеева. Наши прекрасные бригады – А.А. Калкаманова, Ф. Кашфуллина, М. Хужина, М. Загриев, Ф. Муфтиев, П. Пилюков, Ф. Аюпова, Ю.М. Спиридонов, Ф. Шайхлисламов, В. Скачков, М.А. Галимов, Р. Гараев, К.С. Ат-

ласов, С.М. Лежнев, и др. Вам довелось работать с такими руководителями монтажных работ, как И.К. Згурский, Р.С. Махмутзянов, В.Б. Певзнер, В.И. Бондаренко, В.Н. Корицкий, А.Н. Авруцкий, П.И. Алехин, Ю.М. Долин, Г.И. Балтер, Р.С. Рахматуллин, Г.Г. Бодров, В.Н. Андреев, С.Б. Плотников, В.П. Павленко, А.Г. Родиков, И.В. Лыков. Г.А. Бреслер. С.М. Тяжкороб, Ю.М. Вассерман, Ю.М. Осьмухин, А.Я. Папернюк, В.С. Самарин, В.И. Звягинцев, А.С. Аксенов, Р.Ф. Сагитов. А также с руководителями Башкирского обкома КПСС: З.Н. Нуриев, М.З. Шакиров, В.М. Гермаш, Р.Р. Гареев, А.Х. Юлбердин.

Так мы жили и трудились.

Григарт АСАТУРОВ

АВТОРИТЕТ ТРЕСТА ВОЗРОС НЕИМОВЕРНО

С Валентином Рудольфовичем Гернером я познакомилась в 1975 г. на строительстве ББХК в г. Благовещенске, куда я была направлена для работы в ОДГ (оперативно-диспетчерскую группу). Срок сдачи комплекса был запланирован на конец декабря 1975 г., оставалось около 5 месяцев, но уже было понятно, что сроки строительства срываются. Для успешного завершения комплекса необходим был грамотный руководитель с огромным опытом, знаниями, организаторскими способностями – такая задача была поставлена на оперативном совещании начальником «Главбашстроя» В.М. Пониным. И по указанию первого секретаря обкома КПСС РБ М.З. Шакирова начальником комплекса был назначен В.Р. Гернер.

На данном комплексе одновременно строилось до 150–250 объектов разного назначения. Задача перед ним стояла очень-очень ответственная.

В первую очередь он собрал ИТР и дал четкие распоряжения всем работникам ОДГ по координации работ участников строительства. И началась кропотливая работа с раннего утра до позднего вечера с ежедневной информацией о состоянии объектов.

Больше всего меня поразило то, что после его назначения нас, работников ОДГ, все участники строительства стали признавать, реагировали на наши замечания, исполняли поручения, прислушивались к нашему мнению. Все участники строительства вплоть до рабочих как бы ожили даже.

Конечно, это была в первую очередь заслуга Валентина Рудольфовича. Рабочие, ИТР, механизаторы его очень уважали и старались не за страх, а за совесть. Уже позднее, когда я разговаривала с ветеранами треста, они рассказывали, что в те тяжелые послевоенные годы (холод, голод) люди старались попасть к Гернеру на участок, потому что он заботился о людях: чтобы были обуты, одеты, накормлены, интересовался, какие у них проблемы и старался помочь.

В ОДГ часто приходили прорабы, мастера, бригадиры проконсультироваться, если что-то было неясно в работе, и Гернер, несмотря на загруженность, разъяснял и благодарил, что они к нему обратились!

А как он проводил оперативные совещания!!! Четко, ясно, конкретно ставил задачи, но и спрашивал! До начала строительных работ Валентин Рудольфович, просмотрев чертежи, выстраивал в голове модель, систему, технологию организации строительства и четко по этой системе, не отклоняясь, руководил. Его мнение, указания для всех руководителей любого ранга были законом, ориентиром для исполнения.

Комплекс был сдан в назначенный срок.

И в дальнейшем мне пришлось с ним поработать на строительстве объектов нефтеперерабатывающей промышленности г. Уфы. Работалось легко, интересно, не считаясь со временем. Я понимала Валентина Рудольфовича с полуслова (наверное, поэтому субподрядчики в шутку прозвали меня «адъютантом» Гернера).

Он всегда интересовался новейшими технологиями, принимал непосредственное участие в их внедрении. Именно на комплексах, где руководил Валентин Рудольфович, внедрили систему АСУ, в частности, на ЭВМ «Минск-32», еженедельное планирование и учет объемов работ на строительстве комплекса «Фенол-Ацетон» на УЗСС; обсчет материалов на 1 млн руб. для строительства комплекса «Ароматика» на «УНХ», тоже впервые в Минстрое СССР. Благодаря этому мы получили дополнительный фонд металла, цемента, труб, часть этих материалов применили для строительства жилья, соцкультбыта и др.

Я искренне благодарна ему за неоценимый опыт в работе, помощь в трудные времена, за доброту, чуткость и отзывчивость, которые идут от самого сердца. Именно Валентин Рудольфович одолжил мне 1000 руб. для приобретения квартиры в 1986 году (это 1/3 часть стоимости квартиры в то время) с возвратом в течение года!

Он старался помочь по мере его возможностей любому. ЧЕЛОВЕК с большой буквы, корректный, эрудированный, интеллигентный, умный, добрый. Он никогда не переставал интересоваться людьми и делами треста. Мне повезло, что в моей жизни встретился такой человек.

Райса ГАЛЕЕВА

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография

АГТЕ Владимир Сергеевич

Агте, В. С. Авторская колонка [Электронный ресурс]. – URL:<http://pereformat.ru/agte/>.

Агте, В. С. Великая подвижница // Их имена достойны памяти: к 1600-летию преставления Иоанна Златоуста : материалы историко-краеведческой конф. 7 июня 2007 г. – Златоуст, 2007. – С. 138-149.

Агте, В. С. Власть и террор в России второй половины XIX – начала XX в. // Терроризм: история и современность : материалы круглого стола (30 октября 2015 г.) / ВЭГУ. – Уфа, 2016. – С. 9-26.

Агте, В. С. Генерал Егор Агте и его родственные связи // Культурное осмысление наполеоновских войн. Башкиры в Европе : материалы междунар. круглого стола, посвящ. 210-летней годовщине Заграничного похода Российской армии 1813-1814 гг. 14 апреля 2023 г. – Уфа, 2023. – С. 4-11.

Агте, В. С. Забайкальская экспедиция Генерального штаба 1849-1852 гг. // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения : материалы Вторых Гродековских чтений. Хабаровск, 29-30 апреля 1999 г. – Хабаровск, 1999. – С. 67-70.

Агте, В. С. Забытый Юбилей : кириллица в башкирской письменности // Бельские просторы. – Уфа, 2021. - № 3. – С. 146-151.

Агте, В. С. Золотая сталь [Электронный ресурс]. – URL: <https://istokirb.ru/articles/proshloe/2020-06-01/zolotaya-stal-1120778>.

Агте, В. С. Конец ночных кошмаров [Электронный ресурс]. – URL:<https://istokirb.ru/articles/proza/2020-11-01/konets-nochnyh-koshmarov-1119474>.

Агте, В. С. Крест командора [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.pravda.ru/world/32216-rezanov/>.

Агте, В. С. Крест командора [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.pravda.ru/world/32889-rezanov/>.

Агте, В. С. и др. Музей истории развития образования Республики Башкортостан / В. С. Агте, М. М. Гильмутдинова, Г. М. Мухамедьянова. – Уфа : НМЦ «Педкнига», 2022. – 114 с.

Агте, В. С. На Великой мировой войне // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2004. – Т. 9, № 4. – С. 75-80.

Агте, В. С. Навстречу солнцу [Электронный ресурс]. – URL: <https://istokirb.ru/articles/proshloe/2020-07-09/navstrechu-solntsu-chast-pervaya-1120442>.

Агте, В. С. Неизвестный Суворов [Электронный ресурс]. – URL: <https://istokirb.ru/articles/proshloe/2020-12-20/neizvestnyy-suvorov-1250357>.

Агте, В. С. Немецкая принцесса, отдавшая жизнь на благо России ; Организатор горнозаводского дела на Урале Адольф Андреевич Агте // Россия и Германия на историческом пути: вместе или порознь? : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию указа Екатерины II «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу». 19 марта 2013 г. / Башк. академия гос. службы и управления. – Уфа, 2013. – С. 195-209.

Агте, В. С. О возможной этимологии некоторых этнонимов и топонимов // Проблемы истории и археологии : сборник науч. трудов / Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2012. – Вып. XVII. – С. 131-149.

Агте, В. С. О расположении и названии города Уфы // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2012. – Т. 17, № 4. – С. 49-55.

Агте, В. С. Об оккупантах, «братушках», союзниках и вечно виноватой России [Электронный ресурс]. – URL: <https://istokirb.ru/articles/proshloe/2020-06-05/ob-okkupantah-bratushkah-soyuznikah-i-vechno-vinovatoy-rossii-chast-pervaya-1120732>.

Агте, В. С. Об усадьбе Бакуниных (с. Прямухино Тверской области) // Дворянский род Осоргиных в истории и культуре России : Всерос. науч. конф., приуроченная к 135-летию со дня рождения писателя и публициста М. А. Осоргина. 13 декабря 2013 г. / Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2014. – С. 80-85.

Агте, В. С. От Саксонии до Уфы : история российского рода Агте // Башкирско-Германские отношения: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Башк. академия гос. службы и управления. – Уфа, 2009. – С. 4-18.

Агте, В. С. «Полгода плохая погода, полгода – совсем никуда...» [Электронный ресурс]. – URL:<https://istokirb.ru/articles/proshloe/2020-06-04/polgod-a-plohaya-pogoda-polgod-a-sovsem-nikuda-1120746>.

Агте, В. С. Роль Забайкальской экспедиции в начале золотодобычи в Приамурье (1849-1852 гг.) // Первые Аносовские чтения : материалы межрегиональной краеведческой науч.-практ. конф. Джалинда, 29-31 июля 2019 г. – Москва, 2019. – С. 15-21.

Агте, В. С. Уральский горный инженер А. А. Агте // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 77-80.

Агте, В. С. Уфимский адрес двух литературных героев // Бельские просторы. – Уфа, 2021. - № 4. – С. 166-172.

Агте, В. С. Участник Великой Отечественной войны Народный комиссар просвещения М. Ш. Хасанов // «...и помнит мир спасённый»: система образования, как залог победы советского народа в Великой Отечественной войне» : сборник науч. работ Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы (Уфа, 17-18 апреля 2020) / Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2020. – С. 30-34.

Агте, В. С. Февральская гроза // События и текст: встречи и размышления в библиотеке : сборник статей по материалам Республиканского научно-просветительного лектория / Нац. б-ка РБ им. А.-З. Валиди. – Уфа, 2017. – С. 20-28.

Агте, В. С. Фронтовые фотографии подпоручика 22-й пехотной дивизии В. А. Агте // Первая мировая война и исторические судьбы народов России (к 100-летию начала Первой мировой войны) : сборник науч. статей по материалам науч.-практ. конф. с междунар. участием. 7 февр. 2014 г. / ВЭГУ. – Уфа, 2014. – С. 228-234.

АРНГОЛЬД Герман Давыдович

Арнгольд, Г. Воспоминания о П. С. Мооре / Г. Арнгольд, Д. Хазиахметова // Открой-ка мне, память, свои кладовые! Gedenkbuch : книга воспоминаний немцев Республики Башкортостан, внесших вклад в развитие экономики и культуры Башкортостана. – Уфа, 2016. – С. 49-51.

Арнгольд, Г. Д. Имя моё : боль, раздумья, тревоги, чаяния, споры, потери, воля, чувства и мысли российского немца : воспоминания, статьи, документы, выступления / Г. Д. Арнгольд. – Москва : Bibliotek, 2008. – 128 с. : ил.

Арнгольд, Г. Д. [О вкладе российских немцев в Победу в Великой Отечественной войне] // Mischmaschzeitung : газета молодежного клуба Союза немцев РБ «Juwel». – Уфа, 2005. - № 2. – С. 2-3.

Арнгольд, Г. Д. Совершенный учитель // Культура немцев России. – Москва, 2009. - № 1. – С. ?

* * *

Айснер-Сухова, И. А. Они немцы, они граждане России : (вехи жизни Арнгольд Германа Давыдовича и Арнгольд Эрны Христьяновны) // Открой-ка мне, память, свои кладовые! Gedenkbuch : книга воспоминаний немцев Республики Башкортостан, внесших вклад в развитие экономики и культуры Башкортостана. – Уфа, 2016. – С. 26-49.

БАУМГЕРТНЕР Виктор Фридрихович

Баумгертнер, В. Ф. Становление и развитие инвестиционных процессов в системе предпринимательства / В. Ф. Баумгертнер ; под ред. акад., д-ра экон. наук, проф. В. В. Томилова ; М-во общ. и проф. образования РФ, С.-Петербур. гос. ун-т экономики и финансов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 1998. – 159 с. : табл.

* * *

Ауман, В. Лидер, борец, меценат : [о В. Ф. Баумгертнере] // Культура немцев России. – Москва, 2008. - № 4 (12). – С. 2-4.

ГЕРНЕР Валентин Рудольфович

Валентин Гернер: «Стройка – это школа жизни» : [воспоминания заслуженного ветерана треста № 21] // 70 лет по пути созидания : о становлении и развитии ОАО Строительная компания Трест № 21 / авт.-сост. Ф. Н. Хазипова ; под общей ред. Р. Н. Саубанова. – Уфа, 2012. – С. 119-136.

Валентин Гернер: Трудом строителей треста создавалась мощная индустрия : [воспоминания о работе в тресте № 21] // 70 лет по пути созидания : о становлении и развитии ОАО Строительная компания Трест № 21 / авт.-сост. Ф. Н. Хазипова ; под общей ред. Р. Н. Саубанова. – Уфа, 2012. – С. 34-47.

Гернер, В. Оставил неизгладимый след : [об управляющем треста № 21 в 1953-1958 гг. К. П. Кузнецове] // 70 лет по пути созидания : о становлении и развитии ОАО Строительная компания Трест № 21 / авт.-сост. Ф. Н. Хазипова ; под общей ред. Р. Н. Саубанова. – Уфа, 2012. – С. 174-175.

* * *

Асатуров, Г. Масштаб его личности : [воспоминания о В. Р. Гернере] // 70 лет по пути созидания : о становлении и развитии ОАО Строительная компания Трест № 21 / авт.-сост. Ф. Н. Хазипова ; под общей ред. Р. Н. Саубанова. – Уфа, 2012. – С. 176-179.

Асатуров, Г. Масштабы строительства в республике соответствовали масштабу его личности : [к 85-летию со дня рождения В. Р. Гернера] // Вестник треста № 21. – Уфа, 2011. - № 3/4 (10 февр.). – С. 2-3.

Галеева, Р. Авторитет треста возрос неимоверно : [воспоминания о В. Р. Гернере] // 70 лет по пути созидания : о становлении и развитии ОАО Строительная компания Трест № 21 / авт.-сост. Ф. Н. Хазипова ; под общей ред. Р. Н. Саубанова. – Уфа, 2012. – С. 180-181.

Колоколова, Л. Русский немец живёт в Германии с воспоминаниями об Уфе : [о В. Р. Гернере] // Открой-ка мне, память, свои кладовые! Gedenkbuch : книга воспоминаний немцев Республики Башкортостан, внесших вклад в развитие экономики и культуры Башкортостана. – Уфа, 2016. – С. 134-138.

Котлякова, С. История трудовой биографии Гернера – это история развития и расцвета треста // Вестник треста № 21. – Уфа, 2011. - № 3/4 (10 февр.). – С. 3.

РОМАНКО Татьяна Васильевна

Клей «Липофикс» (желтый) для борьбы с тепличной белокрылкой / Т. В. Романко, Ю. А. Сангалов, Е. В. Кацюевич, М. А. Мусин // Защита растений. – 1995. - № 10. – С. 26.

О кислотно-активируемых превращениях хлористого винила / Т. В. Романко, Ю. А. Сангалов, Я. Б. Ясман, Н. А. Красулина // Башкирский химический журнал. – Уфа, 1999. – Т. 6, № 1.

О кислотно-инициируемых превращениях хлористого винила / Т. В. Романко, Ю. А. Сангалов, Ю. Я. Нелькенбаум, А. А. Еличев // Acta Polimerica. – 1990. - № 3.

Реологические исследования незатвердевающих (энтмологических) клеевых составов / Т. В. Романко, Ю. А. Сангалов, Ю. Я. Нелькенбаум, Е. В. Кацюевич, И. Ю. Понеделькина // Коллоидный журнал РАН. – 1992. – Т. 54. – С. 153-158.

Реологические свойства систем олигоизобутиленов – воск / Т. В. Романко, Ю. А. Сангалов, И. Ю. Понеделькина, Е. В. Кацюевич // Коллоидный журнал. – 1995. – Т. 57, № 5. – С. 734-738.

Романко, Т. В. Методы синтеза и технология производства лекарственных средств // Оптимизация технологии адсорбционного вагинального геля методом реологии. – 2010. – Т. 44, № 7.

Романко, Т. Моё детство // Книга воспоминаний. – Уфа, 2013. – С. 41-62.

Романко, Т. В. Некоторые особенности течения разбавленных растворов глицерризиновой кислоты / Т. В. Романко, Ю. И. Муринов // Физическая химия. – 2001. – Т. 75, № 9. – С. 1601-1604.

Романко, Т. В. Поиск новых лекарственных средств // Реологические свойства оригинальной фармацевтической композиции наноструктурированной системы серебра, стабилизированной арабиногалактаном. – 2013. – Т. 47, № 2.

Романко, Т. В. и др. Реология полимерных энтмологических составов / Т. В. Романко, Ю. А. Сангалов, Е. В. Кацюевич // 17

Международный симпозиум по реологии. – Саратов, 1994. – С. 130.

Романко, Т. В. Структурно-упорядоченные олигоизобутиленовые системы энтомологического назначения : автореф. дис. ... канд. хим. наук : 02.00.06 / Романко Татьяна Васильевна. - Уфа, 1995. - 24 с. : ил.

Романко, Т. В. и др. Энтомологические полимерные клеи как новые жидкофазные материалы / Т. В. Романко, Ю. А. Сангалов, М. А. Мусин // Башкирский химический журнал. – Уфа, 1996. – Т. 3, вып. 4. – С. 17-22.

Термокаталитическая деструкция БК в присутствии сочетаний $AlCl_3$ с хлоридами некоторых металлов / Т. В. Романко, С. Р. Иванова, В. Г. Шаехова, Ю. А. Сангалов, А. А. Берлин, К. С. Минскер // Высокомолекулярные соединения А. – 1985. – С. 244-250.

Термокаталитическая деструкция полимеров изобутилена в присутствии хлоридов магния / Т. В. Романко, С. Р. Иванова, К. С. Минскер, И. Ю. Понеделькина, М. М. Карпасас // Высокомолекулярные соединения А. – 1986. – С. 1217-1221.

СУХОВА Ида Арнольдовна

Айснер-Сухова, И. А. Г. Н. Классен – филолог и методист, внесший значительный вклад в сохранение и развитие немецкого языка как родного для немцев Республики Башкортостан : (к 100-летию со дня рождения) / И. А. Айснер-Сухова, Т. А. Буркова. – Уфа : Мир печати, 2019. – 180 с.

Айснер-Сухова, И. А. Они немцы, они граждане России : [о судьбе супругов Арнгольд] // Открой-ка мне, память, свои кладовые! Gedenkbuch : книга воспоминаний немцев Республики Башкортостан, внесших вклад в развитие экономики и культуры Башкортостана. – Уфа, 2016. – С. 26-49.

Гутрова, Е. И. Автор первого букваря для российских немцев / Е. И. Гутрова, И. А. Сухова : [о Г. Н. Классене] // Открой-ка мне, память, свои кладовые! Gedenkbuch : книга воспоминаний немцев Республики Башкортостан, внесших вклад в развитие экономики и культуры Башкортостана. – Уфа, 2016. – С. 69-72.

Гутрова, Е. И. Немецкий сегодня и завтра : книга для чтения по немецкому языку для 9-10 классов школ с углубленным изучением немецкого языка / Е. И. Гутрова, И. А. Сухова. – Москва : Просвещение, 1996. – 191 с.

Гутрова, Е. И. Немецкий сегодня и завтра : книга для учителя к учебнику по немецкому языку для 11 класса школ с углубленным изучением немецкого языка (на немецком языке) / Е. И. Гутрова, И. А. Сухова. – Москва : Просвещение, 1998. – 92 с.

Гутрова, Е. И. Немецкий сегодня и завтра : книга для чтения к учебнику по немецкому языку для 11 класса школ с углубленным изучением немецкого языка (на немецком языке) / Е. И. Гутрова, И. А. Сухова. – Москва : Просвещение, 1998. – 144 с.

Гутрова, Е. И. Немецкий сегодня и завтра : учебник по немецкому языку для 11 класса школ с углубленным изучением немецкого языка (на немецком языке) / Е. И. Гутрова, И. А. Сухова. – Москва : Просвещение, 1998. – 287 с.

Иванова, Т. В. Теория и методика обучения иностранному языку : базовый курс лекций : в 3 ч. / Т. В. Иванова, И. А. Сухова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2004-2006. – Ч. 1. – 2004. – 92 с. ; Ч. 2. – 2005. – 92 с. ; Ч. 3. – 2006. – 92 с.

Иванова, Т. В. и др. Технологии и методики обучения иностранному языку : практикум / Т. В. Иванова, З. Р. Киреева, И. А. Сухова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. – 136 с.

Иванова, Т. В. и др. Технологии и методики обучения иностранным языкам : учебное пособие : в 2 ч. / Т. В. Иванова, З. Р. Киреева, И. А. Сухова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. – Ч. 1. – 196 с. ; Ч. 2. – 260 с. Классен, Г. Н. и др. Книга для учителя к учебнику немецкого языка «Miteinander» (Друг с другом) для 8-го класса школ с преподаванием немецкого [родного] языка / Г. Н. Классен, Е. И. Гутрова, И. А. Сухова. – Москва : Просвещение, 1991 – 96 с.

Книга для учителя к учебнику немецкого языка «Deutsch für heut` und morgen (Немецкий сегодня и завтра)» : для 9-10 классов школ с углубленным изучением немецкого языка / К. Х. Биллер, Р. Вике, Е. И. Гутрова, И. А. Сухова. – Москва : Просвещение, 1994. – 96 с.

Сухова, И. А. Всё это было, было, было... : [воспоминания о детстве и отрочестве в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время] // Mischmaschzeitung : газета молодежного клуба Союза немцев РБ «Juwel». – Уфа, 2005. - № 2. – С. 4-5.

Сухова, И. А. Из школы в мир профессий : (профильно-ориентированный подход к обучению иностр. языкам) // Немецкий язык в Башкортостане : проблемы и перспективы / Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2007. – С. ?

Сухова, И. А. Лингвострановедение и регионоведение в обучении иностранным языкам // Вопросы языкознания и литературоведения / ВЭГУ. – Уфа, 1998. – С. ?

Сухова, И. А. Лингвострановедение немецкоязычных стран: Австрия : методическая разработка для студентов старших курсов отделения немецкого языка пед. вузов : в 2 ч. / И. А. Сухова, В. Г. Судилова. – Уфа : Изд-во БГПИ, 1986-1988. – Ч. 1. – 1986 ; Ч. 2. – 1988.

Сухова, И. А. О преподавании немецкого языка как второго иностранного на базе английского в РБ / И. А. Сухова. – Самара : Изд-во Самарского ГПУ, 2001. - ? с.

Сухова (Айснер), И. А. Обо всём, что жизнь хранила... : [воспоминания о семье и работе] // Открой-ка мне, память, свои кладовые! Gedenkbuch : книга воспоминаний немцев Республики Башкортостан, внесших вклад в развитие экономики и культуры Башкортостана. – Уфа, 2016. – С. 153-161.

Сухова, И. А. Сегментация как метод исследования усложненных синтаксических структур // Функциональные и прагматические аспекты предложения и текста. – Куйбышев : КГПИ им. В. В. Куйбышева. Деп. в ИНИОН 17.11.86 г. № 27389.

Сухова, И. А. Страноведение Германии : программа курса / И. А. Сухова, Е. Д. Смирнова. – Уфа : Изд-во ВЭГУ, 2003. – 44 с.

Сухова, И. А. Структура и функции расчлененного однородного ряда в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сухова Ида Арнольдовна / Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1981. - ? с.

Сухова, И. А. Уроки немецкого: Книга для чтения : учебник / И. А. Сухова. – Уфа : Изд-во ВЭГУ, 2003. – 104 с.

Хасанов, М. А. и др. Программа по иностранным языкам (английскому и немецкому) для 5-11 классов башкирской средней общеобразовательной школы : учебное пособие / М. А. Хасанов, Ф. А. Акманова, И. А. Сухова. – Уфа : Изд-во БГПИ, 1996. – 43 с.

Sukhova, I. A. Entwicklungstendenzen bei der DaFß Curriculumentwicklung in der Republik Baschkortostan' // Thesen der Sektionsbeiträge der XI Internationalen Deutschlehrertagung. – Amsterdam 4ß9, August 1997. – S. ?

Sukhova, I. A. Interkulturelles Lernen und die Entwicklung des stillen Lesens // Deutsch in Russland. – Ufa, 2004. – S. ?

Sukhova, I. A. Lehrwerkbeurteilung für die Unterrichtspraxis in DaF2 // Образование, язык, культура на рубеже XX-XXI вв. : материалы международной конференции 22-25 сентября 1998 г. / ВЭГУ. – Уфа, 1998. – Ч. 1. – С. ?

Sukhova, I. A. Mögliche Kooperationsprojekte zwischen den DLV nichtdeutschsprachiger Länder mit Berücksichtigung der Mehrsprachigkeit in den Regionen // mehr Sprache - mehrsprachig - mit Deutsch : XII IDT Konzepte und Perspektiven. - Luzern, 2001. – S. ?

Sukhova, I. A. Unterrichtstipps zum Thema: Rund um die Uhr. - Prag. Zschechischer DLV und DLV RB, 2000. – S. ?

Sukhova, I. A. Zwei- und Mehrsprachigkeit im DaF-Unterricht (Unterrichtsvorschläge zu einem Gedicht von Paul Fleming) // Многоязычие как элемент культурного наследия. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. ?

* * *

Арнгольд, Г. Eine perfekte Lehrerin = Совершенный учитель : [к 70-летию со дня рождения И. А. Суховой] // Культура немцев России. – 2009. - № 1 (13). – С. 11-12.

Галимова, Х. и др. Совершенный учитель : [к 40-летию педагогической деятельности И. А. Суховой] / Х. Галимова, З. Киреева, Ю. Калугина // Истоки. – Уфа, 2008. - № 6 (6 февр.). – С. 12.

Галимова, Х. и др. Талантлива во всём : [к 40-летию педагогической деятельности И. А. Суховой] / Х. Галимова, З. Киреева, Ю. Калугина // Аудитория. – Уфа, 2008. - № 7/8 (апр.). – С. 2.

Сердце отдаю студентам : Ида Арнольдовна Сухова : доцент кафедры методики преподавания иностранных языков и второго иностранного языка / Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2008. – 16 с. : цв. фото. – Библиогр.: с. 11-16.

Сухова Ида Арнольдовна // Кто есть Кто в лингвистике XX века : автобиогр. справочник. Т. 1 / ред., сост., оформление, макет С. В. Лесников. – Сыктывкар, 1999. – С. 103.

УБЕРТ Гарри Альбертович

Уберт, Г. А. Лично меня беда коснулась ещё до рождения : [воспоминания о трагической судьбе своей семьи] // Открой-ка мне, память, свои кладовые! Gedenkbuch : книга воспоминаний немцев Республики Башкортостан, внесших вклад в развитие экономики и культуры Башкортостана. – Уфа, 2016. – С. 161-192.

ФУСТ Элли Густавовна

Фуст, Э. Воспоминания о семьях Фуст, Реннер, Кек // Книга воспоминаний. – Уфа, 2013. – С. 7-40.

Сведения об авторах

АГТЕ Владимир Сергеевич (р. 1958) родился в городе Красноярске. С 1959 года живёт в Уфе. Окончил уфимскую среднюю школу № 3 в 1975 году и факультет «Авиационные двигатели» Уфимского авиационного института им С. Орджоникидзе в 1980 году. Автор публикаций на историческую тему в периодической печати Владивостока, Златоуста, Иркутска, Магадана, Москвы, Уфы, Хабаровска и в русскоязычной газете в Сан-Франциско (США), а также на различных сайтах России и зарубежья.

АРНГОЛЬД Герман Давыдович (1923-2022) – почётный Председатель Союза немцев Республики Башкортостан. Родился 8 марта 1923 года в селе Цюрих бывшей АССР немцев Поволжья. Родители – выходцы из середняцких крестьянских семей. В 1939 году окончил среднюю школу в городе Марксштадте. В 1941 году его, студента 2 курса Энгельского пединститута по национальной принадлежности к советским немцам вместе с семьёй депортировали в Алтайский край, на ж/д станцию Топчиха. С 1942 г. по 1947 г. находился в рабочих колониях НКВД на лесоразработках Усольлага Молотовской области в лагерных пунктах Тимшер, Мазунья, Чёлва, Гайдарово, Бондюг. Дважды к нему подступала смерть, он уже был списан в группу «доходяг», но чудом сумел выжить. В 1948 году, с разрешения спецкомендатуры, переехал в г. Октябрьский Башкирской АССР, где начал свою деятельность в нефтяной промышленности, которая продолжалась 50 лет, до выхода на пенсию в 75 лет. В 1956 году Герман Давыдович заочно окончил Саратовский нефтяной техникум, а в 1960 г. – профильный институт по специальности «экономист». Стоял у истоков создания республиканских общественных организаций немцев «Wiedergeburt» и региональной национально-культурной автономии. Был одним из инициаторов создания центра национальных культур Республики Башкортостан «Дружба». Будучи одним из лидеров общественного движения российских немцев последовательно и бескомпромиссно выступал за возрождение националь-

ного самосознания, сохранения их этнокультурной самобытности и исторической памяти. Неизменно выступал в поддержку проводимой в Башкортостане политики мира, дружбы и согласия между народами, населяющими Республику. Являлся почётным председателем «Wiedergeburt», первым заместителем Национальной культурной автономии (НКА) немцев Башкортостана, членом Федерального координационного Совета общественных организаций немцев России, почётным членом общества дружбы «Башкортостан – Германия». Награждён правительственными медалями и наградами. Умер в Уфе.

АСАТУРОВ Григарт Христофорович (1937-2018) – управляющий трестом № 21 в 1986–2000 гг. Родился в г. Кыштым Челябинской области. После окончания Грозненского нефтяного института (1959) работал в тресте № 21 (г. Уфа): с 1970 г. – главный инженер, начальник СУ-3; с 1980 г. – главный инженер треста, с 1986 г. – управляющий, в 1992-2000 гг. – генеральный директор. Руководил строительными работами на предприятиях «Уфанефтехим» (1982), «Уфахимпром» (1983), «Уфаоргсинтез» (1997), по возведению здания института «Башгипробиосинтез», 3 АТС в г. Уфе, птицефабрики «Башкирская» и «Турбаслинские бройлеры», на животноводческих комплексах в районах РБ; по проведению реконструкции установки по производству бензина на НовоУфимском нефтеперерабатывающем заводе (1997). Заслуженный строитель РФ (1996) и БАССР (1990), лауреат Премии Совета Министров СССР (1974), заслуженный ветеран треста № 21. Награждён орденами Дружбы народов (1984), «Знак Почёта» (1971). Умер в Уфе.

БАУМГЕРТНЕР Виктор Фридрихович (р. 1952). Родился в г. Юрга Кемеровской области в семье спецпоселенцев. С 1956 года семья проживала в Узбекистане. Закончил школу в г. Чирчик, работал художником. После службы в Советской Армии уехал в Москву. Закончив институт, занялся научной работой в аспирантуре и докторантуре. Доктор экономических наук, профессор. Действительный член Международной академии инвестиций и экономики строительства. Успешный предприниматель, меценат.

Является учредителем и генеральным директором целого ряда компаний, а также президентом Международной общественной организации «Общественная Академия наук российских немцев». С молодых лет участвует в общественном движении российских немцев. Избран президентом Федеральной национально-культурной автономии российских немцев, сопредседатель Федерального координационного совета российских немцев.

ГАЛЕЕВА Раиса Ахтямовна (р. 1947) – сотрудница оперативно-диспетчерской группы треста № 21. Участвовала в строительстве комплекса Высших жирных спиртов, комплекса «Ароматика», Башкирского биохимкомбината, птицефабрики в Авдоне, Установки Г-43-107/1, ОАО «Полиэф», реконструкции железнодорожного вокзала, санатория «Танып» в с. Аскино и многих других комплексов.

ГЕРНЕР Валентин Рудольфович (1926-2020) - заслуженный строитель РФ и РБ, лауреат премии Совета Министров СССР, заслуженный ветеран треста № 21. Награждён орденами Трудового Красного Знамени (1966, 1984), «Знак Почёта» (1958), медалями. Родился в селе Каменный Враг Кошкинского р-на Куйбышевской области. В 1940-1948 гг. работал на предприятиях Ульяновской области и г. Орска. В 1948 г. был принят в СУ-4 треста № 21 мастером. В 1958 г. был назначен главным инженером СУ-3. В 1963 г. окончил Уфимский строительный техникум. В этом же году его назначили начальником СУ-4, в 1970 г. – начальником ПРО, а в 1975 г. – заместителем управляющего треста по производству. Он стоял у истоков создания треста № 21 и истоков развития флагманов нефтепереработки Республики Башкортостан (НУНПЗ, ОЛ УНПЗ, УНХ, УЗСС). В 1992 г. ушел на пенсию. В 1993-2020 гг. жил и скончался в г. Пархим в Германии.

КЕЛЛЕР Иван Иванович (р. ?) – председатель совета Общероссийской ассоциации общественных объединений российских немцев «Содружество». Полковник в отставке. Живёт в Москве.

РОМАНКО (урожд. Партолина) Татьяна Васильевна (1951-2012) – кандидат химических наук. Родилась в селе Языково

Благоварского р-на Башкирии в семье немецкой трудармейки Елены Густавовны Фуст и участника Великой Отечественной войны Василия Партолина. В 1995 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Структурно-упорядоченные олигоизобутиленовые системы энтомологического назначения». С 1985 по 2012 гг. работала в Институте органической химии УНЦ РАН. В 2000-2005 гг. была прихожанкой евангелическо-лютеранской общины города Уфы. Жила и умерла в Уфе.

СУХОВА (урожд. Айснер) Ида Арнольдовна (р. 1938). Родилась в селе Франкрайх Палласовского района Волгоградской области. В 1961 году окончила факультет иностранных языков Свердловского гос. пед. института по специальности «учитель немецкого и английского языков» и два года работала учителем немецкого и английского языков в школе-интернате города Алапавска Свердловской области. В 1963 году поступила учиться на Высшие Педагогические курсы в Ленинградском пединституте имени А.И. Герцена. Затем в течение трех лет работала на должности старшего преподавателя кафедры немецкого языка Шадринского пединститута. С 1968 года связала свою судьбу с факультетом иностранных языков Башгоспединститута. За эти годы подготовила более 1000 учителей немецкого языка. Её ученики преподают сегодня практически во всех школах Республики Башкортостан, а также в Германии, Англии, Италии, Венгрии, Турции, США, Франции и других странах мира. Идой Арнольдовной написано и опубликовано более 60 научных и учебно-методических работ. Она участвовала в издании книги для учителей к УМК «Miteinander» и книги «Немецкий сегодня и завтра» для 9-11 классов школ с углубленным изучением немецкого языка. В соавторстве с М. Хасановым и Ф. Акмановой подготовила программы по изучению иностранного языка (английский и немецкий) для башкирской национальной школы. В 1994 году инициировала создание в Республике Башкортостан Ассоциации учителей немецкого языка с целью продвижения научных идей в области преподавания иностранного языка и повышения методического мастерства учителей. Неоднократно принимала участие в работе междуна-

родных симпозиумов, конгрессов и коллоквиумов в российских городах и за рубежом: в Германии, Австрии, Голландии, Швейцарии, Польше. В настоящее время является доцентом кафедры методики преподавания иностранных языков и второго иностранного языка БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа). Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Является членом правления общества «Видергебурт» и членом правления общества дружбы «Германия – Башкортостан».

УБЕРТ Гарри Альбертович (р. 1938). Я, как и все мои предки, родился на исконно русской земле, в Автономной Советской Социалистической республике Немцев Поволжья 21 октября 1938 года в городе Маркштадт, ныне город Маркс Саратовской области. Дату рождения назвать счастливой трудно, так как советская власть в этом роковом 1938 году, ровно за два месяца до моего появления на свет по сфабрикованному делу 21 августа расстреляла моего отца и деда. В 1941 году маму на все годы войны забрали в трудармию, а я остался в селе Ново-Егоровке Алтайского края на попечении семидесятилетней бабушки и её снохи тёти Марии. После окончания ВОВ маме дали возможность привезти к себе меня и бабушку в трудармейский барак в башкирский город Черниковск (в 1956 году вошёл в состав Уфы). Первого сентября 1946 года поступил в 11-ю мужскую среднюю общеобразовательную школу. В 1954 году её объединили с 12-й женской. После окончания школы поступил в Уфимский нефтяной техникум, который окончил в марте 1959 года и по комиссионному направлению поступил работать в г. Грозный на Грозненский химкомбинат, но не долго там трудился слесарем, уже в конце октября был призван на военную службу. Я оказался в числе первых советских немцев, которым доверили это право. Почти полных четыре года отслужил в военно-морском флоте. Службу начал на Балтийском флоте, в небольшом портовом городке Палдиски в советской в то время Эстонии, затем был направлен на Северный флот, где в 1960 году стал участником «Экспедиции особого назначения» в арктическом переходе на Тихоокеанский флот. Два года отслужил в Петропавловске-Камчатском на втором корабле, а закончил

службу во Владивостоке на третьем корабле, с трапа которого сошёл в запас командиром отделения электриков 30 мая 1963 года. После возвращения домой сразу поступил в Уфимский нефтяной институт, но по семейным обстоятельствам с третьего курса покинул его и начал работать в НИИ Транснефть техником. С 17 октября 1967 года влился в многотысячный коллектив НПЗ (ныне «Уфанефтехим»). Трудился на этом заводе 39 лет до ухода на пенсию. Всю сознательную жизнь активно занимался общественной деятельностью: в годы военной службы почти постоянно был комсоргом комсомольской организации, на гражданке участвовал в профсоюзной работе, в народном контроле. А с 1992 года влился в немецкое общество «Культурно-просветительский Союз немцев Республики Башкортостан» (СНРБ «Видергебурт» – «Возрождение»), был избран в его Совет, где продолжаю по возможности участвовать по сей день.

ФУСТ Элли Густавовна (1928-после 2008). Родилась в немецкой деревне Биеч-Найман, в Крыму в семье учителей. В 1938-1941 гг. училась в Акчоринской средней школе, в Крыму. В конце августа 1941 г. была выслана с матерью и старшей сестрой в Башкирию. В 1943-1948 гг. училась в русской школе в селе Языково, в Башкирии, по окончании которой поступила в Башкирский пединститут в Уфе на факультет физики и математики. В годы заочной учёбы в пединституте работала учителем немецкого языка в деревне Кучербаево Благоварского района Башкирии. В 1955 г. вышла замуж за П.Ц. Пфетцера. В 1957 г. родилась дочь Елена, в 1981 г. – внук Вадим. В 1974 г. была награждена медалью «Ветеран труда». Последние годы жила и умерла в Уфе.

Содержание

Арте В. Вместе по дороге истории	3
Воспоминания	11
Арте В. Дорога длиною в пятьсот лет	13
Романко Т. Моё детство	43
Фуст Э. Воспоминания о семьях Фуст, Реннер, Кек	51
Арнгольд Г. Осмысливая пережитое	65
<i>Айснер-Сухова И. Клятва верности</i>	124
Сухова И. Моя линия жизни	130
Уберт Г. Приоткрою жизнь свою	163
<i>Баумгертнер В., Келлер И. [Отзыв о воспоминаниях Г.А. Уберта]</i>	309
<i>Арнгольд Г. Послесловие к статье Уберта Г.А.</i>	311
Гернер В. Трудом строителей треста создавалась мощная индустрия	314
«Стройка – это школа жизни»	335
<i>Асатуров Г. Масштаб его личности</i>	363
<i>Галеева Р. Авторитет треста возрос невероятно</i>	370
Приложение	373
Библиография	375
Сведения об авторах	386

СУДЬБЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Сборник воспоминаний

Редакторы-составители: П.И. Фёдоров, Ф.Н. Хазипова
Компьютерная вёрстка: А.А. Словохотов

Подписано в печать 20.02.24. Формат 60x90/16
Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. – 9,62 Тираж 10 экз.
Заказ № 11/24

Отпечатано в издательстве А.А. Словохотова
450052, Уфа, ул. Аксакова, д. 72

**Книги, вышедшие в серии «Уфимская сирень:
Уфа в художественной и мемуарной литературе»**

1. Попов, Б.Л. Уфимские истории / Борис Леонидович Попов; вступ. ст. Г.Н. Ангаровой; подготовка текста А.Д. Матвеевой; дизайн обложки А.В. Кондрова; ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2016. – 152 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 1).

2. Храмов, П.А. Инок: роман-воспоминание / Петр Алексеевич Храмов; подготовка текста А.Н. Борецкого и О.Г. Храмовой; предисл. П.И. Фёдорова; коммент. И.О. Прокофьевой, А.Л. Чечухи, Я.С. Свице; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2018. – 344 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 2).

3. Осоргин, М.А. Времена: очерки, рассказы и повесть об Уфе и её окрестностях / Михаил Андреевич Осоргин; предисл. и сост. библиографии О.С. Тарасенко и П.И. Фёдорова; коммент. О.С. Тарасенко и Я.С. Свице; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2018. – 323 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 3).

4. «Сутолока»: литературный журналчик 1997-1999 гг. / ред.-сост. А.Г. Касымов; вступ. ст. Г.Г. Рамазановой; ред.-сост. републикации П.И. Фёдоров; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2019. – 434 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 4).

5. Вспоминая войну: воспоминания, дневники и письма уфимцев и эвакуированных в Уфу о Великой Отечественной войне / ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2020. – 280 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 5).

6. Аксаков, С.Т. Семейная хроника / Сергей Тимофеевич Аксаков; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: В.В. Кожин, Г.В. Мосалёва, Я.С. Свице; художники Л.В. Фролова и Н.Ю. Шомовская. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 440 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 6).

7. Нефёдова, Т.И. Родина Аксакова / Тамара Ивановна Нефёдова; ред.-сост.: П.И. Фёдоров и С.В. Мотин; вступ. ст. Р. Красновой. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 392 с.: [16 с.] ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 7).

8. Аксаков, С.Т. Детские годы Багрова-внука / Сергей Тимофеевич Аксаков; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: В.Е. Угрюмов, А.А. Чуркин, Я.С. Свице, А.П. Маслова; иллюстрации Д.А. Шмаринова и Н.И. Куприянова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 448 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 8).
9. Четвериков, Б.Д. Благословенная Уфа / Борис Дмитриевич Четвериков; подготовка текста и фотографий С.В. Мотина и П.И. Фёдорова; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: Я.С. Свице, Т.Е. Попова, А.П. Маслова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2022. – 429 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 9).
10. Скачилов, В.А. Записки уфимских врачей / Владимир Анатольевич Скачилов, Татьяна Владимировна Романкевич; авт. вступ. ст. и ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 216 с.: фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 10).
11. Фадеева, Г.К. По ту сторону снегопада... / Галина Константиновна Фадеева; ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 612 с.: фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 11).
12. Судьбы российских немцев : сборник воспоминаний / В.С. Агте, Э.Г. Фуст, Т.В. Романко, Г.Д. Арнгольд, И.А. Сухова, Г.А. Уберт, В.Р. Гернер; вступ. ст. В.С. Агте; ред.-сост. П.И. Фёдоров и Ф.Н. Хазипова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2024. – 396 с.: фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 12).